

ГЕОРГ О. СМИТ

КОСМИЧЕСКАЯ ЧУМА

МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР

ТУННЕЛЬ ВРЕМЕНИ

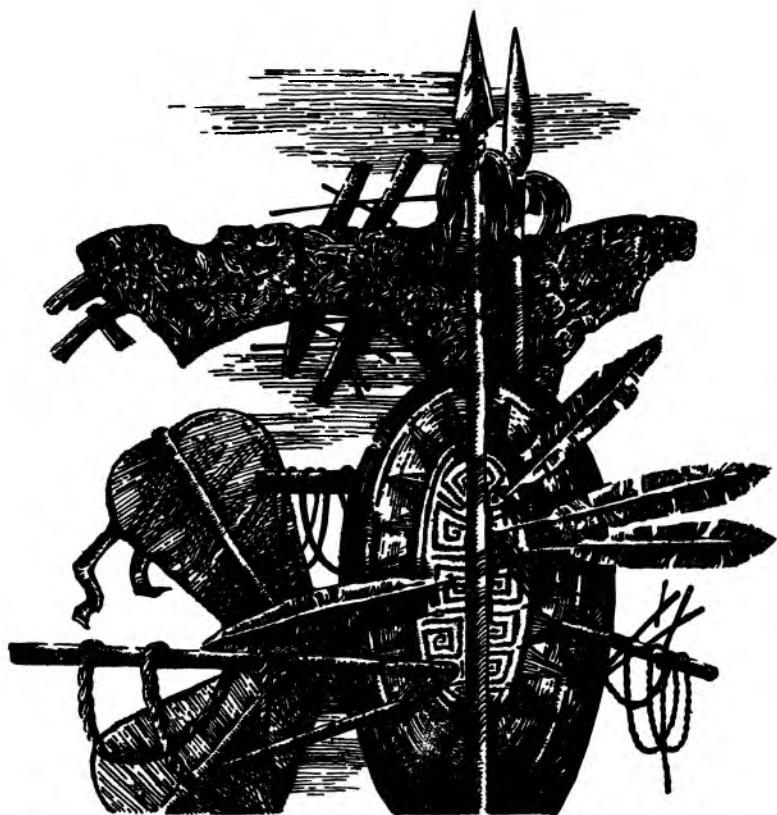
ГЕОРГ О. СМІТ _____

КОСМИЧЕСКАЯ ЧУМА

МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР _____

ТУННЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Київ «Зовнішторгвидав України» 1992

Читателю впервые предлагаются два научно-фантастических романа известных американских писателей.

В романе Г.Смита «Космическая чума» в остроумной форме рассматривается один из возможных вариантов развития нового вида человека «Номо superior».

В «Туннеле времени» великолепно отображена хорошо известная читателям тема путешествия во времени. В прошлом герои переживают удивительные приключения. Напряженный сюжет ни на минуту не позволяет читателю расслабиться.

Книга наверняка заинтересует любителей научной фантастики.

Литературно-художественное издание

Смит Георг О.
КОСМИЧЕСКАЯ ЧУМА
Лейнстер Мюррей
ТУННЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Составитель А. Медвинский
Художественное оформление Е. Ерохиной
Перевод с английского языка Рекламно-информационного агентства «РИА»

Литературный редактор В.Судак
Художественный редактор А.Видоняк
Технический редактор В. Головаш

Н/К

Подписано к печати 25.09.92. Формат 84х108/32. Бумага типографская №2. Гарнитура «SWISS». Печать высокая.

Усл.печ.л. 16,8. Усл.кр.-отт.17,44. Уч.-изд.л.18,46.

Тираж 150 000 экз. Заказ № 2—2695.

«Зовнішторгвидав України».

252054, г.Киев-54, ул.Воровского, 22.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Головному підприємстві республіканського виробничого об'єднання «Поліграфкнига».
252057, г.Киев-57, ул.Довженко, 3.

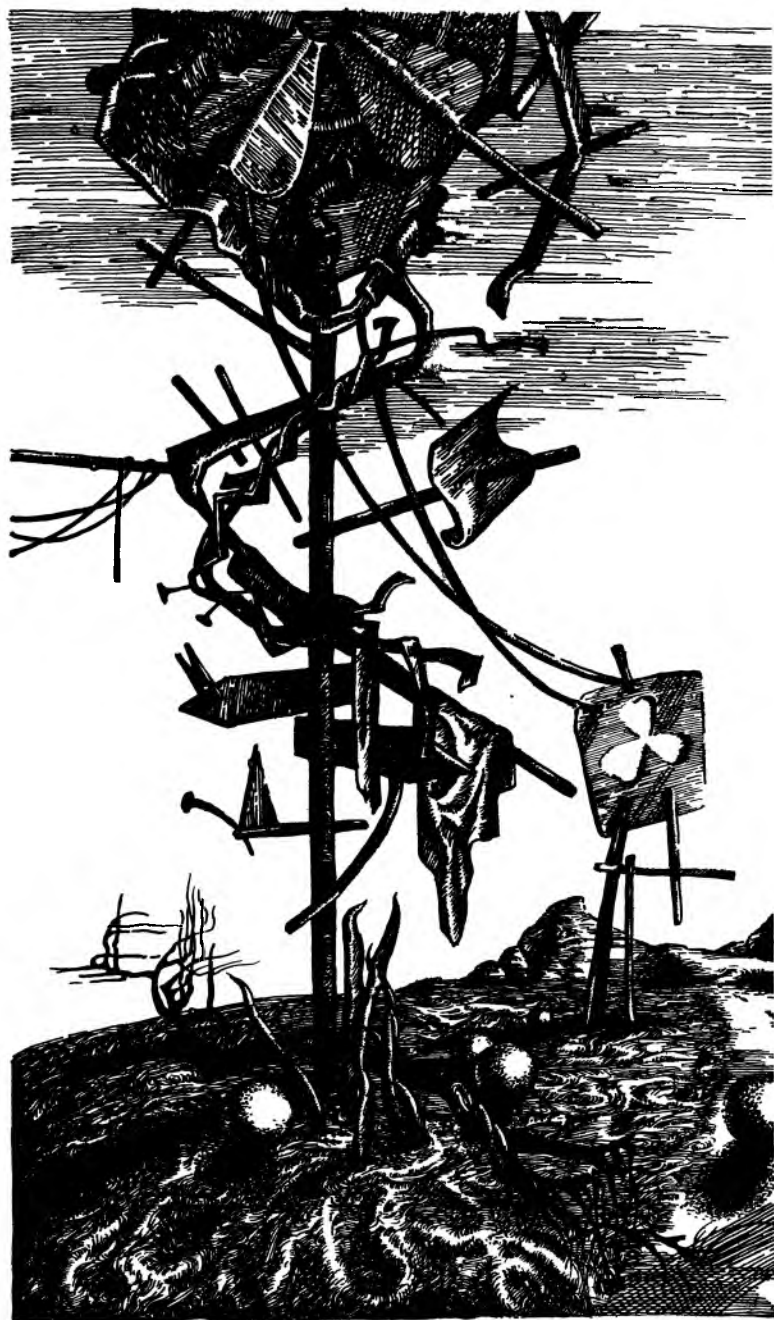
© Составление, А. Медвинский, 1992

© Перевод с английского языка
Рекламно-информационного
агентства «РИА», 1992

© Художественное оформление,
Е. Ерохина, 1992

СОДЕРЖАНИЕ

КОСМИЧЕСКАЯ ЧУМА.....	7
ТУННЕЛЬ ВРЕМЕНИ.....	199

Георг О. Смит

КОСМИЧЕСКАЯ ЧУМА

1

Я очнулся из забытья и убедился, что меня больше не сплющивает пара тонн искореженного автомобиля. Я лежал на мягких простынях, укрытый лишь тонким и легким одеялом.

Я весь горел, будто сплошной стащестидесятифутый нарыв. Правая рука онемела, а левое бедро здорово саднило. Дыхание напоминало уколы рапирой, а кожу лица будто разрезали на мелкие кусочки. На глазах лежала повязка, и вокруг было тихо как в могиле. Но я знал, что нахожусь ни в какой не в могиле, ибо мой нос работал достаточно хорошо, чтобы безошибочно определить ни с чем ни сравнимый приторный запах, присущий только больнице.

Какая-то добрая и отважная душа вытащила меня из автомобиля прежде, чем пламя охватило топливные баки. Я надеялся, что, кто бы он ни был, у него хватило ума первой вытянуть из железного месива Катарину. Мысль о жизни без Катарины была невыносима. И поэтому я позволил черному сумраку окутать меня вновь, ибо он приглушал боль, как физическую, так и душевную.

Когда я снова очнулся, было светло, и приятный мужской голос произнес:

— Стив Корнелл, вы меня слышите?

Я попытался ответить, но мне не удалось издать ни звука. Даже хрипа.

Ко мне обратились вновь:

— Не пытайтесь говорить, Стив. Лучше думайте.

«Катарина» — тут же подумал я, потому что большинство медиков были телепатами, а не эсперами.

— Катарина в порядке, — ответил он.

«Могу я ее увидеть?»

— Увы, сударь, — быстро ответил он. — Вы испугаете ее до полусмерти.

«Неужели я так плох?»

— Да, Стив. Сломаны ребра, открытый перелом левой ключицы, сломаны предплечья. Шрамы, ушибы, ссадины, несколько ожогов, остаточный шок. И, если вас это волнует, ни следа Мекстромовой болезни.

— «Мекстромовой болезни?» — мои мысли подернулись ужасом.

— Не стоит, Стив. Я заметил бы ее хотя бы потому, что это моя специальность. Не бойся.

«Отлично. Но сколько я здесь лежу?»

— Восемь дней.

«Восемь дней, и вы не справились с обычной работой?»

— Вам здорово досталось, Стив. Так что пришлось потрудиться. Но теперь, я полагаю, вы расскажите мне, что случилось?

«Мы с Катариной бежали. Так сделало большинство других пар, с тех пор, как в Институте Райна стало трудно хранить личные тайны. А потом разбились».

— Как это случилось? — спросил доктор. — Такие эсперы, как вы, обычно чувствуют опасность задолго до ее появления.

«Катарина обратила мое внимание на странный дорожный знак, и я отвлекся, стараясь припомнить что-либо подобное. Мы налетели на упавший ствол дерева и несколько раз перевернулись. Остальное вы знаете».

— Ужасно! — сказал доктор. — Но что за знак так приковал ваше внимание, что вы не заметили даже дерева?

«Странный знак, — подумал я. — Декоративный железный диск с завитками и маленькими кружочками, похожий на новенький бойскаутский значок, подвешенный на трех спицах. Одна из букв была оторвана. Я растерялся, потому что никак не мог представить себе, как можно было ее сбить, не повредив центральную конструкцию. Ну, а потом — удар».

— Это весьма прискорбно, Стив. Но через некоторое время с вами будет все в порядке.

«Спасибо, доктор. Доктор?...»

— Простите, Стив. Я забыл, что не все, как я, телепаты. Меня зовут Джеймс Торндайк.

Много позже, проснувшись опять, с более прояснившимся мозгом, я обнаружил, что мои ощущения простираются уже до стены и на несколько дюймов за дверь. По всему было видно, что это типичный госпиталь, насколько хватало чувствительности эспера, вокруг была только спящая белизна и нержавеющая сталь.

Зато в моей палате находилась сиделка, шуршавшая

накрахмаленным халатом. Я попробовал заговорить, и откашлялся, пытаясь совладать с голосом.

— Могу... я видеть... где... — Я замолк, потому что сиделка, видно, была таким же эспером, как и я. А чтобы узнать это, требовалось полное напряжение сенсорных способностей. Только телепат, подобный доктору, мог распознать мои суматошные мысли. Но сиделка оказалась на высоте. Она сделала попытку:

— Мистер Корнелл? Вы проснулись?

— Взгляните, сестра...

— Называйте меня мисс Ферроу. Я позову доктора.

— Нет, подождите. Я пробыл здесь уже восемь дней?

— Вы были очень плохи, сами знаете.

— Доктор сказал, что она тоже здесь.

— Не волнуйтесь, мистер Корнелл.

— Он сказал, что с ней ничего страшного.

— Конечно.

— Тогда почему... Почему она здесь так долго.

Мисс Ферроу весело улыбнулась:

— Ваша Кристина жива и здорова. Она отказалась уезжать, пока вы находитесь в опасности. Не волнуйтесь. Скоро вы ее увидите.

Ее улыбка была веселой, но натянутой. Это была явная ложь. Она поспешно удалилась, и мне выпала возможность прощупать снаружи дверь, так как она прислонилась спиной к деревянной панели и заплакала. Она ненавидела себя за то, что не смогла справиться со своей ролью, и понимала, что я знал об этом.

Катарину никогда не называли Кристиной.

И Катарины не было в госпитале, потому что, если бы ее доставили сюда вместе со мной, сиделка знала бы ее настоящее имя.

Теперь это было для меня не столь важно, но мисс Ферроу оказалась не эспером, или, во всяком случае, не могла прощупать мои мысли, или найти имя Катарины по собственной воле. Мисс Ферроу была телепатом, а я называл свою девушку не по имени, а только привычным ассоциативным образом.

2

Я почти совладал со своим телом, когда в палату влетел доктор Торндайк:

— Спокойно, Стив! — сказал он с нетерпеливым жестом и толкнул меня в постель рукой — нежной, как рука матери, и сильной, как завязанные узлы на луке. — Спокойно! — повторил он настойчиво.

— Катарина? — прохрипел я умоляюще.

Торндайк нажал кнопку вызова и набрал какой-то код, или что-то вроде того, прежде чем мне ответить.

— Стив, — сказал он искренне, — все равно это нельзя скрывать от тебя вечно. Мы надеялись, что чуть позже, когда ты окрепнешь...

— Перестаньте ходить вокруг да около! — воскликнул я. — Или мне показалось, что я воскликнул, потому что голос мой прозвучал только в моем мозгу.

— Спокойно, Стив. Тебе здорово досталось. Шок...

Дверь отворилась и вошла медсестра с наполненным шприцом, его иглолка покоилась в клочке ваты. Торндайк профессионально оглядел его и взял в руку. Медсестра молча вышла из комнаты.

— Не волнуйся, Стив. Это будет...

— Нет! Не надо, пока я не узнаю...

— Спокойно! — повторил он и поднял иглолку к глазам. — Стив, я не знаю, достаточно ли вы тренированный эспер, чтобы определить содержимое этой иглолки. Но если нет, можете поверить мне на слово. В ней находится нейрогипнотик. Вы не провалитесь в беспамятство. Вы очнетесь таким же как прежде, но зато ваш движок отключится и вы спасетесь от срыва.

Потом с удивительной ловкостью, которая меня поразила, доктор вогнал мне в руку иглолку и позволил оценить дозу сполна. Я ощутил поднимавшееся во мне возбуждение. Мне стало не по себе, и я почувствовал, что эта дрянь сработала. Через полминуты я похолодел от мысли, что могу взвешивать факты, но не в силах ни на чем как следует сосредоточиться.

Торндайк заметил, что содержимое шприца подействовало, и спросил: — Стив, кто такая Катарина?

Шок буквально сорвал туман наркотика, и моя голова пошла кругом от мыслей, кем была и что значила для меня Катарина. А доктор шел следом за моими мыслями:

— Стив, ты еще не оправился от недавнего потрясения. С тобой не было никакой Катарини. С тобой вообще никого не было. Пойми это и прими как должное. Никого! Ты был один. Понимаешь?

Я покачал головой. Мне казалось, что я говорю как актер, впервые читающий свою роль. Мне хотелось стукнуть по столу, чтобы усилить мой хриплый голос, но все, что я мог сделать, это спокойно ответить:

— Со мной была Катарина. Мы... — я не стал продолжать, потому что Торндайк отлично знал, чем мы занимались.

— Стив, выслушай меня!

— Да!

— Я знаю вас, эсперов. Вы чувствительны, может быть, даже больше, чем телепаты. Более впечатлительны...

Это была явная ложь. До Рейна бытовало мнение, что люди, будь то мужчины или женщины, мазаны одним миром. Теперь же основной принцип гласил, что эсперы и телепаты были лучшей частью человечества.

Торндайк улыбнулся моим возражениям и продолжил:

— С вами произошел несчастный случай. Вы разби-ли машину. Вы вообразили, как было бы ужасно, если бы с вами была Катарина. А потом вы построили в подсознании историю катастрофы и подогнали ее под факты.

«Но ... как мог кто-то видеть катастрофу и не заметить следов женщины? Моей женщины...»

— Мы осмотрели все в округе, тщательно осмотрели, — сказал он, отвечая на мой невысказанный вопрос. — Там не было никаких следов.

— А отпечатки?

— Ты бы опознал их?

— Естественно.

Торндайк спокойно кивнул:

— На стенках твоей машины было множество ее отпечатков. Но никто не может сказать о точной их дате, или о том, какие оставили раньше, какие после. Потом мы обошли всех соседей, желая убедиться, что она не ушла, ошеломленная и потрясенная катастрофой. Не осталось ни отпечатка, ни следа. — Он сочувственно покачал головой. — По-моему, ты хочешь спросить о том дорожном чемодане, который якобы положил в кабину позади себя. Там не было никакого чемодана.

— Доктор, — спросил я резко, — если мы не ехали вместе, может быть, вы объясните мне, откуда, во-первых, оказалось свидетельство о браке в моем левом кар-

мане, во-вторых, с какой стати мы виделись с преподобным Тоулом в Индтауне, и, в-третьих, с чего это я хлопотал о свадебном костюме в Рейгнор-отеле в Вестлейке? Или я рехнулся задолго до несчастного случая? Может, — добавил я, — после стольких приготовлений я поехал и разбился, как бы оправдываясь за то, что вернулся без невесты.

— Все, что я могу сказать, это то, что на месте аварии не осталось никаких следов вашей невесты.

— Вы копались в моем мозгу. Вы нашли ее телефонный номер?

Он озадаченно уставился на меня.

— И что вышло, когда вы позвонили?

— Я...

— Хозяйка сообщила вам, что мисс Левис нет дома, потому что мисс Левис проводит медовый месяц под именем миссис Стив Корнелл. Как насчет этого?

— Прекрасно. Сами знаете, как.

— Тогда, где же она, черт побери, доктор? — наркотик оказался не столь сильным, как следовало бы, и я вновь почувствовал волнение.

— Не знаем, Стив.

— А как насчет того парня, который вытащил меня из машины? Что он сказал?

— Он был там, когда мы приехали. Машину подняли с тебя с помощью блоков из полистпаса. Пока мы сюда добирались, полистпас загорелся и машина рухнула обратно, превратившись в исковерканное месиво металла. Он фермер, по фамилии Харрисон, парень лет двадцати четырех, зовут Филипп. Они клянутся, что там и в помине не было никакой женщины.

— Он, он...

Доктор Торндайк медленно покачал головой и мягко произнес:

— Стив, трудно предсказать, что бывает с человеческим мозгом при сильном шоке. Мне приходилось видеть, как он приобретает совершенно новую, фальшивую личность, — всю, вплоть до воспоминаний детства. Теперь возьмем еще раз ваш случай. Среди других удивительных вещей...

— Удивительных вещей? — прорывал я.

— Спокойно. Лучше выслушайте. Собственно, чему мне верить? Вашей невероятной истории, или показани-

ям кучи свидетелей, полицейским протоколам, скорой помощи и парням, которые вытащили вас из горящей машины прежде чем она взорвалась? И, как я уже говорил, разве мы можем верить вашим сказкам, когда вы буквально взрываетесь по поводу двух людей, один из которых поднимал машину, а другой вытаскивал вас оттуда?

Я пожал плечами:

— Очевидно, у вас сложилось ошибочное мнение. Кто-то мог...

— Тогда, если вы признаете, что часть вашей истории неверна...

— Это не доказывает, что остальное ложь!

— Полиция уже пыталась разобраться в этом трудном деле, — медленно сказал доктор. — Пока они ничего не добились. Скажите, кто-нибудь видел, как вы покинули квартиру с мисс Левис?

— Нет, — сказал я. — Насколько я помню, никто из знакомых.

— Поэтому нам придется заключить, что вы находитесь под влиянием шока.

Я зло фыркнул:

— Тогда объясните наличие свидетельства, встречу с его преосвященством, бронь в отеле.

— Выслушайте меня, Стив, — спокойно сказал Торндайк. — Это не только мое мнение, а мнение многих людей, изучавших человеческий мозг...

— Другими словами, я рехнулся.

— Нет, перенесли тяжелый шок.

— Шок?

Он кивнул:

— Поверьте этому. Да вы хотели жениться на мисс Левис. Вы подготовились, обставили квартиру, договорились со священником, запаслись свадебным костюмом, купили цветы невесте. Вы отпросились с работы, пришли к ней. Но оказалось, что мисс Левис была в неизвестном направлении. Может, она оставила вам письмо...

— Письмо?

— Послушайте меня, Стив. Вы пришли к ней домой и узнали, что она исчезла. Вы прочитали письмо, где говорилось, что она не может стать вашей женой. Это так глубоко поразило вас, что вы не выдержали. Знаете, что произошло дальше?

— Я разбрызгал мозги вдоль проселочной дороги на скорости девяносто миль в час.

— А если серьезно?

— Все кажется мне удивительно нелепым.

— Вы отвергаете это, как отвергаете тот факт, что мисс Левис бежала, не желая выходить за вас замуж.

— Валяйте дальше, доктор.

— Вы поехали по той же дороге, что и собирались, но внезапная обида и боль повредили ваш рассудок. И потому вы разбились по-настоящему, увидев упавшее дерево и что-то похожее на воображаемый образ виновника катастрофы.

— Наверное.

Торндайк серьезно взглянул мне, в лицо.

— Стив, — сказал он, — признайся, что ни один эспер не допустит, чтобы физическая опасность подобного рода...

— Я же объяснял вам, как это случилось. Мое внимание отвлек этот знак!

— Ладно. Это еще одно доказательство, что с вами была мисс Левис? Теперь послушайте меня. При первом потрясении вы не можете помнить ничего такого, что не захочет вспомнить ваш мозг. Авария слишком тяжелая вещь, так что теперь все свои невзгоды можете валить на нее.

— Тогда лучше расскажите, как объяснить тот факт, что Катарина сказала хозяйке, что она давным-давно собиралась выйти замуж и все ждала, когда же я открою ей свои намерения.

— Я...

— Думаете, я всех подкупил? Может, мы все стараемся ради Катарины, или для нее.

Торндайк пожал плечами.

— Я не знаю, — сказал он. — Я действительно не знаю, Стив. Я хотел бы...

— Это касается только нас двоих, — рявкнул я. — Или кто-то думает арестовать меня за похищение, подозрение в убийстве, рискованную и опасную езду и аварию при столкновении с деревом?

— Да, — сказал он спокойно. — Полиция настроена весьма радикально. Вами заинтересовались два высокопоставленных чина.

— Они что-нибудь нашли? — спросил я сердито.

— Они считают, что вся ваша история — чистая правда.

— Тогда к чему эта болтовня насчет шока, отклонений и тому подобного?

Он покачал головой.

— Мы не супермены, — сказал он просто. — Ваша история убедительна, и вы не врете. Вы верите в каждое ее слово. Вы видели ее, пережили от «а» до «я», но это еще не значит, что ваша история — правда.

— Послушайте!

— Она доказывает только то, что у вас, Стив Корнелл, не было каких-либо преступных, злых намерений относительно Катарины Левис. Они раскопали все, от и до, и поэтому мы можем вполне уверенно сказать, что с вами случилось.

Я фыкнул от отвращения:

— Ох уже эта ваша телепатия! Все так точно подогнано, словно жердочки в заборе. Я собираюсь поговорить со специалистом, пусть действительно копнет меня поглубже.

Торндайк покачал головой:

— Это лучшие люди, Стив. Известные ученые Редфери и Берко. М А Г Н А КУМ Л А У Д.

Я захлопал глазами от удивления. Я знал множество подобных докторов, от медиков до языковедов. Я знал даже одного-двух профессоров, но не близко. Но если приглашают доктора пси, из школы Райна, тогда, брат, это да.. Я умываю руки.

Торндайк рассмеялся:

— Вы и сами не так плохи, Стив. Окончили двенадцать классов в Иллинойсе, не правда ли?

— Я забыл, скрыл некоторые факты, — сказал я уныло. — Они вызвали всех одаренных мальчиков и собрали их под одной крышей для особой подготовки. Но, признаться, мне легче давалась механика, а не пси. Надеялся дорасти до дипломированного инженера, может, чуть дальше, но пришлось остановиться. Отчасти потому, что не хватало снежки, а отчасти потому, что не было денег.

Доктор Торндайк кивнул:

— Я знаю об этом.

Я понял, что он осторожно уводит меня в сторону от основной темы, но не видел, как вернуть его назад без очередной словесной перепалки. Он меня успокоил. Он

мог прощупать мой мозг и найти лучший способ увести разговор в сторону, пока я не пришел в себя. Было бы куда лучше хотя бы на миг отключиться от этой идиотской головоломки.

Он уловил мои мысли, но его лицо даже не дрогнуло, когда он мягко вернулся к разговору.

— Я не стану тебя принуждать, — сказал он горестно. — Я пси, и довольно хороший. Но я телепат, а не эспер... Я овладел интуицией в медицине только благодаря упорству, как говорится, — он застенчиво улыбнулся. — Я ничем не отличаюсь от тебя или других пси. Все эсперы думают, что развитое восприятие — важнее способности читать мысли и наоборот. Я собирался доказать, что телепат может стать хорошим медиком. Так я нашел свою дорогу в медитацию, читал мысли приятелей-однокурсников, которые были отличными эсперами. Я так наострил, что мог прочесть мысли эспера, наблюдавшего за моим осторожным анатомиранием и действовать руками согласно его предсказаниям. Я мог успешно определять и устанавливать скрытые болезни, пока рядом находился какой-либо эспер.

— И чего вы добились?

— Телепатам лучше заниматься людьми, а эсперам — предметами.

— А медицина — как раз та область, где имеют дело с людьми?

Он покачал головой:

— Только не в случае опухоли мозга, а при внутреннем расстройстве или сильном обморожении. «Доктор», — говорит пациент, — я чувствую сильную боль слева, чуть ниже бедра. А после твоего диагноза оказывается, что это острый аппендицит. Понимаете, Стив, пациент не всегда знает, где у него болит. Только симптомы. Телепат может безукоризненно распознать все симптомы болезни, но требуется эспер, чтобы прощупать нутро пациента и найти опухоль, которая давит на позвоночник или печень.

— Понятно.

— Я сорвался на парочке тестов, которые проскочила остальная часть класса. И только потому, что не смог прочесть их мысли достаточно быстро и использовать мой собственный метод работы. Это показалось

подозрительным, и вот я очутился здесь. Простой доктор, а не ученый.

— Но здесь вы нашли себя. Это ваша область, я уверен. Он кивнул:

— Даже две, — психиатрия и психология, к каждой из которых я испытываю настоящую любовь. В медицинских исследованиях вполне можно использовать замыслы, идеи и теории других врачей и ученых, а не привлекать к экспериментам эсперов.

— Не обязательно, — сказал я, покачав головой.

— Ладно, Стив. Возьмем, к примеру, Мекстромову болезнь.

— Давайте возьмем что-нибудь попроще. Все, что я знаю о Мекстромой болезни, можно вырезать на булавочной головке тупым столовым ножом.

— Давайте, все же, возьмем Мекстромову. Это мой шанс стать дипломированным ученым-медиком. Если я смогу найти ответы на несколько главных вопросов. Я работаю в клинической лаборатории, где только и встречаются редкие случаи Мекстромой болезни. Остальные врачи — все как один эсперы, и еще — несколько ученых — прощупывают человеческие тела до последней клетки, ища и комбинируя. Вы знаете, некоторые из лучших эсперов могут разобрать клетки даже на составные части. А я буду собирать всю информацию, приводить ее в соответствие и, возможно, найду ответ.

— Вы нашли хорошую жилу, — сказал я.

И это было действительно так. Отто Мекстром был специалистом-механиком на космической станции «Белые пески», совершившей облет и посадку на Венере, Марсе и Луне. Через две недели после возвращения корабля домой у Отто Мекстрома, начали быстро твердеть кончики пальцев левой руки. Отверждение медленно распространялось дальше, пока его рука не стала твердой, как скала. Ученые изучали его, работали с ним, используя все возможные средства и проделявая всевозможные исследования, пока плечо Отто не стало таким же твердым, как его рука. Тогда они ампутировали ему руку по плечо.

Но в это время стали твердеть кончики пальцев на обеих ногах Отто, и на второй руке появились те же признаки. На одной стороне руки плоть осталась нормальной, а на другой нельзя было проколоть острой иглой

кожу. Бедный Отто сыграл в ящик после того, как чертова мерзость поглотила обрубки его ног и рук. Он умер, когда затвердение достигло жизненных органов.

С того дня прошло около двадцати лет. Ежегодно случается порядка тридцати подобных случаев. Все со смертельным исходом, несмотря на ампутацию и достижения современной медицины. Но один бог знает, сколько еще несчастных кончили жизнь самоубийством, не обращаясь в гигантский Медицинский Исследовательский Центр в Марион, штат Индиана.

Ладно, если Торндайк ничего не скрывает, никто не смеет утверждать, что телепатии нет места в медицине. И пожелаем ему удачи.

Больше я Торндайка в этом госпитале не видел. Они отпустили меня на следующий день, и мне ничего не оставалось, как только грызть ногти и удивляться, что же случилось с Катариной.

3

Следующей недели я почти не помню, и поэтому не буду вдаваться в подробности. Короче, я прослыл женихом, упустившим невесту, а жизнь между туманными обвинениями и полускрытыми насмешками была довольно жалкой. Два-три раза я говорил с полицией. Вначале как гражданин, запрашивающий определенную информацию и сетующий на неосведомленность соответствующих инстанций. Потом меня просто стали посылать куда подальше. Очевидно, полиция забросила столько же удочек, сколько рыбацкая флотилия на Большой Банке, а клюнуло меньше, чем в Мертвом море. Они сами признались в этом. Давно прошли времена, когда полиция ежечасно проводила аресты. Это значило, что они сели в лужу. Полиция с ее прекрасной компанией пси-мальчиков пришлось признаться, что их объегорили. Я беседовал с телепатами, которые сказали мне, что я ел на завтрак в день поступления в подготовительные классы, и эсперами, которые могли распознать цвет носимой вчера одежды. Что я — бедный эспер, об этом упоминать не стоит. А эти парни были молодцы и хорошо знали свое дело. Катарина Левис исчезла, точно так же, как Амброзия Бирс.

А встречаться лицом к лицу с отцом и матерью Ката-

рины, приехавшими с востока, чтобы повидать меня, было настоящим потрясением.

Первым делом я отправился обратно в госпиталь, надеясь, что доктор Торндайк сможет чем-нибудь помочь. В моем бессознательном бормотании могли проскользнуть слова, значение которых навело бы на какой-нибудь след Катарины.

Но здесь меня тоже подстерегала неудача. Начальство госпиталя очень извинялось, но пару дней назад доктор Торндайк перешел в Медицинский Исследовательский Центр. Связаться с ним я не мог, потому что он взял шестинедельный отпуск, который собирался потом продлить и дальше, и отправился в поездку по Иеллоустоунскому заповеднику, не сообщив маршрута.

Я остановился на ступеньках, надеясь поймать рейсовый коптеркеб, когда двери распахнулись и вышла женщина. Я обернулся, и она узнала меня. Это была мисс Фарроу, моя недавняя сиделка.

— Ба, мистер Корнелл! Что это вы здесь делаете?

— Хотел найти Торндайка. Но, его здесь нет.

— Знаю. И не удивительно. Наверное, он получил возможность продолжить свое образование.

Я мрачно кивнул:

— Во всяком случае, надеюсь.

— Это было утверждение, а не вопрос.

— Вы все ищете свою Катарину?

Я кивнул головой:

— Надеюсь, кто-нибудь разрешит эту загадку. Или придется сделать это мне самому. Все остальные уже сдались.

— Желаю удачи! — сказала она с улыбкой. — Видно, вы настроены весьма решительно.

— Это все, что мне остается, — буркнул я.

Мисс Ферроу кивнула.

— Не только, — махнула она рукой. — Вы говорили с людьми, которые вытащили вас из-под машины?

— Нет, с ними беседовала полиция и заявила, что они ничего не знают. Сомневаюсь, что смогу выпытать у них что-то стоящее.

Мисс Ферроу искоса взглянула на меня:

— Не хотите спрашивать людей, которые о вас ничего не знают?

— Возможно.

В этот миг подошел коптеркеб, и, звякнул звонок. Мне хотелось поговорить с мисс Ферроу еще, но мотор оказался тем, что надо, и я раскланялся. А она пошла по ступенькам, предоставленная собственным заботам.

Мне следовало бы задержаться и нанять другую машину, но через несколько часов я уже катил по тому же злосчастному хайвею, сосредоточив во все стороны свое восприятие. Ехал я на этот раз медленно и осторожно.

Я тихо миновал место недавней катастрофы, поставившись отключить свои мысли, когда увидел черное выжженное пятно. С верхней ветки все еще свисал блок, а на нем качался обгоревший канат, два фута которого были переброшены через ворот, и кончались коротким обожженным концом.

Я свернул влево на подъездную дорожку к дому Харрисонов и поехал по извилистой грунтовой дороге. Впереди все ясней и ощутимей становилось мертвое пространство.

Собственно, это была не мертвая зона, так как кое-что я там чувствовал, но чем дальше я всматривался в детали смутного Хариссонова дома, тем больше нужно было полагаться на зрение, нежели экстрасенсорное восприятие. Но даже если Харрисоны не нашли по-настоящему мертвой зоны, то сумели выбрать такое место, где мое восприятие оказалось малоэффективным. Это было все равно, что смотреть сквозь легкую туманную дымку. И чем ближе я подъезжал к дому, тем плотнее она становилась.

Как раз у стоянки, где ощутимо начинал сказываться эффект мертвой зоны, я наткнулся на рослого загорелого парня. Лет двадцати четырех, который копался в двигателе трактора. Он разогнулся, и я остановился.

— Мистер Харрисон?

— Я Филипп. Вы мистер Корнелл?

— Зовите меня, как все — Стив, — сказал я. — Как вы догадались?

— Узнал, — сказал он, улыбнувшись. — Я тот парень, что вас вытащил.

— Спасибо, — сказал я, протягивая ему руку.

— Чем могу быть полезен, чем могу помочь?

— Мне хотелось бы услышать все из первых уст.

— Да рассказывать-то нечего. Мы с отцом корчевали пни где-то в тысяче футов от места аварии. Услышали

грехот. Моих способностей хватает, чтобы воспринимать на таком расстоянии, поэтому мы поняли, что лучше захватить блок и полиспасть. Трактор там не проехал бы. Поэтому мы помчались на своих двоих. Отец притащил полиспасть и поднял машину, а я нырнул вниз, схватил вас в охапку и вытащил наружу. А потом вся махина ухнула наземь. Мы очень рады за вас, Стив.

Я хотел надерзить ему, но пришлось кивнуть с улыбкой.

— Думаю, что вы слышали, что я все еще пытаюсь найти свою суженую?

— Да, я что-то слышал, — сказал он и бросил на меня быстрый взгляд. — Я совершенно глух, как телепат, подобно всем эсперам, но отлично представляю, что он подумал.

— Все уверены, что Катарины со мной не было. Но только не я. Я знаю, что она была.

Он покачал головой:

— Сразу же, как только мы услышали скрежет тормозов, мы прощупали это место, — проговорил он спокойно, — и нашли вас. Но только одного. Больше никого не было. Даже если она выпрыгнула, увидев дерево, то не смогла бы убежать отсюда слишком далеко. А что касается исчезнувшего чемодана, то ей пришлось бы ждать, когда машина прекратит вращаться и остановится. А к тому времени мы с отцом уже спешили на помощь. Ее не было, Стив.

«Ты лжешь».

Филипп Харрисон не дрогнул и мускулом. Телепатически он был глух. Я прощупал мышцы его желудка под свободной одеждой, где прежде всего проявляется гнев, но ничего не заметил. Он не читал моих мыслей.

Я слабо улыбнулся Филиппу и пожал плечами. Он в ответ смущенно улыбнулся, но за этой улыбкой я почувствовал, как ему хочется, чтобы я перестал ворошить эту историю.

— Я от всей души желал бы помочь, — сказал он. И в этом он был искренен. Но где-то и в чем-то — нет, и я хотел выяснить, в чем именно.

Наступило молчание, но, к счастью, нас прервали. Я уловил движение, обернулся и поймал взгляд женщины, шедшей к нам по дороге.

— Моя сестра, — сказал Фил. — Мариан.

Мариан Харрисон казалась почти девочкой. И если бы

я не был так влюблен в Катарину Левис, то не упустил бы случая заняться ею. Мариан была того же роста, что и я, — красивая, молодая, темноволосая женщина двадцати двух лет, с искристыми, ярко-голубыми глазами, буквально сверкавшими на фоне дубленой, поджаристо-коричневой кожи. Ее красный ротик удивительно сочетался с цветом лица, а белые зубы сверкали, когда она улыбалась.

Я мысленно сделал ей несколько комплиментов, потом прошелся по ее фигуре, но Мариан ничего не заметила. Она не была телепаткой.

— Вы, мистер Корнелл, — сказала она. — Я вспомнила вас, — продолжила она еще тише. — Пожалуйста, поверьте нам, мистер Корнелл, мы вам сочувствуем.

— Благодарю вас, — сказал я хмуро. — Поймите меня правильно, мисс Харрисон. Я ценю ваше сочувствие, но мне нужны действия, информация и ответы. А когда я добьюсь их, сочувствие будет ни к чему.

— Конечно, я понимаю, — ответила она сразу. — Все мы отлично знаем, что сочувствием горю не поможешь. Весь мир буквально рыдает, не в силах повернуть рельсы истории и вытащить вас из этой передрыги. И даже если мы всем скопом захотим это сделать — ничего у нас не выйдет.

— В том-то и дело. Ведь я сам толком не знаю, что произошло.

— Значит, тогда еще хуже, — спокойно сказала она.

У Мариан был приятный голос, — грудной и низкий. Он звучал очень доверительно, даже когда она говорила о чем-то обыденном.

— Я бы хотела вам помочь, Стив.

— Я бы тоже не прочь, чтобы мне помогли.

Она кивнула:

— Они допрашивали и меня, хотя я пришла туда в самый последний момент. Они спрашивали о мысленном образе женщины, бежавшей накануне свадьбы. Я сказала, что не знаю о вашей женщине, но знаю, что бы я сделала в подобных обстоятельствах.

Она на секунду смолкла, а ее брат повернулся к своему трактору и зацепил маленьким гаечным ключом головку болта. Наверное, он подумал, что пока мы с Мариан будем беседовать, он может заняться работой. Я с ним согласился. Я жаждал информации, но не ожидал,

что весь мир остановится, чтобы помочь мне. Он закрутил один болт и принялся за другой, не отвлекаясь от работы, пока Мариан продолжала:

— Я сказала им, что ваша история достоверна, вплоть до свадебной ночной сорочки. — Через глубокий загар проступил слабый румянец. — Я сказала, что однажды тоже побывала в такой переделке. Как-то собралась замуж, впопыхах сложив вещи, потом вывалила все обратно и аккуратно разложила по полкам. Я сказала им, что сделала бы тоже самое, неважно, будь то подготовленный наспех или продуманный побег. Я сказала им, что есть вещи, с которыми надо считаться. Это не просто какие-то фантазии. В результате легавые пришли к выводу, что либо вы говорите правду, либо вы случайно прощупали желания какой-то женщины насчет замужества.

— По-моему, — сказал я с кислой улыбкой, — и то, и другое.

— Тогда, — спросили они меня, — возможно ли, чтобы такая женщина решилась на этот шаг опрометчиво, с бухты-барахты, и я их высмеяла... Я сказала, что задолго до Пайка, женщины предсказывали свои свадьбы, как только джентльмен начинал с чуть меньшим отвращением смотреть на свою женитьбу, и что к тому времени, когда он задавал, запинаясь главный вопрос, она уже практически писала свое имя как миссис и подбирала имена своим будущим деткам, и что не было еще в истории случая, когда какая-нибудь женщина была ошеломлена предложением настолько, что помчалась бы за суженым, не захватив с собой даже зубной щетки.

— Значит вы со мной согласны?

Она пожала плечами.

— Пожалуйста, — сказала она тем же низким голосом, — не спрашивайте моего мнения насчет вашей истории. Вы в нее верите, но все факты против вас. Нигде по дороге, не было никаких женских следов, начиная с того места, где впервые бросили мимолетный взгляд на ствол дерева, который подбросил вас, и до места, где вы перевернулись. Ни одного следа в обширном районе — почти в полмили диаметром от места катастрофы, — не нашли. Они использовали специалистов по пси-прощупыванию, отпечаткам пальцев, всех, каких только можно. И без толку.

— Но куда же она делась?

Мариан медленно покачала головой.

— Стив, — сказала она так тихо, что я едва услышал ее за слабым скрипом болтов, завинчиваемых братом. — Насколько мне известно, ее здесь не было. Почему бы вам не забыть о ней...

Я взглянул на нее. Она стояла прямая и напряженная, словно стараясь противостоять чувству любви, пробившемуся через разделяющую нас пропасть, словно желая дать мне физическую и моральную поддержку, несмотря на то, что мы были незнакомы, и случайно встретились всего десять минут назад. На ее лице отразилась душевная мука.

— Забыть ее? — воскликнул я. — Да я лучше умру!

— О, Стив, нет! — одной рукой она закрыла мне рот, другой крепко сжала мой локоть. У нее была очень сильная рука.

Я стоял, недоумевая, что делать дальше. Рука Мариан на моем локте ослабла, и она отступила назад.

Я пришел в себя.

— Простите, — сказал я искренне. — Я доставил вам кучу неприятностей, придя сюда со своими проблемами. Лучше заберу их обратно.

Она кивнула:

— Хорошо, идите. Но, пожалуйста, возвращайтесь, когда покончите с внутренним разладом, и не важно как. Мы все будем рады видеть вас, когда ничто не будет тяготить вашу душу.

4

Следующие шесть недель я провел в глубокой депрессии. В конце четвертой недели я получил маленькую картонную коробку, содержащую кое-какие мои личные вещи, оставленные в квартире Катарины. Мужчина не может встречаться неделями со своей девушкой, не забывая каких-нибудь вещей вроде зажигалки, галстучной булавки, каких-то бумажек, писем, книг и всякого хлама из нужных и ненужных предметов, которые дороги нам по той или иной причине. Получить такую посылку — все равно, что заново пережить сильнейшее потрясение, и это выбило меня из колеи дня на три-четыре.

Потом, к концу шестой недели мне принесли открытку от доктора Торндайка. На ней была стереолитография

какого-то вида Йеллоунстоунского заповедника, но не того, всемирно известного Великого Нагромождения, а нечто более прозаическое.

На обороте было какое-то загробное послание:

«Стив, я как раз провел исследования на той дороге, справа от места катастрофы. Это напомнило мне твой случай, и я решил написать, так как мне интересно, как ты выпутался из той передрыги. Через пару недель я буду в Медцентре, напиши мне туда. Джим Торндайк.»

Я перевернул открытку и критически ее осмотрел. И тут до меня дошло. У обочины стоял высокий размалеванный сварной штандарт. Тот самый дорожный знак, что стоял на моем роковом хайвее.

Я сидел, рассматривая через увеличительное стекло возвышавшийся у обочины дорожный знак. Его стереоизображение, казалось, было живым и реальным. Оно вернуло меня к тому мигу, когда Катарина прильнула к моему плечу, волнуя своим теплом и желанием.

Это тоже выбило меня из колеи на несколько дней.

* * *

Прошел еще месяц. Наконец, я тихо-мирно вышел из своей скорлупы и теперь чувствовал, что смогу прогуляться в бар, не боясь, что все остальные люди вокруг будут показывать на меня пальцем. Я порвал со всеми прежними приятелями, и за прошедшие недели не завел новых. Я все больше и больше жаждал поговорить с людьми и встретить знакомых.

Несчастный случай уже не казался чем-то ужасным. Жизнь повторяется исключительно редко. Катарина заняла свое место в моей жизни. Я помнил тепло ее рук и жар поцелуев перед той злосчастной поездкой, и мой разум, особенно под градусом, откалывал со мной различные фокусы. Не раз во сне мне чудилась Катарина. Но когда она приходила в мои объятия, это оказывалась Мариан — загорелая, с искрящимися голубыми глазами и живым трепетным телом.

И я ничего не мог с этим поделать. Я знал, что попроси Мариан Харрисон о свидании, я вконец запутаюсь в своих чувствах. А потом, если вернется Катарина, я окажусь между двух огней.

Я просыпался и называл себя отъявленным дураком.

Я и видел Мариан всего-то пятнадцать минут, да и то в компании ее брата.

Но, по-видимому, этот сон оставил свое жало и однажды утром я очнулся в долгих и нескончаемых дебатах между сознанием и его подкоркой. В тот же миг я решил, что мне необходимо опять прошвырнуться роковым хайвеем и нанести визит на ферму Харрисонов. Я тешил свое ничтожное, замшелое сознание, говоря себе, что делаю это только потому, что не успел высказать своей признательности Харрисону-старшему, но где-то подсознательно был уверен, что, не оказавшись отца дома и присутствуя дочь, я побывал бы на ферме с неменьшим удовольствием.

Но мою подкорку ожидал удар в спину. Тем же утром, в девять часов, позвонили в дверь, и, когда я вышел на порог, столкнулся нос к носу с двумя джентльменами с золотыми значками в кожаных удостоверениях, лежащих в карманах их курток.

Я открыл дверь, так как не мог изображать свое отсутствие перед командой из эспера и телепата. Оба знали, что я на месте.

— Мистер Корнелл, не будем терять времени. Мы хотели бы знать, откуда вы знакомы с доктором Торндайком.

Я не стал хлопать глазами от такой фамильярности. Это стандартный прием, когда расследование проводит эспер-телепатическая команда. Телепат знал обо мне все, включая то, что я прощупал их бумажники и удостоверения личности, значки и серийные номера маленьких автоматических пистолетов, которые они носили. Смысл был в том, чтобы задать главный вопрос сразу и в упор, чтобы некогда было придумывать уклончивые ответы. Все, что я знал о Торндайке, было довольно отрывочно, но не стоило это скрывать. И я дал им узнать все.

«Это все», — подумал я. — «Но почему вы о нем спрашиваете?»

Телепатическая половина команды ответила:

— Естественно, мы не стали бы отвечать, мистер Корнелл, пока вы не произнесете все вслух. Но мы все равно не ответим, будь вы даже телепатом. Для ясности, вы последний человек, получивший какие-либо известия от доктора Торндайка.

— Я?

— Открытка. Она была последним звеном, связывающим Торндайка с внешним миром. Потом он исчез.

— Но...

— Торндайк должен был прибыть в Медицинский Центр в Марион, штат Индиана, три недели назад. Мы хорошо изучили все его скитания до последнего пункта в Иеллоустоунском заповеднике. Там следы оборвались. Он позвонил в маленький отель, забронировал номер, и как в воду канул. Теперь, мистер Корнелл, разрешите взглянуть на открытку.

— Конечно, — я подал ее. Эспер поднес ее к окну и взглянул на нее при свете. Когда он сделал это, я встал рядом, и вместе мы прощупывали ее до тех пор, пока ее края не начали загигать. Но если там и был какой-нибудь шифр, тайнопись, какой-то скрытый смысл или послание, я ничего не заметил.

Я умываю руки. Я не следователь. Но я знаю, что Торндайк был хорошо знаком с моей глубиной восприятия, и не стал бы что-то далеко от меня прятать.

Наконец эспер покачал головой и протянул мне открытку:

— Никаких следов.

Телепат кивнул. Он взглянул на меня и улыбнулся — как-то кисло и натянуто:

— Мы, естественно, заинтересовались вами, мистер Корнелл. Кажется, это уже второе исчезновение. И вы ничего не знаете.

— Понимаю, — проговорил я медленно. Вновь в моей голове всплыли загадки, круг за кругом, назад к мерцающей дороге и недавней аварии.

— Наверное, мы еще вернемся, мистер Корнелл. Вы не против?

— Слушайте, — сказал я довольно грубо, — если эта чехарда кончится, я буду самым счастливым человеком на планете. Может я смогу чем-нибудь помочь, только дайте знать.

После этого они ушли. Я все еще не оставлял надежду навестить ферму Харрисонов. Еще одна дикая гусиная охота, но я чувствовал — где-то там зарыта собака. Честные люди, здоровые и вполне счастливые, с большими видами на будущее, никогда не исчезают, не оставив после себя следов.

Я не позволил своему восприятию задержаться на

знаке, мимо которого проезжал, настолько, чтобы это стало опасным. И все же, к своему удивлению, заметил, что кто-то удосужился починить сломанную стойку. Кто-то, наверное, занялся самоусовершенствованием. Поломка была такой незначительной, как в случае с заполненной окурками пепельницей.

Потом я заметил еще некоторые перемены, внесенные временем.

Выжженное пятно затянулось высокой сорной травой. Сук дерева, нависавший над местом катастрофы, на который подвешивали блок и полспаст, потерял былую черноту. Блок убрали.

«Дайте год, — подумал я, — и единственным напоминанием о катастрофе останется только рубец в моем мозгу, а потом и он исчезнет».

Я вернулся к дороге, покрутился по проселку и выскочил прямо напротив большого приземистого дома.

Он выглядел холодным и неуютным. Лужайка перед крыльцом сильно заросла, а на веранде валялось несколько клочков бумаги. Венецианские ставни были закрыты и плотно пригнаны. Поскольку сейчас было лето, закрытые окна и запертые двери, неважно, стояли противомоскитные сетки или нет, говорили об отсутствии хозяев. Харрисоны съехали.

Еще одно исчезновение?

Я быстро развернулся, помчался в ближайший городок и зашел на почту.

— Я ищу семейство Харрисонов, — сообщил я человеку за стойкой.

— А, они уехали несколько недель назад.

— Уехали? — спросил я бесцветным голосом.

Клерк кивнул. Затем он наклонился ко мне и прошептал конфиденциально:

— Прошел слух, что девочка подхватила космическую чуму.

— Мекстромову болезнь? — ляпнул я.

Клерк взглянул на меня, будто я скверно выругался.

— Она была славная девушка, — сказал я нежно.

Он пошел за какими-то документами. Я старался проследить его, прощупать, но бумаги оказались в маленькой мертвой зоне в самом конце здания. Я проклял весь белый свет, хотя и ожидал, что дела будут находиться в мертвой зоне. Как только открылся институт Райна,

правительство прочесало весь округ на предмет мертвых зон для хранения секретных и личных бумаг. Разразился крупный скандал со стороны бизнесменов, высшего общества и всякого отребья вкупе с правительством в защиту законных прав личной тайны.

Он вернулся с виноватым видом.

— Они заставили закрыть адрес, — сказал он.

Я испытал желание выложить перед ним двадцатку, и потом одним глазком, как в добром старом романе, взглянуть на секретные бумаги, но понял, что это не срабатывает. Из-за Райна взятки должностным лицам стали невозможными. Так что мне пришлось изображать страшное разочарование.

— Это чрезвычайно важно. Я сказал, что это дело жизни и смерти.

— Простите. Но закрытый адрес — это закрытый адрес. И ничего не поделаешь. Если вам надо с ними связаться, отправьте письмо. Если они соизволят ответить, то свяжутся с вами сами.

— Возможно, чуть позже я вернусь, — сказал я. — Отправлю письмо прямо отсюда.

Он склонился над конторкой, я кивнул и вышел.

Размышляя, я проехал назад, к бывшей ферме Харрисонов. Удивительно! Насколько я знаю, люди никогда не бегут куда глаза глядят, подцепив Мекстромову болезнь. Почему-то мысль о том, что Мариан Харрисон тихо увянет и умрет, или, быть может, безбоязненно уйдет из жизни, полностью игнорировалась моим сознанием, за исключением редких вспышек ледяного ужаса.

Я вновь подъехал к дому и остановился напротив веранды. Я хорошо знал, почему там оказался. Мне хотелось побродить по нему и осмотреть, прежде чем вернуться на почту и написать письмо или открытку.

Со двора дом был заперт на старинный задвижной засов, который открывался так называемым «Е»-образным ключом. Я пожал плечами, и умаслив свою совесть, нашел кусок железной проволоки. Щелкнув замком, будто его вовсе не было, и прощупав дверь, я поднял два простейших сигнализатора и отодвинул засов так быстро, словно пользовался настоящим ключом.

Это было не бегство и не исчезновение. В каждой из четырнадцати комнат виднелись безошибочные следы продуманных сборов. Ненужный хлам валялся вместе с

обрывками упаковочных материалов, рассыпанным набором коротких гвоздей, полузавершенным, но так и не понадобившимся ящиком, набитым старой одеждой.

Я обошел все комнаты, но ничего не нашел. Я медленно бродил по дому, позволив своему восприятию блуждать от точки к точке. Я пробовал прощупать место во времени, но все было впустую. У меня не хватало восприятия.

Я уловил лишь один отклик. В одной из верхних спален. Но остановившись в комнате, Мариан, я вновь начал сомневаться в моих ощущениях. С эсперами такое случилось. Скорее всего я уловил запах смерти.

Тогда я вдруг понял, что все стало на свои места. Ощущаемая эспером Карта Мира выглядит наподобие испещренного неба, с чистыми прогалинами и туманными пятнами, мчащимися по небу в полном беспорядке. Испещренное небо, за исключением пси-модели, обычно не менялось. Но этот дом находился в темной, почти мертвой зоне. Теперь это стало совершенно ясно.

Я оставил дом и прошел в громадную комбинацию из сарая и гаража. Она оставила у меня то же чувство неудовлетворенности, что и дом. Филипп Харрисон, или кто-то еще, должно быть, держал здесь мастерскую. Я нашел верстак и небольшой столик с отверстиями для болтов, масляными пятнами и другими следами, говорящими о том, что здесь стоял один из тех больших, комбинированных деревообрабатывающих станков, с циркулярной пилой, дрелью, токарным станком, рубанком и еще всякой всячиной. Там валялось также немного металлолома, но никаких столярных поделок.

Я не знаю, почему там задержался, копаясь в этом брошенном хламе. Может, я предчувствовал, что узнаю что-то, что ускользнуло от моей интуиции. Я стоял в недоумении, соображая, что меня здесь держит.

Я лениво наклонился, поднял с пола кусочек металла и нервно ощупал его руками. Потом огляделся вокруг, но ничего интересного не увидел. Я тщательно прощупал весь гараж, но все хлопоты свелись к нулю. Наконец, изрядно разозлившись на себя, я вышел наружу.

Время от времени с каждым случается что-то подобное. На обратном пути к машине, погруженный в круговорот мыслей, планов, вопросов и идей, я так ничего и не вспомнил. Возможно, я бы промчался весь путь до до-

ма, погрузившись в этот вихрь, но меня выбило из колеи то, что я не смог завести машину. Оказалось, сунул в гнездо зажигания вместо ключа тот кусочек металла. Конечно, он не подошел.

Я улыбнулся. Железка остудила голову. Я бросил обломок металла в траву, вставил ключ в замок зажигания и...

И тут же рванулся за этой железкой обратно...

Маленький кусочек металла, найденный на полу в покинутой столярне, был отсутствующей стойкой дорожного знака, когда я с Катариной, разбился на машине.

Я поехал по хайвею и остановился около одного из знаков. Я прощупал его, сравнивая свое восприятие с внешним видом. Так и есть!

Этот обломок металла, полдюйма длиной и в четверть дюйма диаметром, с чуть шероховатыми, зазубренными краями, был идентичен по размерам и форме сломанной перекладине знака!

Затем я заметил кое-что еще. Тройной орнамент в середине не был тем же самым, как я его помнил. Я достал из кармана открытку Торндайка, посмотрел на стереофото. Я сравнил картинку с реальной вещью перед мной и понял, что был прав.

Трилистник был заменен на флерде-лиз, или значок бойскаутского новобранца, или фигуру, которую они использовали для обозначения северного полюса на компасе. Основание трилистника было шире, чем обычно на эмблемах и почти таким же широким, как верхушка. При сравнении сразу становилась видна разница между ними, один был повернут набок, а второй — вверх ногами. Видно, сначала предполагалось, что большие лепестки будут смотреть вверх. Если так, то те знаки, что стояли сейчас вдоль дороги недалеко от Иеллоустоунского заповедника, были повернуты набок, в то время как на моем хайвее — вверх ногами.

Последнее, что я сделал, выворачивая на хайвей — это еще раз прощупал эту конструкцию. Я закрыл сам знак, позволив моему восприятию скользнуть вдоль перекладины, а потом — по диску, на котором крепились перекладины трилистников.

Но это еще ничего не значит. Он так задуман, как говорится. Если бы заинтересовались моим профессиональным мнением, я бы отметил, что круг хорошо вписывается в остальной орнамент и представляет собой про-

думанную композицию, никак не предназначенную специально для того, чтобы вертеть эмблему как заборорас-судится.

Собственно, если бы не эта сломанная переключина, найденная мной на полу гаража Харрисонов, мне бы никогда, и за миллион лет, не пришло бы в голову, что эти дорожные знаки значат нечто большее.

На почте я написал письмо Филиппу Харрисону.
«Дорогой Фил!

Сегодня заезжал к вам домой и был очень огорчен, узнав, что вы съехали. Я бы хотел вновь связаться с вами. Если не возражаете, сообщите, пожалуйста, ваш нынешний адрес. Если вы желаете, я сохраню его в тайне, или отвечу через почту, до востребования. Вот что меня заинтриговало: вы знаете, что ваш дом лишился своей мертвой зоны? Подготовленному эсперу-медиуму обнаружить это ничего не стоит. Вы когда-нибудь слышали о пси-модельных изменениях ?

Да. И еще: кто-то сменил тот дорожный знак со сломанной переключиной. Вы, должно быть, здорово постарались, чтобы не выбить те странные завитки в середине. Я нашел выбитую переключину на полу вашего гаража, если, конечно, вы хотели взять ее на память, как сувенир для любимой девушки.

Пожалуйста, дайте знать, как идут ваши дела. Ходят слухи, что Мариан подхватила Мекстромову болезнь. Простите, что затрагиваю деликатный вопрос, но, думаю, что делаю это только потому, что готов помочь, чем только смогу. Собственно, не важно, как вы это воспримите, но я, все-таки, обязан вам своей жизнью.

Это тот долг, который я не в силах забыть.

Искренне признателен,

Стив Корнелл».

5

В полицию я не пошел.

От одного моего вида им становилось плохо, и они уже записали меня кандидатом в палату параноиков. Все, что я мог бы сделать, это поехать в участок и объяснить там, что я раскрыл какой-то тайный заговор с тайным использованием декоративных дорожных знаков, чтобы скрыть их собственную сеть дорог и указателей, и

что исчезновение Катарины Левис, доктора Торндайка и переезд Харрисонов связаны между собой.

Вместо этого я запер квартиру и сообщил всем, что надолго уезжаю в развлекательную туристическую прогулку, чтобы успокоить свои нервы. Я решил, что, уйдя со сцены, покончу с заботами, овладевшими мной, раз и навсегда.

Затем я отправился в путешествие. Я ехал несколько дней, не стремясь покрыть как можно больше миль, но исколесив бесцельно громадную территорию. Мне нравилось мчаться четыре часа по одному хайвею на север, а потом проводить следующие четыре в дороге на юг по параллельному, или даже иногда возвращаться назад в исходную точку. Через неделю я удалился на запад не дальше излучины между Западной Вирджинией и Восточным Огайо. А в Восточном Огайо я увидел куда больше привычных и подозрительных дорожных знаков.

Эмблемы были повернуты набок, и знаки выглядели как новенькие. Я проследовал этой дорогой еще семьдесят пять миль и нигде не встретил ничего примечательного, пока, наконец, не догнал грузовик, нагруженный трубками, жестью и декоративными металлоизделиями. Грузовик был одним из тех старых железных кротов, которые вы сами неоднократно встречали на наших дорогах.

Я наблюдал как автоматический привод подхватывал и вырывал с корнем старые, черно-белые эмалированные знаки и укладывал их в кузов, полный металлолома. Потом на моих глазах этот крот, ревя двигателем и тряся кузовом, вгрызлся лезвием в землю, останавливался и вытаскивал громадный винт, облепленный землей, камнями и гравием.

Экипаж вставлял на моих глазах в патрон новый знак и машина ставила его на место, бетонировала, укрепляла в грунте, а потом двигалась по дороге дальше.

Вряд ли стоило расспрашивать экипаж, поэтому я помчался как можно быстрее в Колумбус.

Чистый, сияющий, отутюженный и весьма консервативно одетый, я предстал перед Особым Уполномоченным Штата по Дорогам и Хайвеям. Я играл нагло, изображая из себя важного чиновника какого-то отдаленного штата, интересующегося этими знаками из деловых соображений. Потом я подумал, что если наткнусь на настоящего телепата, то сяду в лужу. Но, с другой стороны,

попробуй я расспрашивать горожан, не скупясь на комплименты, ответы получились бы туманные и уклончивые. Первый, пятидесятилетний, секретарь Уполномоченного выставил меня из приемной, второй послал вверх по лестнице, третий отфутболил меня в Департамент Дорожных Карт и Типографий.

Наконец, второй секретарь Департамента заявил, что мог бы мне помочь. Его звали Хатон. А был он эспером или телепатом, не столь важно, потому что здание Департамента стояло прямо посреди мертвой зоны.

Все же я решил играть начистоту. Я сказал, что являюсь жителем Нью-Йорка, интересующимся новыми дорожными знаками, которыми так славится Огайо.

— Я рад, что они вам понравились, — сказал он, сияя.

— По-моему, эти знаки стоят несколько дороже, нежели старые, покрытые черно-белой эмалью.

— Но зато, — сказал он гордо, — при массовом производстве их стоимость резко падает. Видите ли, прежде чем закупить несколько тысяч знаков для какого-нибудь хайвея, их нужно заказать, отштамповать, покрасить и т.п. Новые же знаки изготавливаются на одном станке и по мере необходимости. Вряд ли вы знаете, что номера магистралей и любая другая информация переносится на металлические таблички с широких листов фотобумаги. Это значит, что нам пришлось бы заказать десятки тысяч таких цифр и соответственное количество заготовок транспорантов, а потом подбирать их по мере необходимости. Конечно, при новом способе некоторых затрат не избежать, но если заинтересовать другие штаты, то цена знаков значительно снизится. К тому же компания даже подписала в контракте особый пункт, что они согласны покрыть неустойку. Так что, на первых порах покупателей не очень волнует вопрос о текущих затратах.

Его несло и несло, как бюрократа, севшего на любимого конька. Я был рад, что находился в мертвой зоне, потому что, узнай он, что я думал, он бы выставил меня из своего кабинета.

Тут мистер Хатон иссяк, и я удалился.

Я обыграл мысль проехать в главную контору компании, но потом решил, что это все равно, что сунуть голову в пасть голодного зверя.

Я убрал в карман выданную мне карточку компании

и принялся изучать новенькую карту автодорог, которую он с гордостью мне вручил. Она имела выносную табличку нарядных новых знаков, которыми штат Огайо разукрасил свои хайвеи и которые не увеличивают платежей граждан, а также зеленые цифры на различных дорогах, сообщавшие о дате установки новых знаков. Внизу таблички крупным шрифтом стояло имя Особого Уполномоченного Дорог, а ниже и мельче — имя Хатона.

Дорога оказалась новая, и это была еще одна приятная неожиданность. Указатели и знаки летели миль за милей.

Я не знал, что меня ждет, и не был уверен, что ищу. Но я шел по какому-то следу. Судя по активности, как умственной, так и физической, после долгих недель депрессии у меня поднялось настроение и обострились ментальные способности. Радио в машине заливалось сладкозвучными песенками, какие может породить только Огайо, но меня это не трогало. Я искал нечто более существенное.

Я нашел его потом, в полдень, на полпути между Даутоном и Цинциннати. Одна планка исчезла. За пятьдесят ярдов до перекрестка.

Я свернул туда, скрипя тормозами, и остановился, пытаюсь объяснить логически свой импульсивный порыв.

Куда я свернул? Туда, где планка исчезла, или где планка оставалась на месте?

На помощь пришла память. Тогда, рядом с фермой Харрисонов, исчезла табличка «Десять часов». Харрисоны жили по левую сторону хайвея. Тогда я послушался исчезнувшей таблички. Теперь пропала надпись «Два часа», поэтому я свернул на перекрестке направо и проехал до следующего, целого знака.

Вот те на! Я развернулся, помчался назад по основному хайвею и проехал около пятидесяти миль, рассматривая пролетавшие вокруг знаки. Все, что были справа, имели перевернутый трилистник. Все, что были слева — повернуты на бок. Разница казалась такой незаметной, что только те, кто знали, в чем суть, могли отличить один от другого. Насколько я представлял себе, то же самое было и в другом направлении. Когда эмблема была вверх ногами, я сворачивал, когда лежала на боку — я ехал прямо.

Только откуда куда?

Я снова развернулся и помчался, следуя знакам.

В двадцати милях от основного хайвея, где я увидел знак, означавший поворот, я наткнулся на еще одну табличку с исчезнувшей планкой. Она указывала левый поворот, я повиновался и выскочил на подъездную дорогу, ведущую к какой-то ферме.

Я свернул, решив разыграть заблудившегося человека и надеясь, что не встречу телепата.

Через несколько сотен ярдов от главной дороги я увидел девочку, которая быстро шла ко мне навстречу. Я остановился. Она взглянула на меня с насмешливой улыбкой и спросила, не может ли чем-нибудь помочь.

Я небрежно кивнул:

— Ищу старых друзей, которых не видел уже много лет. По фамилии Харрисон.

— Я не знаю никаких Харрисонов, — с улыбкой ответила она с огайским акцентом.

— Не знаешь?

— А где они живут?

Я смотрел на нее, надеясь, что не напоминаю ей волка, взирающего на бедного ягненка.

— О, они сказали, как их найти. Мне следовало свернуть с главного хайвея на эту дорогу, проехать по ней двадцать миль и остановиться с левой стороны, когда увижу один из знаков, на котором кто-то сшиб одну табличку.

— Табличку? С левой стороны... — проямлила она, переваривая мои слова в своем мозгу. Ей было не больше семнадцати, загорелая, живая и здоровая от жизни на воле. Она меня поразила. Насколько я мог судить, она была частью всей этой мистерии. Не важно, что она делает или скажет, но совершенно ясно, что тайные дорожные знаки-указатели ведут к этой ферме. А поскольку никто из семнадцатилетних не может совершенно безучастно взирать на дела родителей, то она должна быть осведомлена о некоторых их кознях.

После некоторого раздумья она произнесла:

— Нет, я не знаю никаких Харрисонов.

В ответ я фыркнул. На большее рассчитывать не приходилось, а теперь я уверился окончательно.

— Твоя родня дома? — спросил я.

— Да.

— Думаю, мне стоит расспросить их тоже.

Она пожала плечами.

— Пошли! — И, как бы исподволь, заметила: — А что, вы сами не удосужились разглядеть табличку почтового ящика?

— Нет, — я быстро прощупал дорогу назад и убедившись, добавил: — Его там не было.

— Тогда мы избавились от почтальона. Если вы не против, подбросьте меня до дома.

— Хорошо.

Она широко улыбнулась и быстро шмыгнула внутрь. В подходящем месте я съехал с дороги и двинулся к дому. Казалось, она заинтересовалась моей машиной, и, наконец, сказала:

— Я никогда прежде не сидела в такой машине. Новая?

— Пару недель, — сообщил я.

— Быстрая?

— Как прикажешь. Возьмет крутую дорожку на пятидесяти, если, конечно, у кого-то хватит на это ума.

— Давай посмотрим.

Я улыбнулся.

— Ни один дурак не возьмет эту дорогу на пятидесяти.

— А мне нравится быстро ездить. Мои братья катят тут на шестидесяти.

Это, насколько я заключил, была просто бравада юности. Я принялся быстро объяснять ей прелести быстрой езды, как вдруг из кустов у дороги выскочил кролик и бросился под радиатор.

Я вывернул руль. Машина свернула с узкой дороги и, чуть накренившись, въехала на склон. Я выпрыгнул бы на дорогу следом за кроликом, но тут девушка схватила меня за руку, стараясь удержаться на сидении.

Хватка у нее была как у гидравлического пресса. Моя рука онемела, а пальцы вцепились в руль. Я прилагал все усилия, чтобы выкрутить левой рукой баранку и удержаться на узкой и извилистой дороге, а ноги жали на тормоза, чтобы машина не полетела вниз.

Когда мы остановились, я глубоко вздохнул и потряс правую руку, держа ее левой за запястье. В ней орудовала тысяча игл, потому что девушка схватила чуть выше локтя. Было такое чувство, будто мне отрезали руку и оставили с кровавым обрубком.

— Простите, мистер, — сказала она, едва дыша и широко раскрыв глаза. Ее лицо было белым.

Я перегнулся и взял ее за руку.

— У тебя чересчур сильная хватка...

Мышцы на ее руке были твердыми и упругими. Правда, не такими крепкими, как от полноты здоровья и хороших тренировок. А крепкими, ну, словом... Мне ничего не пришло в голову, кроме воспоминания о зеленом огурчике. Я сжал ей руку, и плоть слегка подалась. Я провел пальцем по ее ладони и нашел ее твердой и плотной, а не нежной и податливой.

Я удивился.

До сих пор я не встречался с Мекстромовой болезнью.

Я посмотрел на ее руку и сказал:

— Юная леди знает, что подхватила Мекстромову болезнь.

Она холодно взглянула на меня и ответила твердым голосом:

— Теперь я знаю, зачем вы приехали.

Что-то в моей натуре бурно восстало против недо-молвок девушки.

Я колебался около одной шестнадцатой. А ей бы дал две трети, скажем, одну десятую или около того...

— Одну восьмую, — сказала она спокойно.

— «Телепат!»

— Да, — ответила она холодно, — и ты никогда не узнал бы этого, не случись подобного.

«Пора делать ноги!»

— Нет, ты пойдешь со мной.

— Головой в петлю! — взорвался я.

— Не дури. Пойдешь. Или хочешь, чтобы я заткнула тебе рот и понесла на себе?

Нужно было что-то делать, чтобы освободиться. Иначе...

— Дурачок! — сказала она нагло. — Ты же знаешь, что от телепата ничего не скроешь. А если пойдешь напролом, я тебя так взгрею, что тебе придется неделю отлеживаться.

Я дал ей поговорить несколько секунд, поскольку пока она говорила, не могла сосредоточиться на моих мыслях. Так что, пока она не спохватилась, я чувствовал себя в безопасности.

Она запнулась, будто склеив челюсти, когда поняла, что ее болтовня дает мне шанс подумать.

— Неплохо, крошка! Растешь прямо на глазах. Сняла от мамочки, сняв панталоны, как большая девочка.

У семнадцатилетних куда больше скромности, чем они любят показать. Она не удивилась тому, как холодно-холодно я воспринял ее тело. В этот момент я, перегнувшись через нее, быстро дернул ручку двери с ее стороны.

Распахнув ее настежь, я в тот же миг вытолкнул девицу вон. Она должна была бы шлепнуться наземь, сломав несколько костей. Но она лишь грохнулась на спину, перевернувшись и вскочила на ноги, словно кошка.

Я не стал ждать, когда закроется дверь, а нажал на педаль газа. Машина рванулась вперед, хлопнув противоположной дверью. Я покатил дальше как раз в тот момент, когда она попыталась еще раз забраться в машину.

Куда деваться, я не знал. Единственное, чего мне хотелось, так это хоть чуточку спокойно подумать. Я свернул на дорогу и поехал по ней к дому. Потом съехал с дороги и обогнул дом с реактивным ревом, словно срезая колесами углы здания. Крутя руль, как заправский гонщик, я обогнул очередной угол, съехал колесами на обочину, и вернулся опять на дорогу, ведущую в обратном направлении.

Она стояла, поджидая, пока я проскользну мимо на всех шестидесяти, потом вытянула руку, свою гигантскую сильную руку, цапнула за раму открытого окна с моей стороны и рванула обшивку борта до самого дна кузова, словно кран, зацепивший грузовик. Свободной рукой она схватила баранку.

Что будет дальше, я уже знал. Она случайно дернет, а я съехав с дороги, врежусь в канаву или дерево. Покуда из моих глаз будут сыпаться искры, она вытащит меня из машины, взвалит на плечо, не рискуя поплатиться и царапиной за свою авантюру.

Я рванул руль — вжик! вжик! — срезая дугу, миновал дерево почти что в дюйме, и, сбросил ее с кузова, словно почтовый мешок со скорого поезда.

Я услышал крик: «А-а-а-ай!». Это ее тело ударилось о ствол дерева. Но когда я вернулся на дорогу и помчался дальше, то увидел в зеркале заднего вида, что она отскочила от дерева и остановилась посреди дороги, потрясая вслед своими маленькими, но опасными кулачками.

Не останавливаясь, я мчался на ста десяти до Дайтона. Только тогда я притормозил, чтобы подумать.

Подумать? А что в действительности я узнал? Я обнаружил и убедился в том факте, что существует какая-то тайная организация, использующая в своих целях собственную систему магистралей, охватывающую всю территорию Соединенных Штатов. Я был почти уверен, что именно они замешаны в исчезновении Катарины и доктора Торндайка. Они...

Внезапно я вновь пережил всю катастрофу. И вспомнил кое-что еще.

Такое, что нормальный здоровый человек, нормальный здоровый мозг воспринял бы как галлюцинацию. Не оставалось и тени сомнения в том, что у людей не хватило бы времени притащить блок и полиспаг, закрепить их на дереве над пылавшей машиной и извлечь оказавшихся в ловушке жертв, прежде чем они сгорели заживо. И, тем более, казалось немыслимым, чтобы у человека шестидесяти лет хватило сил поднять машину на передний бампер, пока его сын нырнул в пламя.

Трос принесли и сожгли позже. Но кто мог предпочесть идее троса и блока мысль о невероятно сильном человеке? Нет, при виде троса, образ человека, поднимающего перевернутый автомобиль, точно штангист штангу, покажется любому просто нелепой галлюцинацией. А потом новая мысль пронзила мой мозг. Она была такой странной, что я буквально подпрыгнул на месте.

Оба, Катарина и доктор Торндайк, были телепатами. А телепат лучше любого члена их тайной группы мог бы узнать их цели, уловить суть их замыслов. Такие люди были для них попросту опасны.

С другой стороны, эспера, как я, можно было легко отвадить вежливыми и убедительными речами. Я отлично знал, что не могу отличить ложь от правды, и это еще больше усложняло мои проблемы.

И еще я нуждался в компаньоне. Конкретнее, я нуждался в натасканном телепате, который выслушает мой рассказ и не бросится тут же звонить в сумасшедший дом. В ФБР было много натасканных сыщиков, и они постоянно использовали команды телепатов. Пока один прощупывал источник, второй — обитателя, который старался, чтобы все выглядело шито-крыто.

Требовалось время, чтобы найти подходящего по-

мощника. Поэтому я провел следующий час в дороге к Чикаго и через некоторое время пересек границу Огайо — Индиана и въехал в Ричмонд, где привел свой план в исполнение. Я вызвал Нью-Йорк и через несколько минут уже говорил с медсестрой Фарроу.

Я не стал вдаваться в детали, существовало множество нюансов, которые не имели никакого практического значения и которых оказалось куда больше, чем можно было оправдать моими метаниями с тех пор, как я повстречался с ней на ступеньках госпиталя. Я не упомянул, конечно, по телефону о моих истинных намерениях, а мисс Ферроу не могла прочитать мои мысли из Нью-Йорка. Суть сделки заключалась в том, что я чувствовал, будто на некоторое время мне необходима сиделка. Не то чтобы я был болен, просто мне было сейчас не по себе, и, по-видимому, надолго, пока все не уляжется. Я трудился не покладая рук, а мое положение оставалось неблестящим. В конце концов, мисс Ферроу признала это вполне возможным. Я повторил мое предположение платить ей по расценкам регистрационной сестры на один месяц вперед. Это несколько поколебало ее самоуверенность. Потом я добавил, что видеोगрафирую ей чек на вполне достаточную сумму, чтобы покрыть все издержки плюс билет туда и обратно. Пусть приедет и посмотрит, и если ее что-то не устроит, она вернется, не тратя деньги из собственного кармана. Все, что она теряет — это один день, и то не полностью, пролетев реактивным лайнером шестьдесят тысяч футов.

Совокупность всех доводов наконец возымела действие, и она согласилась повременить с отказом. Мы должны были встретиться с ней послезавтра утром в центральном аэропорту Чикаго.

Я видеोगрафировал ей чек в полной уверенности, что склоню ее к мысли стать телепатом моей бригады сыщиков-любителей. Потом, поскольку мне нужна была кое-какая информация, я повернул на запад и пересек границу Индианы, направляясь в Марион. У меня накопилась масса существенных подозрений, но пока не рассеются все мои сомнения, мне приходилось констатировать только идеи. Я хотел выяснить, как определить Мекстромову болезнь, или, на худой конец, как передается инфекция. У меня сохранилось довольно четкое воспоминание, и теперь все, что было нужно — это найти кого-ни-

будь, кто смог бы спокойно объяснить, что из себя представляет случай Мекстромовой болезни. Ну, а тогда стало бы ясно, было ли виденное в Огайо стопроцентной Мекстромовой болезнью.

6

Я вошел в приемную, напустив на себя самоуверенность, и предстал перед прекрасной крашеной блондинкой привлекательной внешности и с хорошей фигурой. Она холодно взглянула на меня и спросила о деле.

— Я писатель и журналист. Собираю материал, — нагло соврал я.

— Вы по заданию? — спросила она без тени интереса в голосе.

— О, сейчас нет. Я свободный журналист. Мне это больше по душе, потому что могу писать о чем угодно.

Ее холодность растаяла. Это говорило о том, что мои старания не пропали даром.

— Где вы печаетесь? — спросила она.

Я быстро ушел в тень, стараясь затаиться как можно надежнее.

— Последняя статья была о недавних археологических находках в Сирии. Прямо по первоисточникам Института Востока в Чикаго.

— Очень жалко, что я ее пропустила, — сказала она удрученно.

Я согласился, стараясь избежать упоминания названия и даты публикации.

— Разве вас не удовлетворяют обычные популярные издания? — продолжала она.

— В этих кондуитах, конечно, собрано много полезных сведений, но они слишком туманны, безличны. Люди предпочитают читать анекдоты, нежели копаться в цифрах и диаграмах.

Тут она кивнула:

— Минуточку, — и переговорила с кем-то, чей голос я не разобрал, по телефону. Окончив, она тепло улыбнулась, будто говоря, что сделала для меня все, что было в ее силах и что это следует оценить. Я откинулся назад и постарался изобразить точно такую же улыбку. Потом дверь отворилась и в комнату влетел человек.

Он был рослым малым, прямым как шомпол, с креп-

кой челюстью и коротко стриженными усами. Прямо капитан Блад. Когда он заговорил, его голос оказался таким же резким и четким, как его усы, настолько четким, что казался почти механическим.

— Дипломированный специалист Фелпс, — сказал он. — Чем могу служить?

— Мистер Фелпс, мне бы хотелось поговорить с вами и побольше узнать о Мекстромовой болезни. Может, мне не придется использовать эти материалы в статье, но для писателя-документалиста важны мельчайшие подробности.

— Нет проблем. Что вас интересует?

— Я часто слышал, будто бы о Мекстромовой болезни почти ничего не известно. Это невероятно, особенно если учесть, что ваши коллеги работают, не покладая рук, около двадцати лет.

— Конечно, мы кое-чего достигли, — кивнул он. — Но очень немногого...

— Мне кажется, исследуя ткани...

Он улыбнулся.

Мы так и сделали. Провели тщательные химические исследования. Могли бы взять пробы даже с чародейского котла Макбет и определить, правильно ли Шекспир указал формулу. И, молодой человек, если вы думаете, что что-то внедряется в человеческую плоть, то вы глубоко ошибаетесь. Анализы показали, что ткань состоит из тех же химических элементов, что и нормальная, да и в тех же пропорциях. Ничего лишнего, как например, в случае окостенения.

— В чем различие?

— Возможно, в структуре. С помощью рентгеновского кристаллографического метода мы определили, что мекстромовы ткани имеют тесно переплетенную микрокристаллическую структуру, — Фелпс задумчиво взглянул на меня. — Вы что-нибудь смыслите в кристаллографии?

Как инженер-механик, я, конечно, смыслил, но как автор журнальных статей, вряд ли, поэтому осталось только признать, что кое-что слышал.

— Отлично, мистер Корнелл. Вы, наверное, знаете, что в стереометрии существует только пять правильных многоугольников. Подобно закону топологии, утверждающему, что для раскраски карты плоской поверхности

необходимо всего четыре цвета, а для раскраски границ на торе достаточно семи цветов, законы стереометрии гласят, что возможно существование не более пяти правильных многогранников. А в кристаллографии существует тридцать два возможных класса кристаллических решеток. Из них в природе найдено всего тридцать. Правда, мы знаем, как выявить остальные две, если они окажутся в естественных формациях.

Все это я прекрасно знал, и тем не менее, усердно царапал в своей записной книжке, словно открыл что-то новое. Специалист Фелпс терпеливо выждал, пока я закончу свои заметки.

— А теперь, мистер Корнелл, вас ожидает маленький сюрприз. Мекстромова болезнь принадлежит к одному из этих двух оставшихся классов.

Вот так новости! Я оторопел.

Его лицо вспыхнуло торжеством.

— К несчастью, — сказал он тихим голосом, — знание формы кристалла не говорит нам, как она возникла. Мы не можем контролировать положение атомов в кристаллической решетке. Мы можем разрушить кристаллическую структуру, можем контролировать размер и форму кристалла, но не в силах перевести кристалл из одного вида в другой.

— По-моему, это все равно, что испечь кекс. Все составные части перемешиваются, он может получиться большим или маленьким, иметь форму сковороды или оказаться вконец испорченным. Но если вы смешали дерьмо, то и получите дерьмо.

— Удивительно точная аналогия. Но мне больше нравится другая, сказанная когда-то давным-давно доктором Билли Леем, который проводил довольно тонкие эксперименты. — «Вы не сможете узнать как устроен паровоз, разрушив его и исследуя обломки».

Он продолжал:

— Давайте вернемся к Мекстромовой болезни, и что мы о ней узнали. Мы выяснили, что ее граница ползет со скоростью одной шестьдесят четвертой дюйма в час. Так, к примеру, если вы заметили на среднем пальце правой руки следы болезни, то приблизительно только через три дня первый сустав пальца станет полностью из мекстромовой ткани. Через две недели средний палец

полностью затвердеет. Можете взять пилу, отрезать его без всякой анестезии и принести нам для исследования.

— И ничего не почувствуешь?

— Вообще ничего. Суставы срослись, артерии стали твердыми, как стальные трубы, и сердце не может работать как следует. Не то чтобы оно попало в те же условия, что артерии, но когда Мекстромова болезнь поползет от руки к плечу, крупные сосуды затвердевают и сердце не может прокачивать по ним кровь в прежнем режиме. Получается то же самое, что и при атеросклерозе. Далее инфекция достигает плеча и выводит его из строя. На это уходит девяносто дней. За это время заражаются остальные конечности, и болезнь охватывает руки и ноги.

Тут он торжественно взглянул на меня.

— Остальное выглядит весьма скверно, — вскоре наступает смерть. Собственно, я могу сказать, что счастлив тот, кто подцепит Мекстромову левым пальцем руки, потому что прежде всего она достигает сердца, а не других частей тела. Те, кому инфекция первоначально попала в пальцы ног, практически прокляты, ибо инфекция постепенно достигает нижней части тела. По-моему, вы можете представить результат — смерть из-за остановки перистальтики. Гибель наступает за счет интоксикации организма, и бывает медленной и болезненной.

Я содрогнулся. Мысль о смерти уже тревожила меня. Воспоминание о руке и сознание того, что я должен скоро умереть, буквально по календарю, приводило меня в дрожь.

Разжав зубы, я проговорил:

— Я вот только не возьму в толк, дипломированный специалист Фелпс, то ли вы и ваш центр ботересь с Мекстромовой болезнью, то ли потворствуете ей?

— Потворствуем?

— Конечно. Вы выяснили, что будет с человеком, если он пройдет через все стадии Мекстромовой болезни?

— Он станет практически суперменом, — кивнул Фелпс. — Стальные мускулы, движущие твердой, как сталь плотью, под непробиваемой кожей. Возможно, такой человек будет свободен от всех болезней и недугов. Вообразите себе бактерию, которая старается проникнуть в тело, твердое как бетон. Более того, Мекстромова плоть физически почти невосприимчива к кислотам.

Нельзя не согласиться, что такой супермен трижды переживет наши живые тела, а может, и в раз десять. Но...

Тут он остановился:

— Не хочу разрушать ваших иллюзий, но эта мысль не нова. Несколько лет назад мы пригласили сюда одного блистательного молодого доктора, чтобы тот пополнил свое образование. К несчастью, парень прибыл сюда со следами Мекстромовой на среднем пальце правой руки. Под его руководством мы провели около сотни великолепных опытов, и у него возник свой подход к этой проблеме. Но все было тщетно. Несмотря на все усилия, он не смог предотвратить смерть хотя бы на секунду. С тех пор над этой проблемой работает одна из наших групп.

Тут мне пришло в голову, что, окажись у меня признаки Мекстромовой, я бы скорее помчался в убежище на хайвее, чем в Медицинский центр. Через секунду меня осенило: предположим, доктор Торндайк нашел у себя следы болезни, или, скорее, его навели на эту мысль люди с хайвея. Что тогда лучше — присоединиться к штату Медицинского Центра или оказаться перед лицом компромисса: «Вы поможете нам, работая с нами, а мы спасем вашу жизнь».

Это, конечно, привело к следующей мысли:

«Если люди в убежище руководствуются благими намерениями, они не стали бы скрываться и предоставили бы свой метод лечения Медицинскому Центру. Ну хорошо, у меня накопилось к ним порядочно претензий, поэтому придется нанести бомбовый удар».

— Видите ли, Фелпс, — сказал я спокойно, — одна из причин, по которой я оказался здесь, является то, что у меня есть веские доказательства существования способа лечения Мекстромовой болезни. Его придумали люди с ультра-плотными телами и сверхчеловеческой силой.

Он смотрел на меня с той терпеливой улыбкой, которая возникает у отца, когда ворвавшийся к нему отпрыск заявляет, что он изобрел вечный двигатель:

— У вас веские доказательства?

— Мне довелось увидеть их собственными глазами.

— Тогда я могу заверить, что вы неверно интерпретировали свои доказательства, — ответил он холодно. — Энтузиасты летающих тарелок до сих пор утверждают, что те штуки, которые они видели, пилотировались маленькими зелеными человечками с Венеры, хотя мы уже

побывали там и обнаружили, что Венера необитаема, за исключением нескольких жучков и личинок и маленьких животных, подобных Теллурианским пиявкам.

— Но...

— А это тоже слишком давняя история, — сказал он с капризной улыбкой.

— Она происходит по обычному шаблону с тайной организацией, которая стремится захватить на Земле власть. Эта сказка была популярна еще во времена форта Чарли. А теперь лучше скажите, что вы видели.

Я состряпал сказку в тридцать четыре процента правды, а в остальном частично исказив. Тем самым я скрыл свое избиение девицы в машине в Огайо — достаточно тяжкое, чтобы она сыграла в ящик. Я просто упомянул, что как-то сбил на дороге девицу, а когда остановился помочь ей, девица вскочила и как ни в чем не бывало, помчалась прочь. Она не потеряла ни капли крови, хотя передний бампер машины был здорово изувечен.

Он торжественно кивнул:

— Такие вещи случались. Человеческое тело действительно очень прочно, ведь и раньше бывало много случаев, когда самые страшные катастрофы кончались легкими ушибами. Я читал рассказ о человеке, у которого не раскрылся парашют и который выжил и явился на завод собственной персоной, как в старом анекдоте. Но сейчас, мистер Корнелл, разве можно в этом мире скрыть какую-либо тайную организацию? Даже до Райна это было трудно. В вашей сказке не хватает только каких-нибудь секретных знаков, может, особого рукопожатия или, скорее, охватывающей весь мир системы транспортов и вывесок, служащих каким-то ужасным дьявольским целям.

Я разъярился. Дипломированный специалист оказался слишком близок к истине, чтобы это пришлось мне по вкусу, а он еще издевался. Он довел меня буквально до белого каления.

— Чтобы не слишком углубляться, я хотел бы знать о возможных мотивах такой организации. Вы наделили их сверхчеловеческой силой, даже огромной продолжительностью жизни. Если они хотят захватить власть на Земле, разве им придется применять силу? Или они — мягкотелые супермены, которых не трогает превосходство над человеческой расой, и они только спокойно ждут,

пока не исчезнет обычный гомо сапиенс? Разве вы не приписываете им полноправное владение планетой?

Я удрученно покачал головой.

— Ладно. В этом есть своя логика, мистер Корнелл. К тому же вам известно, что даже живя на Марсе и Венере с массой привезенного оборудования, мы чувствуем себя весьма неуютно. Без посторонней помощи мы не прожили бы и минуты на любой из планет Солнечной системы.

— На мой взгляд, эти гипотетические супермены могли бы причинить массу неприятностей, — сболтнул я.

— О, я допускаю, что в вашей истории есть доля правды. Но давайте оставим эти никчемные предположения и увидим полную невозможность скрыть подобную организацию. Даже насаждение их тайных опознавательных знаков в одной мертвой зоне немыслимо в современных урбанистических центрах. На их пути всегда встанут несколько телепатов и эсперов. Возможно, группа. Представьте, даже без специальной пси-тренировки, сколько продержится такая компания. Их обнаружат, как только первый же герой влипнет в историю с аварией где-нибудь на Таймс-сквер, или же его вытащат из огня в автомобильной катастрофе.

Тут он окинул меня холодным взглядом:

— Опишите это как вымысел, фантазию, мистер Корнелл. Но не упоминайте моего имени. Лучше придерживайтесь фактов.

— Ладно. Но, боюсь, что эти факты скоро всплывут наружу.

— Пусть, — согласился он. — Но признать, что существует какая-то таинственная организация, подпольная группа, мы пока не можем. Мы, кто имеет самые лучшие мозги и самые лучшие деньги за последние двадцать лет.

Я кивнул, и, хотя не согласился с Фелпсом, понял, что настаивать — все равно что оскорбить его в лицо и ждать, пока тебя выставят.

— Хотелось бы посмотреть, чтобы иметь полное представление, — сказал я бесцеремонно.

Фелпс предложил показать мне помещение, и я согласился. Я не встретил ни одного пациента, но Фелпс позволил постоять в коридоре перед комнатами и попро-

бовать мои эспер-способности на человеческой плоти. Это было болезненно и поучительно.

Он пояснил:

— Обычное дело для таких посетителей как вы. Все испытывают желание побыстрее выскочить вон. В медицинских кругах подобную вещь называют «синдром Софома». Слышали?

Я кивнул.

В прежние времена, когда медики слишком мало знали о болезнях, то изучали их, вызывая у себя те же симптомы, что испытывал сам больной. И так с каждым новым пациентом.

— Правильно. Поэтому, чтобы избежать «синдрома Софома», мы демонстрируем подлинные вещи. К тому же, — добавил он серьезно, — мы были бы очень рады, чтобы как можно больше людей могли распознать болезнь как можно быстрее. Пусть даже в настоящее время мы не в силах им помочь, но когда-нибудь это удастся.

Он остановился перед закрытой дверью:

— Здесь девочка восемнадцати лет, должна умереть через месяц...

Его голос сорвался, когда он постучал в дверь комнаты.

Я обмер. Несколько капелек пота скатилось по моей спине, меня забила нервная дрожь. Я прогнал видение, спрятал его как можно глубже и постарался не думать о нем. Вроде бы мне это удалось.

Перестук фелпсовых пальцев по дверной панели был клацающим звуком, характерным для дубленой кожи.

Дипломированный специалист Фелпс был мекстромом!

7

Сестра Глория Фарроу махнула мне рукой с трапа лайнера, и я бросился подхватить ее багаж. Она внимательно посмотрела на меня, но ничего не сказала, кроме обычного приветствия, и показала на свой чемодан.

Я понимал, что она телепат и все время читает в моем мозгу, поэтому позволил ей узнать все, что было нужно. Потом я велел мозгу бормотать всякую чушь, лишь бы заполнить образовавшееся пустое пространство. Возможно, у меня проскользнула пара мыслей, но ниче-

го существенного. Не говоря ни слова, мисс Фарроу последовала за мной к машине и позволила поставить ее чемодан в багажник.

— Стив Корнелл так же здоров, как и я, — сказала она первым делом.

— Допустим.

— Тогда к чему все это? Вам не нужна сиделка.

— Мне нужен опытный наблюдатель, мисс Фарроу.

— Зачем? — казалось, она недоумевала. — Думаю, что вам стоит сейчас же остановиться и объяснить

— И вы выслушаете до конца?

— До следующего самолета два часа. У вас есть время либо убедить меня, либо... ну как?

— Идет, — согласился я, и решил рассказать все как есть, от «а» до «я».

Объяснять что-либо телепату — самая милая вещь в мире. Несмотря на то, что в начале я запинался, едва дотянул до конца, начал по новой, перескакивая туда-сюда, мисс Фарроу умудрилась заполнить пробелы в хронологии событий. Так что, когда я кончил, в ее глазах загорелся интерес.

«Я сумасшедший?» — послал я вопрос.

— Нет, Стив, — ответила она твердо. — Не думаю. Ты логически все изложил. Хотя в твоем рассказе правда, очевидно, перемешана с вымыслом. Придется выяснить, было ли это на самом деле.

Я хмыкнул:

— А как насчет рехнувшегося парня, который справляется о своем здоровье с единственной целью — убедить других, что с ним все в порядке? Ведь он знает, что сумасшедшие всегда уверены в своем рассудке.

— Но сумасшедший не станет вдаваться в такие сложности. Я имею в виду, что у него не может возникнуть сомнения, в здравом ли он уме. И оставим это. Теперь я хотела бы знать, куда мы направляемся.

Я сокрушенно покачал головой:

— Вызывая вас, я спланировал все, как дорожную схему. Я собирался выложить вам доказательства, как беспристрастному наблюдателю, прежде чем привлекать и убеждать кого-то еще. Потом мы бы поехали в Медицинский Центр и выдали бы им все на блюдечке с голубой каемочкой. Но тут меня ошарашили. Оказалось, что не стоит загадывать так далеко. Ученый Фелпс оказался

мекстромом. А это значит, что парень знает, куда ведет Мекстромова болезнь, и все же скрывает компанию этих проклятых профи, чтобы казаться беспомощным перед лицом незримой болезни. Кроме того, Фелпс может оказаться главой организации, похоже греющей руки на общественном благополучии.

— Вы уверены, что Фелпс, — мекстром?

— Не совсем. Мне пришлось замкнуть мозг, поскольку рядом мог оказаться телепат. Но по-моему, ни один человек с нормальными пальцами не может издавать такой костяной звук.

— А ногти?

Я покачал головой:

— Слишком звонко. Ухо уловило бы различие.

— Допустим. Но если отбросить первоначальный план, что мы будем делать дальше?

— Я не знаю. Может быть, стоит вызвать группу ФБР, которая вышла на меня после исчезновения Торндайка, и всучить это дело им.

— Хорошая мысль. Но зачем Фелпсу врать. И какие ты можешь представить доказательства, кроме подозрений?

— Очень немногие. Я допускаю, что мои доказательства очень шатки. Я видел, как Филипп Харрисон заворачивал головки болтов в моторе трактора коротким гаечным ключом. Для этого требуется хороший рычаг и крепкие мускулы. Потом — девица в Огайо, которая превратилась бы в кровавое месиво от моего угощения. А она вскочила и помчалась за мной. И тут меня озадачило, снялись ли с места Харрисоны от того, что Мариан подцепила Мекстромову болезнь или же они уехали, почувствовав, что я слишком близок к разгадке тайны. Как вы помните, они уехали сразу после моего визита.

— Звучит слишком туманно, Стив.

— Это вам так кажется, — проворчал я. — А потом я встретил парня, которому следовало бы знать ответы на все вопросы, человека, посвятившего себя общественному благополучию, медицине и идеалам служения человечеству. Человека, давшего клятву Гиппократу. Или, — оборвал я себя, — в этом и заключается клятва Гиппократу?

— Стив, пожалуйста...

— Да, черт побери! — взорвался я. — Почему он спокойно сидит в этой мекстромовой темнице и открыто льет слезы из-за ужасной смерти своего друга?

— Я не знаю.

— Ладно, попытаемся разобраться, — буркнул я.

— Разобраться? — переспросила она тихо.

— Мисс Фарроу, — сказал я чуть усмехаясь. — Я вижу два возможных ответа. Либо мне дадут разобраться, по какой-то непонятной, но веской причине, либо я стану слишком дерзок и опасен для них, чтобы играть со мной. У меня есть еще около восьми недель, чтобы скрепя сердце отказаться от второго, предпочтя первое.

— Но с чего вы взяли, что вам дадут разобраться?

— Я отнюдь не считаю себя такой важной персоной, чтобы меня не устранить так же просто, как Катарину и доктора Торндайка. Да, раз мы уже о нем упомянули, скажите, зачем какому-то доктору, который некогда встретил обычного пациента, посылать ему открытку с посланием, причиняющем ему боль. К тому же, этот парень привлек мое внимание к так называемой «шоковой галлюцинации», при которой Харрисон-старший поднял автомобиль, а Филлип Харрисон бросился в огонь, рискуя из-за меня жизнью. Ну, как? — спросил я резко. — Затем, он отправился в Медицинский Центр изучать Мекстромову болезнь. Только вместо того, чтобы осесть там, он послал мне открытку с изображением одного из хайвеев, и бесследно исчез.

— То есть существует связь между людьми хайвея и мекстромами? — сказала задумчиво мисс Фарроу.

— Но это еще не все, — проговорил я. — Почему Харрисоны снялись так внезапно?

— Ты задаешь вопросы, на которые я не могу ответить, — пожаловалась мисс Фарроу. — И я не уверена, на все сто процентов, что вы правы.

— Вы уже здесь, и скоро убедитесь сами. А для начала будем считать, что все идет нормально. Да, вот еще что. Меня несколько смущает одна вещь. Создается впечатление, что все происходящее направлено против меня. Насколько я могу судить, они провоцируют меня начать большую заваруху, в результате которой люди хайвея выйдут из своего убежища.

— Зачем это им нужно? — недоуменно спросила мисс Фарроу.

— Сам в толк не возьму. Никаких доводов, одно смутное предчувствие, но все указывает на это. Они навели меня на такие вещи, которые следовало бы скры-

вать как можно лучше от хорошо тренированного телепата. Поэтому я решил идти за ними до конца. Где-то там, на самом дне, мы найдем ответы на все вопросы.

Она согласно кивнула головой.

— Я собираюсь отправиться в убежище по какому-нибудь хайвею, — заводя машину, добавил я. — Мы последуем по нему до одной из стоянок. А потом вы сами увидите — что-то там нечисто.

— С удовольствием, — ответила она спокойно.

Выворачивая машину за угол стоянки на дорогу, я украдкой бросил на нее взгляд. Она сидела с безучастным выражением лица, и это меня удивило.

— Стив, ты должен понять одно, — отозвалась она моим мыслям. — Все, во что ты твердо веришь, неизбежно отражается в мозгу, как действительный факт. Ты уж прости мне, что я несколько сомневаюсь. Я хочу получить доказательства из первых рук.

— Ладно, — сказал я. — Всегда хочется, чтобы первый удар не был самым тяжелым.

Я мчался через Иллинойс в Айову, следя за дорожными знаками. Я знал, что убедив одного, смогу убедить второго, третьего, четвертого, пятого и так далее, пока не перетяну всех на свою сторону, весь мир. Мы мчались весь день, останавливаясь только перекусить, и мчались дальше, словно парочка молодых в свадебном путешествии. Где-то около полуночи мы остановились в маленьком городке в заурядном отеле, так и не обнаружив и намека на убежище людей хайвея.

Мы встретились за завтраком, немного обсудили наши впечатления и двинулись дальше. В полдень мы въехали в Небраску и продолжали колесить по ней, пока под вечер не увидели первый заинтересовавший нас дорожный знак.

— Вот! — торжественно возвестил я.

Она кивнула.

— Я вижу знак, Стив. И больше ничего. Теперь тебе осталось показать мне тройной указатель на этой эмблеме.

— Если они не изменили свой метод, — сообщил я ей. — Он указывает на запад, и чуть на юг. — Я остановился в нескольких ярдах от знака и проехал мимо него, обострив свое восприятие. — Заметь, как просто перевернуть эмблему! — воскликнул я. — Обрати внимание на одинаковую ширину верхушки и основания трилист-

ника. Только заинтересованный наблюдатель может заметить разницу.

Мы поехали дальше, пока не увидели еще один, с другой стороны дороги, и вновь не остановились, дав знаку промелькнуть над головой.

— «Заметь, что знак указывает обратное направление вверх основанием», — продолжал я, не говоря ни слова. «Я использую свое восприятие, прощупываю знак, и комментирую его варианты.»

«Теперь, — закончил я, — мы поедem по этому хайвею к Убежищу, пока не встретим какой-нибудь съезд или перекресток. А потом убедишься сама».

Она молчала.

Мы двинулись по этой дороге еще быстрее, и проехали по ней несколько миль, минуя знак за знаком, с эмблемами, повернутыми по правой стороне вверх, и перевернутыми вверх основанием, когда знак стоял слева.

Очевидно, мы приближались к пересечению хайвея, и я торжествующе указал на новый знак.

— Заметь, перекладка исчезла! — сказал я с новым энтузиазмом. — Теперь, мисс Фарроу, мы сделаем новый поворот, против знака, и проехав несколько миль, развернемся и поедem дальше, чтобы пересечь хайвей как нужно.

— Мне кажется, я начинаю верить, Стив.

Против знака мы повернули на север и проехали для уверенности сорок или пятьдесят миль. Я развернулся на полной скорости и помчался обратно на юг.

— Комментариев не надо или будут? — спросил я ее.

Она покачала головой:

— Пока нет.

— Если хотите, двинемся прежним курсом, — кивнул я.

— Валяйте.

— Другими словами, вы просто хотели убедиться?

— Да, — сказала она. И замолчала.

Я стал размышлять, о чем она думает, но она так и не удосужилась объяснить.

Наконец мы опять подъехали к перекрестку и с чувством удовлетворения я повернул к югу, ощущая уверенность, которой так нехватало прежде. Мы остановились пообедать в маленьком городишке, быстро, но сытно поели, а потом немного поспорили.

— Ты не против выпить и отдохнуть?

— Не против, — призналась она. — Но я что-то сомневаюсь, что смогу отдохнуть.

— Понимаю. Но вообще-то неплохая идея, убьем на это полчаса. Может, даже лучше остановиться и двинуться дальше завтра утром.

— Стив, — отозвалась она, — я отдохну и расслаблюсь только когда приму достаточную дозу. Но это отпадает, потому что завтра я встану с грандиозным похмельем, и если честно, я очень заинтригована и намерена идти до конца.

— Ладно, — сказал я. — Будем ехать, пока не остановят.

Где-то около восьми часов мы снова тронулись в путь. К девяти сорока пяти мы покрыли где-то около двухсот миль. У следующего перекрестка, следуя сбитым перекладинам знаков мы направились по карте прямо в верхний угол Колорадо.

В девять часов с минутами мы оказались у дорожного знака, указывавшего на напоминающий ранчо дом, стоявший на вершине небольшого холма, в нескольких сотнях ярдов от основной дороги. Я затормозил всего в сотне футов от подъездной дорожки и спросил мисс Фарроу:

— Какой у вас ранг телепата? Вы никогда не говорили.

— Я чувствую интенсивную концентрацию, направленную на меня, в полумиле. Поверхностные мысли, которые касаются меня или моей личности, чувствую за пятсот ярдов. Чтобы уловить мысли, не затрагивающие меня или моих интересов, достаточно двести футов. Мысли, которые вообще далеки от меня, чувствую за сорок-пятьдесят метров.

Это был средний уровень для человека, прошедшего пси-тренировку, будь то телепат или эспер, и было вполне достаточно, но не вполне соответствовало моей задаче. Она имела в виду мысли, а не смысл. Я уже убил немало времени, ища различие между абсолютно чуждыми мне вещами, и куда больше времени на письмо одного неизвестного человека к другому, чем письмо, адресованное человеку, которого я знал лично, но находящегося намного дальше. Смысл сам по себе более безличен, чем мысли, и вряд ли я тут открою вторую Америку.

— Ладно, сойдет, — сказал я ей. — Мы попробуем подобраться как можно ближе, чтобы вы украдкой про-

щупали всю округу. Пусть ваш мозг будет предельно чувствителен. Если вы почувствуете опасность, кричите. Я использую свои эспер-способности до предела, и если вдруг рвану, как стартующий звездолет, значит нашел что-то ужасное. Но настройте свой мозг на них, а не на меня, а я по вам определю направление.

— Трудно все время помнить, что остальные люди лишены способности к мысленному контакту, — кивнула мисс Фарроу. — Слово нормальный человек беседует со слепыми и постоянно упоминает видимые вещи, а его не понимают. Я постараюсь учесть.

— Потом я уйду в тень, — сказал я. — И если начнется суматоха, использую ситуацию. Как только они почувствуют, что наш мозг касается их, то поймут, что мы приехали не для того, чтобы справиться о их здоровье. Что, поехали?

— Я неплохая актриса, — сказала она. — И неважно, что я имею ввиду. Главное, я буду с тобой до конца.

Я погнал машину вперед и развернулся. Легко чувствуя дорогу, двинулся задом по дорожке на вполне приемлемой скорости, полузакрыв глаза, чтобы дать моему восприятию полную свободу действий и концентрацию. На секунду отвлекшись от мысли, как мои колеса пройдут следующий поворот, я подумал: «Надеюсь, эти люди знают лучшую дорогу в Колорадо».

Мисс Фарроу осторожно сжала мою руку, дав понять, что она тоже об этом подумала.

— Здесь мертвая зона, Стив, — внезапно сказала она.

Конечно, это была мертвая зона. Мои чувства натолкнулись на барьер, ослабляющий чувствительность до нескольких ярдов. Однажды у меня уже было такое же мрачное предчувствие, когда я попал в мертвую зону. Я понял, что отчетливо вижу здание, но не в силах преодолеть своими рецепторами несколько футов.

Я продолжал двигаться задом в самое сердце мертвой зоны, пока не оказался на обочине. Мне потребовалась концентрация всех моих чувств, чтобы прощупать дорогу в нескольких футах перед моими задними колесами.

Теперь я двигался ощупью, прокладывая себе путь словно слепой, вдруг мисс Фарроу вскрикнула:

— Они окружают нас, Стив!

Мои руки сжали руль, а правая нога с силой нажала

на педаль газа. машина взвизгнула, словно испуганный баньши, подпрыгнула и с ревом помчалась вперед.

Из кустов выскочил человек и замер перед машиной, словно статуя, широко расставив руки. Мисс Фарроу крикнула что-то нечленораздельное и, обезумев, вцепилась в мое плечо. Рыча, я скинул ее руку, еще сильнее вдавил педаль газа и ударил капотом человека в живот. Машина взбрыкнула и гневно заскрежетала. Мы накричились, дважды подпрыгнули, когда колеса переваливали через его распростертое тело и помчались по дороге, на которой больше двадцати миль не разгонишься. Показалась основная магистраль, и я развернул машину, скрипя задними покрышками, работая тормозами и на удивление удачно выкручивая руль. Мне удалось избежать грозящей опасности.

Потом мы помчались по широкой, удивительно пустынной бетонке. Стрелка спидометра держалась в районе ста пятидесяти.

— Стив, — выдохнула мисс Фарроу, — тот человек, которого ты сбил...

— Когда я отъехал, он был уже на ногах, — сказал я уверенно.

— Знаю, — проговорила она, обернувшись ко мне. — Я проникла в его мозг. Его не задело. Боже! Что мы делаем? — ее голос поднялся до визга.

— Точно не знаю, — сказал я. — Думаю, что делать дальше.

— Но, Стив, что мы можем сделать?

— Поодиночке или вдвоем, — очень мало. Но мы можем убраться подальше от этого хайвея потом убедим четвертого, пятого, пятнадцатого, тысячного. А тогда вновь выйдем на сцену.

— На это уйдет время.

— Конечно. Но мы попробуем. Посмотрим, сколько времени угробим на первый раз.

— Но чего они хотят? — спросила она.

«Этого я сказать не могу. Я не могу сказать многого — как, где и почему. Но знаю, что мы уже завязли в этом деле и отступать поздно» — подумал я.

Можно было бы попробовать на Торндайке. Он бы поверил, если бы мы его нашли. Еще не плохо бы вызвать ФБР. Группу, которая вышла на меня. Парочку хладнокровных типов, которые были способны просеять

миллионы тонн песка, чтобы найти один нужный уголек. Они бы выслушали.

Мисс Фарроу взглянула на часы. Я прощупал их прежде, чем она отозвалась и сказала:

— Одиннадцать часов.

— Вызовешь? — спросила она.

— Нет, — сказал я. — Слишком поздно. Это ведь Нью-Йорк. Группа не будет готова тут же приступить к работе.

— И что же делать?

— Если я наберу номер ФБР и скажу: «Вы готовы?», то между вопросом и ответом пройдет восемь часов. Слишком многое может с нами случиться за это время. Но если я вызову их утром, мы возможно, сможем продержаться до их прибытия, остановившись в каком-нибудь людном месте. Дошло?

— Звучит вполне резонно.

— На том и порешили.

Я прижал педаль газа к самому полу и, превышая скорость, помчался к Денверу.

Мы въехали в Денвер где-то около полуночи и немного поплутали, пока не обнаружили гостиницу, удовлетворявшую наши запросы. Она была достаточно большой, чтобы помешать открытым действиям «врага» и, к тому же, мертвой зоной, которая препятствовала чтению мыслей, пока мы спали.

Посыльный одарил нас презрительным взглядом, когда мы зарегистрировались порознь, но я разрешил ему думать все, что заблагорассудится. Лучше пусть думает хуже, чем есть на самом деле. Он прошествовал в комнату мисс Фарроу на девятом, надеясь на хорошие чаевые — не за службу, а за то, чтобы оставить нас одних. Наконец он устал выдвигать ящики, проверять лампочки иправлять полотенца, и проводил меня на двенадцатый. Я выдворил его с пятью монетами в кулаке.

Если он ожидал, что я спущу его по ступеням, как только он появится у слухового окна, то глубоко ошибался, — я упал как подкошенный и первый раз за последние несколько недель забылся глубоким сном, не нарушаемым судорожными кошмарами. Теперь, имея под ногами твердую почву, я мог наметить какие-то конкретные действия.

Я велел разбудить меня в восемь часов, но сон оказался таким глубоким и крепким, что очнулся уже в семь тридцать. Я торопливо оделся, побрился и решил отложить восьмичасовой звонок. Потом я поднял трубку и попросил телефонистку соединить меня с номером 913.

Трубка взревела грубым, разъяренным мужским голосом. Я рассыпался в извинениях, но парень грохнул трубкой так сильно, что у меня зазвенело в ушах.

Я раздраженно теребил рычажок аппарата, и, когда телефонистка ответила, выговорил ей за ошибку. Она выслушала мои претензии и потом сказала умоляющим голосом:

— Но я вызвала 913-й, сэр. Я попробую еще раз.

— Я хотел сказать ей, чтобы попробовала без всяких «еще раз», но не стал. Я попытался мысленно пробраться через мрак к ее пульту, но не смог продвинуться и на фут. Едва дождавшись, когда она установит связь, я услышал гудок на другом конце. Потом тот же голос, похожий на рев быка, изверг массу точных сведений о людях, звонящих частным гражданам среди ночи, и в середине моих извинений вновь повесил трубку. Я остался ни с чем и потребовал телефонистку соединить меня с администратором. Ему я высказал свои претензии.

— Одну секундочку, сэр, — сказал клерк. Через полминуты он отозвался вновь.

— Простите, сэр. Но у нас не значится никакой Фарроу. Может, я вас плохо расслышал.

— Да нет, же, черт побери! — взорвался я. — Фарроу. Ф — Френк, А — Артур, Два Р — Роберт, О — Оливер, У — Уолтер.

Я увидел регистр, проследил за стрелкой, остановившейся на комнате номер 913, и увидел, что она занята. Потом тот же механизм проводил меня к моей комнате 1224 на двенадцатом.

Наступила мертвая тишина. Затем он сказал.

— Вас зовут мистер Корнелл. Зарегистрированы в комнате 1224 прошлой ночью приблизительно около четырех минут пополуночи.

— О себе я все знаю. Это именно я. И если вы меня зарегистрировали около четырех минут пополуночи, то мисс Фарроу регистрировали около двух пополуночи,

потому что чернила на ее карточке еще не просохли, когда я записывал свое имя. Мы прибыли вместе, мы путешествовали вместе. Как это понимать?

— Я не знаю, сэр. У нас нет постояльцев с именем Фарроу.

— Посмотрите получше! Неужто у вас нет никого с именем Фарроу?

— В регистрационном журнале передо мной — никого. Может быть, в прошлом...

— Оставьте в прошлом. Что за тип живет в 913-м?

Регистратор проинформировал:

— Комната 913 занята мистером Горацием Вестфилдом более трех месяцев. Ошибки быть не может. — Его голос звучал профессионально дружелюбно, и я понял, что он забудет мои претензии, как только телефонная трубка ляжет на рычаг.

— Ладно, — оборвал я разговор. Потом прошел к лифтам, двигаясь словно в полусне. В глубине моего желудка начал формироваться холодный и тяжелый ком. Спина покрылась испариной и пот начал капать с лопаток ледяным градом бить по спине в нескольких дюймах над поясом. Лицу стало холодно, но, когда я провел по нему ладонью трясущейся руки, то обнаружил, что оно покрыто липким потом. Все вокруг стало чудовищно жутким.

— Девятый, — сказал я лифтеру хриплым голосом.

Может это просто такой яркий сон — подумал я, — и стоит мне вернуться в свою комнату, как все пойдет по-старому.

Лифт замер на девятом, я вышел в коридор и постучал в дверь комнаты 913.

Дверь отворилась, оттуда высунулась громадная небритая горилла и проревела:

— А! Опять этот упрямый субчик?

— Послушайте, — сказал я терпеливо. — Прошлой ночью в этом отеле зарегистрировалась моя приятельница, и я проводил ее в этот номер. Сейчас...

Ко мне протянулась длинная обезьянья лапа и сгребла меня за лацканы пиджака. Я влетел внутрь. Дыхание у него было гнилое, а глаза налились кровью. Другой рукой он схватил меня за брюки и потащил в комнату.

— Приятельница? — взревел он. — Здесь вообще нет никаких женщин, видишь?

Он сорвал меня с места, сделал резкий выпад впе-

ред и повалил меня на кровать, пружины которой глубоко вжались под моим телом, а потом швырнул меня обратно, размазав по противоположной стене. Я шмякнулся о стену и медленно сполз на пол. Не успел я собраться с силами и духом, как он одним громадным прыжком перелетел кровать и вновь сгреб меня за лацканы пиджака. Второй кулак отошел на уровень плеча и напомнил мне двадцатипятифунтовый мешок муки, такой же тяжелый, как мешок цемента.

— «Стив, — сказал я себе, — на этот раз ты влип».

— Ладно, — сказал я извиняющимся тоном. — Я допустил большую ошибку. Извините. Я даже допускаю, что вы можете вытереть мной весь отель. Но неужели вы это делаете?

Умственные процессы мистера Горацио Вестфилда не отличались особой медлительностью и неповоротливостью. Они протекали так же быстро, как и физические. Он отвесил несколько комплиментов моему благоразумию, моему воспитанию, моим родителям и моему страху перед настоящим противником. Перечисляя мои достоинства, он отволоч меня к двери и открыл ее. Он закончил лекцию, возвестив, что в будущем я никогда не достигну того, что регистратор гостиницы назвал бы Истинным Благосостоянием, и что, если у меня еще остались какие-то сомнения, то можно обратиться в полицию. Потом он выставил меня за дверь, буквально швырнув. Я пролетел через холл, врезался спиной и расплющился на стене, ожидая, пока не иссякнет кинетическая энергия. Когда дверь комнаты 913 с грохотом захлопнулась, я приземлился на разбитые колени.

Я проклял обычай строить гостиницы в мертвой зоне, хотя тут же признал, что сам оставил без внимания отеля в открытой зоне. Мне нужна была открытая зона и, следовательно, экстрасенсорное восприятие, чтобы понять, что комната 913 была совершенно лишена даже отдаленного намека на присутствие женщины. Собственно, несмотря на животную силу и изрядную мускулатуру, мистер Горацио вряд ли когда-либо принимал в этой комнате женщин.

Было еще одно объяснение: возможно, тут не обошлось без содействия дьявольских сил, породивших накануне вечером комнату, оказавшуюся давным-давно занятой весьма неприятным субъектом. Ведь их характерный

запах серы навсегда впитался в обстановку любого порядочного отеля. Одно удивительно — что общего у них с такой беззаботной птичкой, как Горацио Вестфилд?

Поэтому я пришел к неутешительному выводу, что 913-я комната никогда не принадлежала сестре Фарроу, но я все-таки не удивился, что она исчезла из отеля.

Не вызывая лифта, я воспользовался лестницей и спустился на восьмой. Мое восприятие было не настолько сильным, чтобы оперировать им в этом мраке, но мысленно я знал образ медсестры Фарроу достаточно хорошо. Если бы она оказалась где-то поблизости, я бы уловил ее след даже в таком мертвом пространстве. Я прислонился лбом к двери 813 и ощутил пустоту. Я не мог проникнуть далеко за дверь, но если бы Фарроу была в 813-м, я бы уловил хоть какой-то след. Поэтому я спустился к 713-му, и снова попытал счастья.

Я решил проверить все тринадцать комнат каждого этажа, но когда прислонился лбом к двери 413, кто-то тихо подкрался ко мне со спины и грубо спросил :

— Что вы здесь делаете, мистер?

По одежде он походил на частного сыщика, но, конечно, я не мог прощупать лицензию в его бумажнике, так же, как он — прочесть мои мысли.

— Это тебя не касается, косолапый, — сказал я. — Проваливай. Я разыскиваю друга.

— Лучше пройдемте со мной, — сказал он спокойно. — А то будут жалобы.

— Да? — возмутился я. — Может, я сам подам жалобу.

Я сплюнул, и он улыбнулся. Это была каменная улыбка — безжизненная, как трещина в стене. Он хранил на лице профессиональную улыбку, пока мы не достигли кабинета заведующего. Тот отсутствовал, но за его столом сидел один из помощников. Маленькая табличка на столе гласила: «Генри Уолтон. Заместитель заведующего».

— Кажется, вас что-то беспокоит, мистер Корнелл? — сказал он холодно.

Я решил плясать от печки.

— Прошлой ночью, — осторожно объяснил я, — я приехал в отель. Со мной была женщина, сиделка по вызову мисс Глория Фарроу. Она зарегистрировалась первой и один из ваших служащих проводил ее в 913-ю, а меня в 1224-ю комнаты. Я последовал за мисс Фарроу в

913-й, и видел, как она вошла. Потом служитель проводил меня в 1224-й и оставил там на ночь. А утром я не нашел и следа мисс Фарроу в этом блоховнике.

Он было ощерился на это унижительное прозвище, но взял себя в руки.

— Можете быть уверены, что никто из служащих отеля не собирался вводить вас в заблуждение, мистер Корнелл.

— Я уже по горло сыт этой игрой, — проревел я. — Я, конечно, принимаю ваши заверения, но кто-то же виновен в подмене регистрационного листа.

— Не горячитесь, — ответил он спокойно. — Фальсификация или подмена регистрационной книги отеля незаконна. То, что вы говорите, — это ложь и клевета. Понятно?

— А если это правда.

Я ожидал, что Генри Уолтен пойдет на попятный, но вместо этого он продолжал сверлить меня взглядом с таким отвращением, как будто обнаружил в тарелке с зеленым салатом волосатых гусениц. Ледяным тоном он сказал:

— Вы можете это доказать, мистер Корнелл? — Вы уже показали себя сегодня утром, — просветил он меня. — Поэтому я решил расспросить о вас ночную смену. — Он нажал кнопку. Вошла целая компания и выстроилась в ряд, словно солдаты на проверке.

— Мальчики, — спокойно сказал Уолтен. — Что вы можете рассказать о приезде мистера Корнелла сегодня ночью?

Они с готовностью кивнули.

— Минуточку! — огрызнулся я. — При допросе мне понадобится надежный свидетель. Собственно, если можно, мне хотелось бы выслушать их показания под присягой.

— Вы хотите выдвинуть официальное обвинение? Может, похищение малолетних или незаконное содержание?

— Мне нужен только беспристрастный свидетель, — раздраженно сообщил я.

— Отлично! — Он поднял трубку и что-то сказал. Через несколько минут вошла очень чопорная молодая женщина в сопровождении полицейского. Она внесла одну из миниатюрных неслышных пишущих машинок и привычным движением водрузила ее на подставку.

— Мисс Масон, дипломированная государственная стенографистка, — сказал он. — Офицер, я хотел бы, что-

бы вы заверили копию, когда мы кончим. Это обычное дело, но все должно быть по закону, чтобы удовлетворить мистера Корнелла. А теперь, мальчики, поехали! Поставим точки над «и». Сначала назовите для мисс Масон свое имя, фамилию, должность и положение.

Это было сделано, и тут я заметил, что ночная смена уже расположилась в хронологическом порядке, Первым выступил пожилой агент. Он был ночным швейцаром, но теперь снял золотые адмиральские аксельбанты и выглядел как любой другой человек преклонного возраста, которого постоянно клонит ко сну.

— Джордж Комсток, — начал он, — швейцар. Как только я увидел машину, сворачивающую к подъезду, я нажал кнопку звонка и вызвал посыльного. Прибежал Питер Райт, и стал, выжидая, пока машина мистера Корнелла не остановилась у тротуара. Следом за ним вышел Джонни Олсон, и, пока Питер занимался багажом мистера Корнелла, Джонни сел в его машину и отвел ее в гараж гостиницы...

— Пусть каждый говорит сам за себя. И не торопитесь, пожалуйста, — прервал его Уолтон.

— Ладно. Тогда послушайте до конца. Джонни Олсон сел в машину мистера Корнелла, Питер Райт забрал багаж мистера Корнелла, который последовал за Питером.

Повинуясь кивку заместителя заведующего, на полшага вперед выступил следующий в шеренге.

— Я Джонни Олсон. Я вышел из дверей за Питером Райтом, и после того, как Питер забрал багаж мистера Корнелла, я сел в его машину и отвел ее в гараж.

Третьим был посыльный Питер Райт.

— Я поставил его багаж на стол и подождал, пока он зарегистрируется. Потом мы поднялись в комнату 1224. Я открыл дверь, зажег свет, открыл окно и туалет. Мистер Корнелл дал мне пять долларов, и я оставил его одного.

— Я Томас Бус, лифтер. Я доставил мистера Корнелла и Питера Райта на двенадцатый. Питер велел мне подождать, потому что он ненадолго, и я подождал на двенадцатом, пока он не вернулся. Вот и все.

— Я Дорис Каспар, ночная телефонистка. Мистер Корнелл вызвал меня около пятнадцати минут первого и попросил разбудить его, позвонив в восемь часов утра.

Потом он позвонил в семь тридцать и сказал, что он уже проснулся.

— Так как, мистер Корнелл? — сказал Генри Уолтон.

— Но...

Полицейский выглядел озадаченным:

— Что все это значит. Если меня позвали засвидетельствовать подобные показания, то я ничего не понимаю.

Уолтон взглянул на меня. Я не знал, что ответить, но тем не менее сказал:

— Прошлой ночью я прибыл сюда с женщиной, и мы зарегистрировались в разных номерах. Мы прошли в 913-й, я подождал, пока она устроится и потом поднялся в свою комнату на двенадцатом. Сегодня утром она бесследно исчезла.

Я продолжал, упомянув еще о кое-каких деталях. Но чем больше я говорил, тем выше поднимались его брови.

— Вы что-нибудь пили? — спросил он резко.

— Нет.

— Точно?

— Абсолютно.

Уолтон взглянул на свою команду.

— Да, кажется, он не был под градусом и твердо держался на ногах, — проговорили они хором и добавили еще кучу эпитетов, по которым выходило, что я был в дупель пьян, просто не из тех парней, по которым это видно с первого взгляда.

Полицейский тихо прыснул:

— А зачем с вами путешествовала эта медсестра?

Я изложил им удовлетворительные объяснения насчет случайности, что я оказался на мели и так далее. Собственно я сделал это, чтобы доказать полицейскому, что у меня твердый характер. По его отношению было видно, что он считает, будто любой человек, путешествующий в машине с медсестрой-сиделкой, либо ненормальный, либо калека.

И тут меня осенило. Я повернулся к Джонни Олсону.

— Вы видели мою машину? — спросил я его.

Он кивнул.

— В моем автомобиле сколько угодно доказательств. Между тем, подумайте, офицер, как просто оказалось изобличить меня во лжи. Но стоило ли добиваться допроса при свидетелях, если бы я не был уверен в собст-

венной правоте. Я стоял за мисс Фарроу, когда заполняли и подписывали регистрационный лист и регистрационные карточки, а не старые регистрационные книги. Карточку очень просто подменить или перепутать...

— Если это обвинение, я склонен был бы услышать это в суде и по всем правилам, — зло оборвал Уолтон.

Полисмен казался невозмутимым:

— Скажем проще, мистер Корнелл. Ваша история не столь нелепа. Но служащие отеля сменялись один за другим. И по записям явствует, что вы постоянно были на глазах по крайней мере двух человек с того момента, как ваша машина подрулила к главному входу, и до того момента, как вы оказались в своей комнате.

— Вы обвиняете меня в похищении! — вставил помощник заведующего.

— Вы обвиняете меня в умственной неполноценности! — проревел я. — С какой стати нам ходить вокруг да около, ища виноватых, когда проще рассказать все начистоту.

Мы мрачно уставились друг на друга. Атмосфера накалялась. Только полицейский и дипломированная стенографистка, едва касавшаяся беззвучных клавиш пишущей машинки, невозмутимо мотали на ус каждое слово.

Потом наступила тишина, которую прервал вернувшийся Олсон.

— Ваша машина подана, — зло бросил он.

— Прекрасно, — сказал я. — Выйдем посмотрим. Там вы отыщете сколько угодно следов мисс Фарроу. Офицер, вы телепат или эспер?

— Эспер, — сказал он, — но не здесь.

— Насколько простирается эта чертова мертвая зона? — спросил я Уолтона.

— До середины тротуара.

— Отлично. Тогда пошли.

Мы двинулись к дороге. Мисс Масон вынесла свою маленькую молчунью, вытянув повыше подставку, чтобы можно было записывать стоя. Мы встали у обочины, и я, торжествуя, заглянул в свою машину.

И тут моя спина вновь покрылась холодным потом. Машина сверкала и блестела чистотой. Ее вымыли, выскоблили и отполировали, пока она не стала как новая,

словно только что сошла с подмостков магазина. Уолтон выглядел озадаченным, и я хлестнул его мыслью:

«Чертов телепат!»

Он слегка кивнул и сказал тихо:

— Я очень извиняюсь, но мы не можем найти каких-либо отпечатков пальцев, ками видите. — Он повернулся к полицейскому и продолжил: — Мистер Корнелл станет обвинять нас в том, что мы умышленно вымыли его машину, чтобы скрыть улики. Однако, можете узнать у начальника охраны отеля, что мойка машины является здесь обычной услугой. Короче, если кто-либо из гостей ставит машину в наш гараж и его машина не выглядит как с иголки, кто-нибудь обязательно наведет в ней лоск.

Вот так-то! Я быстро огляделся, так как пора было сматываться. Если я останусь и начну приводить еще какие-нибудь аргументы, из меня сделают отбивную котлету. Я не сомневаюсь, что весь персонал гостиницы причастен к исчезновению медсестры Фарроу. Но они провели свою работу так, что если бы вопросы били не в бровь, а в глаз, мне пришлось бы выдержать официальную атаку, острием которой было бы обвинение в убийстве и сокрытии трупа.

Поэтому я открыл дверцу и забрался внутрь. Я открыл ящичек для перчаток. Карты были сложены в одну кучу, а все пометки начисто стерты. Я покопался в нем, уронил пару карты на пол и, поднимая их, повернул ключ зажигания, который Олсон оставил в машине.

Завизжав шинами, я сорвался с места.

Послышался пронзительный перелив полицейского свистка. Завернув за угол, я прощупал свои тылы. Они вернулись в отель. Я не верил, что полицейский был частью их заговора, но мог поспорить, что Уолтон сунул полисмену пачку хороших сигарет, чтобы тот помог им избавиться от весьма неуживчивого клиента.

9

Колорадо все еще оставался той частью Соединенных Штатов, где любой человек мог пойти в магазин и спокойно купить себе револьвер, словно обыкновенные грабли или лопату. Я выбрал "Бонанзу 375", потому что он был достаточно маленьким, чтобы уместиться в заднем кармане, позволяющим ему не стеснять меня в

движениях и обладающим убойной силой, способной остановить разъяренного гиппопотама. Я не знал, способен ли он продырявить мекстромову шкуру, но от его пули любая мишень, по крайней мере, шлепнется наземь.

Затем я покатил в Вайсмин, достиг Иеллоустоуна, и в один прекрасный день оказался на той самой дороге, что была изображена на открытке Торндайка. Смело и во всеоружии я поехал дальше и увидел дорожные знаки, которые повели меня к цели.

Наконец, я подъехал к сломанной перекладине. Она указывала на какое-то напоминающее ферму хозяйство, расположенное посреди мертвой зоны. Я осторожно осмотрел его, не решаясь двигаться дальше, так как в мои планы не входило ломиться в дверь, словно какому-то жалкому коммивояжеру.

Вместо этого я проехал до следующего города в двадцати милях, которого достиг уже в сумерках. Я остановился перекусить, наблюдая за дорогой, убил несколько минут в баре и где-то около полуночи отправился обратно. Имя, которое я выудил на почтовом ящике, было «Маклин».

Не сворачивая, Я остановился у обочины автострады, прикинув, что только доктора пси-ранга могли нащупать что-то на таком расстоянии. Я решил, что вряд ли там есть подобный умственный гигант.

Мой путь к ферме пролегал через поля и холмы. Я простер свое восприятие как можно дальше, и, ощупывая землю фут за футом, искал следы, настораживающие линии, отпечатки и контуры тех, кто поджидал меня в засаде. Но не заметил никакой ловушки или ее следов на всем пути до мертвой зоны.

Возможно, они знали о моем присутствии и спокойно поджидали, когда я попаду к ним в лапы, в сердце зоны. Поэтому я был очень осторожен, когда, осмотрев окрестности, решил проникнуть ближе к дому.

Я вошел и совершенно пси-ослеп. Звезды давали достаточно света, чтобы не угодить в какую-нибудь нору, или о что-нибудь не споткнуться, но через несколько ярдов все сливалось в крошечной мгле и становилось совершенно черным. Вокруг царила мертвая тишина, и слышался только легкий шорох ветра в ветвях деревьев.

Ясновидения хватало не дальше, чем видели глаза. Я шел все дальше и дальше в зону, утратив последние яр-

ды восприятия. Я зондировал тьму, словно тыкал пальцем в висящее шерстяное одеяло. Она отступала, когда я силился проникнуть как можно глубже в каком-нибудь направлении, но когда я отвлекался, тьма тут же возвращалась на прежнее место.

Я пригнулся, и, пройдя несколько шагов в зону, нашел место, откуда проглядывали контуры дома. Темный, безмолвный, он казался необитаемым. Было бы неплохо, если бы в колледже читали курс о взломах, кражах и тому подобных операциях. Я продвигался очень медленно. Полжизни я провел, перебираясь через перила задней террасы. К тому же я боялся. В любой момент они были вправе открыть окно, вытянуть грабли и превратить меня в кровавое месиво.

Зона действительно казалась мертвой. Моего восприятия хватало не более чем на шесть дюймов ото лба. Может быть, вид Стива Корнелла, прижимающего лоб к краю окна, был смешен и забавен, но только не сейчас.

Правда, я обнаружил, что оконная рама не закрыта и створку можно было открыть снаружи. Я вошел в столовую. Внутри было темно, как в пропасти.

Следуя интуиции и инстинкту, я пересек столовую и ухитрился без особого шума пробраться в коридор. Там я остановился и спросил себя, — а чего, собственно, я добиваюсь. Пришлось согласиться, что конкретного плана у меня нет. Я прокрался сюда, чтобы выудить какую-нибудь информацию.

За холлом находилась библиотека. По-моему, можно многое почерпнуть об обитателях дома, осматривая их библиотеку, и поэтому я принялся рассматривать корешки книг.

Книги библиотеки утверждали, что эта семья славится широтой взглядов. Там было все: от научной фантастики до Шекспира, от философии до приключений. Короткий ряд детских книжек, Библия, Британская энциклопедия. Но никаких намеков на какое-то особое пристрастие.

Я нащупал ступени и начал очень медленно подниматься. На третьем шаге я понял, что был не прав. Какие бы чувства они не питали, вряд ли стали бы устраивать ловушки в своей библиотеке. Что-то не вязался образ взломщика, набивавшего мешок в кабинете, или убийцы, притаившегося с оружием за камином.

Однако у всех есть бумаги и вещи, которые не стоит показывать первому встречному. И если их не окажется на втором этаже, то придется спуститься в подвал. И уж если там меня не схватят, я прошупаю все это чертово логово дюйм за дюймом, включая, по возможности, даже те комнаты, где спят люди.

На пятом шаге что-то закрипело, напоминая звук вытаскиваемого из дерева гвоздя. Я замер, силясь распознать опасность, но осознав, что вокруг мертвая зона, оставил свои потуги. Многого здесь не добьешься. Правда, куда хуже пробовать это в свободной зоне.

Я продолжал подниматься, и когда моя голова оказалась на уровне пола, все стало снова пси-свободным.

В доме было на удивление чисто и свободно. На уровне второго этажа мертвая зона исчезла, а поверхность пола была чистой, яркой и сверкающей. Я замер и посвятил несколько минут прощупыванию обстановки. Мертвая зона вздымалась над кровлей, теряясь из вида вне моей досягаемости. Из того немногого, что я смог различить в темноте пси-зоны, я понял, что она напоминала по форме воздушное пирамидальное пирожное, за исключением центральной дыры, которая вела вниз, до первого этажа. Для здания такое было просто удивительно. Сохранение тайны гарантировалось на первом этаже, с дороги и окружающей территории, а на втором этаже было совершенно свободное пси-пространство для близких родственников и друзей. Мертвая зона идеально соответствовала любой форме дома.

Я воздал дань архитектуре и занялся домом, потому что дальше, прямо перед моим носом, я уловил знакомые черты медицинского кабинета. Я преодолел остаток лестницы и оказался в медицинском кабинете. Ошибиться было невозможно. Обычный кабинет, полный инструментов, столик для лабораторных анализов, полки с маленькими пузырьками и мензурками, а вдоль одной из стен — целая библиотека книг по медицине.

Для полного порядка не хватало только таблички над дверью — «Доктор С.П.Маклин».

В углу библиотеки лежала стопка больших тетрадей. Я вытащил несколько и поднес к лицу. Мне не понадобился свет, поскольку я был эспером.

Но даже в открытой зоне они сказали мне очень мало. Ясновидение не схоже со зрением, объяснить это —

все равно, что услышать печатное слово или представить зигзаги зеленой змейки осциллографа. Экстрасенсорное восприятие дает возможность уловить форму и суть вещей и их взаимосвязь с другими вещами. Это словно обзирать предмет сразу со всех сторон, если, конечно, такое можно себе представить. Это относится и к записям, тетрадям, дневникам. Я должен читать их буква за буквой, прощупывая чернила на странице, а если у парня к тому же отвратительный почерк, то тогда совсем дохлый номер — все равно, что читать на латыни. Если же почерк четок, или как-то стилизован, дело идет на лад. А если там говорится обо мне, становится еще проще. Но как только...

— Что вы ищите, мистер Корнелл? — услышал я полный сарказма голос. В тот же миг вспыхнул свет.

Я повернулся и, потянувшись к заднему карману, тут же шлепнулся на колени. Под дулом моего 375-го оказалось затянутое в шелк изваяние. Безоружная, она стояла надменно и лениво, что было как-то неестественно. Мои чувства предупредили бы об опасности, если бы она имела какое-нибудь оружие, даже если бы я увлекся чтением записок.

Я поднялся с колен, повернулся к ней лицом и наскоро окинул ее тело своим восприятием. Она была еще одним мекстромом, и это меня не удивило.

— Я, кажется, нашел то, что искал, — сказал я.

Она чуть скорбно кивнула:

— С чем вас и поздравляю, мистер Корнелл.

«Телепат?»

— Да, и неплохой.

«Кто еще проснулся?»

— Пока только я, — ответила она спокойно. — Но я хочу позвать остальных.

«Лучше не надо, сестричка».

— Не будьте идиотом, мистер Корнелл. Надо или не надо, а вы уберетесь из этого дома, иначе я вас заставлю.

Я быстро облетел своим восприятием весь дом. Двое пожилых людей спали в передней комнате. За ними спал одинокий мужчина, на двухъярусных кроватках в спальне, примыкавшей к холлу, спали двое подростков. Следующая комната, наверное, принадлежала ей — постель была смята, пуста. В следующей за медицинским кабинетом комнате находился человек, весь укутанный бинтами

и увешанный гирляндами крошечных скляночек, в которых находилось все, что угодно, начиная от крови и плазмы, и кончая водой и жидкостью для смазки суставов. Я попытался узнать лицо под бинтами, но понял только то, что оно наполовину из мекстромовой ткани.

— Он болен Мекстромовой, — сказала спокойно мисс Маклин. — Сейчас он без сознания.

— Наверняка, один из ваших дружков, — почти прорычал я.

— Не совсем, — сказала она. — Позвольте заметить, что это бедный больной человек, который умер бы, не поставь мы вовремя диагноз.

Тон и выражение ее голоса взвинтили меня окончательно. Видимо, она считала себя настоящим благодетелем человеческой расы и была уверена, что ее приятели помогут бедолаге, подхватившему Мекстромову болезнь.

— Правильно, мистер Корнелл.

— Кретины, — просипел я.

— Стоит ли обсуждать мои слова? — спросила она с издевкой.

Я гневно окинул ее взглядом и почувствовал, как моя рука сжала пистолет.

— У меня есть причина быть подозрительным, — сказал я ей голосом, который, как я надеялся, звучал на ее манер. — За последние полгода люди исчезают безо всяких следов, за исключением того обстоятельства, что я находился где-то поблизости. И ко всему прочему, здесь замешаны ваши тайные общества и Мекстромова болезнь.

— К несчастью, — добавила она спокойно.

Я едва удержался от крика:

— К несчастью? — и продолжил, справившись с голосом — Люди умирают от Мекстромовой, потому что вы держите в секрете лекарство. Мне пришлось рыскать от знака к знаку, чтобы... — я запнулся, потому что действительно не знал, зачем.

— К несчастью, вы по уши завязли в этой истории, — сказала она сурово. — Потому что...

— К несчастью для всех! — выпалил я. — Потому что я собираюсь раскрыть это дело и предать гласности.

— Я вас не боюсь. Когда вы захотите уйти отсюда, то поймете, что не сможете сделать это без моего разрешения.

— Мисс Маклин, — огрызнулся я. — У ваших мекстромов твердые тела. Но неужели вы думаете, что они устоят перед свинцом?

— Вряд ли когда-нибудь вы это узнаете, мистер Корнелл. Видите ли, мистер Корнелл, у вас не хватит мужества спустить курок.

— Не хватит?

— Нажмите! — сказала она. — Или признайтесь, что вы уже не в том возрасте, когда верят, что можно обмануть телепата.

Я смущенно взглянул на нее. Она была права. В ней чувствовалась сила, основанная на слабости. Я не мог нажать курок и вогнать 0,375 дюйма свинца в это твердое, покрытое шелком, изваяние.

10

Слегка изменив цель, я нажал на курок, и «Бонанза 375» выстрелил с грохотом атомной бомбы в телефон. Свинец просвистел между ее рукой и телом и высверлил настоящий кратер в пластике за ее спиной.

Это поколебало ее надменность. Краска сбегала с ее лица и она невольно отшатнулась. Я успел заметить, что, хотя ее тело было твердым, как хром, нервная система оставалась человеческой и достаточно чувствительной к внезапным шокам. Она взяла себя в руки и застыла, прямая и бледная, приложив изящную, но твердую, как сталь, ладонь к своему рту.

Потом я прощупал жильцов, которые сорвались с насеста, будто вымуштрованная команда пожарных по сигналу тревоги. Кое-как одетые они появились на пороге в следующем порядке: парень двадцати двух — двадцати трех лет, влетевший в комнату диким галопом и оторопевший под дулом 375 калибра; парочка четырнадцатилетних близнецов, которые обратились бы в бегство, не наткнись сперва на дуло моего оружия; папаша и мамаша Маклин, которые живо, но без паники явились в библиотеку.

Наконец, мистер Маклин прокашлялся и сказал:

— Могу я получить объяснения, мистер Корнелл?

— Я — крыса, которую загнали в угол, — сказал я веско. — И поэтому я боюсь. Я хочу унести отсюда ноги. И

боюсь, что если мне помешают, я начну паниковать и причиню кому-нибудь вред. Понятно?

— Само собой, — спокойно сказал мистер Маклин.

— Вы дадите ему уйти? — спросил старший сынок.

— Фред, нервный человек, да еще с револьвером, очень опасен. Особенно, если у него нет даже элементарных навыков профессионального взломщика.

Я не мог не восхититься спокойной самоуверенностью старого джентльмена.

— Молодой человек, — обратился он ко мне. — Вы делаете ошибку.

— Вряд ли, — отрезал я. — Я очень долго шел по следу чего-то таинственного и вполне определенного, и теперь не позволю этому идти своим чередом. — Я покачал пистолетом, и они все, казалось, смирились, за исключением мистера Маклина.

— Пожалуйста, опустите оружие мистер Корнелл. Не добавляйте к своим преступлениям еще и убийство, — сказал он.

— Тогда не заставляйте меня прибегать к этому. Уйдите с дороги и дайте мне спокойно удалиться.

Он улыбнулся.

— Не нужно быть телепатом, чтобы понять, что вы не станете нажимать курок, пока вас не толкнут на это, — объяснил он спокойно. Он был настолько прав, что привел меня в бешенство. — К тому же вы уже истратили четыре пули просто так, — добавил он. — Вы уже не хотите прибегать к оружию, мистер Корнелл.

Что ж, я не стану пользоваться оружием. Он напомнил мне, что невозможно выпустить пулю без мысли о нажатом курке. Кроме того, он имел в виду, что если я собирался устроить хорошую бойню, то в моем барабане оставалось всего две пули. А даже одних близнецов было бы более чем достаточно, чтобы разорвать меня на части, когда барабан револьвера станет пуст.

— По-моему, вы слишком самонадеянны, мистер Корнелл, — сказал он с чарующей улыбкой.

— Ну, вы, вежливая свора!

— Прошу вас! — оборвал он резко. — Моя жена и дочь не привыкли к подобным оскорблениям. Хотя сын и близнецы, возможно, знают достаточно выражений, чтобы не сдерживаться. Спокойнее, мистер Корнелл! Давайте будем предельно вежливы! Одно неверное движение,

и вы выстрелите, а это означает крах для всех нас. Одно ваше неверное движение или слово, и кто-то из нас обидится, а это будет фатально. Давайте успокоимся и все обсудим.

— Что обсудим? — спросил я.

— Мир. Или, скажем, перемирие.

— Согласен.

Он взглянул на семью, и я проследил за его взглядом. Мисс Маклин прислонилась к стене с чрезвычайно заинтересованным видом. Ее старший брат Фред стоял начеку, готовый в любой момент броситься вперед, но не вполне сгруппировавшись для прыжка. У миссис Маклин застыла на лице обезоруживающая улыбка, которой она одарила меня по неизвестной причине. Близнецы стояли бок о бок, и на лице у них было написано замешательство. Я прикинул, были ли они эсперы или телепаты. Двойняшки бывают либо теми, либо другими, в зависимости от того, однойцевые они или нет. Собственно, меня беспокоила их сила. Казалось, они смотрели на меня, словно на бедную заблудшую овечку, которая забрела к ним на огонек, после того как долго вращалась в дурной компании. Они напомнили мне Харрисонов, которые выглядели так же приветливо и дружелюбно, когда я разыскивал там Катарину.

Вот кого я действительно хотел бы увидеть, так это Катарину.

И тут до меня дошло, что второе, чего я желаю, так это обладать мекстромовой плотью, стать суперменом.

— Думаете, — сказала мисс Маклин, — что это возможно?

— Невозможно? То, чего достигли вы, не суждено иметь мне?

— Мекстромова болезнь, — спокойно ответила мисс Маклин.

— Прекрасно! — взорвался я. — И где же мне ее подцепить?

— Вы подцепите ее так или иначе, или не подцепите совсем, — сказала она.

— Послушайте, — начал было я, но мистер Маклин остановил меня, подняв руку.

— Мистер Корнелл, — сказал он, — мы оказались в очень затруднительном положении, пытаюсь убедить человека, что его мнение предвзятое. Мы не в силах пред-

ставить прямых доказательств. Единственное, что мы можем рассказать вам,— это то, что нам известно о Мексстромовой болезни. Но никто из нас не привил себе инфекцию специально.

— Так я вам и поверил!

— В этом и вся соль. Мы не в силах привести никаких доказательств. Мы можем только ссылаться на нашу честность, правдивость, доброту, гордость, альтруизм и тому подобные качества. Мы можем говорить до второго пришествия и ничего не добьемся.

— Тогда чего же вы добиваетесь? — спросил я.

— Надеемся заставить вас усомниться в ваших взглядах, — сказал он. — Спросите себя, с какой стати наша семья должна представлять вам какие-то доказательства.

— Хорошо, скажу. Но, все равно, я ничего не понимаю.

— Вот именно, — рассмеялся он. — Конечно.

— Послушай, па, — прервал Фред Маклин, — чего мы цацаемся с этим типом?

— Я надеюсь, что мистер Корнелл попытается взглянуть на все это с нашей точки зрения.

— Стоит ли? — огрызнулся я.

— Пожалуйста, не тратьте попусту мое время. Вы пришли сюда раздобыть какую-нибудь информацию, и вы ее получите. Хотите верьте, хотите нет, но будет именно так. Она ляжет в каком-нибудь темном уголке вашей памяти и потом, при случае, выплывет наружу, и вы все обдумаете, сравните, взвесите. Как инженеру-механику вам проще понять то, что мы, гуманитарии, называем бритвой Окаама.

— Закон наименьшего воздействия, — сказал я автоматически.

— Что? — переспросила миссис Маклин.

— Я прочла в мозгу мистера Корнелла, мама, — сказала мисс Маклин. — Закон наименьшего воздействия можно представить так: если нагреть ведро бензина, смешанного с древесными опилками, существует определенная вероятность, что бензин вспыхнет первым, ибо он легче возгорается, то есть склонен к наименьшему воздействию.

— Правильно, — сказал я. — Но какое это имеет отношение ко мне?

— Просто ваше предчувствие насчет Катарины ока-

залось верным. Во время аварии у нее вскрылась начальная форма Мекстромовой болезни. Харрисонам пришлось забрать ее, чтобы спасти от смерти. Сейчас, после всех ваших приключений, мы можем проследить ваши мытарства. Катастрофа для некоторых лиц стала подарком судьбы. В результате ее в руках медиков оказался человек, в чей разум можно было незаметно насадить ненавязчивый интерес к странным дорожным знакам и прочим удивительным уликам. В итоге вы отправились в это путешествие.

Звучало вполне логично, но тут же возникало множество вопросов.

— Давайте, мистер, немного отвлечемся, — продолжал мистер Маклин. — Как вы относитесь к Мекстромовой болезни ?

— Ну, это просто. Она стала проклятием человеческой расы, за исключением тех нескольких групп, которые знали, как ее лечить. Излечившись, из так называемых жертв, они сразу становились настоящими суперменами. Единственное, что мешало восторгам и ликованию — это число неудачников, которые подхватили чуму и умерли в мучениях — или наложили на себя руки — без помощи и сострадания.

Он кивнул, когда я находился еще на полпути к выводам, но в душе уже протестовал против них.

— Мистер Корнелл, — вы возомнили, что ваша судьба в чьих-то руках. Вы считаете, что человеческая раса смогла бы извлечь выгоду из Мекстромовой болезни.

— Возможно, если все будут помогать друг другу и работать вместе.

— Вместе? — спросил он лукаво. Я вновь затосковал по возможностям телепата, и понял вдруг, что хожу вокруг да около только потому, что экспер не способен узнать всю правду. Я молчал, напряженно думая.

Тут меня осенило. Ведь существуют люди, которые терпеть не могут диктатуру и есть люди, которые еле выносят демократию. В любом сообществе найдутся обделенные Богом души, которые плевать хотели на остатки человечности. Они стремятся к диктатуре, и борются за нее, пока она не приходит.

— Верно, — сказал мистер Маклин. — И все же, колько они могут продержаться?

— Недолго. Пока хватит сил сохранять свою популярность.

— Вернее, пока у них хватит сил облагодетельствовать других, чьи умы в согласии с ними. Так что, теперь, мистер Корнелл, вы можете использовать этот явный набор слов в споре с самим собой. Мы представляем две группы. Одна пытается установить иерархию местромов, в которой остаткам человеческой расы суждено стать дровосеками и водоносами. В противовес ей существует другая группа, которая считает, что ни один человек, ни одна группа людей не имеет права рвать и пинать человека, которому судьбой даровано тело супермена. Мы не собираемся сторожить сторожей, мистер Корнелл, и не хотим взваливать на свои плечи выбор. Подумайте об этом на досуге.

— На досуге, — хмыкнул Фред Маклин. — Не собираешься ли ты...

— Вот именно, — твердо сказал его отец. — Мистер Корнелл может оказаться именно тем агентом, посредством которого мы сможем победить. — Потом добавил, обращаясь ко мне: — Ни одна группа не сможет раскрыться, мистер Корнелл. Мы не можем обвинять другую группу в какой-то нечистоплотности. Как, впрочем, и они нас. Их стиль нападения заключается в том, чтобы навести вас на наш след, помогая тем самым группе тайного руководства, занимающегося производством суперменов.

— А почему бы и нет? — сказал я. — У вас ведь нет за душой ничего дурного?

— Подумайте о тех миллионах людей, которые не учились дальше подготовительных классов, — сказал он. — Это люди со скрытыми пси-способностями, не получившие должной тренировки, или бедолаги, которые вообще не имеют пси-способностей. Вы знаете историю института Райна, мистер Корнелл?

— Довольно смутно.

— Когда он начал в Герцогском Университете, над ним все смеялись. Насмешники и злословы, разумеется, были людьми с наименьшими пси-способностями. Стоит заметить, что хотя пси-способности оставались скрытыми, они иногда все же давали знать о себе. Но сторонникам Райна удалось подтвердить его теорию и, вероятно, разработать систему тренировок, развивающих пси-способности. Потом, мистер Корнелл, те, кому суждено было

родиться с высокой способностью телепата и эспера-ясновидца, как обычно говорят сами эсперы, потому что ничего экстраординарного и сверхестественного в ясновидении нет, обнаружили, что люди, лишенные этого тонкого чувства, ненавидят и подозревают их. Прошло не менее сорока-пятидесяти лет, прежде чем рядовой обыватель смог воспринимать телепатию и ясновидение, как опытное ухо музыку, или опытный глаз живопись. Пси — это талант, которым в той или иной мере владеет каждый и сейчас его воспринимают почти без злобы и недоразумений.

— А теперь посмотрим, — продолжал он задумчиво, — что случится, если мы публично заявим, что перенесли Мекстромову болезнь, став из несчастных жертв настоящими суперменами. Наш главный враг поднимет голову и завопит, что мы скрываем секрет, и ему поверят. На нас набросятся всей сворой, начнут преследовать и, скорее всего, прикончат, в то время как враг будет подбирать и выискивать жертвы, чьи взгляды сходятся с его собственными.

— И кто же он? — спросил я, хотя уже знал ответ. Просто мне хотелось услышать ответ вслух от него.

Он покачал головой.

— Я не скажу. Потому что не хочу обвинять его во всеуслышанье, как и он не сказал тебе прямо, что мы подпольная организация, которую следует искоренить во что бы то ни стало. Он знал о людях хайвея и о нашем лечении, потому что сам использует аналогичные средства. Он будет скрываться, пока его не выведут на чистую воду, прижав к стене прямыми уликами. Вы ведь знаете закон, мистер Корнелл.

Еще бы мне не знать закон! До тех пор, пока обвиняемый является в суд с чистым сердцем и по доброй воле, он в безопасности. А мистер Фелпс мог с полной уверенностью настаивать на обвинении, но, с другой стороны, не мог привести против меня бесспорных прямых улик. Что же касается моего обвинения, я мог бы привлечь его как соучастника. А он тут же вызвался бы продемонстрировать не только доказательства, но и самые чистые, благородные намерения. Короче говоря, старый фокус, когда подставляют другого, чтобы скрыть свое преступление, стал попросту невозможен в современном мире всеобщей телепатии. Закон, конечно, утверждает, что

каждый подозреваемый может безбоязненно думать о чем угодно, если нет прямых доказательств его причастности к преступлению. Но как же туго придется свидетелю, если он начнет кривить душой! Хотя само по себе это еще не будет преступлением.

— И еще, — сказал мистер Маклин. — Представьте себе медика, которого нельзя профессионально квалифицировать, потому что он телепат, а не эспер. Он всей душой стремился стать ученым-медиком, как его отец, и дед, но его телепатические способности не позволяют ему быть настоящим ученым. Доктором — пожалуйста, но ему никогда не получить полного образования, на самом высшем уровне. Такой человек чувствует себя обойденным и отвергнутым, становясь благодатной почвой для теории суперменства.

— Доктор Торндайк! — воскликнул я.

Его лицо было безжизненным, как незаконченный бронзовый бюст. На нем не было ни утверждения, ни отрицания. Оно было наигранно невозмутимым. Так или иначе, из него ничего не вытянешь.

— Так вот, мистер Корнелл, я дал вам пищу для размышлений. Я не говорил прямо, никого не выдавал. Просто я обезопасил себя, доказал свою невиновность. И тем не менее, я надеюсь, что вы уберете свою пушку и освободите помещение.

Я вспомнил о «Бонанзе 375», который все еще держал в руке, и стыдливо сунул его в задний карман:

— Но, пожалуйста, сэр...

— Не надо, мистер Корнелл. В любом случае, я не раскроюсь полностью, дабы избежать дальнейших неприятностей. Я извиняюсь перед вами. Не так-то легко быть пешкой. Но надеюсь, играть вы будете за нас, и это пройдет для вас безболезненно. А теперь, пожалуйста, оставьте нас в покое.

Я пожал плечами. И оставил. Когда я уходил, мисс Маклин коснулась моей руки и сказала с нежностью в голосе:

— Я надеюсь, вы найдете вашу Катарину, Стив. И надеюсь, что когда-нибудь сможете на ней жениться.

Я глупо кивнул. И только идя по дороге к своей машине, я вдруг понял, что ее последнее замечание чем-то схоже с пожеланием переболеть корью, после чего у меня выработался бы к ней иммунитет.

Я вошел в квартиру. Там было затхло, пыльно и как-то одиноко. Несколько Катарининых вещей все еще валялись на столике. Они казались немим укором, и я накрыл их кипой почтовой макулатуры, которая накопилась в мое отсутствие. Достав бутылку пива, я начал просматривать корреспонденцию, перелистывая рекламу, сваливая в кучу журналы и откладывая редкие деловые письма, напоминавшие мне, что я все еще инженер и что капиталы не беспредельны, и, наконец, наткнулся на письмо.

Письмо.

«Дорогой мистер Корнелл!

Очень рады, что вы дали о себе знать. Мы переехали не потому, что Мариан подцепила Мекстромову, а потому, что мертвая зона передвинулась, наполнив нашу жизнь заботой и суетой.

Мы все здоровы и желаем вам всего наилучшего.

Пожалуйста, не думайте, что вы в долгу перед нами. Мы освобождаем вас от каких бы то ни было обязательств. Нам очень жаль, что с вами не было вашей Катарини. Может, тогда бы ничего и не произошло. Но мы уверены, что наше имя связано с самым горестным периодом вашей жизни, и было бы лучше, если бы вы забыли о нашем существовании. Пусть это горько говорить, Стив, но если смотреть правде в глаза, единственное, что мы для вас можем сделать, так это постоянно напоминать о постигшем вас несчастье.

Привет вам от всех наших. Мы рады случаю выразить вам свою искреннюю признательность. Прощайте.

Филипп Харрисон».

Я печально хмыкнул. Приятное письмо, но правдой не блещет. Я сам попробовал выудить его скрытый смысл, но безрезультатно. Ладно. Собственно, на большее я и не рассчитывал. Даже если бы они не написали вовсе, я делал бы то же самое.

Поэтому я сел и написал Филипу Харрисону записку: «Дорогой Филипп!

Получил сегодня ваше письмо, вернувшись из долгого путешествия по Западу. Рад слышать, что Мариан уберегли от Мекстромовой болезни. Я всегда говорил, что это фатально. Однако, надеюсь, вскоре свидимся.

С уважением Стив Корнелл».

Вот так-то! — подумал я.

Тут на помощь мне и моему чутью пришел маленький шелковый носовой платок Катарины, который она за была во время одного из своих визитов. Я засунул его в конверт и написал на нем, что письмо предназначается Филипу Харрисону, опустил его около одиннадцати ночи в почтовый ящик и решил до утра не суетиться.

В конечном итоге его вынули и отнесли в местное почтовое отделение, а оттуда его переправили в 34-е отделение Пенсильванского вокзала, где я нащупал его в главной багажной секции. Я околачивался, пока не привлек внимание полицейского:

— Что-нибудь ищите, мистер Корнелл?

— Да нет, — сообщил я легавому телепату. — А что?

— Вы прощупываете каждый багаж, выносимый отсюда.

— Я?

— А кто же еще, бандюга? Или прощупать твой путь из тюрьмы?

— Вы не можете арестовать человека только за его мысли.

— Зато могу арестовать за бродяжничество, — сказал он едко.

— У меня билет на поезд.

— Вот и используй его по назначению.

— Конечно. Когда придет время.

— А какой поезд? — спросил он подозрительно. — Ты пропустил уже три.

— Я жду особого, офицер.

— Тогда, будьте любезны, уйдите отсюда и подождите в баре, мистер Корнелл.

— Ладно, извините, что причинил вам столько хлопот, но у меня довольно деликатное личное дело, и вполне законное.

— Все, что касается прощупывания почты США — незаконно, — сказал полицейский. — Личное или нет, неважно. Так что прекратите прощупывать, или будет хуже.

Я прекратил. С легавыми лучше не препираться. Во всяком случае, добром бы это не кончилось. Поэтому я ретировался в бар, и понял, почему тот его рекламировал. Он находился в слабой мертвой зоне — достаточно, мертвой, чтобы воспрепятствовать подглядыванию за ка-

мерой хранения. Правда, пару раз мне это удалось, но я не мог стоять там бесконечно.

И первый раз с тех пор, как мне благоприятствовала судьба, я сдался. Единственное, на что я надеялся, — это на то, что тайный адрес получателя должен принадлежать маленькому городку, неподалеку от которого жили Харрисоны, и вряд ли изменился. Поэтому я сел в поезд и убрался восвояси.

Теперь жизнь моя стала невыносима. Я часами рыскал по округе этого чертового города, бросая украдкой взгляд на почту и ожидая какого-то наития. Не раз я ловил на себе пристальный взгляд блюстителя порядка, но пока мне сопутствовала удача.

Через город прошел скорый поезд и забрал полторы машины почты. Следующей остановкой этого поезда была Албани. Вряд ли мне будет сопутствовать удача, если я отправлюсь за ним. Далее наступил новый период частых посещений почты (я уже упоминал прежде, что она находилась в мертвой зоне, поэтому я не видел, что делается внутри, и лишь следил за входящими), пока, наконец, не почувствовал, что мое письмо переложили в другой мешок. Потом его отвезли на перрон и повесили на крюк. Я купил билет до Нью-Йорка и сел на скамейку рядом с крюком, проникнув, мысленно, насколько позволяло мое восприятие, в мешок.

Я проклял весь белый свет. Мешок был жирно помечен буквами, которые можно было разглядеть с девяноста футов: «Срочная почта». Конечно, мне не составляло труда прочесть свое письмо, каждую точку над «и» и черточку над «т», а также рисунок катарининового платка. Но я не мог прощупать напечатанный на бланке, приклеенном на лицевой стороне конверта адрес.

Пока я сидел, силясь разобрать надпись, мимо промчался скорый, подхватив с крюка всю корреспонденцию.

Я кинулся в следующий поезд. Я чертыхался и поносил его почем зря, потому что допотопный паровоз едва тащился, постоянно останавливался, пропуская машины, и, в основном, пытался выяснить, сколько времени он будет ползти около сорока миль в час. Видно, это была судьба. Все остальные поезда, задерживаемые моим грохочущим монстром, тоже поминутно тормозили по дороге, когда какие-нибудь аборигены хотели распить бутылочку пива из поезда.

Я вернулся на Пенсильванский вокзал как раз вовремя, чтобы почувствовать, как мое письмо опустили в конвейер Ла Гардин.

Тут-то меня и засек мой старый приятель полицейский.

— Ну вот! — сказал он.

— Вновь свиделись, офицер. Я...

— Вы пойдете сами, мистер Корнелл? Или мне применить силу?

— Что ?

— Вы нарушили положение о тайне переписки Закона Федеральной Связи. И не спорьте.

— Послушайте, офицер! Я же говорил вам, что здесь нет ничего криминального.

— Я не идиот, Корнелл.

Я с сожалением отметил, что он пренебрег формальностями.

— Вы последовали за определенной почтой, чтобы узнать, куда она направляется. А поскольку местонахождение адресата является тайной, вы нарушили закон, пытаясь узнать его местонахождение. — Он холодно уставился на меня, ожидая, что я начну протестовать. — А теперь, — подытожил он, — давайте послушаем ваши сказочки.

Он пытался нагнать на меня страху. При нарушении закона всегда действует одно старое правило, которое гласит, что никто не имеет права использовать средства связи в корыстных целях. После прихода Райна закон «70 нарушений» стал просто всеобъемлющим законом, охватывающим всю нашу жизнь.

— Послушайте, офицер. Это касается моей девушки, — сказал я, надеясь, что эти слова на него подействуют.

— Знаю, — сообщил он спокойно, — Потому я и не стал тебя задерживать. Я просто велел тебе проваливать. Твоя девочка сбежала, оставив тебе только свой пересыльный адрес. Может, она не хочет тебя больше видеть.

— Она больна, — сказал я.

— Может ее семья думает, что в этом виноват ты. Так что лучше проваливай подобра-поздорову. И если я снова увижу тебя, или как ты прощупываешь почту, то отправлю прощупывать железную решетку. А теперь уматывай!

Он подтолкнул меня к выходу с вокзала будто овчар-

ку, упустившую стадо. Я взял мотор до Ла Гардин, хотя вряд ли на нем можно было добраться быстрее, чем на метро, лишь бы поскорее скрыться с глаз полицейского.

В Ла Гардин я вновь нашел свое письмо. Его погрузили на борт ДС-16, направлявшегося по маршруту Чикаго — Денвер — Лос-Анджелес — Гавай — Манила. Я не знал, куда заведет меня это путешествие, поэтому купил билет и вскочил в самолет буквально перед закрывающейся дверью.

Мое послание лежало в отсеке подо мной и в часе пути до Чикаго я понял, что этот город и есть местом назначения багажа, хотя адрес на штемпеле письма до сих пор был неразборчив.

Я последовал за багажом, выгруженным из самолета в Чикаго, в полугрузовом автобусе, менее чем в шести футах от моей корреспонденции. Всю дорогу я пытался прочесть адрес.

Выходило, что оно шло в Ледисмит, Висконсин, а отсюда — куда-то в провинцию, куда именно я не понял, смог разобрать только номер.

Потом я отправился обратно в аэропорт Мидвей, и, к своему неудовольствию обнаружил, что в чикагском аэропорту нет бара. Меня это немного обескуражило, но тут я вспомнил, что аэропорт строился на средства Публичной школы, а согласно закону, они не имеют права продавать что-либо крепче содовой, неважно, кто арендует их объект. Поэтому я проторчал в баре напротив Цицero Авеню до отправления самолета и взял билет на старый пропеллерный самолет до На Клаир, стоявший среди обширных маргаритковых полей. В На Клаир багаж перегрузили в допотопный «Конвоир», облетающий по своему маршруту все деревеньки, а я сел в поезд, так как моей почте суждено было приземлиться в Ледисмит.

В Ледисмит я нанял машину, отметил возможные маршруты и двинулся вперед, влекомый неясным предчувствием. В девяти милях от Ледисмит находился холм Брюс, а недалеко от него виднелась гладь воды, чуть больше деревенского утиног прудика, звучно именованная Озеро Калей.

Дорога, украшенная инкрустированными металлическими дорожными знаками, вывела меня мимо Брюса, Висконсин, к озеру Калей, где оказался знак со сбитой палкой.

Я воспрянул, почувствовав себя как Фердинанд Магеллан, когда, наконец, он прошел через пролив и открыл моря Нового Света. Я проделал хорошую работу и вполне заслужил медаль. Дорога петляла еще несколько сотен ярдов, и вдруг я увидел Филиппа Харрисона.

Он копался длинным ключом в автоматическом насосе, подававшем воду из глубокого колодца в водонапорную башню около сорока футов высотой. Он не заметил моего появления, пока я не затормозил за его спиной и не произнес:

— Как инженер-механик и эспер, могу тебе сказать, Фил, что...

— Ничтожная ищейка! — сказал он. — Чтобы заниматься этим, не нужно быть инженером. Как ты нашел нас?

— В вашем почтовом ящике лежит письмо, — сообщил я. — С ним я и пришел.

Он насмешливо взглянул на меня.

— Сколько тебе стоила пересылка? Или ты пользуешься второсортной почтой?

Я уже не был уверен в последствиях, но тут Филип обезоружил меня улыбкой.

— Ну, Фил, скажи, пожалуйста, что дальше? — спросил я.

Его улыбка исчезла. Он удрученно покачал головой.

— Почему ты не хочешь оставить нас в покое? Не кажется ли тебе, что ты слишком много на себя берешь, разыскивая нас?

— Я не в первый раз рискую своими мозгами, — буркнул я.

— Но это не выход.

— Так дай мне альтернативу.

— Ну, раз ты здесь, делать нечего, — пожал плечами Филипп. — Ты уже слишком много знаешь, Стив. Лучше бы тебе не ввязываться в это дело.

— Я не слишком много знаю. Кроме того, я действовал словно... — я замер, ошеломленный новой мыслью, и продолжил, запинаясь, — находился под чьим-то постгипнотическим воздействием.

— Стив, лучше походи и поговори с Мариан. Может, так оно и было.

— Мариан? — спросил я глухо.

— Она первоклассный телепат. Пси-мастер, не меньше.

Я мысленно вспыхнул, вспомнив, как недавно при

нашей первой встрече, силился угадать, чем усиливается ее физическое обаяние, — ясновидением или телепатией. Мариан хорошо владела собой. В душе она, наверняка, кипела и клочкотала, слушая мои посягательства на ее счет. Мне не хотелось сейчас встречаться с Мариан лицом к лицу, но деваться было некуда.

Филипп бросил свой насос и махнул мне, чтобы я следовал за ним к ферме. Мы проехали область, которая идеально экранировала дом. Не совсем круглая, с проемом, выходящим на поля за домом, она обеспечивала почти полную свободу и безопасность.

На ступенях веранды стояла Мариан. Ее вид заставил меня забыть о недавних угрызениях совести. Высокая и стройная, она была образцом силы, красоты и здоровья.

— Добро пожаловать, Стив! — сказала она, протянув руку. Ее пожатие было крепким, твердым и, в то же время, нежным.

«Если сожмет покрепче, то превратит мою руку в кровавое месиво», — подумал я.

— Я рад, что все эти слухи оказались выдумкой и вы не пострадали от Мекстромовой болезни, — сказал я.

— Очень плохо, что вы все знаете, Стив.

— Почему?

— Теперь на нас легла дополнительная нагрузка. И даже на тебя, — она задумчиво посмотрела на меня и добавила: — Ладно, входи и отдохни. Потом побеседуем, Стив.

Мы вошли внутрь. На диване в комнате забывшись легким сном, лежала женщина, накрытая светлым одеялом. Ее лица не было видно, но волосы, линии тела и...

«Катарина»!

Она повернулась и тут же села, еще не придя в себя после сна. Она протерла глаза ладонью и сквозь пальцы взглянула на меня.

— Стив! — вскрикнула она. Весь мир и душа зазвенели в ее голосе.

12

Катарина сделала один неуверенный шаг и вдруг рванулась ко мне. Она упала в мои объятия и обхватила меня руками.

Это напомнило нападение бульдозера.

Филипп за моей спиной несколько сдержал ее стремительный рывок, иначе я бы вышиб дверь, перелетел веранду и шлепнулся посреди двора. От ее объятий мне сдавило грудь и выгнуло спину. Ее губы смяли мои.

Я задыхался от физического голода женщины, которая не осознавала силу своего тела. Единственное, что хотела Катарина, — это прижаться ко мне изо всех сил и никогда не отпускать. Но для меня это означало смерть.

Ее тело оставалось таким же гибким, но приятное тепло и мягкость ушли. Оно стало как гибкая сталь, как бронзовая статуя, снабженная каким-то чудовищным сервомеханизмом. Это была уже не женщина.

Филипп и Мариан оттащили ее от меня, пока она не сломала мне хребет. Филипп шепнул ей что-то на ухо и увел прочь. Мариан отнесла меня на диван и осторожно положила лицом вниз. Ее руки казались по-настоящему нежными, когда она загоняла воздух в мои легкие и выгоняла обратно, стискивая спину. Постепенно я начал приходить в себя, но каждый вдох заставлял содрогаться от боли.

Потом боль исчезла, уступив место душевным мукам. Тяжело сознавать, что девушка, которую ты любишь, никогда не прижмется к твоей груди. Я содрогнулся. Единственное, что я хотел в жизни, — это жениться на Катарине. А теперь, вновь обретя ее, я оказался перед лицом факта, что первое объятие станет для меня последним.

Я проклинал судьбу, как инвалид, проклинаящий свою болезнь, сделавшую его неспособным и обременительным для супруги, несмотря на ее привязанность и любовь. Словом, проклятие. Я не желал такой судьбы, не просил и не заслужил ее. Но единственное, что я мог — это сетовать на жестокость наказания.

— Но почему? — воскликнул я.

— Не вини себя Стив, — отозвалась Мариан с нежностью в голосе. — Катарина пропала для тебя еще до того, как вы встретились тем вечером. То, что она принимала за мозоль на мизинце, в действительности было началом Мекстромовой болезни. Мы все пси-чувствительны к мекстромовой болезни, Стив. Так что, когда вы разбились, и Фил с отцом бросились вам на помощь, они уловили ее присутствие. Естественно, мы ей помогли.

Должно быть, я выглядел очень несчастным.

— Послушай, Стив, — сказал Филипп. — Разве ты бы отказался от нашей помощи? Неужели захотел бы, чтобы Катарина осталась с тобой? Чтобы наблюдать, как она умирает со скоростью одной шестьдесят четвертой дюйма в час.

— К черту! — проревел я. — Почему вы не сказали мне об этом?

— Мы не могли, Стив, — покачал головой Филипп. — Поставь себя на наше место.

— Почему вы не хотите понять меня? — Конечно, я был благодарен им за помощь Катарине. Но почему никто не вспомнил об одном бедолаге, лежавшем в больничной палате? О птичке, которой пришлось скакать с жердочки на жердочку, стараясь отыскать след своей любимой. Я прошел через все жертвы и тяготы, меня допрашивало ФБР, подозревала полиция.

— Полегче, Стив! — сказал Фил Харрисон.

— Полегче? Чем вы оправдываете то, что втянули меня в эту кутерьму?

— Послушай, Стив. Мы в рискованном положении. Мы затеяли войну с беспринципным врагом. Войну подпольную, Стив. Если мы откопаем что-нибудь про Фелпса, то выведем его и Медицинский Центр на чистую воду. Конечно, если мы уступим хоть на миллиметр, Фелпс прижмет нас так, что небо покажется с овчинку. На его стороне правительство. Мы не можем позволить, чтобы на нас упала даже тень подозрения.

— А как же я?

Он печально покачал головой.

— Здесь, как видишь, произошел обычный несчастный случай. Все авторитеты по-своему правы, считая, что в каждом автомобиле находится как минимум один водитель. И, само собой, они верят, что в каждой катастрофе должны быть и жертвы, даже если ущерб, причиненный им, не больше испуга.

Я мог, конечно, поспорить, но решил сменить тему.

— А как насчет тех, кто просто скрылся?

— Мы проследили, чтобы были посланы правдоподобные объяснения.

— Вроде того, что написали мне.

Он пристально посмотрел на меня.

— Если бы мы узнали о Катарине заблаговременно, она бы... исчезла, оставив тебе банальную запи-

ску. Но кто мог думать о письме до ее исчезновения после аварии?

— А, ясно.

— И все-таки ты отыскал ее, — живую и здоровую, не так ли?

— И никто не пожелал уведомить меня?

— Чтобы ты разрезвонил об этом, словно радиовещательная станция?

— А разве я не могу присоединиться к ней... и вам?

Он покачал головой, как человек, пытающийся объяснить, что два плюс два будет ровно четыре, а не пять или три с половиной.

— Стив, — сказал он, — у тебя нет Мекстромовой болезни.

— А как мне ее заполучить? — пылко воскликнул я.

— Никто не знает, — сказал он грустно. — Если бы мы могли, то снабдили бы всю человеческую расу несокрушимыми телами и потратили бы на это все свои силы.

— А я не могу вам чем-нибудь помочь? — спросил я. Наверное, мой голос звучал, как писк котенка.

Мариан положила ладонь на мою руку.

— Стив, — сказала она, — тебе нужно бы успокоиться. Может, потом тебя ввели бы в курс дела и ты смог бы работать на нас в какой-нибудь мертвой зоне. Но вдруг ты станешь для нас опасен?

— Кто? Я?

— Придя к нам, ты стал для нас угрозой.

— Что ты имеешь в виду?

— Дай мне покопаться. Расслабься, Стив. Я хочу почитать в тебе поглубже. Помоги, Катарина.

— А что будем искать?

— Следы постгипнотического вмешательства. Найти будет довольно тяжело, потому что остались лишь следы замысла. Все спрятано так, что кажется вполне естественным, логичным и обоснованным.

— Когда же они успели? — усомнилась Катарина.

— Торндайк. В госпитале...

Катарина кивнула и я расслабился. Вначале это было очень неприятно. Мне не хотелось, чтобы Катарина рылась в темных и пыльных уголках моего мозга. Но вмешалась Мариан Харрисон.

— Подумай об аварии, Стив! — сказала она.

Я заставил свой сопротивляющийся мозг понять, что

она старается мне помочь. Я мысленно и физически расслабился и вернулся назад, ко дню аварии. Я вспомнил его с трудом, прошел через любовную игру и сладкую полноту чувств, которая существовала между мной и Катариной, осознавая, какого класса Мариан Харрисон, как чтец мыслей. Но я отбросил всякую сдержанность и стыд и пошел дальше.

Практически я заново пережил всю катастрофу. Теперь это было проще, ведь я нашел Катарину. Это напоминало очищение. Я даже начал наслаждаться им. Поэтому я быстро пробежал по моей жизни к недавним приключениям и вернулся к настоящему. Дойдя до конца, я остановился.

Мариан взглянула на Катарину.

— Нашли?

Молчание. Наконец...

— Видно, но очень смутно. Что-то едва уловимое... Возможно...

— Эй, вы, прберегите голосовые связки! Остальные — не телепаты. Вы же знаете! — рявкнул Филипп.

— Извини, — сказала Мариан. — Это очень сложно и тяжело описать. Ты же знаешь, — сказала она неуверенно. — Мы не можем найти какого-нибудь прямого доказательства или чего-то вроде гипнотического вмешательства. Желание последовать в Убежище людей хайвея явно нечто большее, чем просто приступ любопытства. Думаю, давление на тебя было чрезвычайно осторожным. Катаринина интуиция говорит, что только блестящий пси-телепат может сделать такую ювелирную работу, не оставив явных следов операции.

— Какой-то отличный специалист в области психологии и телепатии, — сказала Катарина.

На мгновение я задумался:

— Мне кажется, что кто-бы это ни был, если он существовал на самом деле, был хорошо осведомлен, что добрая часть давления на мою психику должна приходиться на необъяснимое исчезновение Катарины. Вы избавили бы себя от стольких хлопот, а меня от стольких страданий, если бы сообщили мне хоть что-то. Господи! Неужели у вас нет сердца?

Катарина посмотрела на меня с болью в глазах.

— Стив! — сказала она тихо. — Миллионы девушек клялись, что лучше умереть, чем жить без своего единст-

венного. И я клялась тоже. Но когда жизнь подходит к концу, то как в стеклышке микроскопа вдруг видишь, что любовь оказывается не столь важной. Так что же оставалось делать? Умереть в муках?

Это меня отрезвило. Пусть мне было больно, но не такой я тупоголовый, чтобы не понять, что она лучше бросит меня и останется жить, чем пойдет со мной на смерть. Больно было от неизвестности.

— Стив, — проговорила Мариан. — Ты же знаешь, что мы не могли сказать правду.

— Да, — согласился я, вздохнув.

— Предположим, Катарина написала бы письмо, сообщив тебе, что жива и здорова, но передумала выходить за тебя замуж. Что ты должен забыть ее и все такое. И что потом?

— Я бы не поверил, — сказал я грустно.

— А потом заявили бы эспер-телепатическая команда, — кивнул Филипп. — Возможно, с высоким временным чутьем, и проследила бы письмо вплоть до отправителя, а потом подключили бы высококвалифицированного телепата, достаточно сильного, чтобы пробить дыру даже в мертвой зоне вокруг Вашингтона. Даже для Института Райна было бы полным безрассудством посылать письмо. А теперь...

Я кивнул. Все, что он сказал, было правдой. Но от этого не легче.

— А с другой стороны, Стив, — продолжил он более весело, — взгляни на нас, иначе, и скажи мне, дружище, где ты в конце концов очутился?

Я воззрился на него. Филипп улыбался с чувством превосходства. Я посмотрел на Мариан. Она тоже улыбалась. Катарина казалась довольной. Наконец до меня дошло.

— Здесь, конечно.

— Ты очутился здесь безо всякого письма, не оставив за собой никаких подозрительных следов. Ты не исчез, Стив. Ты исколесил по собственному почину вдоль и поперек всю страну. Где ты был и что ты делал, это твое дело, и никто не будет поднимать шума и устраивать погоню. Пусть на это ушло больше времени, но зато надежней, — он широко улыбнулся и продолжил: — И если тебе захочется найти здесь приют, вспомни, что ты показал себя способным, полным сил и решимости сыщиком.

Он был прав. Конечно, если бы я попытался проследить за письмом раньше, то оказался бы здесь куда скорее.

— Ладно, поговорили. Так что будем теперь делать?

— Мы пойдем дальше и дальше, пока не добьемся своего, Стив.

— Своего?

Он спокойно кивнул.

— Мы будем работать, пока не сделаем каждого мужчину, каждую женщину, каждого ребенка на Земле такими же суперменами, как и мы.

— Кое-что я узнал у Маклинов, — сказал я.

— Тогда это не будет для тебя таким уж большим потрясением.

— Да, не будет. Но остается еще много пустых клеток. А основную мысль я усек. Фелпс и его Медицинский Центр стремятся использовать свое общественное положение для создания ядра тоталитарной власти или иерархии... А вы в Убежище стремитесь скинуть Фелпса, потому что не хотите жить под гнетом каких-то наместников Бога, королей, диктаторов или царствующей династии.

— Правильно, Стив.

— Ладно. Но катились бы вы лучше ко всем чертям!

— Ну нет, старина. Ведь ты же хотел стать мекстромом? И несмотря на это, тебе не обидно, что ты не можешь.

— Ты прав.

Филипп задумчиво кивнул.

— Давай немного пофантазируем. Вообразим, что человек ничего не может поделать с Мекстромовой болезнью. Таков один из старейших приемов научно-фантастического сюжета. Какая-то катастрофа обрушилась на Солнечную Систему. Будущее Земли под угрозой, а есть только один космический корабль, способный вывезти куда-нибудь в безопасное место всего сотню людей. По какому принципу их выбирать?

Я пожал плечами.

— Здоровых. А все остальные обречены вознестись на небеса. Но как ты объяснишь какому-то Вильбуру Зилчу, что Оскар Хозенфейфер умнее и здоровее и, во всяком случае, более жизнеспособен? Может у тебя это получится. Но, в конечном счете, все равно Вильбур

Зилч прикончит Оскара Хозенфейфера. Зилчу терять нечего, ему неважно, схватят его или нет. Но он испытывает чувство удовлетворения, что остановил парня, который добился того, чего не удалось добиться ему.

— Но какое это имеет отношение к Мекстромовой болезни и суперменам?

— В тот день, когда мы возвестим, что можем «лечить» Мекстромову болезнь и делать из бывших жертв настоящих суперменов, поднимется большой скандал, каждый будет требовать той же обработки. А мы скажем им, что можем лечить только больных. Тогда некоторые умники заявят, что мы утаиваем информацию. В это поверит достаточно народа, чтобы добро обернулось для нас злом. Заметь, Стив, мы — абсолютно безвредны. Возможно, нас даже убьют. Нас разорвут на части толпы разгневанных обывателей, которые увидят в нас угрозу своей безопасности. Ни у нас, ни у Филпса из Медицинского Центра пока не хватает людей для полной гарантии.

— Допустим. Тогда возникает вопрос, как быть со мной?

— Согласись, что мы не в состоянии двинуться вперед, пока не узнаем, как привить космическую чуму здоровой ткани. Нам нужны обыкновенные люди в роли подопытных свинок. Смог бы ты совершить ради людей Земли такое благодеяние?

— Если ты согласишься, Стив, — сказала Мариан, — то войдешь в историю наравне с Отто Мекстромом. Знаешь, ты можешь стать поворотным пунктом в развитии человеческой расы.

— А если я погибну?

Филипп Харрисон окинул меня тяжелым оценивающим взглядом.

— Провала быть не может, Стив. Мы будем пытаться снова и снова.

— Приятная перспектива. Старая морская свинка Корнелл справила уже свое шестидесятилетие, а эксперимент продолжается.

Катарина наклонилась вперед. Ее глаза сверкали.

— Стив! Ты только попробуй! — воскликнула она.

— Тогда зовите меня героем не по собственной воле, — сказал я скучным голосом. — И велите, чтобы обреченному естествоиспытателю устроили сердечный прием. Я подозреваю, что в этом доме найдется выпить.

Виски оказалось достаточно, чтобы привести молодого естествоиспытателя в почти бессознательное состояние. Вечер прошел в обильных возлияниях, легких шутках и старательном избегании основной темы. Виски было хорошее. Я пил его, не разбавляя, и так набрался, что меня мертвецки пьяного перенесли на кровать.

Я проснулся около трех часов утра с сильным желанием прощупать своим восприятием нижнюю комнату. Конечно, я сопротивлялся, но кто же устоит перед таким соблазном?

Внизу, в комнате, Катарина плакала в объятиях Филиппа Харрисона. Он нежно обнял ее рукой за тонкую талию, а второй рукой тихо гладил ее волосы. Я не стал протрушивать их беседу, но ошибки быть не могло.

Когда он что-то сказал, она отодвинулась от него и взглянула ему в глаза. Потом ее голова качнулась, как бы говоря «нет», и она глубоко вздохнула перед новыми рыданиями. Она уткнулась ему в шею и заплакала. Филипп на миг прижал ее к себе, потом отпустил и достал носовой платок. Он осторожно вытер ей глаза и что-то говорил, пока она не затрясла головой, словно смахивая слезы и горестные мысли. Видно, он зажег две сигареты и подал ей одну. Потом они прошли к дивану и сели, прижавшись друг к другу. Катарина нежно наклонилась к нему, он обнял ее за плечи и притянул к себе. Она расслабилась, хотя не выглядела счастливой, и почувствовала себя уютно в присутствии сильного человека.

Черт меня дернул заниматься протрушиванием! Я погрузился в сон, заполненный странными кошмарами, пока они оставались внизу. Если честно, я даже хотел забыть, потому что не хотел бодрствовать, чтобы не следить за ними.

Как бы ни были ужасны кошмары, они все же были лучше реальности. О как дьявольски горд я был, когда блестяще раскрыл главный секрет Убежища. И вдруг понял, что не знаю даже одной двенадцатой правды. У них была сеть хайвеев, перед которой Департамент Дорог и Хайвеев казался мелкой второразрядной организацией.

Я бы еще поверил, что люди хайвея селились только вдоль главных артерий, проходящих через их Перевалочные Базы. В действительности их система охватывала всю страну от края до края. Нити тянулись из Мена и Флориды на главный магистральный хайвей, который бе-

жал через все Соединенные Штаты. Потом с Главным Хайвеем встречалась разветвленная сеть из Вашингтона и Южной Калифорнии. Линии чуть поменьше обслуживали Канаду и Мексику. Гигантская магистральная ветка бежала от Нью-Йорка до Сан-Франциско только с одним большим ответвлением. Толстая линия отходила к местечку в Техасе с названием Хоумстид. Хоумстид был громадным центром, перед которым Медицинский Центр мистера Фелпса казался не больше деревни Тини-Вини.

Мы поехали на машине Мариан. Мой взятый напрокат автомобиль вернули, конечно, хозяевам, а мой собственный шарабан, должны были перегнать после того, как приведут в порядок. Так что вряд ли я окажусь в Техасе без личного транспорта. Катарина оставалась в Висконсине, потому что она была еще слишком молодым и зеленым мекстромом и не знала пока, как вести себя, чтобы ни у кого не возникло подозрений и не опускались челюсти при виде ее сверхмощного тела.

Мы поехали по хайвею в Хоумстид с грузом мекстромовой почты. Путешествие прошло без приключений.

13

Поскольку это описание моей жизни и приключений писалось безо всякого плана, и я не уверен, что эта часть должна приходиться на главу тринадцатую. Вечно несчастливая тринадцатая охватывает девяносто дней, которые, как я думаю, были самыми мрачными днями моей жизни. Все вроде текло довольно гладко, и вдруг обернулось полным провалом.

Мы начали с энтузиазмом. Они резали, ковыряли, втыкали в меня иголки и брали образцы тканей на анализ. Я помогал им копаться в моем теле и позволял их лучшим телепатам читать мои выводы.

У нас установились теплые отношения. Лучше и быть не могло. Но одних теплых отношений для меня было недостаточно. Такие чувства мог испытывать Гулливер среди Бробдингнегянцев. Они были так сильны, что не сознавали собственной силы. Особенно это касалось мекстромовых отпрысков. Как-то ночью я попытался перепеленать ребенка, и мои пальцы буквально опухли от бешенных усилий. Это все равно, что бороться не на жизнь, а на смерть с Бедом Сирилом.

Дни складывались в недели, и надежды и энтузиазм начали увядать. Длинный перечень предполагаемых экспериментов иссяк и стало очевидным, что нужно разрабатывать другие идеи. Но факел новых идей то ли не разгорелся, то ли был слаб количественно, и время тянулось тягуче медленно.

Они избегали моего взгляда. Они прекратили обсуждать свои намерения при мне, и я больше не понимал, что они затевают и чего хотят добиться. Они чувствовали безнадежность, и это чувство разочарования передалось мне.

Мысль об этом сначала приводила меня в бешенство, но шли дни, и факт был налицо. Пришлось признать, что Стиву Корнеллу удачи не будет.

Пора было менять лошадей.

— Смена личности, жизни, переориентация — одна из форм гибели сознания. Когда переориентируешься, проблемы, делавшие жизнь невыносимой, забываются, происходит полная переоценка жизненных ценностей, ты становишься новым человеком.

Так что, как-то рассматривая свое изображение в зеркале, я пришел к выводу, что не хочу быть никем, кроме М. Лучше вообще не жить — сказал я своему изображению и оно покорно со мной согласилось. Я не стал спорить с М. Просто взял, сел в машину, и был таков. Все вышло очень просто, ведь в Хоумстиде мне доверяли.

14

Я старательно объезжал хайвеи. Правда, несколько прескочил в противоположном направлении. Ожидая погони, я постоянно держал начеку свое восприятие. Но никого не заметил. Если бы не знаки, я пересек бы Миссисипи еще до заката. Но я выбился из сил задолго до реки. Найдя мотель в довольно безлюдном месте, я остановился на ночь.

Я проснулся накануне рассвета с чувством что что-то происходит. Это не было предчувствием гибели, иначе меня бы подстегнуло чутье. И не очень хорошее, потому что, предвидя это, я бы очнулся. Происходило что-то странное. Я поспешно оделся и, натянув одежду, начал осторожно прощупывать соседние номера мотеля.

В первом номере находился какой-то торговец, в чем

я убедился, исследуя его багаж. Второй номер занимала пожилая пара, нагруженная туристским шмотьем и четырьмя-пятью камерами. В третьем номере приютился заезжий водитель грузовика, а четвертый наводнила банда школьников, набившихся в единственную кровать как сельди в бочке. Пятый номер был мой, шестой номер оставался свободным, седьмой тоже был свободен, но постель смята, а в умывальнике бежала вода. Дверь еще не захлопнулась, на ступеньках раздавался быстрый стук высоких каблучков.

Я выскочил, сломя голову из номера и опрометью бросился к машине. Одним движением открыл дверцу, ввалился внутрь, завел двигатель и выжал сцепление. Взвизгнули колеса, швырнув назад брызги грязи, автомобиль рванул со стоянки, и моя голова откинулась назад.

Я сконцентрировал зрение и восприятие, выбирая кратчайший путь по автомобильной стоянке, заполненной стоящими машинами и засаженной деревьями, призванными придать ей некоторый уют.

Я был слишком занят, чтобы уловить слабый стук руки о дверную раму, когда дверь открывалась и закрывалась. А потом, уже на хайвее, я мог немного расслабиться.

— Стив, — сказала она, — зачем ты это сделал?

Передо мной была Мариан Харрисон.

— Я не просил тебя впутывать меня в это дело! — прорычал я.

— Но ты же не просил, чтобы тебя родили.

На мой взгляд, аргумент не очень логичный.

— Жизнь была вполне сносной, пока я не встретил ваших людей, — сказал я раздраженно. — Было бы лучше, чтобы вы исчезли. С другой стороны, жизнь — единственное, что у меня осталось, и она куда лучше смерти. Поэтому, если я сделал несчастной твою жизнь, то свою — несчастной вдвойне.

— Почему бы тебе не устраниться? — спросила она.

Я остановил машину. Теперь я нашел ее болевой центр и старался не упустить его из вида.

— Почему ты хочешь, чтобы я отступил, Мариан? Неужели кому-то придется по душе, если я вытащу из кармана пушку и продырявлю себя кусочком свинца? Или осчастливорю кого-то, ворвавшись в ближайший му-

зей переориентации и, пуская из носа дым, объявлю, что я чайник, сбежавший с печи, прежде чем навсегда сомкнуть веки?

Мариам опустила глаза.

— А ты ждал, что найдешь у меня сладостное забвение? — она покачала головой.

— Тогда, во имя господа, что тебе от меня надо? — проревел я. — А такой, как я есть, ни рыба, ни мясо, мерзкий и грязный, я вряд ли отстранюсь, Мариан. Если думаешь, что я угрожаю тебе или твоему роду, то перебираешь через край. Но если ты хочешь сбросить меня со счета, то гони меня, криками ли, пинками ли, в ваш Департамент Отточенного Ума. Потому что моего уже не хватает. Понимаешь?

— Понимаю, Стив, — сказала она мягко. — Я знаю тебя. Мы все знаем людей твоего типа. Ты не устроишься. Не сможешь.

— Тем более, что меня загипнотизировали, — сказал я.

— Гипнотическое вмешательство Торндайка, — вскинула голову Мариан, — было ничтожным. Он только зародил идею, чтобы остаться впоследствии неопознанным, — объяснила она. — Нет, Стив, ты настроился на розыск по собственному почину. Все, что сделал Торндайк, это слегка намекнул о нас и подтолкнул в нашу сторону. Ты же сделал остальное.

— Ладно, ты телепат. Может, ты тоже можешь совершать постгипнотическое воздействие, чтобы я вскоре забыл внушенную мне идею.

— Я не хочу, — сказала она с внезапным пылом.

Я взглянул на нее. Не будучи телепатом, я не мог прочесть ее внезапную возникшую мысль, но было ясно, что она говорит правду. Наконец я сказал:

— Мариан, если ты знаешь, что меня не переубедить логикой и аргументами, чего ты добиваешься?

Минуту она молчала, потом подняла ко мне глаза, которые засияли голубым цветом:

— То же, мистер Карнелл, что и мистер Фелпс, надеявшийся использовать тебя против нас, — сказала она. — Твое будущее и твоя судьба связаны с нами, кем бы мы ни были, — друзьями или врагами.

— Прямо, мыльная опера, Мариан, — огрызнулся я. — А Катарина найдет утешение в объятиях Филиппа? А

Стив Корнелл подхватит мекстромову чуму? А подлый дипломант Фелпс...

— Перестань! — взмолилась она.

— Ладно. Я перестану, если ты скажешь, что вы намереваетесь делать со мной теперь, и зачем ты снова за меня уцепилась?

Она улыбнулась:

— Стив, я останусь с тобой. Частично затем, чтобы служить телепатическим придатком твоей команды. Если ты собираешься докопаться до сути. А частично затем, чтобы быть уверенной, что ты не влипнешь в какую-нибудь неприятность.

Я скривился. Мое седалище уже успело задубеть, пока я избавлялся от привычки пользоваться маминой защитой от стрел и ремней жестоких сокурсников и сокурсниц. С восьми лет я уже не прятался за женские юбки. Мысль о бегстве под защитой женщины вызывала такое же негодование, как у кота, которого гладят против шерсти, хотя я и знал, что Мариан здорово превосходит меня физически. Но оказаться под опекой подруги в сто десять фунтов...

— Восемнадцать фунтов...

— было бы мне не по душе.

— Ты не веришь мне, Стив?

— Верю, но лучше тебе остаться. Я сосунок перед такой женщиной, как ты. Они мне кое-что сообщили, а я оказался довольно мягкотелым, чтобы показать им, что я не верю.

Внезапно она схватила мою руку, но вовремя отпустила, иначе бы оставила без локтя.

— Стив, — сказала она серьезно, — поверь мне и возьми меня с собой. И, позволь, я буду твоей...

— Лучшей подругой, — закончил я с раздражением.

— Пожалуйста, не надо, — сказала она, понурившись. — Неужели ты никому не доверяешь?

Я холодно посмотрел ей в лицо.

— Слишком тяжело в этом мире не телепату найти кого-нибудь, кому можно довериться. Да и с телепатом-то не так просто, потому что вряд ли телепат поймет, чем вызвано это недоверие. Так что...

— Ты не хочешь взглянуть фактам в лицо...

— Так же, как и ты, Мариан. Ты собираешься пойти со мной под предлогом, что желаешь мне помочь. Допу-

стим. Весьма признателен. Но ты отлично знаешь, что я буду биться и биться, пока что-нибудь не даст трещину. Теперь скажи мне честно, пойдешь ли ты со мной до конца, сможешь ли прорваться и раскрыть тайну, или укажешь мне каналы, которые не дадут результатов и не причинят тебе вреда?

Мариан Харрисон на миг потупилась.

— Мне не нужна телепатия, чтобы понять, что я почувствовал ее больное место.

Тут она подняла глаза и сказала:

— Больше всего на свете я хочу уберечь тебя от неприятностей. Ведь ты теперь понял, что много вреда в нашей маленькой междоусобной войне ты никому не причинишь.

— Но если я не могу причинить вред, то и пользы от меня тоже не ждите.

Она кивнула.

«Но ведь я кое-что значу».

Она снова кивнула. Тут пришлось сдаться. Все пошло бы опять по кругу, как последние полгода повторялось неоднократно.

«Чарчес ле англ», — подумал я на дрянном французском. Должно быть, я чем-то важен для обеих сторон, если они решили освободить меня, а не пустить в расход со всеми моими неприятностями. Правда, на мой взгляд, для них я также бесполезен, как защитное покрытие для нержавеющей стали. Я был иммунным к Местромовой болезни, и мой иммунитет был таков, что о него разбились все усилия изучавших болезнь ученых. Единственной зацепкой было странное исчезновение каждого, с кем я имел дело.

— Не стоит об этом думать, Стив, — тихо сказала Мариан, нежно коснувшись меня рукой. — Напрасно ты занимаешься самобичеванием. Неужели ты веришь, что стал носителем какой-то ужасной заразы?

— Пока я не узнаю правды, — ответил я, — вряд ли смогу что-то прощупать. Я не телепат. Может, если бы я был им, я бы не оказался в таком затруднительном положении.

И вновь ее молчание доказывало мне, что я коснулся больного места.

— Так кто я? — воскликнул я. — Великое бедствие! единственное, что я сделал, это провел некоторое время

с людьми, которые потом исчезли. Я вроде Тифозной Мери, только мужского пола!

— Но, Стив...

— Это единственное, что я чувствую. Чего бы я ни коснулся, все зеленеет и начинает разлагаться. И не важно, с чьей стороны были жертвы, так случалось каждый раз.— с Катариной, с Торндайком, с тобой, с сестрой Фарроу.

— Стив, о чем ты говоришь?

Я улыбнулся ей кривым подобием улыбки:

— Ты, конечно, не имеешь ни малейшего представления, о чем я думаю.

— Ох, Стив...

— Ты вновь собираешься увести мой маленький разум от так называемой опасной темы.

— Вряд ли мне удалось бы...

— А я не сомневаюсь. Будь ты на моем месте, я бы так и сделал. На мой взгляд не так уж плохо защищать собственное положение, Мариан. Но тут тебе меня не провести. У меня закралось подозрение, что я вроде Тифозной Мери, только мужского пола. Давай наречем меня Старым Мекстромом Стивом! Переносчиком Мекстромовой Чумы, умышленно или нет болтающегося где попало и заражающего всех, кто попадется под руку. Не так ли, Мариан?

— Весьма логично, Стив. Но это не так.

Я взглянул холодно на нее:

— Думаешь, я тебе поверю?

— Вот мука! — сказала она, всхлипывая. — Ты не сможешь. Ты ничего не принимаешь на веру, Стив.

Я криво усмехнулся:

— Это смотря под каким углом взглянуть. А поскольку я не могу читать твои мысли, мне приходится полагаться на твои эмоции. И хочется отметить, что Мариан Харрисон не может мне лгать по многим причинам, среди которых та, что люди не лгут слепым, чтобы не причинить калекам нечаянную боль. Ладно, черт с ним! Какой бы гамбит здесь не разыгрывался, он все же лучше, чем ничего. Сейчас, Мариан, я что-то среднее между пешкой и королевой. Фигура, которой можно пожертвовать в любое время для развития дальнейшей игры. Подставь меня раз или два, чтобы заставить

идти в нужном направлении, причем так, чтобы все казалось абсолютно естественным.

— Но зачем нам тебе лгать? — спросила она и закусила губы. Но, на мой взгляд, она промахнулась. Ведь вряд ли она собиралась подтолкнуть меня к размышлениям над своими проблемами, поскольку я преуспел в последнее время в глубоком анализе. В конце концов, лучший способ отвлечь людей от опасных мыслей — это увести их от интересующей темы. Первое правило. А дальше, если первое правило не сработает, следует подsunуть им ложную информацию.

— С чего бы тебе врать? — заметил я с усмешкой. В действительности я не хотел смеяться, но это вышло как-то само собой. — Раньше, это было бы ни к чему.

— Что? — переспросила она.

— Было бы ни к чему, — повторил я. — Давайте представим, что мы живем в середине пятидесятых, до Райна. Стив Корнелл стал переносчиком болезни, которая на самом деле явилась не бедствием, а благом. В то время, Мариан, любая сторона могла открыто объявить меня мессией, а я мог бы колесить по стране, освящая честных людей, граждан праведного образа жизни, мыслей, склада ума, или обладающих какими-либо прочными достоинствами. А за мной следовал бы корпус сборщиков трупов, которым при общении со мной привилась болезнь. Здорово, не правда ли? — не ожидая согласия со мной или нет, я продолжал: — Но теперь у нас всюду телепатия и ясновидение. Поэтому Стива Корнелла, разносчика заразы, пинают по кругу — от сломанной перекладки к почте, от человека к человеку, и он заражает их, даже не сознавая, что творит. Потому что если он узнает, что делает, то его способности похоронят в стенах Института Райна.

— Стив, — начала она, но я перебил:

— И единственное, что мне стоило бы сейчас сделать, это спуститься по главной улице, излучая во все стороны свои подозрения, — отчеканил я. — И пусть Стив достанется Медицинскому Центру, если люди хайвея не перехватят его первыми.

— Нам действительно не по вкусу заниматься перориентацией людей, — сказала Мариан. — Они так изменяются, что...

— Но мне это предстоит, не так ли? — заключил я спокойно.

— Прости, Стив.

— Итак, мне остается только веселиться, — продолжал я зло, — ничуть не заботясь, что в конце концов меня прихлопнут, и что я вбиваю гвозди в собственный гроб. Но ничего. Я пойду дальше, производя на свет новых мекстромов для ваших легионов.

Она посмотрела на меня, и на ее глазах показались слезы.

— Мы надеялись... — начала она.

— Вы надеялись привить мне болезнь в Хоумстиде, — перебил я ее грозно, — или же действительно изучали меня, чтобы выяснить, почему я стал только носителем, а не жертвой.

— И то, и другое, Стив, — сказала она и в ее тоне не было лжи. Я бы поверил, это уж точно.

— Мрачные перспективы, не так ли? — спросил я. — Тем более для парня, который не сделал ничего дурного.

— Нам очень жаль.

— Слушай! — сказал я, пораженный внезапной мыслью. — А почему бы мне не начать? Я мог бы хоть сейчас, в любой момент, не откладывая в долгий ящик, начать прививать болезнь каждому встречному поперечному. Тогда я мог бы работать на вас и не бояться сойти с ума.

Она покачала головой.

— Мистеру Фелпсу тоже все известно, — сказала она. — И нам пришлось бы вырывать тебя из его лап. Он был бы рад использовать тебя в своих целях.

Я криво усмехнулся:

— Он уже не раз пытался, и будет пробовать еще. Но не в этом суть. У Фелпса было достаточно шансов снять или подцепить меня на крючок. Так что твои страхи не имеют оснований.

— До сих пор, — сообщила она серьезно, — пока ты еще не осознал своей роли в общей картине, ты был полезен Фелпсу на воле. Но теперь, когда ты обо всем догадался, Фелпс не в силах пасти тебя украдкой, и все его надежды пойдут насмарку.

— Вряд ли.

— Увидишь, — сказала она, пожимая плечами. — Они попытаются. Не стоит экспериментировать, Стив,

или я тут же уйду. Очень скоро ты поймешь, что тебе надо держаться меня.

— А знание условных знаков делает меня, к тому же, опасным для людей хайвея? Все равно, что их Убежище раскрыто?

— Да.

— Но поскольку меня бросили на произвол судьбы, я вправе заключить, что ты со мной хитришь.

— А что еще мне остается делать? — горестно сказала она.

Ответить было нечего. Я сидел, глядя на нее, и старался забыть, что в ней сто восемьдесят фунтов твердой стали и чудовищной силы и что она может поднять меня одной рукой, и не переводя дыхания, доставит меня в Хоумстид. Я не мог вырваться и сделать ноги. Ей ничего не стоило скрутить меня. Я не мог врезать ей по зубам и смыться. Я только сломал бы руку. Может «Бонанза 375» ее и остановит, но у меня не хватило бы мужества хладнокровно поднять оружие на женщину и пристрелить ее. Я печально хмыкнул. Это оружие пригодилось бы больше против разъяренного медведя или египетского сфинкса.

— Все равно, я не согласен, — сказал я упрямо.

Она удивленно взглянула на меня.

— А что же ты будешь делать? — спросила она.

Я почувствовал вспышку самоуверенности. Если я не смогу бежать, гонимый виной за разнос Мекстромовой болезни, мне светит, что кто-то меня похитит. Я бы излучал мысли как сумасшедший, я бы кричал и жаловался о своей беде на каждом перекрестке, перед каждым фермером, я бы настойчиво жаловался, и рано или поздно у кого-нибудь зародилось бы подозрение.

— Не будь похожим на идиота! — осадила она. — Помнишь, ты недавно исколесил всю страну. Ну, и кого ты убедил?

— Я не пробовал, но...

— А помнишь людей в отеле Денвера? — вопрошала она настойчиво. — Ну, и чего ты добился?

«Очень немного, но...»

— Одним из преимуществ телепата является то, что его ничем не удивишь и не застigneшь врасплох, — проинформировала она. Потому что никто ничего не делает, пока хорошенько все не продумает.

— Вот телепату и приходится мучиться, — отпариро-

вал я. — Потому, что они настолько привыкли использовать свои знания о том, что случится в следующий момент, что мир потерял для них всякий элемент неожиданности и таинственности. А ведь до чего скучно и...

Элемент неожиданности влетел через заднее стекло, просвистел между нами и грохнул в ветровое. Раздался звук будто кто-то колот ломом лед. Вторая пуля влетела через заднее стекло сразу за первой, отскочившей на пол машины. Но вторая пуля влетела через заднее стекло сразу за первой, отскочившей на пол машины. Но вторая не отскочила рикошетом, а прошла ветровое стекло насквозь. Третья пуля прошла тем же путем.

Это были предупредительные выстрелы. Стрелок промазал намеренно. Он сумел трижды попасть в ту же дырку.

Я машинально рванул стартер, и мы сорвались с места. Мариан что-то прокричала. Но слова вылетели через дыру в заднем стекле на мостовую.

15

— Стив, остановись! — закричала Мариан, как только перевела дух.

— Шишки! — прорычал я, выписывая широкую дугу и выравнивая машину вновь. — Не видеть ему наших трупов, милая. Он по наши школы, не иначе.

Четвертый выстрел пришелся сбоку по мостовой. Пуля взвизгнула где-то в стороне, наделав столько шума, что у меня лязгнули зубы и захотелось втянуть голову в плечи. Я выжал педаль газа, стрелка спидометра достигла конца шкалы. Я подумал, что если мы не прибавим ходу, то этот парень сзади прострелит нам шины, и мы, как пить дать, перевернемся. Но, возможно, он не собирается этого делать, пока я не наберу скорость. Он охотился не за Мариан. Мариан могла выти из любой катастрофы без единой царапины, а вот я — вряд ли.

Мы с ревом вышли на вираж. Я дважды выписал колесами корявую S-образную кривую, обходя грузовик и вновь прижимаясь к своей стороне дороги, уходя из-под носа встречной машины. Я буквально пересчитал зубы того парня, что вел свой автомобиль, когда мы вывернули из-под него с запасом не более колеса. При этом я до смерти напугал всех троих в машинах, включая себя.

Затем я снова миновал пару друзей, стоящих у края дороги. Один из них только кивнул на меня, а второй уставился мне вслед. Потом шарахнулась в сторону еще какая-то команда, вылезавшая по другую сторону из кузова прицепа. Они перегородили своим прицепом всю дорогу и спускались с его борта прямо в придорожную канаву.

Я успел уловить тусклое мерцание огнестрельного оружия, прежде, чем снова перевести свое восприятие вперед на дорогу. Очень скоро меня не станет, ибо смерть ждала где-то через тысячу футов или около того, где они устроили второй заслон.

Мариан, не обладавшая даром предвидения, вскрикнула, когда прочитала этот новый образ в моем мозгу. Я нажал на тормоза и остановился задолго до препятствия. Сзади протрещали выстрелы, а спереди, потрясая оружием, вышли трое.

Я развернулся у них на виду и ринулся назад к первому кордону. На полпути я вырулил на ухабистую обочину, затормозив только тогда, когда левая шина съехала с дороги. Машина взревела и уткнулась носом в небольшой кювет. Не успела она остановиться, а я уже выскочил вон, и был таков.

— Стив! — закричала Мариан. — Вернись!

— К черту! — огрызнулся я на ходу. Передо мной в двухстах ярдах лежала рощица. Я помчался туда. Потом решил прощупать преследователей. Мариан присоединилась к ним и показывала в мою сторону. Один из них вскинул ружье, но она его остановила.

Я перешел на рысь. Казалось, все сойдет благополучно, если меня не зацепит случайная пуля. Я был счастлив еще и потому, что никто не желал мне смерти.

Лесная чаща была не такой густой, как бы хотелось. На расстоянии она казалась почти непроходимой, но когда я бежал через нее, она оказалась удивительно редкой. Она просвечивала во всех направлениях, а почва под деревьями была аккуратно очищена от ветвей и утрамбована.

Я почувствовал перед собой несколько преследователей, осторожно приближавшихся к роще, а сзади догоняла еще одна банда. Я был как гусеница, сидящая на травинке перед жаворонком.

Я попробовал спрятаться в кустарнике, понимая, что

это слабая защита от ружейного выстрела. Я вытащил «Бонанзу» и взвел курок. Я не знал, в какую сторону придется стрелять, но это меня не заботило. Буду стрелять туда, откуда появится враг.

Над моей головой просвистело несколько пуль, надевав столько шума, будто кого-то стегали кнутом. Я не мог сказать, откуда они прилетели, потому что был чрезвычайно занят, стараясь втиснуться в норку под кустами.

Я огляделся вокруг, усилив свое восприятие и оценивая ситуацию. Обе партии растянулись цепью и продвигались вперед, словно сквозь толпу. То один, то другой поднимал винтовку и стрелял почти не целясь, куда-то вперед.

Это, заключил я, было скорее от нервозности, а не от охотничьей сноровки, потому что отряд телепатов и эсперов не станет палить куда попало, если не будет слишком нервничать. На мой взгляд, они запросто могли перестрелять друг друга.

Обливаясь холодным потом, я следил за их продвижением. Они шли мимо моего укрытия, стараясь обойти его стороной и оказаться между мной и отрядом врага. Маневр был довольно грубым, — вроде игры в шахматы двух телепатов. Обе стороны хорошо знали, что на уме противника, где он и что собирается предпринять. Но они увиливали, притворялись, отступали, стремясь получить превосходство в расположении и количестве. Поэтому противнику приходилось предпринимать ответные действия. Это была война нервов, игра сильных волей, — кто подойдет ближе, оставаясь на мушке врага, и не выстрелит первым.

Оружие у них было самое разное: два охотничьих «Экспресс 35-70», которые пробивали дыру чуть меньше кончика сигареты, несколько короткоствольных ружей, спортивный карабин, напоминавший «Гаранд», только с укороченным на пару дюймов стволом, несколько револьверов, один обшарпанный автоматический кольт 45-го калибра и тому подобное.

Я замер в своей маленькой берлоге, как только выстрелы затрещали всерьез. Видно, противники собрались хорошенько прочесать эту рощу. И, по-видимому, у них получился хороший заслон с ружьями, смотрящими во всех направлениях, так что тяжело было уберечь голову в целости. На сцену вышли эсперы и телепаты.

Я до сих пор не понимал, где кто. Вроде бы та банда за моей спиной были друзьями Мариан Харрисон, но из этого следовало только то, что банда впереди была из фелпсовского Медицинского Центра или какой-нибудь связанной с ним группы, а все остальное мне было абсолютно безразлично. Я мог биться об заклад своей новой шляпой, что старина дипломант Фелпс даже не знал, что сейчас происходит. Скорее всего, он был далек от той открытой борьбы и заварухи, которая шла у его порога.

Вновь смертоносно рывкнули «Экспрессы 35-70» и отряды вернулись в исходное положение. Правда, я предчувствовал, что ни одна сторона не собирается играть в солдатики. Кому-то действительно придется плохо.

Теперь они начали сходитьсь и расходиться. Время от времени кто-нибудь приостанавливался, получая передышку.

Конечно, без кровопролития не обошлось. Но, в основном, выстрелы не достигали цели. Насколько я мог предвидеть, ни один из них не стал фатальным. Может, причинил немного боли. В общем, один дым.

Мекстрымы запросто управлялись с ружьями и ножами, как, впрочем, и дубинками, прикладами винтовок или тяжелыми бульжниками, колотя друг друга почем зря. Такое поле брани никак не подходило для Стива Корнелла.

Теперь в дело пошло все искусство эспера. Если они засекут меня, то возьмут в оборот, забыв, что я не мекстром. Поэтому я решил, что пришло время Стиву удалиться.

Я окинул округу своим восприятием. Банда, к которой присоединилась Мариан, двигалась почти к тому месту, где находился я. Они шли с обеих сторон парами, пригнувшись, а один все время держался прямо против меня. Я подивился Мариан, как-то не в силах представить женщину, участвующую в этой заварухе. Мариан была телепатом не того ранга, с которым мне хотелось бы потягаться.

Я осторожно выполз из своего убежища, поднялся, пригнувшись, на ноги, и побежал. Двое из них заметили меня, взвыли, но были слишком заняты своими врагами, чтобы преследовать меня. Один из них открылся, я сбил его и свалил на спину кусочком свинца из «Бонанзы 375». Мне не казалось ужасным и мерзким стрелять, по-

сколько это не было смертельно. Скорее, это напоминало игру ковбоев и индейцев, чем бой не на жизнь, а на смерть.

Теперь я развязался с ними окончательно, выскочил из рощи и помчался, словно лань. Я вел машину с пробитыми шинами. Старый шарабан казался изрядно покaleченнм, но довольно быстрым. Ведь он стал мне привычнее пары башмаков.

Я до сих пор не понимал, где кто. Та банда за моей спиной вроде бы спохватилась и пустилась в погоню. Я слышал крики остановиться, но проигнорировал, как любой разумный человек. Сзади что-то с ревом гроыхнуло и мимо меня пронесся огромный заряд из «Экспресса», чиркнув впереди о камень.

Это только ускорило мой полет на лишние полтора фута в секунду. Уж если они позабыли о вежливости, я и не подумаю остановиться.

Не целясь, я выстрелил через плечо, но безрезультатно. Разве что поднял свой боевой дух. Я надеялся, что это поуменьшит их пыл, но насколько, знать не мог. Далее, перелетев через канаву, я подбежал к группе машин, наскоро прощупал их и выбрал одну,— самой быстрой модели, в замке которой торчал ключ.

Я вскочил вовнутрь с наибольшей скоростью, на которую только способен смертельно перепуганный человек. И пока они вопили и дрались в чаще леса, я спокойно смылся.

Машина, в которую я прыгнул, была «Спешл Клинтоном», с утесоподобными рессорами и низкой рамой, возвышавшимся над землей подобно каменной глыбе. Я намеревался оставить как можно больше миль между мной и местом недавней стычки и сделать это как можно быстрее. «Клинтон 175» больше всего подходил для подобной цели, пока я не вспомнил, что цифра 300 на шкале спидометра означает не мили, а километры. Тогда я выжал педаль до предела и заставил стрелку плясать у центра шкалы.

Я был так занят своим бегством, что не заметил джеткоптера, который свалился на мою голову, завывая как все грешники ада. Тогда, притормозив автомобиль, я мгновенно настроил свое восприятие на быстрое прощупывание.

Джеткоптер был разукрашен изображением Голубо-

го Полицейского и отличался громадным золотым листом сбоку. Внутри кабины находились два суровых джентльмена в форме с медными пуговицами и непреклонным взглядом старины Байли. На боку у них позвякивала пара наручников.

Они пролетели в пятнадцати футах над моей головой, промчались на тысячу вперед и сбросили заградительную бомбу. Она ярко вспыхнула, выбросив клубы густого красного дыма.

Я покрепче нажал на тормоза, поставив «Клинтон» почти на дыбы, поскольку, коснись я передним бампером облака дыма, это послужило бы им сигналом схватить меня. Я остановил машину в футе от бомбы и джеткоптер, зависнув, снизился. Его турбины разогнали дымовую завесу, и аппарат приземлился перед моим новым «Спешл Клинтоном».

Полицейский был краток и зол. «Паспорт, водительские права, пилотскую книжку», — буркнул он.

Что ж, чему быть, того не миновать. Водительские права у меня были в полном порядке, но они не давали мне права водить машину, которую я выбрал, как мне заблагорассудится. Регистрационный талон машины находился в ящичке для перчаток, где ему и полагалось быть, но то, что в нем говорилось, не совпадало с написанным в правах. И что бы я не плел, предстоит расплачиваться сполна.

— Я пойду сам, офицер, — сказал я.

— Не падай духом, пилот, — ответил он цинично и начал писать в правах, заполняя пустые графы. Беспечная езда, превышение скорости. Вождение машины без соответствующей доверенности в регистрационном талоне владельца (отметка об угоне машины) и так далее, и так далее, пока не набралось на пожизненное заключение.

— Пошли, Корнелл! — сказал он резко. — Я тебя забираю.

Я благоразумно подчинился. С полицией можно держаться надменно, только если вы уже убедили их, что они ошиблись, или, стоя перед зеркалом в своей квартире, представляя перед собой полицейского и высказывая о нем все, что ты думаешь.

Меня доставили в суд в сопровождении пары по-

лицейских, сидящих по обе стороны от меня. Надпись на табличке судьи гласила: «Магистр Холлистер».

Магистр Холлистер оказался пожилым джентльменом со вставной стальной челюстью и холодным, как ком снега взглядом. Он управлял правосудием, словно орудовал острой лопатой и, казалось, считал каждого либо виновным в преступлении, либо постоянно гадал, на какие еще преступления пойдет тот, уйдя от правосудия. Я видел это и ерзал, пока он откручивал голову парочке ребят только за то, что они просрочили плату за стоянку. Я сидел, дрожа от макушки до пяток, пока он засаживал одного негодяя в тюрьму за поворот налево, вопреки постановлению городских властей. Следующей попыткой он изъял десять долларов за явный проезд на красный свет, несмотря на то, что виновный оказался эспером, да еще приличного ранга, несомненно прощупавшим и убедившимся, что вокруг на полмили нет перекрестного движения.

Затем его честь ударил в гонг и принялся за меня.

Он пригвоздил меня ледяным взглядом к стулу и саркастически спросил:

— Ну-с, мистер Корнелл, какой уловкой вы воспользуетесь, чтобы объяснить ваши преступления?

Я растерянно заморгал.

Он холодно посмотрел на судебного пристава, который вырос словно из-под земли, и зачитал выдвигаемые против меня обвинения загробным глухим голосом.

— Скажите, — бросил он, — признаете ли вы себя виновным?

— Признаю, — скромно сказал я.

Он просил от праведного ужаса. Ни разу на его памяти ни один человек в этом кабинете не признал так просто своей вины, как я. Никто не соглашался с его обвинениями так легко. И вдруг на меня нашло. Я почувствовал зуд. Мне стало невтерпёж. Но я понял, что, если сейчас попробую почесаться, Его Честь воспримет это как личное оскорбление. Я подавил безумное желание поскрестись о что-нибудь. А пока Его Честь добавлял к прочим моим преступлениям попытку покушения на человеческую жизнь на хайвее. Зуд локализовался в указательном пальце моей руки. Тогда я потер его о шов моих штанов.

Тем временем Его Честь продолжал, излагая лекцию

номер семь «О Преступлении, Виновности и Страшной Каре». Далее он рассмотрел меня в качестве примера, упирая на то, что раз я эспер, то уже ненормальное (он использовал именно это слово, показав, что старая ворона слепа как сова и ненавидит всех зрячих) человеческое создание, которое не следовало бы подпускать к нормальным людям ближе чем на полмили. И неважно, что моя жизнь в опасности, или что я, безусловно, был неконтролируемым. Мои действия могли породить панику среди нормальных, — он опять не преминул использовать это слово, — людей, которые с рождения не блещут телепатией или ясновидением. Последнее еще раз подтвердило мою догадку. Как ни крути, врожденные способности значат куда меньше пси-тренировки.

Он закончил свою лекцию следующей тирадой:

— ... и закон требует наложения штрафа, не превышающего тысячи долларов, девяностодневного заключения в тюрьме, или того и другого вместе... — он специально посмаковал последние слова.

Я безучастно ждал. Зуд в пальце увеличился. Я быстро его прощупал, но ничто не напоминало Софоров синдром. Слава Богу, это просто добрые старые нервные ассоциации. Как раз этот палец сосала маленькая трехмесячная супердевочка. К счастью, у нее еще не было зубов. Да и я оставался тем же старым Стивом.

— Ну что, мистер Корнелл?

— Да, ваша честь? — откликнулся я.

— Что будем делать дальше? Я склонен к снисхождению и позволяю вам самому выбрать себе наказание.

Возможно, я смог бы наскрести тыщенку, продав кое-что из имущества, личные вещи и исчерпав свой и без того уже опустевший банковский счет. Большая часть моих личных сбережений уже уплыла в сточную канаву, и мне остались только шестимесячные выплаты.

— Я бы предпочел уплатить, Ваша Честь, если бы вы дали мне время, чтобы собрать требуемую сумму...

Он стукнул молоточком по столу.

— Мистер Корнелл! — гневно прогудел он. — Разве можно доверять вору? Всего за несколько минут вы можете удрать от правосудия, не получив наказания в соответствии с объявленным вам приговором. Правда, вы можете отправиться за деньгами, но только если вы оставите в залог что-нибудь, по ценности равное штрафу.

— Ничего себе...

— Однако, если вы не в состоянии заплатить, мне не остается ничего другого, как засадить вас на девяносто дней в тюрьму! Пристав!

Я отказался платить. И, отказываясь, даже почувствовал своеобразное удовлетворение. Уж слишком много они хотели получить.

И неважно, что мне предстояло исчезнуть на девяносто дней. За это время я смогу обдумать планы на будущее и погрызть ногти.

Зуд в пальце, проснулся. Только на этот раз сильнее, и уже не унимался от почесывания о штаны. Я надавил на подозрительное место ногтем большого пальца и почувствовал что-то твердое.

Я посмотрел на зудящий палец и, сосредоточившись изо всех сил, прощупал своим восприятием.

В кончике пальца сосредоточилось колечко, величиной не более булавочной головки. Я поковырял его ногтем. Из ранки брызнула кровь, и я в волнении прощупал крошечный комочек плотной плоти, в который проникала и который омывала горячая кровь. Мое восприятие не обманывало: несомненно Мекстромова инфекция. Иммунитет был прорван!

Пристав толкнул меня в плечо и сказал:

— Топай, Корнелл!

У меня было девяносто дней, чтобы наблюдать, как этот комочек разрастается до невообразимой величины со скоростью одна шестьдесят четвертая дюйма в час!

16

Судебный пристав повторил:

— Топай, Корнелл! — и сурово добавил: — А не то я надену на тебя наручники.

Я повернулся, беспомощно пожав плечами. Попробовал подлизаться, заговорить, но безуспешно. В то мгновение, когда я готов был заговорить и открыл свою пасть, меня ошарашило, что я чуть было не совершил непростительную ошибку. Какая разница, стану я огрызаться или нет? Все равно я погибну. Но зато, рано или поздно, кто-то в этой местности в тюрьге войдет в мое положение и переправит меня в Медицинский Центр дипломированного специалиста Фелпса.

Снова я попал в ситуацию, когда единственное, что я мог сделать, это открыть пошире уши и смотреть в оба. Авось, что-нибудь и выплывет. Но прежде чем я сделал шаг по направлению к двери, кто-то в зале суда ясно произнес:

— Ваша Честь, у меня имеется на этот счет кое-какая важная информация.

Его Честь с непередаваемым изумлением на лице оглядел зал.

— В самом деле? — проскрипел он.

Я обернулся, потрясенный.

Между рядами спокойно шел доктор Торндайк. Он подошел вплотную к судье и объяснил, кто он и почему здесь оказался. Затем выудил бумажник, до краев набитый всякими бумагами, удостоверениями и кредитками.

Вид у судьи был весьма недоверчивый и осторожный, но, удостоверившись, в содержимом бумажника, он кивнул. Торндайк усмехнулся в усы и продолжал, обернувшись ко мне:

— Было бы против моих правил позволить вам засадить в тюрьму этого негодяя, — сказал он внушительно. — Ведь у мистера Корнелла Мекстромова болезнь!

Как только он объявил меня заразным, все отпрянули и уставились на меня с ужасом и отвращением на лице. А двое даже принялись вытирать руки носовыми платками. Приятель, который оказался на том месте, где я недавно ковырял комочек Мекстромовой плоти, отодвинулся подальше. Несколько посетителей поспешно удалились.

Его Честь побледнел.

— Неужто? — переспросил он доктора.

— Точно. Обратите внимание на кровь на его пальце. Только что мистер Корнелл нащупал кусочек мекстромовй плоти размером с булавочную головку. Это первый признак, — продолжал объяснять доктор. — Естественно, подобную раннюю стадию тяжело обнаружить, разве что при клинических исследованиях. Но поскольку я телепат, а Корнелл — эспер, его мозг сообщил моему мозгу об этих печальных обстоятельствах. Единственное, что надо прочесть в его мозгу, — что стало с тем комочком мекстромовой плоти, который он ковырял и уронил на пол.

Судья резко ударил молотком.

— Я вверяю этого преступника в руки доктора Торндайка, который, как представитель Медицинского Центра, переправит заключенного в такое место, где ему окажут соответствующую помощь.

— Но послушайте, — начал было я, но Его Честь прервал:

— Делайте, как я сказал.

Я обернулся к Торндайку.

— Ладно, вы победили.

Он снова улыбнулся и мне захотелось смазать эту улыбку костяшками пальцев. Но я понимал, что только расплещу руку о твердое как камень лицо Торндайка.

— Тогда, мистер Корнелл, — сказал он тоном лечащего врача, — давайте обойдемся без обычных выходов.

— Всякого, подхватившего Мекстромову чуму, — объяснил он судье, — начинает мучить мания преследования. Некоторые даже обвиняют меня в каком-то гигантском фантастическом заговоре против них. Не так ли, мистер Корнелл? — он продолжал смотреть на меня. — Мы обеспечим вам наилучшее лечение, которое только известно современной медицине.

— Валяй! — проворчал я.

Его Честь еще раз ударил молотком.

— Офицер Грюнвальд! — рявкнул он, — Проводите подсудимого и доктора Торндайка в Медицинский Центр, а потом доложите мне о выполнении задания.

Потом судья оглядел зал, ударил молотком еще раз и прокричал:

— Дело окончено. Следующее дело!

Мое второе посещение Медицинского Центра прошло довольно спокойно. Я вошел, как говорят, через служебный вход, так и не увидев крашеной блондинки у подъезда. Мы проехали через широкие автоматические ворота в стороне от основной дороги. Потом остановились напротив небольшого кирпичного строения и, как только прошли приемную, оказались в отдельном кабинете. Торндайк велел секретарше, чтобы она меня оформила. Мне совсем не нравилось, что со мной обращаются как с посылкой, но, казалось, никого не волновало, что я думаю по этому поводу. Все было сделано быстро и эффектно. Я едва успел сесть и закурить сигарету, как в дверь уже вошла сестра с документами, огляделась и вручила их офицеру Грюнвальду.

— А это не опасно для меня... э... общение... — запинаясь, обратился он к Торндайку.

— Если заметите, что... — попробовал я привлечь его внимание к спокойствию Торндайка и подбить Грюнвальда прощупать доктора, но тот вновь оборвал меня.

— Никто пока не нашел никаких следов инфекции, — сказал он. — А мы постоянно живем бок о бок с Мекстромовой. Вы же видите, мисс Клифтон абсолютно спокойна.

Мисс Клифтон продемонстрировала себя полицейскому и подала руку. У мисс Клифтон было такое личико и фигура, что человек забывал обо всем. Она превосходно выучила свою роль. Полицейский и сестра вышли из кабинета рука об руку, и я только подивился, что делать мекстрому в подобной компании.

— Я не хотел вам говорить, Стив. Вы сами не сознаете, что боитесь причинить кому-нибудь вред.

Разум подсказывал мне: за что такие почести? Высоко взлетел? Или хочется посмотреть, как я корчусь от боли, пока инфекция подбирается к моим внутренним органам? Собирается отрезать больную плоть? Дюйм за дюймом наблюдая мои страдания?

— Стив, некоторые вещи ты уже знаешь. Хотя бы то, что ты — переносчик. Других переносчиков нет. Мы бы хотели знать, как ты разносишь инфекцию?

«Снова в лабораторию», — подумал я.

Он кивнул:

— К тому же, возможно, количество случаев Мекстромовой удастся снизить, уменьшив фактор риска.

— Надеюсь, буду вам полезен как мекстром, — воодушевляясь, сказал я.

Торндайк показался мне немного озадаченным:

— Возможно.

— Послушайте, Торндайк! Хватит ходить вокруг да около! — сказал я ему. — Я довольно хорошо осведомлен о том, что здесь происходит. Лучше сказали бы, как отсюда поскорее смыться.

— Этого я не скажу.

— А кто?

Он ничего не ответил, а принялся разглядывать меня, словно букашку. Я тут же последовал его примеру, и теперь мы были на равных.

Мои пальцы отбивали дробь, оценивая ситуацию. Я

был готов забыть, что Торндайк мекстром и врезать ему по морде.

Он цинично усмехнулся.

— Вы в слишком незавидном положении, чтобы диктовать свои условия, — сказал он резко.

— Ладно, — неохотно согласился я. — Значит, я заключенный. К тому же, под угрозой смерти. Не считайте меня безрассудным.

— Беда, что вы делите все только на черное и белое, и не более. Спросите меня, что лучше, — жить или умереть? И не ждите ответа. Единственное, что я могу сказать, что не знаю. Это зависит от обстоятельств.

— А конкретнее?

Он окинул меня холодным взглядом:

— Стоит ли вам оставлять жизнь?

— И кто же будет решать?

— Мы.

Я чертыхнулся, сожалея, что не знаю латыни. А как хотелось бы процитировать на ней о стражах и страждущих. Видно, он видел меня слишком узко, ограниченно, а я ждал, что он процитирует ее, прочтя в моем мозгу. Но, очевидно, суть фразы до него не дошла, и он не проронил ни слова.

— А разве какой-нибудь человек или группа людей вправе решать, жить мне или умереть?

— Всегда, — ответил он.

— Разве...

— Преступники...

— Я не преступник. Я не нарушал общечеловеческих законов. Я даже почти не нарушал Десяти Заповедей. А если и нарушал, то не настолько, чтобы быть достойным смерти.

Он помедлил и произнес:

— Стив, ты жертва широкой пропаганды.

— И не отрицаю, — буркнул я. — Весь человеческий род находится под властью то одной, то другой формы пропаганды, начиная с младенчества и кончая преклонным возрастом и смертью. Мы все повинны в свободомыслии. Мой отец, к примеру, бросил школу, не получив полного образования, и ему пришлось самому, упорством, рвением, настойчивостью прокладывать себе дорогу. Он всегда клялся, что это закалило его волю и характер, дало мужество совершать такие поступки, на кото-

рые он не был способен раньше, и при мысли о которых его бросало в дрожь. А потом вдруг старик начинал сам себе противоречить, что не хотел бы иметь сына, который совершил бы то же самое.

— Не совсем так, Стив. Я знаю, какую пропаганду ты имеешь в виду. Это вечная история, для всех и каждого, и никто не убежит от этого.

— А разве это плохо?

Доктор Торндайк пожал плечами.

— Ты имеешь в виду широкую пропаганду. В этом сумбуре полной свободы у каждого человека, в конце концов, выпадает счастливый случай выбрать ту линию поведения, которой стоит придерживаться всю жизнь. Мне даже хотелось бы подчеркнуть, что при этом и та, и другая сторона будут одинаково правы. Не так ли?

Я выдавил улыбку:

— Вряд ли. Я бы не стал так говорить, потому что было бы ошибкой в любой политической дискуссии ставить на то, что твой противник немного лучше идиота.

— Тем лучше, — сказал он, немного просветлев. — Тогда ты согласишься с тем фактом, что у нас есть право искать, находить и отбирать тех людей, которые, как мы думаем, больше подходят к созданию совершенной человеческой расы. Ты не раз слышал давнюю притчу о гипотетическом катаклизме, погубившем человечество, и о том, как отбирают сотню людей, которых удастся спасти. Сейчас сложилась чем-то аналогичная ситуация, неправда ли?

— Не знаю. Может быть.

— Разве ты никогда не следил хотя бы за одним из этих громких судебных процессов, когда какой-нибудь полоумный маньяк вышибал мозги полудюжине граждан, наводя на них револьвер и спуская курок? А если следил, разве тебя не пугало рыдание сестричек и сочувствующих, когда порочный характер временно изымали из нашего окружения. Мы не можем карать сумасшедших, независимо, сколько они причинят горя. Мы должны защищать их, оберегать, кормить, поить и содержать целых пятьдесят лет. И разве общество стало лучше, если заперло его на пятьдесят лет. Так он все эти годы будет жить на шее других. И, наконец, пока этот чокнутый жив, существует опасность, что какой-нибудь мягкотелый параноик последует его примеру и попробует еще раз.

— Согласен, — сказал я. — Но вы вновь говорите о преступниках, а я себя к ним не причисляю.

— Нет, конечно, — произнес он быстро. — Я просто хотел показать вам на более конкретном примере, что все зависит от точки зрения. Теперь мы продвинулись в нашем взаимопонимании на два шага вперед. Медицина способна ослабить действие подобных рецидивов. Эпилептиков берегут, чтобы они плодили новых эпилептиков, гемофиликов защищают, невротиков покрывают. Нemoшь и возрожденные пороки процветают и производят новую немощь.

— Но какое это имеет отношение ко мне и моему будущему? — спросил я.

— Самое прямое. Я постараюсь показать тебе, что на Земле сейчас находится тьма никчемных людишек.

— А разве я отрицаю это? — спросил я резко, но он пропустил это мимо ушей. Я видел, куда клонит Торндайк. Сначала вывести на теле вшей. Ладно, я слеп и не принимаю тюремного заключения, когда нужно кормить, поить, одевать, содержать преступника и оплачивать прочие его естественные надобности. Ну, а следующим шагом мы уничтожим все болезни — физические и умственные. Я бы назвал второй шаг довольно сносным, но... Ну, а третьим — возьмемся за нищих, бродяг, пьяниц, недоумков. Но тут стоит призадуматься. Я знал некоторых прелюбопытных бродяг, пьяниц и нищих, которых вполне устраивала их жизнь, как меня — работа инженера-механика. Вся беда была в том, что подобная профессия взывала к логике и здравому смыслу, но становилась очень опасной. От маленького камня — большие круги. Затем, когда нижняя прослойка общества исчезнет, возьмемся за следующую. Следуй Аристотелевой логике, и добьешься того, что останется только одна партия, вроде тебя и меня, которая мало чем выделяется по сравнению с другими, но к которой ты теперь принадлежишь.

Я не задумывался об этом прежде, но раз уж так вышло, пришлось признать, что общество не может переходить скачком из одного состояния в другое или стоять на месте. Оно должно постоянно развиваться в каком-то одном направлении. И если бы пришлось расплачиваться за всяких пустоголовых, за их нужды, я бы согласился, ибо, в противном случае, кто-то принялся бы выпихивать остальных, неспособных достичь определенного уровня

образования. Так как тенденция направлена вверх, а не вниз, то граница сословий стирается. Анархия на одном конце не менее вредна, чем тирания на другом.

— Простите, вы так и не смогли прийти к правильному выводу, — сказал Торндайк. — Если вы не понимаете логики...

— Слушайте, док! — резко оборвал я его. — Если вы не видите, куда заведут ваши мысли, то можете сесть в лужу.

Он посмотрел на меня с превосходством:

— Вы злитесь потому, что не можете постичь этого.

Меня как прорвало:

— Вы настолько глупы, что не понимаете, что в любом обществе суперменов вам не доверят даже выносить помой.

Он самоуверенно усмехнулся:

— Пока доберутся до моего уровня, если, конечно, доберутся, вы уже будете далеко. Простите, мистер Корнелл, но для вас места нет.

17

Не совсем приятно упоминать, что банда Медицинского Центра отличалась грубостью, жестокостью, цинизмом, и ее абсолютно не волновали человеческие страдания. К несчастью, из-за моих моральных принципов я им не подходил. Они не срезали огромных лоскутов кожи без всякой анестезии. Они не вгоняли в меня тонких иглол и не раскладывали на столе, вспарывая мне нутро мясницкими ножами. Вместо этого, они обращались со мной, будто я платил им за обхождение, и в конечном счете должен был бы покинуть центр, превознося их достоинства и добродетель. Я отлично питался, спал на чистой удобной кровати, курил дармовые сигареты, читал хорошие журнальчики, — и, пусть в ущерб себе, но если говорить на чистоту — свободно заводил шашни с персоналом, гостями, жертвами, пациентами и т.п., пока меня силой не водворяли в палату.

Само собой, не всегда ко мне относились как к желанному и любимому члену их компании. Конечно, нет, и насколько подсказывали их чувства, ни один из них не проявлял симпатии к моему бедственному положению. Они смотрели на это, как на рождение или воспитание.

В моей комнате поместили еще одного человека такого же возраста. Он поступил за день до меня с ранней стадией заражения в кончике пальца. Он шел, если прикинуть, на три восьмых дюйма впереди меня, и ни о чем не тревожился. Он был одним из их последователей.

— Как вы вышли на них? — спросил я.

— Я и не искал, — сказал он, потирая больной палец. — Они сами связались со мной.

— Да?

— Конечно. Я крепко спал, даже без сновидений, когда кто-то постучал во входную дверь. Я вскочил с постели и сразу же понял, что к чему. Было три часа утра. На пороге стоял парень с извиняющимся выражением на лице.

— Вам письмо, — сказал он.

— Неужели нельзя было подождать до утра? — проворчал я в ответ.

— Нет — ответил он. — Это очень важно.

Пришлось его впустить. Он не стал терять времени даром. Не успев войти, он указал на металлический торшер в углу и спросил, сколько я за него дал. Я ответил. Тогда этот субчик смахивает в два приема все с журнального столика, прыгает в угол, хватает торшер и сбивает металлическую трубу замысловатой закорючкой, даже не улыбнувшись.

— Мистер Мулени, — спрашивает он меня, — Вам хотелось бы стать таким же сильным?

Я не стал крутить вокруг да около. Сказал сразу честно и прямо. С трех до пяти тридцати мы занимались игрой в вопросы и ответы, будто заполняя тестовую таблицу. В шесть часов я собрался и отправился сюда.

— Да ну? Прямо так сразу? — спросил я мистера Мулени.

— Конечно, сразу, — ответил он.

— И что же дальше?

— Завтра меня везут на обследование, — сказал он. — По-видимому, поскольку они собираются начать обследование, прежде чем инфекция достигнет сустава, или я лишусь его вообще. Он задумался, созерцая меня, (насколько я понял, он тоже был эспером). — Вас отвезут через пару деньков. Потому что ваш указательный палец длиннее моего большого пальца.

— А что за обследование? — спросил я.

— Этого я не знаю. Я пробовал прощупать насчет обследования, но оно проходит где-то далеко отсюда. Здесь что-то вроде предварительного бокса. Полагаю, они знают, как и с чего начинать.

Он глянул на меня. Несомненно, он был осведомлен о моей участи.

— В шахматы? — спросил он, внезапно сменив тему разговора.

— Почему бы и нет? — усмехнулся я.

Правда, мои мысли были далеко. Он разбил меня в трех из четырех партий.

Я улегся около одиннадцати и, к моему удивлению, тут же заснул. Должно быть, они что-то подмешали мне на сон грядущий. Я очень хорошо себя знаю и уверен, что не смог бы сомкнуть глаз, если бы они не подсыпали снотворное. Это выбило меня из колеи на всю ночь, пока не стукнуло семь. Утром я проснулся живой и здоровый.

А мистер Мулени исчез, и больше я его не видел.

В полдень или около того кончик указательного пальца на моей левой руке стал твердый, как камень. Я мог прищемить его дверью или прижечь сигаретой. У меня появилась дурацкая привычка чиркать о него спички, между делом прощупывая твердую плоть. Я несколько оправился от удара, но не намного.

К тому же, к этому времени слабый зуд изменился. Сами знаете, как достает такой зуд. Но иногда он может быть даже приятен. Словно легкое жжение после долгого купания в соленой морской воде и высыхания на жарком солнце, когда по телу идет легкое покалывание, будто заново родился. Это совсем не то, что копошится какая-то букашка. От него хочется нырнуть еще раз вместо того, чтобы выскребать назойливое насекомое своими клешнями. Чесотка в пальце была на удивление приятной. Я мог с остервенением скрести твердый как сталь сустав пальцами другой руки. Но теперь зуд сменился жгучей ноющей болью.

Моего восприятия явно не хватало, чтобы отчетливо прощупать структуру мекстромовой плоти, но оказалось вполне достаточно, чтобы сообщить мне о том, что ползущий кошмар достиг конца первой фаланги. Поэтому, наверное, и появилась жгучая боль. Следовательно, если никто мне не поможет, я лишусь кончика своего пальца.

Никто не явился, чтобы успокоить мою боль и уте-

шить мой разум. Они бросили меня на произвол судьбы. Я провел время с полудня до трех часов, прощупывая кончик пальца, будто никогда не видел его прежде. Он был твердым как камень, но удивительно податлив, когда я сильно надавливал на его поверхность. Он двигался, сгибаясь под моими руками. Его ноготь напоминал обломок каленой стали. Я не мог согнуть ноготь ни рукой, ни ударом, ни зубами. Он оставлял неприятное ощущение куска металла и напоминал, что для старых зубов он слишком твердый орешек. Я попробовал подцепить ногтем металлическую стойку, вогнав его в трещину между железной трубкой и ножкой стола. Мне удалось расширить трещину, но тело воспротивилось, обессилев и отказавшись служить противовесом на крошечном рычажке, которым был мой ноготь. Интересно, какими пилочками они наводят свой маникюр?

В три тридцать дверь в комнату отворилась, впустив мистера Фелпса с сердечной улыбкой на устах.

— А! — сказал он весело. — Вот мы и встретились, мистер Корнелл.

— При плачевных обстоятельствах, — ответил я.

— К сожалению, — кивнул он. — Однако, не всегда же нам везет.

— Мне не нравится быть живым примером.

— А кому нравится? Все же, с философской точки зрения, у нас не больше прав жить за чужой счет, чем у других. Ведь все там будем. И, кроме того, если всем людям обеспечить бессмертие, мир превратится в сумасшедший дом.

Я признал, что он прав, но не мог согласиться с его беспристрастной логикой. Поскольку мне здесь отводилась роль жертвы. Он угадал мои мысли, хотя был только эспером. Правда, это и не составляло большого труда.

— Все верно. Но стоит заметить, что у нас нет времени рассиживаться и разглагольствовать на темы философии, метафизики или чего-нибудь подобного. Вам сейчас не до того.

— Верно подмечено.

— Вы уже знаете, конечно, что являетесь переносчиком.

— Пришлось поверить. Во всяком случае, все, с кем я встречался, либо исчезали, либо подхватывали Мекстромов, либо и то, и другое.

Специалист Фелпс кивнул:

— Когда-нибудь вы все равно бы догадались.

— Но неужели, — **взглянул** я на него, — вы отправили за мной целую спасательную бригаду, чтобы собирать жертвы? Или подбирали только тех, кого надо? А люди хайвея **потворствовали** вам в этой гонке?

— Слишком много вопросов сразу. Было бы лучше, если бы большинство из них остались без ответа. Во всяком случае для вас. А может, даже и для нас.

Я пожал плечами:

— По-моему, мы вновь увлеклись философией, когда куда важнее выяснить, что вы со мной собираетесь делать.

Он насупился:

— Трудно оставаться нефилософом в подобных случаях. Слишком много открывается перспектив, идей, точек зрения. С удовлетворением хочется отметить, что вы довершили дело, наличие переносчика явилось решающим фактором, который мы искали на протяжении последних двадцати лет или около того. Вы стали направляющей силой, последним кирпичом в здании, окончательным ответом. Или, к сожалению, были.

— Был?

— В соответствии с нашими знаниями о Мекстромовой, которые, кстати, остаются довольно скудными, — сказал он, — главная причина болезни — носитель, должен быть абсолютно иммунным. Иногда мы бываем свидетелями, когда переносчиком становится человек, подцепивший незначительную или ослабленную инфекцию, иммунизовавшую его, но не способную убить и комара. А с другой стороны, мы не раз сталкивались с переносчиком, который наконец заразившись, вдруг становился обычным больным. А что мы имеем теперь? Останется ли Стив Корнелл переносчиком Мекстромовой после того, как сам заболевает ею, или...

— Ну, и какой вывод?

— Загадка не из простых, — сказал он задумчиво. — Одни полагают, что нам не следует вас лечить, поскольку лечение может уничтожить какой-то неизвестный фактор, делающий вас переносчиком. Другие утверждают, что если мы не станем вас лечить, то вы свалитесь **задолго** до того, как кончатся всесторонние обследования. А третьи уверяют, что настала пора выяснить, почему вы

являетесь переносчиком, сделать соответствующие анализы и вылечить вас, после чего повторить анализы.

— Полагаю, меня никто спрашивать не собирается, — оборвал я его.

— Вряд ли, — его лицо осталось невозмутимым.

— А к какой группе относитесь вы сами? — спросил я безысходно. — Станете мной заниматься, или же заставите подохнуть как собаку, замеряя кровяное давление? А может, я спокойно лишусь пальцев, пока вы сидите здесь сложа руки, ожидая доклада лаборатории.

— В любом случае мы узнаем от вас очень много о Мекстромовой болезни, — бросил он. — Даже если вы умрете.

— Мне очень лестно сознавать, что моя смерть будет не напрасна, — как можно более язвительно сказал я.

Он презрительно взглянул на меня:

— Вы же не боитесь смерти, мистер Корнелл.

— Боюсь я смерти или нет, сейчас или погода, к счастью или нет, — это не имеет значения. Теперь не место и не время, да я и не вижу причин говорить об этом.

Мы сидели, уставившись друг на друга. Он не знал, то ли надуться, то ли рассмеяться, а меня это тем более не волновало. Казалось, мы приближались к чему-то похожему на конец. Потом последуют похороны, заявления, что я де умер, ибо современная медицина бессильна и вечные «вах, вах, вах» о недостатке фондов и об очередных пожертвованиях Медицинскому Центру. В результате Фелпсу еще больше развяжут руки, а все остальные покатятся ко всем чертям.

— Ну что ж. Чему быть, того не миновать, — просипел я. — У меня нет ни мнения, ни права на апелляцию. Никого не трогает, каково мне сейчас.

— Я ведь не нелюдь, не толстокожий монстр, мистер Корнелл, — откликнулся он холодно. — Я думаю, вы понимаете мою точку зрения, или во всяком случае, согласитесь, что в ней есть доля истины.

— Мне кажется, я уже прошел это с Торндайком.

— Другой подход. Я говорю о своем праве на открытие.

— О чем?

— О моем праве на открытие. Вам как инженеру, должна быть близка подобная идея. Будь я поэтом, я бы написал оду моей любимой, и никто не в силах был бы

заставить посвятить ее кому-нибудь другому. Будь я поваром, открывшим новый рецепт, никто не посмел бы утверждать, что я увел его у своего друга. Тот, кто открыл что-то новое, должен иметь право не выпускать его из своих рук. Если бы создание мекстромов было каким-то техническим открытием или новшеством, я мог бы его запатентовать, получив исключительное право использования на семнадцатилетний период, не так ли?

— Да, но...

— Да, но сейчас на мои права наплевали бы, и дело вышло бы из-под контроля...

Я замер и с гневом посмотрел ему в лицо. Он ничего не скрывал, просто был мекстромом. И все же на миг запнулся.

— Взгляните на меня! — рявкнул я. — Разве вправе один человек, или даже какая-то группа, скрывать, утаивать или держать в руках какой-то процесс, который можно использовать, чтобы спасти человеческую жизнь.

— Этот аргумент уже приводился ранее. Вы, может быть, по-своему и правы. Но, к моему счастью, мистер Корнелл, у меня есть секрет, а у вас — нет, и тут уж ничего не поделаешь. Я имею право использовать его на тех людях, которые, по моему мнению, в большей мере будут способствовать прогрессу человеческой расы. Однако, не стоит снова вдаваться в скучные и надоедливые дискуссии. Как сказал один древнегреческий философ, сколько с человеком не спорь, а мысли его не переделаешь. С другой стороны, думается, вы нам кое в чем могли бы услужить, хоть и против своей воли.

— Да? И что я с этого буду иметь? Наверное, нужно кого-то убить? — я цинично оглядел его и добавил: — Или, может, спросить, кого я должен убрать? Вы же знаете, как я люблю подобные штучки.

— Не смейтесь, я серьезно, — сообщил он.

— Тогда хватит юлить! Выкладывайте! — взорвался я. — Вы в курсе, я нет. Поэтому, если хотите меня заинтересовать, лучше говорите, чтобы мне не ломать голову.

— Вы, конечно, были переносчиком. Может, им и остались. Но определить это мы не в силах. Собственно, мы могли бы, если бы...

— Ради Бога, кончайте, — вскрикнул я. — Что вы темните.

— Простите, — сказал он извиняющимся тоном, от которого меня пробрало до мозга костей.

Он немного помялся и продолжил:

— Если бы остались переносчиком, то могли бы принести пользу Медицинскому Центру. Теперь понимаете?

Еще бы не понять. Как нормальные люди, они ничего против меня не имели, только пинали туда-сюда и подбирали за мной жертвы. А теперь, когда я сам стал жертвой, они обеспечат мне «лечение», если только я побужусь объехать всю страну, намеренно заражая подобранных ими людей. Либо это, либо ложись и подымай. Вряд ли специалиста Фелпса внезапно осенила подобная мысль. Он вынашивал ее давно, выжидая развязки второго деликатного вопроса, когда мне деваться будет некуда, и останется лишь терзаться угрызениями совести. А кому-то, несомненно, достанется роль спасителя-чудотворца.

— Здесь есть одно скользкое место, — сказал он мягко. — Если мы вас вылечим, нам придется полагаться только на вашу честность и порядочность, чтобы получить обещанное. Мы не так наивны, мистер Корнелл. Мы с вами отлично понимаем, что честное слово — лишь джентльменское соглашение. Поскольку, на ваш взгляд, медицинское обслуживание не совместимо с дискриминацией, а наша программа улучшения человеческой расы путем выборочной селекции претит вашим чувствам, вы будете связаны лишь честным словом. Разве не так?

Что мне было ответить? То будут, то не будут, то опять будут! Чего Фелпс добивается?

— Станьте на мое место, мистер Корнелл. Уверен, что вы бы искали какую-нибудь дополнительную управу на меня. По той же причине я продолжаю искать такой рычаг против вас. Между тем, мистер Корнелл, мы должны посмотреть, стоит ли вообще пытаться искать с вами реальную основу для соглашения. Ведь вы можете перестать быть переносчиком, сами знаете.

— Да, — ответил я мрачно.

— Между тем, — сказал он бодро, — мы наконец можем начать лечение вашего пальца. Мне было бы неприятно, если бы вы уклонились от сделки, потому что мы не в силах вылечить все ваше тело сразу.

Он просунул голову в дверь и позвал сестру, которая вошла с черным саквояжем. Она извлекла из него под-

кожный инъектор и маленькую металлическую коробочку, на которой находилась тонкая раздвижная платформочка и несколько крошечных ремешков. Он притянул ими мой палец к платформе и вставил в ближайшую розетку длинный шнур.

Маленькие шторы раздвинулись, ближняя к запыстью быстро завибрировала и чуть передвинулась, оставив ощущение невыносимого зуда. Край створки изогнулся, вывернув кончик пальца под углом в шестьдесят градусов. Это движение повторялось неоднократно — медленно, но регулярно.

— Не стану врать, — сказал он наставительно, — это будет очень болезненно.

Он поднес подкожный инъектор к концу фаланги и нажал спуск. На миг палец онемел, и по нему растекся приятный холодок. Потом шок прошел, и кончик пальца, весь палец, а потом и часть руки охватила жуткая невыносимая боль, которую вряд ли чувствовал хоть один смертный. Вспышки и волны боли поднимались по руке к локтю, сводя мышцы предплечья, нервный узел в локте гудел, посылая усиливающиеся волны вибрирующих иглолок к моему плечу. Моя рука стала источником жгучего жара и морозного холода, и все это время боль ломала, выкручивала и сотрясала мое тело.

Фелпс вытер мое мокрое лицо полотенцем, вынул еще один инъектор и всадил мне в плечо. Дрянь постепенно подействовала, и жуткая боль начала спадать. Пусть не совсем, но уменьшилась от совершенно невыносимой до едва ощутимой.

На миг я понял, почему животное, попавшее в капкан, отгрызает собственную лапу, чтобы вырваться из ловушки.

Из недр своего саквояжа он извлек бутылку и налил мне полстакана жидкости, которая подействовала на меня словно глоток хорошего мягкого виски. А вообще это напоминало удар. Он обжег словно пламя, встряхнув мой желудок и мозг. Фелпс плеснул мне чистого спирта.

Своеобразное противоядие подействовало. Жуткая боль в руке начала понемногу стихать.

— Где-то через час снимите манипулятор, — сказал он мне, — а потом продолжим лечение.

Я прикинул, что они всегда смогут прекратить его, если надобность во мне исчезнет.

18

Полночь. На несколько часов с моей руки сняли манипулятор, и стало очевидно, что Мекстромова завладела первым суставом и пробралась к следующему. Но меня это не радовало. Хотя я и мечтал о прекрасном твердом теле, но мне совсем не нравились невыносимые муки, сопутствовавшие пересекающей сустав инфекции. Я прикинул насчет запястья. Это довольно сложный сустав, и боль в нем наверняка превзойдет боль в суставе указательного пальца. Я, конечно, слышал рассказы, будто бы достигнув вершины, дальнейшие страдания не причиняют больших мук. Я принял это как должное. Но теперь я не был слишком уверен, что то, что я испытал, не станет исключением, потому что, как известно, нет правил без исключения.

Я все еще пребывал в мрачном и безутешном настроении. Но умудрился поесть, побриться, принять душ и расслабиться, поскольку попал все же в наилучшее положение. Ведь могло получиться гораздо хуже. Я лег и прощупал помещение.

В здании находилось несколько пациентов, но ничто не напоминало дом Маклинов. Когда начиналось лечение, те отправляли больных в другую часть света. Там не было ни сиделок, ни докторов, ни ученых, ни какого-либо другого персонала.

Снаружи, по другую сторону дороги находился маленький светлый домик, который, очевидно, принадлежал охране. Но, по сравнению с армейской, она была куда более формальной. Территория, вместо того чтобы патрулироваться охранниками (которые могли проболтаться неведь где), была разбита на квадраты, нашпигованные индукционными датчиками и фотореле.

Вы, наверняка, читали, как маскируются подобные устройства. Я тоже. Поэтому прощупывая туда-сюда, выбирал путь от черного хода моего здания до ближайшего слоя мертвой зоны. Эта безопасная область, вздымаясь волнами, простиралась к зданию словно гряда обломков. Ее вершина поднималась как колоннада, неизвестно какой высоты, ускользая от моего взгляда. Она снижалась

недалеко отсюда, но не проходя над зданием. Конец колонны терялся вдали, и я был несказанно поражен, даже несмотря на свою тренировку, прощупав дальний конец мертвой зоны. Меня будто нарочно наводили на мысль окинуть все поверхностным взглядом вместо детального осмотра.

Я расслабился. Если мне и суждено было выбраться отсюда, то только с посторонней помощью. Мне бы подошел лихой пилот джеткоптера, севший в мертвой зоне с выключенным холодным двигателем. У Медицинского Центра не было радара. Наверное, по тем соображениям, что слишком высокая засекреченность говорит о важности скрытого. Поэтому я бы спустился с выключенным мотором, приземлился и выждал. Выбрать момент нужно безупречно, потому что мне, заключенному, придется преодолеть галопом двести метров свободной спецзоны, перелезть высокую изгородь, увенчанную ключей проволокой, пересечь еще пятьдесят ядров во тьме и найти своего сообщника. Взлетать пришлось бы вслепую, а дальше все зависело бы от сноровки пилота, который должен настолько разбираться в двигателях и ускорителях, чтобы рвануть вверх без предварительного разогрева.

Конечно, через некоторое время, наперекор всем моим планам, люди Медицинского Центра прочтут мои мысли и, скорее всего, заполнят мертвый участок патрулями из грубых здоровых джентльменов, вооруженных достаточно, чтобы остановить танк.

За неимением всякого рода устройств или приспособлений, которые бы экранировали мой мозг от любопытных телепатов, мне оставалось только одно — улечься в мягкую постель и погрезить во сне о бегстве.

Очевидно, я уснул и вообразил, что за мной гонятся молларды с шампурами, унизированными чертовыми пончиками. Но беспокоила меня, почему-то, в основном парочка клиентов, решивших, что единственный способ унять моллардов — пальба. Их одежда была под стать снаряжению. Кто охотится на уток с каноэ, разве станет одевать штормовку и бутсы? Потом они, очевидно, купили у меня несколько уток и отправились домой, бросив меня на съедение кошмарам.

Около восьми утра в мою дверь тихо постучали. Поскольку я преворчал, что могли бы и не прибегать к та-

ким формальностям, дверь отворилась и вошла женщина с моим завтраком на подносе. Это была не моя сиделка. Это был эспер в образе лакированной блондинки.

Собственно, лакированной она была чисто условно. Это не следовало из ее косметики, одежды или прически. Она была само совершенство. Короче, у нее был такой глянцевый вид, что наводил на мысль об автоматроне, запрограммированной создавать приличествующий шум и отпускать выражения в нужное время. Как будто она никогда не задумывалась ни о себе, ни о проблемах, которые выходили за компетенцию ее мелочных интересов. Как будто покрой ее платья и застывшая красота лица были важнее всего в ее жизни.

Девушка в налете полной безличности исчезла, и у меня было всего несколько мгновений, чтобы прощупать ее сущность. И все же я видел ее глаза. Они какое-то время бездумно смотрели в точку в трех дюймах над моим плечом, а потом сосредоточились на мне. Причем было неважно, где, в какой точке комнаты она сейчас находилась: поднимала ли шторы или убирала всякую мелочь, будто какая-нибудь младшая сестра. Наконец, она поставила мой поднос на столик и остановилась, глядя на меня сверху вниз.

С первого взгляда я понял, что она не телепат. Поэтому я грубо спросил:

— А где та девушка? Где моя сиделка?

— Я заменяю ее на время, — сказала она. В ее голосе чувствовалась какая-то напряженность. Она старалась использовать тот вкрадчивый деликатный тон, которым пользуется профессиональный ясновидец. Но заученный голос ломался и сквозь него проступали естественные интонации.

— Почему?

Тут она смягчилась, или может, чуть расслабилась. В ее лице появился намек на характер, а тело потеряло свою суровую недоступность.

— Вас что-то тревожит? — спросил я ее мягко.

У нее на уме было что-то такое, что оказалось чересчур велико для нее, а дрессировка была не столь хороша, чтобы высказаться. Я надеялся ей помочь, если смогу. И еще я хотел знать, что она здесь делает. Если ученый Фелпс думает надавить на меня рычагом в образе женщины, он глубоко заблуждается.

Она смотрела на меня, и я уловил тень борьбы на ее лице.

— Тревожит? — спросила она шепотом.

— Да. Что вас тревожит?

— У меня... Мекстромовая болезнь, — последнее слово вырвалось вместе с парой слезинок, появившихся из-под прикрытых век.

— Ну и что? — спросил я. — Стоит ли из-за этого так убиваться?

Она захлопала глазами и посмотрела на меня:

— А разве это не ужасно?

Я вспомнил о боли в пальце и попробовал солгать:

— Мне чуточку больно, но, по правде говоря, это, наверное, из-за того, что я долго тянул с первой процедурой.

— Надеюсь, я оказался прав. Может, я выдавал желаемое за действительное, но скорее всего, угадал. Не очень-то хотелось испытывать те же муки, переходя каждый сустав.

Я потянулся к столику и нашел сигареты. Выудил две и предложил ей. Она осторожно протянула руку, готовая в любой момент ее отдернуть. Правда, тотчас это прошло. Такое чувство испытываешь, когда отправляешься в кабинет зубного врача, чтобы покончить раз и навсегда с неприятным делом. Это стоит непреодолимых усилий. Но стоит пересечь какой-то рубеж, после которого повернуть назад уже невозможно, и идешь вперед без всяких колебаний.

Наконец она дотянулась до сигарет, но была очень осторожна, стараясь не коснуться моей руки, будто та могла ее ужалить. Потом, как бы решившись, ее рука скользнула мимо пачки и коснулась моего запястья.

Три мгновения мы стояли как вкопанные. Потом я поднял другую руку, вытащил сигарету, о которой она забыла, и протянул ей.

Я участливо взглянул на нее. Потом поднял левую руку и посмотрел на заразу. Палец, который когда-то жевал мекстромов младенец в Хоумстиде. Неуверенно пожав плечами, я поднес ее руку ко рту, коснулся ее языком и прощупал своим восприятием, зажав тонкий кусочек кожи между зубами. Затем резко сжал их, почувствовав кровь. Она дернулась, замерла, прикрыла глаза и сделала глубокий вдох. Но даже не вкрикнула.

— Если не ошибаюсь, должно сработать, — сказал я спокойно. — Тепер ступайте и помажьте йодом. Похоже, человеческий укус переносит инфекцию, и не думаю, что какой-нибудь антисептик сможет остановить Мекстроому инфекцию. Они пробовали на мне антисептики, — вспомнил я Хоумстид. — Теперь, мисс, не знаю как вас там, садитесь сюда и рассказывайте, как вас осенила эта жуткая идея.

— О, я не могу, — заплакала она и перестала сосать свой кровоточающий палец.

В объятиях я не нуждался. Я хотел только убедиться. Кто-то нажал на нее. Может, кто-то, кого она любила, стал Мекстромом, и она решилась. К тому же, была вероятность, что ей дали понять, что возьмут ее в сообщники, только если она подхватит Мекстромову, и используют мое пребывание, как отличную возможность проверить меня, а заодно получить и ее.

Я поразился. Вроде бы она была не большого ума. Я не мог себе представить, с какой стати Фелпсу, который удерживал ключевые позиции, давать ей зеленый свет. За исключением того, что она была женщина привлекательная, если нам нравятся красивые куколки. А ей, наверное, нравилось жить в своеобразном мирке, окруженном со всех сторон журналами, кружевными занавесками, телевизионной мыльной оперой и полным загоном мекстромовых детишек. Просто немыслимо, как поборники нового общества начинают удовлетворять свои потребности в женщинах, чьи мозги связаны мирскими заботами о доме и семье.

Ладно. Надеюсь, она ее подхватит, если по-настоящему этого захочет. И голову могу дать на отсечение, что она пошла на это ради своего суженого, а не во имя элитарного общества, которое он создает.

Я покончил с завтраком и отправился посмотреть, как парочка телепатов играет в шахматы. Но после ленча все это мне наскучило. Шахматы телепатов ничем не лучше покера ясновидцев.

Потом настал черед обеда, заполненного лабораторными анализами, экспериментами, обследованиями, процедурами и тому подобным. Они были ничем не лучше предпринятых в Хоумстиде, и я удивил их и несказанно обрадовал, выдав на-гора прошлые данные о крови и прочей дряни.

Они не удостоили меня новой подружкой, и после обеда я бродил вокруг, скрываясь от Торндайка или Фелпса. Мне не хотелось вступать в какую-нибудь новую дискуссию с ними, и не нужно было быть большим ясно-видцем, чтобы предсказать в какую беспросветную тьму повергнут меня семантические упражнения.

Я снова пораньше завалился спать. И снова в восемь утра меня разбудил стук в дверь. На этот раз это был уже не робкий испуганный стук. Теперь он звучал куда более веселее и громче. Моя реакция осталась прежней. Поскольку это был их спектакль и декорации, я просто недоумевал, с чего им так раскланиваться.

Опять лакированная. Она вошла с грустной улыбкой и поставила поднос.

— Взгляните, — воскликнула она и вытянула руку. Кровь перестала течь, и ранка покрылась тонкой корочкой. Я прощупал ее и кивнул. Без сомнения, чувствовались первые признаки Мекстромовой.

— Вышло детка, — сказал я.

— Знаю, — проворковала она в ответ. — Боже, дай я тебя расцелую!

И не успел я подумать, что она хотела этим сказать, как она упала в мои объятия, в несдерживаемом порыве, да таком, какого я уже давно не видывал. С тех пор, как я обнимал Катарину у нее в квартире, незадолго до катастрофы, а потом провел некоторое время в обществе сестры Фарроу, которая оказалась ко мне весьма равнодушной, на мою долю выпадали только приятельницы-мекстромки, а с их хваткой можно было от волнения свернуть шею. Через некоторое время, когда я с энергией и энтузиазмом начал отвечать ей, она выскользнула из моих объятий, и ушла из зоны досягаемости к подножию кровати.

— Гарри благодарит вас за это, — сказала она холодно.

Это значило, что инфекция в пальце.

«Чтоб твой Гарри сдох!» — подумал я, когда она ушла. Затем я ухмыльнулся себе, как Чеширский кот, так как вдруг осознал, что стал теперь настолько значим, что они просто не позволят мне умереть. Неважно, как я буду жить, но я буду жить. И после долгой сумятицы и тревожных мыслей быстро вернулись в привычное русло.

Я вспомнил случай с ребенком. Даже если ребен-

нок окажется еще одним переносчиком, пройдет слишком много времени, пока он вырастет и его смогут использовать.

Я пошел дальше. Ведь не колесил же я по округе, кушая наивных граждан. Видно, вполне достаточно меньшего контакта. Укус просто ускоряет процесс.

Так что я здесь в полной безопасности и в соответствии со своими желаниями. Могу остаться с Фелпсом и кусать только фелпсовых аристократов, а могу отправиться к людям хайвея и кусать там кого заблагорассудится.

Я усмехнулся, глядя в зеркало. Пусть, я добрый парень, но уж кусаю лучше, чем другие. Я показал зубы своему отражению, получилась отличная реклама зубной пасты с голливудской улыбкой.

Мое отражение посуровело.

«Стив! — подумало оно. — Старый чертяка! Уж если собрался кого-нибудь укусить, ступай подальше от Медицинского центра».

19

Часом позже они вырвали мне клыки без всякой анестезии.

Торндайк зашел посмотреть развитие инфекции и признал, что через несколько дней я буду готов к основному лечению.

— Мы бы хотели отсрочить основные процедуры как можно дольше, — сообщил он. — Потому что это слишком надолго лишает пациента способности передвигаться.

Он нажал кнопку звонка, выждал, и скоро дверь открылась, пропуская санитара, толкающего передвижной столик, нагруженный медицинским хламом. Я все еще не понимал, что лежит на столике, потому что был слишком поражен, чтобы это заметить.

Я уделил все внимание Катарине, выраженной в униформу Серой Леди и ставшей чрезвычайно услужливой, посвежевшей, веселой и довольной. Язык мой застыл, дернулся и остался неподвижен.

Управлялась Катарина вполне профессионально. Она взяла подкожный инъектор и вложила в протянутую руку Торндайка. Ее глаза глянули на меня и ободряюще

улыбнулись. Она твердой рукой взяла мою руку, крепко сжала ладонь и держала ее, в то время как Торндайк выстрелил мне во второй сустав. Ее хватка стала еще крепче, когда она выдохнула:

— Стив, я так рада!

И затем продолжила свою работу.

Меня поразила ирония происходящего, но я вспомнил чудовищную радость тех, кто подхватил инфекцию.

Затем меня захватила волна агонии, и я запомнил только то, как Катерина сложила полотенце, вытирая капельки пота с моего лица. Она обняла мою голову руками и тихо напевала, пока не прошла пучина боли. Потом она вновь взялась за дело и отодвинула Торндайка в сторону, чтобы самой закрепить ремешки манипулятора. Она сделала это нежно и осторожно. Затем наградила меня стаканом ледяной воды, поставив его так, чтобы я мог дотянуться до него здоровой рукой. Она вышла, посмотрев мне в глаза долгим изучающим взглядом, и я понял, что она вернется позже, чтобы поговорить со мной наедине. Такой искушенный телепат, как Торндайк, мог запросто подслушать смысл нашей интимной беседы и обернуть ее в свою пользу.

Как только Катерина вышла, Торндайк обернулся ко мне и с циничной самоуверенностью сказал:

— Вот и нашли на вас управу, Стив!

Наркотик сломил все, но притупленные волны боли устояли.

— Так вы предложили ей уплатить по счету, Торндайк? — умудрился я улыбнуться.

— Да за вашу шкуру она не даст и монеты, — отозвался он презрительно и, хмыкнув, вышел, оставив меня наедине с мыслями и болью.

Крошечный манипулятор обрабатывал второй сустав моего пальца, ритмично перемещаясь вверх и вниз, и с каждым мгновением боль возвращалась. К тому же, он упражнял и первый сустав, который так заостенел, что мускулы отказывались им двигать уже несколько часов. Это тоже подливало масла в огонь.

Наркотик помогал, но он также мешал моей способности сосредоточиться. Начиная с этой точки, все становилось ясно, логично и понятно. Катерина была здесь, потому что они связались с ней по каким-то каналам и сказали: «Попробуйте отказаться, и увидите, что ваш лю-

бимый умрет в муках». Вроде бы разумно, но дальше все обретало какой-то сумбурный и загадочный смысл. При обычных обстоятельствах Катарина должна была бы прийти ко мне при первой же возможности, как, впрочем, и я к ней, если бы знал, как. И, мало того, я, возможно, поклялся бы им в вечной преданности, даже если бы не разделял их воззрений.

Но Катарина была достаточно смышленной, чтобы понять, что я более ценен живой, нежели мертвый. Зачем же тогда она пришла сюда и отдалась им в руки? Одна, она могла бы потерять голову от беспокойства. Но у людей хайвея было достаточно хороших советников, которые объяснили бы, что Стив Корнелл был тем малым, который мог запросто устроиться среди врагов или друзей. Почему они не пытались подобрать меня, пока не стало очевидным, что я на пороге курса лечения. Тогда они забрали меня, поскольку Медицинскому Центру требовалась любая информация, которую они могли добыть обо мне, как о переносчике. Если бы кто-нибудь в Хоумстиде знал о происшедшем в зале суда, я бы сейчас был среди друзей.

И тут жуткая мысль поразила меня как удар грома.

Переориентация.

Добровольное желание Катарины помогать им было вызвано переориентацией и ничем больше.

Хотя я слышал о ней и раньше, но теперь столкнулся с ней воочию и понял, какая это мерзость. С ее помощью доктор Джекин превращался в мистера Хайда. Она проходила почти мгновенно, ее скорость зависела от соотношения силы мозга оператора и испытываемого объекта. Сопrotивляющийся мозг переориентировать куда труднее, чем уступивший добровольно. И залипнет образ надолго, пока кто-нибудь не высвободит его вновь. Причем, проще сделать плохого человека из хорошего, чем наоборот. Слишком трудное дело — удовлетворить каждого, хотя люди выработали теорию, будто все «хорошее» должно идти на пользу человечеству, в то время как «плохое» несет ему одни неприятности. Короче, я считаю так: ни одна культура основанная на грабеже, жульничестве, разбое и мракобесии, не выживет.

При мысли о том, что в Катаринин мозг кто-то вмешался, я закипел от негодования. Забыв о боли, я начал

неистово зондировать окружающее. И чем больше я зондировал, тем больше понимал, что все тщетно.

Здесь я был практически неподвижен и зависел во всем от них. Не было времени пытаться спасти возлюбленную, которая будет брыкаться и звать на помощь. Всю дорогу, пока я не доберусь до укромного места, где получу и проведу переориентацию. Последнее не так уж сложно — среди многих вещей, которые я слышал о переориентации, было то, что она могла не устоять и рухнуть перед сильными человеческими чувствами и узами. Да и подсознание всегда оказывает сопротивление новой личности.

Что касается моего экстрасенсорного прощупывания, я не нашел ничего нового. Пациенты, медсестры, персонал, сиделки, пара врачей и ученых, корпевших над кипами бумаг. И, наконец, Катарина, склонившаяся над автоклавом. Она раскладывала в ряд инструменты под надзором старшей медсестры, объяснявшей, что для чего служит.

У меня вырвался глубокий вздох. Она была слишком занята, чтобы читать мысли, исходявшие из моего мозга. Мне не хотелось, чтобы она знала о моей ужасной беспомощности и гневе.

И тут, пока я был поглощен мыслями о себе и Катарине, дверь вдруг распахнулась, и я не успел прощупать входящего. Открывший дверь был именно тем, в ком я нуждался, чтобы открыть пошире пасть и завывать в припадке бешенства. Это было так кстати. Помочь невозможно, оставалось только идти навстречу.

— Привет! Напоминает прежние деньки.

Мисс Фарроу даже не удостоила меня ответом. Ее лицо казалось мрачнее моих мыслей, если это возможно. Сомнительно, чтобы она занималась своей телепатией. Люди, которые выполняют подобную работу, говорят, что это тяжело, даже когда видишь и слышишь. Пусть так. Но телепаты и эсперы выходят из любой заварухи первыми, потому что пси — довольно деликатный фактор.

Она холодно глянула на меня:

— Ты настоящий недоумок!

— Ох, детка! — огрызнулся я. — Полегче! Я, конечно, не блеск, но что поделаешь? — и шлепнул ее по

щеке. Это было как болеутоляющее, если бы она была мекстромом.

Фарроу сразу остыла. Ее лицо сделалось безучастным и апатичным, и она рухнула на кровать и уткнулась лицом мне в грудь. Помочь я не мог, но мог утешить. Она была как кусок мрамора, но теплый и дрожащий. Все равно, что плачущая статуя на твоём плече. Она повисла на мне, словно огромный мешок цемента, а руки обвили плечи, будто пара скоб. Большие, горькие слезы скатывались по ее щекам мне на грудь, и я был по-настоящему поражен, обнаружив, что слезы мекстромов не падают подобно каплям ртути. Они разбивались словно капли обыкновенной воды и увлажняли мою грудь.

Я отстранил ее, слегка встряхнул и сказал:

— Ну зачем так убиваться, Фарроу?

Она затрясла головой, будто прочищая мозговой аппарат.

— Стив, — сказала она спокойно и серьезно. — Я была такой непроходимой дурой.

— Вы не одиноки, Фарроу, — сообщил я. — Все люди выкидывают такие глупые фокусы.

— Знаю, — оборвала она. — И, собравшись с духом, добавила: — Наверное, есть еще одна версия сказки о Садах Эдема. Еву уже обвинили в соращении Адама. А ведь могло получиться так, что совратил Адам?

Я не знал, к чему она клонит. Лишь гладил ее волосы и ждал. Существует всего два способа образовать одну пару.

— Стив, беги отсюда! Пока ты в безопасности!

— Что за бред, Фарроу?

— Я была тряпкой, — сказала она и выпрямилась. — Я была дурой, Стив. Если бы Джеймс Торндайк попросил меня прыгнуть с крыши, я бы только спросила «куда?». Я просто потеряла голову.

— Да, теперь кое-что начало проясняться.

— Я... выдала тебя.

Как обухом по голове! Видно, это не просто треп. Полминуты она проревела на моем плече и в моих объятиях, и это, наверное, был наш первый, чисто физический контакт с Фарроу. Вроде...

— Нет, Стив. Не тот случай. Я не собираюсь подменить тобой Торндайка, как ты мной — Катарину. — Очевидно, к ней вернулась телепатия. — Стив, — сказала

она, — я тебя выдала, сделала все, как велел Торндайк. Уже тогда твоя участь была решена. Мне полагалось заманить тебя в ловушку, а потом таинственно исчезнуть. Ну, а дальше, мы либо... сторговались бы... либо...

Она вновь начала распускать нюни, ушла в плечи, а потом посмотрела на меня с жалостью.

— Бедный эспер! — сказала она тихо. — Ты по-настоящему даже не знаешь...

— Что? — спросил я сурово.

— Он одурачил меня, — сказала она, будто речь шла о чем-то, не относящемся к делу.

— Послушайте, Фарроу! Окажите любезность бедному эсперу, который не может читать мыслей. Прощупайте их вокруг, ладно?

Снова, будто невзначай, она проронила:

— Он телепат чрезвычайно высокого разряда. Он умеет контролировать.

— Контролировать? — тупо спросил я.

— Ты не понимаешь, — сказала она. — Хороший телепат может мыслить символами, которые мешают настоящему глубоко прослушивать его менее сведущему телепату. А Торндайк — превосходный телепат, действительно высшего класса. Он...

— Подождите! Что за чушь вы городите?

Она гневно вскинула голову:

— Я о вашей драгоценной Катарине!

Я глядел на нее без холода, но с возрастающим недоумением. Я попробовал сформулировать собственные мысли, но она резко продолжала:

— Ваша авария была одной из тех приятных случайностей, которую вам не подстроили, Стив.

— Когда же стало известно, что я переносчик Мекстромовой? — спросил я.

— Почти за три недели до того, как вы повстречали Катарину Левис, — ответила она так же прямо. — Медицинский Центр изрядно потрудился, чтобы вы сошлись с ней, Стив.

Вот те на! Если не будет еще каких-либо сюрпризов, становится ясно, почему Катарина оказалась здесь добровольно. По правде говоря, я в это никогда не верил, потому что трудно поверить. Но я не мог отрицать, что подобные утверждения требуют доказательств. Если это окажется правдой, моя помолвка с Катариной была под-

строена ими для нажима, вроде той белокурой. Катастрофа должна была действительно спутать им планы.

— Так и было, Стив, — сказала Фарроу, которая следила за моими мыслями. — Люди хайвея спасли ее и помогли. А это спутало карты и тем, и другим.

— Тем и другим?

Она кивнула:

— До аварии Медицинский Центр не знал, что существуют люди хайвея. Но, когда Катарина исчезла, не оставив следа, Торндайк хорошенько поработал, исследуя тебя. Тогда-то он и отыскал, как слабую улику, хайвейский знак и старого Харрисона, поднимавшего машину, в то время, как Филипп извлекал тебя оттуда. Тут он понял...

— Фарроу! — прорычал я. — В вашей истории масса пробелов. К примеру...

Она подняла руку, останавливая меня.

— Стив, — сказала она спокойно. — Ты ведь знаешь, как трудно нетелепату найти кого-то, кому можно по-настоящему верить. Но я постараюсь доказать тебе...

Тут уж я остановил Фарроу.

— А как же вам верить? — спросил я чуть ли не ее словами. — Какую роль играете вы в этой тихой войне?

Сестра скривилась, словно только сейчас догадалась, что держит во рту клубок шерстяных многоножек.

— Я женщина, — сказала она просто. — Я уступчива и легковерна, особенно когда в благодушном настроении. Но потом я узнала, что их подход к женщине основан на том, что ни одна культура не может обойтись без плодящих самок. Я вдруг обнаружила, что... — она умолкла, сглотнула, и в голосе ее прорезались стальные нотки, — пригодна лишь как режущая скотина. Как одна из тех бедняжек, которые с гордостью, вынашивают им потомство. А я говорила тебе, Стив, — здесь она воспрянула, — что буду клясть себя всю жизнь, если позволю своему ребенку вырасти с непреклонной уверенностью, что он — Божьей Милостью Царь Земли.

Мое чувство эспера обнаружило изменение в распределении людей по зданию. Люди задвигались. Нет, передвигался кто-то один.

Внизу в лаборатории, в дальнем конце здания, Катарина все еще продолжала работать над автоклавом и инструментами. Ее наставница куда-то вышла, и пока Ката-

рина была одна, она оказалась в объятиях доктора Торндайка. Испугавшись, что они почувствуют мое незримое присутствие своим собственным телепатическим чутьем, я подглядывал осторожно.

Дверь отворилась и вошел Торндайк. Катарина обернулась, оставив свое занятие, и что-то сказала. Что, конечно, я не мог уловить.

«О чем они говорят, Фарроу?» — спросил я мысленно.

— Не знаю. Для моего ранга они слишком далеко от меня.

Я выругался, но, по правде говоря, меня не особенно интересовал их диалог. То, что они делали, было ясно и без слов.

Катарина обернулась и похлопала его по щеке. Они улыбались друг другу. А потом Катарина начала передавать ему инструменты из автоклава, которые он складывал на хирургическом столе. Катарина смотрела, что он делает и отпускала какие-то замечания, затем пригрозила ему парочкой щипцов, достаточно больших, чтобы вырвать с корнем его трехдюймовый шланг. Это была довольно забавная и невинная игра, вроде той интимной близости людей, которые знают друг друга долгое время. Торндайк, конечно, вовсе не испугался щипцов, а Катарина вовсе не мечтала претворить в жизнь свою угрозу. Наконец, им надоело бороться за инструменты, и Торндайк их отобрал. Они прислонились бок о бок к стене кабинета. Их колени коснулись, и они продолжали разговор, будто обсуждая что-то важное и смешное.

Или это была переориентация, или Катарина собственной персоной. Но все же я не мог полностью поверить, что она меня разыгрывала. Мой мозг прикидывал то так, то эдак, пока, наконец, с моих губ не сорвался прямой вопрос:

— Фарроу, а какого класса Катарина как телепат?

— Класса доктора, — сказала она спокойно. — Может, потребовалось бы несколько подготовительных тренировок, если бы не запретили экономисты. Я не запрашивала о ней материалов Школы Райна, но у меня к ней предубеждение.

Если Фарроу говорит правду, Катарина была достаточно сведущим телепатом, чтобы контролировать и управлять своими мыслями. Она могла думать и планиро-

вать, не боясь, что другие телепаты выведут ее на чистую воду. И была достаточно умна, чтобы водить за нос недоучку-эспера вроде меня. Я был таким же большим дураком, как и Фарроу.

20

Сестра Фарроу коснулась моей руки.

— Стив, — сказала она спокойно, — прикинь одну вещь. Подумай о том, как Катарина оказалась здесь. Она приехала защитить твою жизнь и твое будущее.

— Что?

— Представь себе! — она почти взвизгнула. — Она скоро придет.

Я словно ощупывал. Потом ухватил мысль — Катарина придет, чтобы перемещать манипулятор и побеседовать со мной. Я не хотел ее видеть, но пришлось согласиться. Меня вдруг озарило, и я понял, что знаю теперь правду, что гораздо важнее Первой Орбитальной Станции. Я перевел мозги на низкие обороты и начал ленивые размышления, погружаясь в какие-то фантазии. Я убеждал себя, что все не так просто, но мысли текли чересчур драматично. Я обсасывал последнее сообщение. Когда я обдумывал его снова, оно казалось мне все более вероятным. Я попался в ловушку, и Катарина приехала сюда как заложник моего примерного поведения. Она бежала из убежища или тихо покинула его. Видно, Фелпс проследил, чтобы Катерине дали знать обо мне. Важно то, что Катарина оказалась здесь, чтобы сохранить мне жизнь.

Я продолжал обдумывать положение.

Вдруг стремительно вошла Катарина и увидела, что делает сестра Фарроу.

— Я сама собираюсь сделать это, — сказала она.

Ферроу выпрямилась, отрываясь от работы.

— Простите, — сказала она холодно. — Я не знала. Обычно это моя работа. Ведь это довольно тонкая операция. — В голосе Фарроу слышался холод профессионального отпора. Дерзкая белая шляпка с золотой булавкой смотрела сверху вниз на серую униформу без каких-либо украшений. Катарина почувствовала себя несколько неуютно, но потом, очевидно, справилась с собой.

— Видите ли, мистер Корнелл — мой жених, — неудачно отпарировала она.

Фарроу набросилась еще яростнее:

— Мне известно об этом. Тем более, не стоит забывать, что дипломированные медики не лечат близких по этическим соображениям.

Катарину словно ударили.

— Я уверена, что доктор Торндайк не доверил бы мне ухаживать за ним, если это так, — ответила она.

— Возможно, доктор Торндайк не учел, что мистера Корнелла нужно готовить для Лечебного Отделения. Или, — добавила она лукаво, — может, вы возьметесь подготовить пациента к основному курсу лечения?

— К основному курсу? По-моему, доктор Торндайк не имел в виду ничего подобного.

— Пожалуйста, — сказала Фарроу. Ее голос был непреклонен. — Как сестра, я должна придерживаться указания врачей. Я выполняю приказ.

Это был хороший удар. Катарине практически выговаривалось, что она, как простая санитарка, имеет еще меньше прав. Катарина попыталась ответить, но передумала. Вместо этого она нагнулась и взглянула на меня. Потом вытерла мой лоб.

— О, Стив! — вздохнула она. — Так тебя готовят к лечению! Благодаря мне, Стив. Пусть оно будет не слишком тяжелым!

Я слабо улыбнулся и посмотрел ей в глаза — нежные и теплые. Ее губы были полными и красными, а нижняя губа слегка блестела на солнце.

Как бы я целовал эти сладкие губы, как бы держал в руках ее лицо! Не так просто грезить и лежать здесь.

Она отпрянула, и ее лицо резко изменилось, явив из-под маски нежной заботы суровую расчетливость. Я чуть было не поскользнулся на последнем отрезке своих умствований и не провалил все дело.

Катарина выпрямилась и направилась к двери. Сделав один шаг, она рухнула, как мокрое полотенце.

Над ее неподвижным телом я увидел сестру Фарроу. Она хладнокровно всадила вторую дозу в основание шеи Катарины, чуть ниже ключицы.

— Это, — сказала коротко Фарроу, — свалит ее на неделю. Из меня получился бы настоящий убийца.

— Что?

— Одевайтесь! — оборвала она меня. — На улице холодно.

Фарроу швырнула мою одежду, и я принялся одеваться. Между тем, она продолжала:

— Я знала, что тебе не удастся утаить наш разговор. Она слишком хороший телепат. Поэтому, пока ты отвлек ее внимание, я выстрелила ей в шею. Преимущество мекстромов в том, что они почти не замечают легких воз-действий инъектора.

Я замер:

— А разве это хорошо? Кажется, я слышал, что боль — необходимый фактор для защиты...

— Кончай разглагольствовать и одевайся! — оборвала Фарроу. — Боль полезна, когда необходима. А зачем она нужна, когда колешь шкуру мекстрома иглой? Другое дело, когда мекстрому что-то причиняет настоящий физический вред.

— Вроде паровоза, свалившегося ему на голову?

— Одевайся, а то мы вообще не выберемся из этих дебрей.

— А у тебя есть что-то на уме?

Она кивнула:

— Да, Стив... Раз ты попросил меня быть твоим телепатом, мы составим отличную команду. Я ведь тебя подвела. Теперь я снова с тобой и выведу тебя отсюда.

— Заметано, — кивнул я ей.

— Хорошо. Теперь, Стив, прощупай приемную.

Я так и сделал. Там никого не было. Я открыл рот, чтобы сказать ей об этом, и с глупым видом закрыл вновь.

— Прощупай приемную слева, через три двери от той, что сейчас прощупываешь. Там есть кресла-каталки?

— Кресла-каталки?

— Это госпиталь, Стив. Здесь не разрешается разгуливать поодиночке, даже если идешь к стоматологу с больным зубом. Тебя отвезут. А теперь хорошенько прощупай. Если кто-то появится, пока я выйду, хорошенько всмотришься в их лица. Возможно, на таком близком расстоянии я узнаю их по твоему образному восприятию. Хотя, Бог знает. Уж если, столкнувшись нос к носу, путают двоих, то что же говорить о ясновидении.

Она вышла, оставив меня наедине с распростертым телом возлюбленной. Ее лицо приобрело расслабленное сонное выражение.

«Крепись, детка!», — подумал я, прикрывая глаза, чтобы направить всю энергию на восприятие.

Фарроу спустилась в холл, словно профессиональный катальщик, явившийся по вызову. Никто и не подумал ее остановить. Она достигла запертой комнаты и вывезла каталку, словно готовя ее для настоящего пациента. Дрожь и подергивание пальцев возобновились, и я вспомнил, что ничем не отличаюсь от настоящего пациента. Она покатила кресло назад в мою комнату.

— Садись! — сказала она, и я сосредоточился на восприятии холла, лифта и лестницы центрального коридора.

Она пристегнула меня ремнями, расположив их так, чтобы не была видна моя верхняя одежда и башмаки. Потом подхватила с пола Катарину, опустила на мою постель, и закатала в одно из полотнищ, которые медики использовали вместо постельного белья. Если кто-нибудь наскоро здесь прощупает, то решит, что она — пациент. Если, конечно, щупач не знает, что эту комнату занимает больной мужчина, Стив Корнелл.

— Ну, а теперь, Стив, справишься?

— Справлюсь.

— Я повезу тебя, а ты прощупывай. Уж, дорогу я найду сама, — сказала она мне со смехом. — Заостряй свое восприятие только на тех типах, которые любят всюду совать свой нос. А остальное я возьму на себя.

Мы выехали в вестибюль. Я быстро окинул взором комнаты и зал впереди. Вроде бы все чисто. Ждать грузового лифта было равносильно пытке. Медики уже завели эти модные штучки. Но, наконец, он подъехал, и мы загрузились. Лифтер оказался на высоте. Он улыбнулся сестре Фарроу и весело кивнул мне. Может, он был слепой.

Но как только лифт начал спускаться, из одной из комнат нижнего этажа вышел какой-то доктор. Он бросил быстрый взгляд на индикатор над дверью лифта и шлепнул рукой по кнопке. Лифт со скрежетом затормозил, и тот вошел вовнутрь.

Это насторожило меня. Но Фарроу только идиотски улыбнулась парню. Тот растаял, и она оттерла его в сторону. Она отпустила какое-то смешное замечание, которое я не расслышал, но по внезапному учащению пульса понял, что она отделяется от провожатого. Она взяла его за руку, и если бы приятель вспомнил обо мне, то на-

звала бы меня не иначе как Синг Хау Лау, и был бы я китайским полицейским.

Он держал ее руку до тех пор, пока мы не достигли первого этажа, где он выгрузился с ословелым взглядом, не сводя глаз с сестры. Мы проследовали на нижний этаж и по коридору к выходу. Там мы выждали некоторое время, заполнив какой-то картонный бланк.

Управляющий окинул меня презрительным взглядом.

— Я вызову машину, — сказал он.

Я ожидал, что сестра отпустит какое-то замечание, но она молча кивнула, и мы еще немного подождали, пока не подрулила большая машина. Вошли два здоровенных парня, выдвинули рычаг на спинке кресла-каталки, превратив его в тележку на колесах, и, как в начале, когда Фарроу усадила меня на каталку, меня обдало холодом, так что я почувствовал первые спазмы где-то пониже пупка. В последнюю минуту они развернули меня и всунули вперед головой в заднюю дверь машины.

Машина? Это была полностью оборудованная лаборатория длиной в квартал, тяжелая как броненосец. Она была приспособлена для чего угодно и имела ножной турбоэлектрогенератор, способный обеспечить электроэнергией за много миль от ближайшей розетки.

За мной захлопнулась дверь, и мы стартовали. Фарроу сидела выпрямившись за двумя высокими госпитальными служащими — одним водителем и вторым — строившим Фарроу глазки, словно делая нескромные предложения. И она давала к этому повод. Ведь я не говорил, что Фарроу привлекательная женщина только потому, что не отвечал вниманием на ее взгляды. Но теперь я поддался на провокацию, и тоже начал заигрывать, правда, прикинув, что, не будь я эспер и не заигрывай она в более свободной и развязной манере, я даже не задумался бы над тем, ради чего она сейчас так старается.

А тем временем, пока я размышлял, как лучше за ней приударить, Фарроу выудила из-под одежды два инъектора. Она протянула руку к краю сидения и, наклонив к ним лицо, проговорила:

— Мальчики, угостите кто-нибудь сигареткой.

Все, что последовало потом, было отработано великолепно. Водитель хмыкнул и повернул к ней голову, второй парень потянулся за сигаретами. Водитель щелкнул зажигалкой, не спуская глаз ни с сестры Фарроу, ни с

дороги. Мужчина, сидящий рядом, потянулся за зажигалкой, когда она выскочила из гнезда, и придержал ее, пока Фарроу раскурила сигарету. Она спустила курки подкожных инъекторов. Мужчина рядом с водителем вернул зажигалку, водитель повалился на бок к двери, а через мгновение и второй — осел, словно спущенный баллон.

Санитарная машина завалилась вправо, ткнулась носом в мелкий кювет и выскочила с другой стороны, как подстреленный олень.

Фарроу перевалилась через сидение, а я скатился с носилок в угол между полом и боковой стенкой. После грохота и нескольких пируэтов мы замерли. Я поднялся из-под груды выпавших медикаментов и взглянул в ветровое стекло. Ветви деревьев скрывали обзор подобно мертвой зоне.

— Пошли, Стив! — сказала Фарроу, выбираясь из-под руля и двух санитаров.

— И что дальше? — спросил я.

— Мы достаточно постарались, чтобы разбудить статую Линкольна. Бежим, Стив!

— Только куда?

— За мной! — рявкнула она и выскочила из машины.

Несмотря на высокие каблуки, она проделала это феноменально. Земля тут же ушла из-под ног. К счастью, все произошло около полудня, так что мне пришлось воспользоваться своим восприятием, чтобы найти ее следы, поскольку она уже скрылась из виду. Она проследовала по утоптанной зелени и, придерживаясь ям и выбоин, направилась напрямик к ближайшей группе строений.

Я догнал ее только когда мы достигли крошечного пятнышка мертвой зоны. Там она приостановилась, и мы повалились на траву, наполняя легкие воздухом. Потом она указала на строения и вымолвила:

— Стив, сделай несколько шагов за мертвое пространство и быстро прощупай, что к чему. Обрати внимание на машины.

Я кивнул и через несколько шагов уже смог окинуть восприятием окрестность и прощупать наличие нескольких машин, стоявших в ряд около одного из домов. Я не стал тратить время, нырнул обратно в мертвую зону, и рассказал ей, что видел.

— Прощупай еще, Стив. Прощупай ключи зажигания. Нам нужно их свистнуть.

— Я не собираюсь ничего красть, — сказал я и повторил поход, чтобы обследовать замки зажигания. Я попробовал представить их с вставленными ключами и обнаружил нужные.

— Отлично, Стив! Рванем туда, возьмем парочку машин и поминай как звали.

— Да, но с какой стати...

— Это единственный способ убраться отсюда, — сказала она веско.

Я пожал плечами. Фарроу знала о Медицинском Центре куда больше меня. Раз она это придумала, пусть так и будет. Когда мы выбрались из мертвой зоны в открытую, Фарроу нашла мою руку и сжала ее.

— Будем вести себя, как парочка влюбленных пташек, — усмехнулась она. — Будем идти и беседовать естественно и непринужденно.

— И никто не заметит разницы между человеком и мекстромом?

— Не заметит, если мы будем начеку. — сказала она. — А если даже они попробуют прочесть что-то в наших мозгах, мы будем думать соответственно, о чем-нибудь легком. Ну, — добавила она, — не будь таким букой.

— Что?

— Понимаешь, ты очень хороший парень, Стив. Веселый, находчивый и милый. У тебя было много женщин, ты решителемни мужественен. И... может быть, тебя это ошарашит — какая женщина предпочтет красоту мужчины всем остальным достоинствам? А у тебя...

— Ну... — пробормотал я. — Полегче, пока ты...

Она вновь сжала мою руку.

— Стив, — проговорила она серьезно, — я не люблю тебя. Женщина не может любить человека, который не в силах ответить на ее любовь. Ты же меня не любишь. И ничего не поделаешь. Может, при других обстоятельствах ты бы положил немало сил на это древнее чувство. Но я хочу отметить, что не все потеряно. А теперь давай забудем предрассудки и начнем грезить, как парочка влюбленных, для которых и время, и место, и другие люди потеряли всякий смысл.

Я никак не мог заставить себя думать о сестре Фарроу, не как о сестре. Имя Глория не хотело срываться с языка. Я постарался подавить это чувство и посмотрел на нее с выражением потерявшего голову юнца. По-мое-

му, это напоминало потуги актера провинциального театра, и то неудачные. Фарроу расхохоталась, но стоило мне бросить на нее мимолетный взгляд, как я попал под влияние ее чар, и она превратилась в Глорию. К тому же, у меня мелькнула мысль: если Фарроу стала безразлична Торндайку, а меня вертанула Катарина, то мы стали вроде сродни.

— Только не в пример древним факелам, — хмыкнула она, — мы слишком быстро воспылали.

Она взяла меня под руку и сжала мою ладонь. Мы двинулись вокруг поля в блаженной эйфории, будто парочка неразлучных влюбленных. Ей, конечно, досталось с лихвой — изранена, унижена, отшита Торндайком. Во внезапном порыве мне захотелось ее поцеловать.

— Пойдем, Стив! — сказала она. — Это только для особо любопытных. Я же мекстром, ты знаешь.

Так что пытаться я не стал. Только крепче сжал ее руку и понял, что это лучше, чем выбивать искры из кремня кусочком фланели.

Мы прошли под ручку к зданиям, завернули как бы невзначай к двум машинам, кивнули друг другу, будто два влюбленных в коротком «прощай», расселись по машинам и дали ходу. Глория была впереди.

Мы покатили вниз по дороге. Фарроу в первой машине, я — в ста футах позади. Мы с ревом обогнули холм, и я окинул восприятием лежащую впереди местность. В поле зрения попали главные ворота. Мы мчались к их широкому стальному порталуб словно парочка сумасшедших.

Без долгих размышлений Фарроу влетела прямо в ворота. Они рассыпались в мелкие кусочки. Стекол как не бывало, шины лопнули, а в воздух полетели кусочки металла и пластика. Ее машину занесло. Я забыл о дороге и перевел восприятие на ее автомобиль.

Фарроу выкручивала баранку как заправский гонщик. Ее руки рвали руль со всей силой мекстромовой плоти, и руль прогибался под ее хваткой. Ее подкинуло, развернуло и помчало дальше с порванной шиной, с нижней перекладиной ворот, повисшей на бампере. Все же она умудрилась выровнять машину, вильнув к обочине.

Из караульной будки выскочил одетый в форму человек с ружьем. Но времени поднять его у него не хватило. Фарроу примерилась и направила автомобиль прямо-

хонько ему в живот. Переехав охранника, она врезалась в караульную будку. Конструкция разлетелась как спичечный коробок. Раздался грохот, короткая вспышка пламени, и из рухнувшей задней стены здания вылетела мисс Фарроу на угнанной машине. Она появилась из мешанины камней и балок, перевернулась раз, другой в бешеном, стремительном вращении и рухнула вниз бесформенной грудой железа, застыв там окончательно, в то время, как воздух еще бороздили последние осколки. Наконец, наступила полная тишина.

И тут впервые в жизни я ощутил мощный удар посторонней чужой мысли. Это был мысленный контакт с другим разумом.

«Стив! — прокричало что-то в моем мозгу. — Давай! Жми! Твоя очередь! Путь к свободе!»

Я поставил ногу на педаль и дал газу.

21

Моя машина рванулась по шоссе к автостраде. Я промчался через ворота, миновал сбитого охранника, разрушенную будку и искореженную машину Фарроу.

Но этот гамбит не стал для сестрицы Фарроу последним. Как только я с ней поравнялся, она выкарабкалась из-под обломков и что было мочи пустилась через площадь. А как эта девочка бегала!

Несмотря на мою скорость, она догнала меня, и не успел я затормозить, запустила руку в одно из открытых окон.

Моя машина вильнула в сторону, но я удержал баранку, и Фарроу выдохнула:

— Давай, Стив! Жми!

Фарроу втиснулась внутрь и откинулась на сиденье позади меня.

— А теперь единственное, — сказала она, — что остается — не болтать попусту. А гнать во всю катушку.

— Куда?

Она едва слышно хмыкнула:

— Не все ли равно? Как можно дальше отсюда.

Я кивнул в знак согласия. Фарроу поудобнее устроилась, открыла ящик для перчаток и достала аптечку первой помощи. Только теперь я заметил, что она не слишком помята даже для мекстрома. Меня не удивило,

что она выбралась из этой переделки, так как свылся с мыслью о несокрушимости мекстромов. Меня даже немного удивил причиненный ей ущерб. Я так привык к прочности их рук, что порезы, ссадины и синяки привели меня в замешательство. Само собой нормального человека такая авария превратила бы в кровавое месиво. И все же я надеялся, что мекстром выйдет из нее без единой царапины.

С другой стороны, повреждения выглядели незначительными. Кровь сочилась только из глубокой длинной раны на бедре, из пореза на правой руке и из маленьких ссадин на лице, шее и плечах.

Пока я мчался, как угорелый, от Медицинского Центра, сестра Фарроу увлеченно орудовала лейкопластырем, салфетками и бинтами, накладывая на раны вместо швов аккуратные маленькие скобки. Потом она зажгла две сигареты и предложила одну мне.

— Теперь все в порядке, — сообщила она кратко. — Можно не мчаться.

Я выжал из машины ровно сто и почувствовал, как спадает напряжение последних часов.

— Насколько помнится, здесь неподалеку убежище людей хайвея.

Она покачала головой:

— Нет, Стив. Думаю, к ним не стоит.

Поскольку я мог положиться в дороге на свое экстрасенсорное восприятие, я обернулся к ней. Она чуть улыбалась, но под улыбкой скрывалась твердая уверенность.

— Нет, — сказала она. — Мы не станем к ним обращаться. Если мы поедем туда, Фелпс и его команда перевернут небо и землю, чтобы разгромить их, поскольку ты им нужен. Ты забываешь, что Медицинский Центр стремится выглядеть законной и добропорядочной организацией, а эти скрываются в подполье. Фелпс может вывести их на чистую воду.

— Ладно. Тогда куда мы поедем? — спросил я.

— На запад, — сказала она. — В Нью-Мексико. Ко мне домой.

Это меня испугало. Образ Фарроу как-то не вязался с каким-либо постоянным домом. Как сиделка и как представительница Медицинского Центра, она не ассоциировалась с постоянным местом жительства. Но, как у большинства из нас, у Фарроу были где-то отец, мать, а

возможно, и несколько братьев и сестер. У меня они давно умерли, а имущество пошло с молотка.

Поэтому мы поехали на запад, через Южный Иллинойс по мосту Сент-Луис в Миссури, затем на запад. На ночь мы останавливались в маленьких мотелях и спали поочередно. Кто-нибудь обязательно бодрствовал, вооруженный телепатией и ясновидением. Мы старались избегать людей хайвея, и никогда не останавливались вблизи их перевалочных баз. От этого наш путь стал длиннее и извилистей, зато в итоге мы очутились на маленьком ранчо на краю такого же маленького городка в Нью-Мексико.

Джон Фарроу оказался рослым мужчиной с сединой на висках и с пронзительными голубыми глазами, от которых ничего не могло укрыться. Он был бы отличным эспером, если бы получил полный курс университета.

Миссис Фарроу была того типа женщиной, что любому человеку хотелось назвать ее матерью. Она была нежной и мягкой, причем без намека на глупую привязчивость или душевную простоту. Она была телепаткой и не скрывала этого. Фарроу имела брата, который жил с женой в городке, но каждую неделю и по праздникам навещал родителей.

Они приняли меня так, будто я пришел к ним в дом по каким-то сомнительным соображениям. Пришлось нам сесть с ними в гостинной и все без утайки рассказать. Они осмотрели мою руку и признали, что кое-что сходится. Их очень заинтересовала проблема Мекстромовой и поразила сказочная сила и выносливость дочери.

К этому времени мою руку снова стало дергать. Инфекция подобралась к среднему и безымянному пальцам, во втором суставе указательного наступил черед длительного накопления инфекции прежде чем перекинуться на следующую фалангу. Первые волны пульсирующей боли накатывали через определенные интервалы, и я понимал, что она превратится в такую глубокую агонию, что мне уже не выстоять.

В общем, Фарроу вызвала из города своего брата Джеймса с инструментами, и мне соорудили маленький манипулятор для руки. Фарроу использовала содержимое саквояжа, который мы захватили из машины, угнанной из Центра.

Затем, когда моя рука перешла в следующую фазу,

Фарроу внимательно осмотрела ее и высказала мнение, что приближается время основного курса лечения.

Однажды вечером я слег в постель на долгих четыре месяца. Хотелось бы дать полную картину этих четырех месяцев. К сожалению, большую часть времени я находился под действием наркотиков, так что едва помнил происходившее. Но хорошего было мало. Моя рука лежала словно ствол окаменелого дерева, вытянутая в устройство, которое регулярно сгибало сустав, и каждое движение отдавалось в плече лавиной огня и жгучей боли. Каждый удар плазмы в крови и венах, отдавался тысячью игл.

Я смутно помнил, как окостенела вторая рука, и волны боли стали накатывать на меня с обеих сторон. Единственное, что сохранилось в моей памяти, кроме боли, были промежутки от инъекции до инъекции и ожидание беспробудной тьмы, которая сменяла агонию. И все это только для того, чтобы часом позже очнуться с инфекцией в новом месте. Когда она достигла правого плеча, она ненадолго остановилась и начала подниматься по левой руке, остановившись на подходе к телу.

Очнувшись от наркотиков, я обнаружил, что Джеймс с отцом прилаживают один из манипуляторов к правой ноге, и почувствовал нарастающую боль в икре и бедре.

Несколько раз, когда мой разум прояснялся, я прощупывал комнату и обнаружил, что лежу в настоящем лесу из колб, резиновых трубок и связок бинтов. Пусть без особого восторга, но все же я смутно осознал, что меня не бросили на произвол судьбы. Периоды просветления, если и случались, стали теперь редкими и непродолжительными. Как-то я очнулся и обнаружил, что парализовало рот, потом и челюсть, язык и низ лица превратились в сплошной комок горящих иголок. Позже уши перестали переносить звуки, а однажды, очнувшись после очередного забытья, я обнаружил себя в портативном реаниматоре, который с безжалостной силой сжимал мою грудь.

Это все, что я помнил, когда туман, наконец, рассеялся, и с моих глаз спала пелена. Наступила весна, и я стал мекстромом.

Я сел в кровати. Было утро. В окно ярко светило солнце, а свежий весенний ветер слегка трепал занавески. Было тепло. Снаружи долетал аромат жизни и молодой листвы. Я сразу почувствовал, как хорошо быть живым.

Висящие колбы, фестоны резиновых шлангов исчезли. Кустарные манипуляторы куда-то убрали, а с бюро пропали медицинские склянки и всякий хлам. Нигде, насколько хватало глаз, не было даже обычного термометра в стакане, и если честно, я был так рад оказаться снова в живых, что даже не пытался обнаружить, куда все это делось. Вместо этого мне захотелось встать и пробежаться.

Я сунулся к шкафу с одеждой и нашел свое барахло. Затем осмотрел дом и нашел ванную. Мне никто не мешал.

Только я собрался побриться, принять душ, одеться и спуститься вниз, как по ступенькам взбежала сестра Фарроу и, не церемонясь, вошла в комнату.

— Я пришла проследить, чтобы ты не попал в переделку, — сказала она.

— Переделку?

— Ты мекстром, Стив, — сказала она. — Надо об этом помнить. Ты должен научиться владеть своей силой.

Я сжал мускулы одной, потом другой руки. Они напряглись, как всегда. Я сделал глубокий вдох, воздух легко вошел внутрь и вышел вновь.

— Я не чувствую разницы.

Она улыбнулась и протянула мне отточенный деревянный карандаш.

— Напиши свое имя, — велела она.

— Думаешь, придется учиться снова? — усмехнулся я. Взяв карандаш, я положил руку на крышку бюро, где лежал блокнот бумаги, посмеиваясь над Фарроу. — Ну, смотри! Мое имя начинается на букву «с». Она представляет собой красивую, грациозную кривую, идущую сверху и...

Кривой не получилось. Когда графитовый кончик ткнулся в бумагу, он проткнул ее и сломался. Карандаш дошел до доски, расщепил тонкую деревянную панель почти на восемь дюймов. Тот факт, что я не смог им воспользоваться, привел меня в изумление, и я инстинктивно сжал деревянный стержень. Тот сразу надломился в моей руке в трех местах, а кончик упал на пол.

— Видишь? — участливо спросила Фарроу.

— Но?.. — я в замешательстве запнулся.

— Стив, все твои мускулы сделали одинаковое уси-

лие. Тебе придется переучиваться сочетать силу мускулатуры и информацию обратной связи от выполняемой ею работы.

Я начал понимать, что она имеет в виду. Вспомнилось, как много лет назад, в школе, изучая некоторые новые сплавы, мы получили образец магниево-литиевого сплава в виде гладкого цилиндра около четырех дюймов в диаметре и в фут длиной. Он казался твердым как сталь. Люди, которые сталкивались с ним впервые, неизменно напрягали свои силы и хвтались за него обеими руками. А он был настолько легкий, что от чрезмерного усердия буквально подлетал к потолку. И даже много времени спустя, когда все уже знали это, трудно было удержаться от инстинктивного желания видеть в каждом большом куске металла необыкновенную тяжесть.

Я шагнул к креслу.

— Будь осторожен! — предупредила Фарроу. Мне без всяких фокусов ничего не стоило подхватить кресло за ножку и поднять на уровень подбородка.

— Теперь можешь принять душ, — сказала она. — Только, пожалуйста, Стив, поосторожней с водопроводом. Ты можешь запросто свернуть краны, понимаешь?

Я кивнул и протянул ей руку:

— Фарроу, вы молодчина!

Она пожала мою руку. Ее ладонь была теплой, упругой и нежной, а не твердой как сталь. Настоящая рука женщины.

Фарроу отступила на шаг:

— Тебе придется общаться только с себе подобными. А теперь марш в душ и бриться! Я пойду приготовлю завтрак.

Мыться оказалось нетрудно, и, памятуя о предупреждении, я не стал сворачивать краны. Бриться было еще проще, хотя трижды пришлось менять лезвия. Я сломал всю зубья у расчески, потому что ее было невозможно протащить сквозь чащу гитарных струн.

Одеться тоже кое-чего стоило. Засунув ногу в одну штанину, я порвал одежду. Сломал пряжку на поясе и превратил ботинки в порцию длинных спутанных спагетти. Пуговица под воротником рубашки оторвалась и когда я завязал галстук, его узел напоминал что-то вроде апельсина.

Завтрак прошел удовлетворительно, не считая того,

что я погнул зубья вилки, пытаюсь проткнуть бифштекс, и оторвал ручку кофейной чашки. После завтрака я обнаружил, что не могу достать сигарету из пачки, не расплющив кончика. А после того, как я все же умудрился сунуть одну в рот, пришлось заняться спичками, которые разлетались вместе с дымом. Посадив огонек на кончик сигареты, я одной затяжкой смахнул половину ее длины.

— Тебе придется хорошенько поучиться, прежде чем выйти на люди, Стив, — сказала Глория с довольным видом.

— Спасибо за информацию, — сказал я с тревогой обзвезая учиненный мной разгром. По сравнению с новоявленным Стивом Корнеллом, известный слон в посудной лавке казался Нежным Фердинандом. Я вновь достал пачку сигарет. Но как ни старался обращаться с ней осторожно, она оказалась смятой. Я чувствовал себя совершенно идиотом.

После завтрака мое обучение продолжалось. Я ронял с мансарды старые книги, разрывал газеты. Превратил в труху еще несколько карандашей, и точилку для них в придачу. Даже не почувствовав, проткнул локтем кухонную дверь и умудрился согнуть дверную ручку. Короче, я опустошил жилище Фарроу, словно армия вандалов.

Когда я превратил в руины славный домик, Глория решила испытать мои силы на своей машине. Я рьяно нажал на тормоза, потом на газ. Мы взвились ракетой и понеслись вперед.

«Если не остановят по дороге, — подумал я зло. — Кажется, что обе стороны по очереди натравливают меня друг на друга, чтобы я вывел их на чистую воду».

— Это не совсем так, — сказала Фарроу. — Вернись к дням, когда ты не знал, что происходит.

— Послушайте, Фарроу! — буркнул я. — Скажите, зачем пережевывать все снова и снова?

— Потому что только когда ты убедишься сам и решишь, что тебе делать, то поймешь, что тебя не водят за нос. Подумай об этом, Стив.

— Даже если бы я пришел к ложным выводам, то поверил бы в них куда больше, чем услышав их от других.

Фарроу кивнула, следя за ходом моих мыслей.

Тогда я нырнул глубже.

«Вначале у нас был человек, оказавшийся переносчиком Мекстромовой болезни. Он ничего о ней не подо-

зревал, правильно? (Фарроу кивнула). Поэтому Медицинский Центр забрасывает переносчику удочку, используя в качестве приманки привлекательную даму.» — тут мне пришлось пораскинуть мозгами, решая одну из головоломок. Фарроу смотрела на меня безо всякого выражения. С шестого захода, я пошел дальше.

«Всех факторов я не знаю. Очевидно, им пришлось торопиться, чтобы поженить нас, прежде чем она подцепит от меня Мекстромову болезнь. Но здесь какая-то неувязочка, Фарроу. Маленькая блондинка подхватила ее в двадцать четыре часа?»

— Стив, — сказала Фарроу, — мне придется пояснить, поскольку ты не медик. Инкубационный период зависит от типа контакта. Когда ты укусил нашу девицу, произошел контакт с кровью. А в случае Катарины об этом не могло быть и речи.

— Мы были довольно близки, — сказал я, и мочки моих ушей покраснели.

— С точки зрения медицины, с Катариной ты был не более близок, чем со мной или доктором Торндайком.

— Ладно, оставим на время этот вопрос. Так или иначе, мы с Катариной должны были пожениться прежде, чем появятся первые признаки болезни. Тогда я попал бы в положение человека, чья жена подхватила Мекстромову в свой медовый месяц. На арену появился бы Медицинский Центр и позаботился бы о ней, а я оказался бы у них в вечном долгу и согласился бы сделать для Медицинского Центра все, что угодно. А поскольку я не телепат, то возможно, никогда бы не узнал правды. Верно?»

— Более-менее, — сказала она тем же безразличным тоном.

«Ну, а дальше мы разбиваемся на хайвее, недалеко от дома Харрисонов. Они спасли ее потому, что подбирали любую из жертв без разбора. Я также полагаю, что Катарина была довольно хорошим телепатом, поскольку умела скрывать свои мысли и оставаться законсервированным агентом в сердце организации людей хайвея. Наконец, после долгого пути мы приходим к развязке, верно? Шайка Медицинского Центра не знала о существовании централизованного подполья людей хайвея, пока мы с Катариной не влипли в это дело по уши».

Лицо Фарроу смягчилось, и хотя она не произнесла ни слова, я понял, что недалек от истины.

«И тут, — продолжал я про себя, — Медицинский Центр оказался в замешательстве. Вряд ли они могли пустить по моему следу другую женщину, поскольку я привязался к исчезнувшей Катарине. Поэтому они решили использовать меня по другому. Видно, я уже достаточно созрел, чтобы меня можно было заставить пуститься по хайвею в поисках Убежища людей хайвея для Медицинского Центра. К тому же, вскоре я бы уже сделал первое открытие, и Фелпсу с приятелями оставалось бы только умыть руки.

— Если бы ты подумал об этом раньше, Стив, то давно бы уже знал ответ.

— Наверное. Может, Фелпс хотел преподнести мою историю правительству. Ну, а если ни одна сторона не заинтересована, чтобы секрет всплыл наружу? — Некоторое время я все взвешивал и, наконец, пришел к выводу, что чего-то здесь не достает.

Фарроу покачала головой и сказала:

— Стив, я пытаюсь пробудить тебя снова и снова. Воспоминание, которое я стараюсь вызвать у тебя, исчезло. Итак, ты попал на след организации, которой выгодно оставаться в тени. И вдруг кто-то узнает секрет и вззовет к авторитетам. Каков будет твой следующий шаг?

— А! — отозвался я. — Какой же я осел! Естественно, я втяну усики, спрячу рожки и сделаю вид, что ничего не произошло.

— Тем самым остановив рост организации, этого и добивается Фелпс.

— «Зато меня самого эта история привела бы в какое-нибудь гнездышко для начинающих параноиков,» — подумал я.

Она кивнула.

— И что теперь?

— А теперь я живое доказательство моей истории. Не так ли?

— Правильно. И ни на секунду не забывай, Стив, что ты жив только потому, что ценен для обеих сторон живой. Мертвый ты годишься лишь на несколько мекстро-мовых прививок.

— Не продолжай, — угрюмо хмыкнул я. — Сама говоришь, я не медик.

— У живого, у тебя растут волосы, и их приходится подстригать. Ты бреешься, подравниваешь бороду. Под-

резаешь ногти. То здесь, то там ты теряешь маленькие частицы кожи или миллилитры крови. Эти вещи, попав под кожу нормального человека, делают из него мекстрому. Мертвое, измельченное тело, и то не даст столько ценной субстанции.

— Радужные перспективы, — сказал я. — Так что же мне делать, чтобы избежать такого будущего?

— Я не знаю, Стив. Я сделала для тебя, что смогла. Я провела лечение, и сделала это на совесть. Ты ведь остался Стивом Корнеллом.

22

— Послушай! — вырвалось у меня. — Если я так необычайно важен для обеих сторон, как тебе удалось спрятать меня на четыре месяца?

— Мы воспользовались законом тайны личности, — сказала Фарроу. — Каждая сторона может сколько угодно осыпать другую оскорблениями. Более того, поскольку никто толком не знает, где ты находишься, они рыщут по лагерям друг друга, играют в разведчиков и контрразведчиков, то есть, завязли по уши. Твои скитания можно было бы приписать Катарине, поскольку в твоём сознании преобладали чувства влюбленного, убитого потерей своей возлюбленной. Но кто станет разыскивать Стива Корнелла из чисто личных побуждений?

— На протяжении целых четырех месяцев? — спросил я все еще недоуменно.

— Смотря как подходить. Ведь обе стороны знали, что ты где-то лежишь, прикованный к постели, проходя курс лечения. Заполучить тебя как мекстрому, — именно то, что желают обе стороны. Поэтому они и заинтересованы в твоём благополучном и спокойном лечении.

— Пока кто-то будет вкалывать?

— Конечно, — подтвердила она.

— Ладно, — сказал я с угрюмой усмешкой. — Теперь мне ясно, что надо податься в Вашингтон и разыскать кого-нибудь из руководства секретной службы. Я выложу ему свою историю и факты, сделаю его мекстромом, вылечу, а потом мы разработаем план действий по вовлечению широких масс...

— Стив, ты инженер. Наверняка, изучал математику.

Так вот, предположим, что ты сможешь... э... потратить на укус одного человека десять секунд.

— Это шесть человек в минуту, триста шестьдесят в час, и... восемь тысяч шестьсот сорок в день. При ста шестидесяти миллионах американцев по последней переписи. Шестидесять лет без отдыха. Ты это имела в виду?

— Не только, Стив. Но уже это вызовет панику, если не глобальную войну. Сделай подобное заявление, и все наши не слишком дружественные соседи захотят войти в долю или что-нибудь в этом духе. Так что, вдобавок тебе придется позаботиться еще о трех миллиардах населения земли, Стив.

— Верно. Придется распроститься со своими недуманными предложениями. И все же, правительство должно знать...

— Если бы мы были абсолютно уверены, что каждый избираемый нами представитель честен и неподкупен, мы бы так и сделали, — сказала Фарроу. — Но, к сожалению, вокруг столько демагогов, мерзавцев и всякого сброда, что сберечь тайну практически невозможно.

Возразить было нечего. Фарроу была права. В мире, где господствуют идеи Райна, сохранить подобную тайну правительству будет просто не под силу.

— О'кей, — сказал я. Тогда остается только одно — вернуться обратно в Хоумстид, штат Техас, оказать помощь людям хайвя и подумать, что можно сделать, чтобы обеспечить землян каким-нибудь более приемлемым методом прививки. Мне совершенно не улыбается всю оставшуюся жизнь провести, кусая бедных, ни в чем не повинных граждан.

— Согласна, Стив.

Я посмотрел на нее:

— Пойду займусь твоей машиной.

— Она твоя.

— А как же ты?

— Со мной все в порядке. Скорее всего, организую новую перевалочную базу на хайвее. А ты справишься один, Стив? Или, может, подождешь, пока поднимутся на ноги мои родители? Тебе ведь может понадобится помощь.

— Думаешь, лучше подождать?

— Прошло четыре месяца. Так что неделя-другая...

— Ладно. Тем более, мне стоит потренировать новое тело.

На том и порешили. Я слонялся по дому Фарроу, помогая Глории ухаживать за родителями. Постепенно я научился контролировать силу новой мускулатуры, узнал, как обходиться с нормальными людьми, не привлекая их внимания, и, в конце концов, преуспел, пожимая руку лавочникам.

Потом, окончив лечение, поднялись родители Фарроу и пару дней мы провели вместе.

Мы покинули их, на мой взгляд, чересчур поспешно, но, они, казалось, были только рады этому. Они договорились по телефону о доставке продуктов на дом, так что им не придется ездить в город, пока они не научатся управлять своим телом. Фарроу заметила, что больше помочь мы уже не в силах.

Время поджимало, и мы уехали. Но, хотя обе стороны оставили нас в покое, пока я был нетранспортабелен, они были хорошо осведомлены о расписании процедур. Собственно, как мне сейчас кажется, обе стороны, должно быть, поджидали на краю какой-то теоретической зоны моего появления, поскольку не могли показаться, не высказав своих намерений.

Мы уехали машиной Фарроу, и вновь мчались по широкой дороге, направляясь в Техас, пока не попали на хайвей в поисках перевалочной базы. Я хотел связаться с людьми хайвея, а через них установить контакт с Харрисонами или теми, кто выжил. В конце концов, мы наткнулись на знак со сломанной перекладиной.

Боковая дорога, петляя, вывела нас далеко от хайвея, к условленной мертвой зоне. Среди редкой зелени деревьев дом казался белой громадой. Подъехав ближе, мы увидели человека, работавшего за тракторным плугом.

Фарроу остановила машину. Я высунулся и собрался было окликнуть, но что-то меня остановило.

— Он не мекстром, Стив, — сказала Фарроу шепотом.

— Но, судя по дорожному знаку, это перевалочная база.

— Знаю. Но здесь что-то не то. Он знает о Мекстромовой болезни не больше, чем ты до встречи с Катариной.

— Ну, и что здесь плохого?

— Не знаю. Он эспер, но не очень опытный. Зовут Уильям Кэрл. Дай мне с ним поговорить, и я найду наметки, по которым ты что-нибудь нащупаешь.

Человек проявил любезность.

— Кого-нибудь разыскиваете? — спросил он весело.

— Да, — ответила Глория. — Мы шапочно знакомы с Менгеймами, которые жили где-то здесь. Вроде друзей их друзей, — продолжала она, скрыв тот факт, что выудила имя фермера, из его мозга.

— Менгеймы съехали два месяца назад, — сказал он. — Продали нам место — мы заключили сделку. Точно не знаю, конечно, но ходят слухи, что у одного из них стало сдавать здоровье.

— Ужасно! А вы не знаете, куда они подались?

— Нет, — ответил Кэрл удрученно. — Кажется, у них было много друзей. Хотите, загляните, но вряд ли я чем-нибудь смогу вам быть полезен.

«Неужели они съехали так быстро, что даже не успели убрать свой дорожный знак?» — подумал я с тревогой.

Фарроу едва заметно кивнула и обратилась к Кэрлу.

— Ладно, не будем вас задерживать. Очень жаль, что Мангеймы съехали, не оставив адреса.

— Да, — согласился он без всякого энтузиазма. Его глаза обратились к непаханному полю, и Фарроу завела машину.

Мы тронулись, а он вернулся к своей работе.

— Ну и? — спросил я.

— Ничего, — сказала она в замешательстве. — Ничего такого, за что я могла бы зацепиться.

«Одна ошибка — не правило. Посмотрим, что будет дальше».

Так или иначе, а до Хоумстида нам еще встретятся перевалочные базы. Или нет. Но в любом случае, это кое-чему научит. Поэтому мы с решимостью покатались дальше, пока, наконец, не распрощались с ложными знаками, свернув на шоссе 66. Но долго мы на нем не удержались, потому что небезызвестный хайвей США отклоняется к северу, в то время как Хоумстид находится в южной части Техаса. Мы оставили шоссе 66 у Амарилло и свернули на шоссе 67, которое вело на юг.

Недалеко от Амарилло мы наткнулись на еще один хайвейский знак, который указывал на юг. Я попытался припомнить, не вел ли он, в конечно счете, в

Хоумстид, но, поскольку раньше не слишком утруждался созерцанием карты, да и не до нее было, решил положить на судьбу.

К тому же, не успели мы с Фарроу опомниться и все как следует взвесить, как наткнулись на новый знак, указывающий на ближайшую ферму.

— Все гораздо проще, — сказал я.

— Еще бы, — отозвалась она, указывая на деревянный почтовый ящик у дороги.

Я кивнул. Ящик был не нов, но на боку у него красовалась надпись.

— Еще влажная, — сказал я с усмешкой.

Когда мы поравнялись с домом, Фарроу притормозила, а я высунулся и подал голос. На крыльцо вышла женщина.

— Я ищу семью Харрисонов, — начал я. — Проживают где-то здесь, неподалеку.

Женщина, казалось, задумалась. Ей было около тридцати пяти, одета бедно, но опрятно. Щека была выпачкана в муке, на лице застыла улыбка, а выглядела она довольной и счастливой.

— Хм! Что-то не припомню, — сказала она. — Фамилия кажется очень знакомой, а вот точно сказать не могу.

— Понятно, — протянул я удрученно.

Фарроу слегка ткнула меня в лодыжку пальцем и начертила рукой букву «Э».

— Не хотите ли войти? — предложила женщина. — У нас здесь есть телефонный справочник. Может...

Фарроу ткнула меня снова и быстро начертила пальцем букву «м». На этот раз мы не промахнулись, эта женщина была эспером и мекстромом с перевалочной базы. Я слегка прощупал ее руки, и мои сомнения рассеялись.

В дверном проеме за женщиной показалась голова высокого широкоплечего мужчины, на грубом лице которого играла широкая улыбка, а в зубах торчала дымящаяся трубка.

— Пойдемте, посмотрим! — предложил он.

Фарроу вывела знаки «т» и «м», сообщив мне, что он телепат. Правда, буква «м» была лишней — я уже наскоро прощупал его кожу. опережая подозрения, я коротко бросил:

— Нет, спасибо. Мы хотели просто спросить.

— Бросьте, мистер! Пойдемте, выпьем кофе! — Его

приглашение было таким неожиданным, что застало меня врасплох.

Я отвел от него восприятие и быстрым взглядом окинул окружающую местность. Слева, вдоль дороги, тянулась зыбкая мертвая зона. Она круто изгибалась по большой дуге, а другой конец этой подковы выходил за дом. Плотность зоны варьировалась. Конец, в котором стоял дом, был настолько плотен, что я не мог через него пробиться, в то время как другой конец, кончавшийся у дороги, сходил на нет, так что нельзя было определить границы.

Если кто-то захочет обойти нас с фланга, отрезая отступление, я сразу замечу.

«Фарроу! — мелькнуло в моем мозгу. — Они мекстромы. Он телепат, а она — эспер, и ясно, что если они люди хайвея, все будет в порядке, но если они связаны с Фелпсом...

— Пошли, — повторил мужчина. — Нам нужно передать в Хоумстид кое-какую почту. Захватите с собой.

Фарроу не издала ни звука. Она развернула машину тремя разкими рывками туда и обратно, выбросив из-под вращающихся колес струи гравия, и с визгом заложила крутой вираж, подняв в воздух пару колес. Потом мы выровнялись, обдав мужчину еще одним градом камешков и умчались восвояси. Облако пыли и гравия ослепило его и удержало от соблазна вцепиться в хвост автомобиля и забраться внутрь. Он остался позади, протирая глаза от грязи. Мы достигли уже другого конца подковообразной зоны, когда из плотной области в район, где мое восприятие улавливало довольно занятные подробности (вроде тех дородных парней, вооруженных охотничьими ружьями), с ревом вылетел джипстер. Он пересек пустырь и выскочил на подъездную дорожку прямо за нами. Поболтай мы подольше с нашими друзьями, они могли бы нам отрезать путь к отступлению.

— Жми, Фарроу!

Давно знал, что в душе я ковбой, но она дала сто очков вперед. Мы ураганом промчались по извилистой дороге, словно в санных гонках.

Меня беспокоили охотничьи ружья, но совершенно зря. Мы ехали слишком быстро, чтобы поймать нас в прицел, а их джипстеру было далеко до аппарата, славившегося превосходной скоростью. На каком-то из уха-

бов они потеряли одного спутника, который, перелетев через голову, шлепнулся в траву. Он вскочил на ноги, подхватил ружье и изготовился к стрельбе. Но прежде чем он успел нажать курок, мы уже выехали с подъездной дорожки и оказались на широком хайвее.

Фарроу сразу же прибавила скорость, и мы проскочили прямо у них перед носом. Джипстер был трудолюбивой машиной, перетаскивал грузы, взбирался на стены, но для погони не годился.

— Чему быть, — сказал я, — того не миновать. Но где-то вышла промашка.

— Наверное, — согласилась Фарроу. — Правда, я сомневаюсь, что им удалось справиться с Хоумстидом. Он слишком велик. Поэтому, давай-ка доберемся до Хоумстида и посмотрим сами, какая там заварилась каша.

— А ты дорогу знаешь?

— Нет, но знаю, где он на карте, поэтому мы сможем сориентироваться.

— Стив, взгляни осторожно вправо.

— Что-нибудь прощупать?

— По дороге с той стороны нас сопровождает какая-то машина.

Я попытался, но безуспешно. Тогда я откинулся на сидение, закрыл глаза и попробовал снова. Со второй попытки я очень смутно уловил гигантскую движущуюся массу, которая могла быть только машиной. В машине я ощутил присутствие оружия. Это было последнее, что удалось выжать.

Я достал дорожный атлас и развернул его на карте Техаса. Перелистав отдельные карты, обнаружил район, через который мы проезжали, а потом довольно точно определил участок США-87. В полумиле вправо, параллельно с нашей, проходила еще одна дорога, — грунтовая, как говорилось в описании. Через несколько миль она пересекалась с нашей.

Моим первым побуждением было проверить прикрытие. Как и ожидалось, сзади, на грани моей чувствительности, за нами следовала еще одна машина, чьи пушки были нацелены нам в спину.

Следовала — не то слово! Машина буквально висела у нас на хвосте. Дело в том, что мы и так ехали с максимальной скоростью, граничащей с безрассудством. В лю-

бом случае они преследовали нас сзади и по параллельной дороге справа.

Я быстро и осторожно окинул местность слева, но ничего не заметил. Потом, через некоторое время, повторил, но все осталось по-прежнему.

«Сверни влево на проселочную дорогу в миле впереди!» — подумал я, и Фарроу кивнула.

Была одна возможность, которая меня пугала. Мы ясно видели погоню справа, сзади, но не слева. Это не означало, что слева нет засады. Вполне вероятно, что банда в тылу телепатически связалась с компанией других телепатов, и последнее звено этой связи могло оказаться далеко за пределами моей чувствительности, но постоянно быть в курсе событий и действовать соответственно обстоятельствам. Этим методом часто пользовалась полиция, расставляя свои сети. Но идея, конечно, принадлежала не ей. Я смутно припомнил пару подобных случаев.

Делать было нечего. Придется сворачивать влево на проселочную дорогу, потому что дьявол, которого мы знали, был опаснее неизвестности.

Фарроу свернула на боковую дорогу, и мы погнали дальше, только чуть снизив головокружительную скорость. Я тревожно всматривался вперед, подозрительно и осторожно ощупывая каждый клочек, ища признаки скрытой засады.

Вдруг я ощутил опасность, с юга. Быстро взглянув на карту, я решил, что это не страшно, потому что дорога пересечется с нашей не скоро. Пока мы будем ехать на запад, все будет в порядке.

Банда сзади, конечно, следовала за нами, оставаясь на пределе моего восприятия.

— Жаль, что мы не летаем, Фарроу, — сказал я. — Если банда на юге не отстанет, нам не удастся повернуть на Хоумстид.

— Стив, я и так держусь изо всех сил.

Но тут она преувеличила. Я внимательно и подозрительно осматривался вокруг, опасаясь где-то в глубине души, что кто-нибудь из них вернется на вертолете. Уж слишком долго небо оставалось чистым...

Время шло. Я почувствовал, что приближающаяся с юга машина застряла. Недолго думая, мы повернули на юг, проскочили прямо перед их носом, и, не сбавляя хо-

да, помчались дальше, достигнув США-180 западнее Брекенриджа. Идея была в том, чтобы достигнуть Форт-Борса и затеряться в городе, где о современных играх, забавах и телепатических кошках-мышках миролюбивые жители имели довольно смутное представление. Затем мы бы рванули к югу по США-81, пересекли бы где-то южнее США-75 и, свернув, помчались бы словно пушечное ядро к знакомой дороге на Хоумстид.

Форт-Борс оказался убежищем для обеих сторон. Никто из нас не посмел переступить букву закона. Поэтому мы с Фарроу снизили скорость и запетляли по городу, пытаясь прозондировать дороги к югу, в надежде отыскать свободный путь. Нас преследовали уже три машины, отрезая южное направление. Они гнали нас на запад, точно собаки стадо овец в хозяйский загон.

Мы покинули Форт-Борс по США-180, прорвались в Даллас и почти оторвались. Затем выехали из Далласа по США-67, но как только покинули пределы города, снова увидели преследователей

— Ловушка, — сказал я.

— Похоже на то, — ответила Фарроу.

Я взглянул на нее. В ней чувствовались признаки усталости, и я прикинул, что она за рулем уже несколько часов.

— Давай я! — предложил я.

— Нам не обойтись без твоего восприятия, — отозвалась она. — А ты не сможешь вести машину и пользоваться своим восприятием, Стив.

— Зато, если ты уснешь, не надо быть эспером, чтобы предсказать, как мы грохнемся в канаву.

— Но...

— Нас окружили, — сообщил я. — Мы завязли. Нас могут окружить в ближайшие шесть часов. Разуй глаза, Фарроу!

— А зачем?

— Ты устала, — сказал я ей, угрюмо усмехаясь. — Банда, располагающая достаточным количеством автомобилей, чтобы установить барьер вдоль улиц таких городов как Форт-Борс и Даллас, имеет достаточно людей, чтобы схватить нас, если захочет. Но зачем нас ловить, если мы и сами едем, куда нужно?

— Мне ненавистна сама мысль об этом.

— Так же как и мне. Но вдруг удастся попробовать

на них твои телепатические способности и выснить, что они замышляют?

Она кивнула, притормозила, и мы быстро поменялись местами. Газонув, я напоследок окинул внутренним взором местность и обнаружил машины, которые перекрыли все дороги на юг, запад и север, оставив маленькую, соблазнительную лазейку на северо-востоке.

— Улавливаешь какие-нибудь их планы?

Ответа не было. Я взглянул на нее. Глория Фарроу спала, свернувшись калачиком на сидении. Ее глаза были плотно закрыты, а дыхание сделалось тихим и ровным. Я знал, что она сильно устала, но не ожидал такой реакции. Чертовски славная девчонка!

23

Трижды в течение ночи я старался проскочить или прорваться через их кордон и каждый раз оказывался перед угрозой перехвата. Становилось очевидным, что пока их устраивает наш маршрут, они не станут препираться нас к стенке.

Сестра Фарроу проснулась рано на рассвете и тут же заметила, что неплохо бы воспользоваться зубной щеткой и термосом горячей воды. Она принялась шутиливо распекать себя за то, что не догадалась набить заднее сидение перед отъездом. Затем, посерьезнев, подробно расспросила о прошедшей ночи.

Мы остановились ровно настолько, чтобы поменяться местами, и я попытлся заснуть, но так и не смог.

Наконец я произнес:

— Остановись у следующей забегаловки, Фарроу. Надо бы подкрепиться.

— А это не опасно?

— Брось! — буркнул я сердито. — Только спасибо нам скажут. Они, наверняка, тоже голодны как волки.

— Ладно.

Запахи придорожной харчевни обычно вызывают неприятные ощущения, но я был так голоден, что съел бы что угодно. Мы заказали кофе и апельсиновый сок и надолго исчезли в туалетных комнатах, приводя себя в порядок. Затем мы задали работу парню у плиты, проследив, как он управляется с беконом, яйцами и мясом.

Мы так энергично взялись за завтрак, надеясь опе-

редить слетавшихся мух, и так увлеклись, что даже не заметили подъехавшие машины, пока вошедший мужчина не заказал кофе с рогаликом и не сел к нашему столу.

— Неплохой денек для прогулки, не правда ли?

Я оглядел его. Фарроу ошетибилась и напрыглась.

— Что-то не припомню тебя, приятель, — сказал я сурово.

— Вполне возможно. Зато я вас знаю, Корнелл.

Я быстро прощупал его. У него не было оружия, только обычный набор ключей, отверток и инструментов, которые вряд ли могли стать смертельно опасными.

— Я не подослан, Корнелл. Я здесь только для того, чтобы избавить вас от излишних неприятностей.

«Телепат»?

Он едва кивнул, затем произнес:

— Мы только потеряем время, бензин и, возможно, влипнем в какую-нибудь передрагу с легавыми, если вы не свернете в Сент-Луисе, на сороковом шоссе. Надеюсь, оно вам придется по вкусу.

— А если я этого не сделаю?

— Попробуйте, — сказал он с кривой усмешкой. — И увидите, что свернете на 40-м в Сент-Луисе, хотите вы этого, или нет

— Послушайте, дружище! — ответил я, возвращая ему кривую усмешку и попутно прощупывая его шкуру (он, конечно, оказался мекстромом). После твоих слов ничто не убедит меня, что США-40 лучше коровой тропы.

Он поднялся.

— Я вижу, Корнелл, куда вы клоните. Вам не нравится США-40, так я помогу вам, ребята. Если сами не хотите прокатиться по такому вшивому и разбитому бетону, скажите только слово, и мы организуем для вас шикарную дорожку безо всякой боли и страданий. Мы с вами еще увидимся. Счастливого пути, мисс Фарроу.

Затем этот тип откланялся и подошел к кассе, расплатившись за наш завтрак, как за свой собственный. Потом уселся в машину, и с тех пор я его больше не видел.

Фарроу взглянул на меня. Ее лицо побелело от страха.

— США-40 ведет прямехонько из Сент-Луиса в Индианаполис.

Дальше продолжать не было смысла. В шестидесяти

милях севернее Индианаполиса на федеральном хайвее 37 лет находился респектабельный метрополис Мариан, Индиана, самым важным учреждением которого (для меня и Фарроу), было хозяйство, называемое Медицинским Центром.

Кто-то принуждает меня ехать из Сент-Луиса по США-40. Я отлично знал, что они заинтересованы оставить меня живым и здоровым. И если я не выеду из Сент-Луиса в указанном направлении, мне придется сворачивать раз за разом, постоянно натываясь на противника. Только заявлять о себе он будет не в вежливой манере, а на грани смертельной угрозы. Попробуй я смыться, он несомненно загонит меня основными силами и оставит рыдающего и охающего от навешанных туманов. Но если я поеду к ним, чтобы убить или быть убитым, они устроятся, предварительно удержав меня от самоубийства. Не думаю, что я стал бы нарываться на последний удар, от которого протяну ноги. Я бы выстоял либо сдержался.

Посла завтрака мы двинулись дальше. Я направился в Сент-Луис. Его центр был единой громадой бесформенной мертвой зоны, — такой густой и непроницаемой, что он превратился из обычного города в скопище многоэтажных зданий. Со времен Райна кварталы трущоб уступили место новым небоскрегам. Так что мертвая зона и новые широкие магистрали с упорядоченным движением сделали Сент-Луис доступным для автомобиля в любом месте. Я не мог поверить, что какая-то банда, вынужденная работать скрытно, сможет набрать достаточно людей и машин, чтобы перекрыть все дороги и проулки, ведущие из такого большого города, как Сент-Луис.

И вновь они преследовали нас, двигаясь по параллельным дорогам и сзади. Мы мчались как дьяволы. Не снижая скорости, мы влетели в Сент-Луис и нырнули в обширную мертвую зону. Мы влились в общий поток транспорта и стали выписывать колесами бойскаутские узлы. Меня тревожило нападение сверху, с коптера, хотя я уже говорил, что мертвая зона Сент-Луиса в некоторых местах протянулась вверх на тридцать тысяч футов.

Единственное чего не доставало — это какого-нибудь устройства, с помощью которого мы могли бы воспользоваться своим восприятием или телепатией в окружающей мгле. Но пока мы были также пси-слепы, как и

они, поэтому нам пришлось колесить по улицам и смотреть в оба за владельцами подозрительных машин. Мы заметили несколько легковых автомобилей с номерами других штатов и задали им хорошую трепку. Один из них висел у нас на хвосте, пока я не совершил великолепный кульбит, проскочив на красный свет и втиснув мою машину между двумя четырнадцатиколесными фургонами. С каким наслаждением я заглянул бы в лицо водителю! Он остался позади.

Я держался между фургонами, пока мы не подъехали к центру, и собрался было уже юркнуть в боковую улочку... Но, как видно, оставался между ними чересчур долго. Потому что парень впереди вдруг ударил по своим воздушным тормозам, и гигантский фургон замер на месте. Зато парень сзади даже не снизил скорости. Он несся на нас словно лавина. Я быстро оглянулся и бросил машину в сторону. Но он врезался мне в хвост, и мы заскользили вперед. Я выжал тормоза, но масса движущегося фургона была настолько велика, что тормоза оставили только черный след на мостовой.

Нас понесло на остановившийся фургон, словно мы собирались раздавить своей малолитражкой эту громадину.

Потом вдруг задняя стена переднего фургона обрушилась, вращаясь на нижних шарнирах, и образовала прекрасный скат. Задний фургон подтолкнул на него нашу машину, и мы влетели внутрь по эластичному настилу. В ту же секунду задняя дверь закрылась, с обеих сторон подскочили два парня и с криком «вылазь» рванули дверцы.

Рослый детина с моей стороны одарил меня самоуверенной улыбкой:

— Вы не против выехать из Сент-Луиса по сороковой, Корнелл? Врядли вам эта шутка покажется слишком грубой.

Я попробовал увернуться, но он схватил меня за локоть и повалил на пол. Другой нагнулся и достал бейсбольную биту.

— Ну что, Корнелл? Может поговорим? А то тебя ничем не проймешь, — сказал он.

Я взглянул на эту парочку и сдался. В этом мире существуют личности, которые обожают потасовки, и не останавливаются, пока не выбьют из поверженного всю

душу. Эти из их числа, из тех, что сводят счеты в темных аллеях, обменявшись сначала легкими ударами, чтобы придать мордобойю справедливый характер. И единственное, чего бы я добился, — это выбитой челюсти и сломанных ребер.

Я расслабился и кивнул головой в знак согласия.

— США-40 покажется тебе куда приятней и ровнее, чем ты ожидаешь, — заметил он, несколько разочарованный, что я не дал ему отвести душу. — Это ведь как в жизни — мы сами ищем неприятностей на свою голову.

— Пошел к черту со своей философией! — огрызнулся я. Это был слабый протест, но на большее меня не хватило.

— Короче, Корнелл, вам не прорваться, — сказал детина.

Я взглянул на Фарроу. Она склонилась к ветровому стеклу, разглядывая стоявшую перед ней парочку. Те вели себя довольно развязно. Один предложил ей сигарету, а другой держал наготове спички.

— Спокойнее! — сказал первый, выпуская изо рта дым. — Может, так оно лучше, мисс Фарроу, — добавил другой. — Бороться, конечно, неплохо, но только не так. Нужно сначала заручиться поддержкой.

— Почему бы мне не закурить свои? — спросила она презрительно, не глядя на них.

Я мысленно согласился.

«Пусть им будет хуже, Фарроу».

Я тоже вытащил сигареты. Вдоль бортов фургона стояли скамейки. Я сел, вытянув ноги, и затаился. Покончив с сигаретой, я заметил, что возбуждение от погоны внезапно угасло, оставив только желание поспать.

Я задремал, размышляя о том, чего только не бывает в жизни — едешь в Хоумстид, Техас, а оказываешься в Марионе, Индиана.

Фелпс не расстелил зеленой дорожки к нашему приезду, но ожидал нас вместе с Торндайком, когда наша передвижная тюрьма остановилась в глубине Медицинского Центра. Торндайк с тремя сестрами-амазонками выстроились эскортом вокруг Фарроу, словно конвоируя опасного преступника.

— Да, молодец! Вы устроили нам хорошую охоту, — самодовольно усмехнулся Фелпс.

— Разрешите, мы устроим еще одну, — ответил я нагло.

— Нет. Впрочем, у нас относительно вас грандиозные планы, — прогудел он весело.

— А есть у меня право выбора? Если да, то я отказываюсь.

— Вы слишком торопитесь, — сказал он, — и по-моему зря. Раскройте глаза.

— Для чего?

— Для всего, — проговорил он, махнув рукой. — В том-то и беда, что нынче люди не думают. Они слепо следуют за тем, кто думает за них.

— А я разве один из ваших последователей?

— Я преувеличил, конечно. Но только для того, чтобы показать, как вы одержимы старыми бреднями, встав на позицию лентяев и следуя по стопам своего отца.

— Бросьте! — огрызнулся я.

— Никто не может составить мнение за такой короткий срок. Запомните, большинство мнений нельзя отвергать только потому, что они не согласуются с вашими предвзятыми идеями.

— Послушайте, Фелпс! — пробурчал я, намеренно опуская его ученую степень, чтобы слегка уязвить. — Мне не нравится ваша политика и ваши методы. Вам не удастся...

— Вы ошибаетесь, молодой человек, — ответил он спокойно, даже не рассердившись на мою неучтивость. — Я уже сказал, что мне чужды ваши игры. Я находился в полном неведении относительно существующей против меня оппозиции, пока вы так дерзко не привлекли к ней мое внимание. В прошлом году я усмирил инакомыслящих, обратив в бегство их основные силы, перерезал разветвленную сеть их коммуникаций и упрочил свое положение, открыто завладев всеми ключевыми позициями. А потом и вами, молодой человек. Беспокойной, но весьма необходимой особой для ведения такой войны. Вы лепечете о моей позиции, мистер Корнелл, и утверждаете, что она несостоятельна и обречена на Провал. Но пока вы стоите здесь и изрекаете всякие глупости, мы готовим главный штурм их основной базы в Хоумстиде. Мы взяли их на измор. Теперь достаточно малейшего толчка, чтобы опрокинуть их и разогнать на все четыре стороны!

— Прекрасная лекция! — хмыкнул я. — А кто автор?

— Оставьте ваш сарказм, — сказал он визгливо. — Вы им, видно, еще не переболели, мистер Корнелл.

— Жаль, что вы им не заразились, — огрызнулся я.

— Ваш юмор лучше вашего сарказма.

— Возможно, — отозвался я. — Видно, поэтому вы меня и прихватили. Все же...

— Вы чересчур наивны, мистер Корнелл. Неужели вы думаете, что так нам необходимы? Ваша решимость сражаться с нами весьма похвальна, и, может быть, с кем-то другим и сработала бы. Но мне удалось узнать, что вы очень любите жизнь, и что в решающий миг вы отступите.

— Узнали достаточно.

— Да, не без этого. А теперь мы отправимся в ваши апартаменты.

— Ведите! — сказал я глухо.

С демонстративной вежливостью он указал на дверь и последовал за мной. Мы сели в огромный лимузин с шофером, и он угостил меня сигаретой. Машина заурчала и двинулась с места.

— Вы будете для нас просто неоценимы, — сообщил он развязным тоном. — Я говорю так только потому, что вы значительно важнее для нас как добровольный союзник, нежели как вынужденный.

— Не сомневаюсь, — ответил я глухо.

— Я предлагаю вам отбросить свои предвзятые представления и заняться практической логикой, — сказал дипломированный специалист Фелпс. — Оцените свою позицию с точки зрения других условных ценностей. Заметьте, что сказанное или сделанное вами **ни-сколько** не повлияет на то, что мы станем использовать вас в наших целях. Я уверен, вы не питаете на этот счет никаких иллюзий.

Я пожал плечами. Фелпс мог бы и не говорить о подобных вещах.

— И поскольку вас будут использовать независимо от вашего желания, вы скорее всего проявите **Благоразумие**. Короче говоря, мы надеемся на сотрудничество с обоюдной выгодой.

— Короче говоря, вы хотите меня нанять?

Фелпс снисходительно улыбнулся:

— Не совсем так, мистер Корнелл. Термин «нанять» подразумевает выполнение определенного задания за условленное вознаграждение. Нет, место, которое вы

получите в организации, определить практически невозможно. Послушайте, молодой человек, ваше желание сотрудничать было бы, на мой взгляд, куда более ценно. Присоединяйтесь к нам, и вы сможете рассчитывать на дружбу самых доверенных и влиятельных членов организации, вы займете достойное место в нашей будущей элите, вы войдете в высший исполнительный орган и будете пользоваться всеми привилегиями.

Он запнулся и взглянул на меня со странным выражением.

— Мистер Корнелл, вы заставляете меня признаться, что наша организация занимается куда более грандиозным делом, а не просто благотворительностью.

Я взглянул на него с чувством юмора, которое слишком часто стало посещать меня в последнее время.

— По вашим словам выходит, будто ваше благотворительное и культурное общество не имеет ничего общего с такими грязными вещами, как деньги. Лучше не морочьте мне голову и называйте все своими именами. Вы хотите, чтобы я помогал вам добровольно, выполнял работу, претворял вашу программу. А взамен мне позволят развезжать в кадиллаке из чистого золота, упиваться дорогим шампанским и подбирать обстановку кабинета по своему вкусу. Не так ли?

Дипломированный специалист Фелпс великодушно улыбнулся:

— Мистер Корнелл, я знаю, что для того, чтобы изменить свое мнение, вам потребуется какое-то время. Более того, было бы весьма подозрительно, если бы вы тут же перешли на нашу сторону. Однако, я обрисовал вам ваше положение, и у вас будет время подумать. Решайте, но имейте в виду: будете вы с нами сотрудничать или откажетесь, в любом случае мы воспользуемся вашим даром. Я и так слишком много сказал.

Лимузин остановился около четырехэтажного кирпичного строения, которое мало отличалось по своей архитектуре от остальных в Медицинском Центре. Разница была только в том, что оно находилось в мертвой зоне.

Дипломированный специалист Фелпс перехватил мой недоуменный взгляд и учтиво сказал:

— Мы возродили традиции содержания нежданных гостей. Так мы спокойны за образ их мыслей. К тому же, строительство зданий в мертвой зоне удерживает их от

заговора. Я надеюсь, что ваша здешняя резиденция будет временной, мистер Корнелл.

Я мрачно кивнул.

В последних словах просквозило: «А иначе...»

Фелпс заполнил журнал на посту дежурного в вестибюле. Затем мы поднялись на третий этаж в скоростном лифте, и Фелпс проводил меня по коридору, вдоль которого располагались двери общих камер. В каждой двери на уровне глаз находился глазок.

— Сюда, — вкрадчиво сказал он и взял меня за руку.

Я повиновался и оказался в одной из комнат.

24

Когда Фелпс вышел, я тщательно осмотрел свои хоромы. Комната была четырнадцать на восемнадцать, но мне отводилось в ней только четырнадцать на десять. Остальные восемь футов были отгорожены внушительными металлическими прутьями и такими же мощными поперечными балками. Там находилась раздвижная дверь, как в банковском подвале. Она закрывалась на тяжелые засовы и открывалась с помощью автоматики. В барьере имелась плоская горизонтальная щель — достаточно широкая, чтобы просунуть поднос, и достаточно высокая, чтобы передать чайную чашку.

Я попробовал прутья руками, но даже с помощью новых мускулов был не в силах сжать их больше, чем на несколько тысячных дюйма.

Стены оказались стальными. Все, чего я добился, — это исполосовал их ногтями. Пол был тоже стальной. Потолок слишком высокий, чтобы попробовать на нем свои силы, но похоже, что и он был стальной. Окно оказалось зарешеченным изнутри, и так хитро, что снаружи нельзя было догадаться, что это каталажка.

Обстановка была скудной и с минимумом удобств. Умывальник, туалет, приваренная прямо к полу койка.

Это была клетка, сконструированная мекстромами, чтобы содержать других мекстромов, или же одними юмористами, чтобы содержать таких же.

Неметаллические вещи в комнате были, естественно, огнеупорными. Все, за что я не брался, было бесполезно с точки зрения орудия, рычага или инструмента. Я оказался связан по рукам и ногам.

Покончив с исследованиями, я сел на койку и закурил. Я осмотрел камеру в поисках жучка и обнаружил над дверью за барьером линзы телекамеры. За ней виднелась решетка динамика и маленькое отверстие для микрофона.

Я раздраженно запустил окурок в глазок телекамеры. В тот же миг тоненький голос произнес:

— Это запрещается, мистер Корнелл. Вы обязаны соблюдать нормы личной гигиены. А поскольку вы не сможете сами поднять окурок, эту неприятную работу придется выполнять нашему персоналу. Если подобное нарушение повторится, вы будете лишены удовольствия курить.

— Пошли к черту! — рявкнул я.

Ответа не последовало. Даже наглого щелчка. Молчание было хуже любого ответа. Этим они подчеркивали свое превосходство.

Очевидно, я задремал. Когда проснулся, увидел поднос с пищей. Я поел. Потом задремал снова, и пока спал, поднос убрали. Проснувшись утром, я увидел здорового парня, вносившего поднос с завтраком. Я попробовал втянуть его в беседу, но он даже не заметил меня. Позже он забрал поднос так же молча, как и принес. Я провел четыре часа, скучая в одиночестве, пока он не возвратился с ланчем. Шестью часами позже пришло время обеда.

Ко второй ночи я был уже на грани истерии и не мог уснуть.

Я ждал ультиматума.

Следующим утром с подносом явился доктор Торндайк. Он уселся в кресло за оградой и молча уставился на меня. Я попытался пересмотреть его, но, конечно, потерпел фиаско.

— Так куда же мы отправимся? — спросил я.

— Вы здорово влипли, Корнелл. Но сами в этом виноваты.

— Может быть, — заметил я.

— И все же, как ни крути, вы жертва обстоятельств.

— Оставьте свои причитания! Я обыкновенный заключенный. Взгляните в лицо фактам, Торндайк, и кончайте трепать языком, — оборвал я его.

— Ладно, — сказал он. — Факты таковы: мы рассчитываем, что вы поможете нам добровольно. Мы предпоч-

ли бы, чтобы вы остались таким как есть, безо всякой переориентации.

— Вы не можете мне верить, — буркнул я.

— Может быть. Не секрет, что мы посадили под замок нескольких ваших друзей. Допустим, они пройдут отличный курс лечения, если вы согласитесь сотрудничать с нами.

— Уверен, что все мои друзья предпочтут, чтобы я стоял до конца, нежели предал их идеалы.

— Дурацкая позиция, — отозвался он. — Бороться с нами, все равно что в одиночку свергать правительство. Взгляните в лицо фактам и увидите, что куда разумнее изменить позицию, а потом уже выбирать масть в зависимости от расклада.

— Мне не нравится ваш новый расклад, — проворчал я.

— Многим не нравится, — заверил он. — Но ведь они не всегда знают, что для них хорошо, а что плохо.

— Слушайте, — я чуть над ним не рассмеялся. — Я лучше сам наделаю кучу глупостей и ошибок, чем попрошу какого-то папочку прозаботиться о моей жизни. И говоря о папочках, следует упомянуть, что сам Господь Бог ратовал за полное единство наших желаний.

— Если уж цитировать Священное Писание, — кисло сказал Торндайк, издеваясь надо мной, — то замечу, что сам Господь — жестокий Бог, ниспосылает гнев свой на семь поколений тех, кто его ненавидит.

— Разумеется, — ответил я. — Но любить его или ненавидеть — это наше личное дело. Так что...

— Что вы мелете чушь! Здесь у вас тоже есть выбор. Вами никто не помыкает. Либо вы обрекаете себя на страдания, либо наслаждаетесь жизнью. Также в ваших силах решать — кому помочь, кому отказать.

— Ну, вы просто Бог.

— Ладно, — сказал он, — обдумайте.

— Идите к черту.

— Довольно слабые аргументы, — сказал он надменно. — Никому от этого, ни вреда, ни пользы. Так что кончайте трепаться и думайте.

Торндайк ушел, оставив меня наедине с мыслями. Наверное, стоило поторговаться, но что толку? Я ведь им нужен только до тех пор, пока они не откроют какой-ни-

будь метод заражения мекстромовой чумой. И когда все заботы лягут на их плечи, Стив Корнелл станет обузой.

— Наступило третье утро моего заключения, но ничего не изменилось. Они даже не удосужились подкинуть мне какого-нибудь чтива, так что скоро я был на грани помешательства. Вы даже не можете себе представить, какими долгими могут показаться четырнадцать часов, не побывав в камере, где абсолютно нечего делать. Я делал гимнастику. Хотелось пробежаться, но комната была мала. Я подтягивался до изнеможения, потому что для мекстрома пятьдесят раз на одной руке — не бог весть какой подвиг. Потом передохнул и занялся мостиком, отжиманием и прочей ахинеей, пока снова не выбился из сил.

И все это время мои шарики вертелись и вертелись. Получалась весьма убогая перспектива. Выходило, что неважно, что я решу, — все равно мне придется им помогать. Буду я это делать по собственному желанию, или же они меня задолбают своими лекциями и прочистят мозги, после чего Стива Корнелла больше не будет, он станет исполнителем их приказов. Единственное, в чем я был уверен, что не перемену своего решения. Иначе я перестал бы быть самим собой и переориентировался бы в того, о ком они мечтают. А после этой штуки человек превращается в тряпку. Просто так вы ни за что не заставите лошадь пить воду, но приведите человека под дулом пистолета и он вылакает все додна.

Итак, забудем обо всех «если»! Раз карты открыты, и у меня хватит мужества сказать «нет», то меня уволочут прямиком в департамент промывания мозгов. Собственно, больше всего я боялся, что в последний момент дрогну и не выдержу.

Для меня было уже неважно, чем им вздумается напичкать мои мозги. Достаточно было оставить меня наедине с безудержным круговоротом мыслей.

От скуки я вновь лег в постель и, ворочаясь, принялся размышлять в полузабытии, кто же будет следующим посетителем с векселем для оплаты услуг.

Следующий посетитель появился в полночь или около того. Я очнулся от ощущения, что кто-то вошел в дверь и стоит в полумраке, освещенный полной луной, заглядывающей через зарешеченное окно.

— Стив! — сказала она почти шепотом.

— Уходи! — отозвался я. — Разве ты недостаточно сделала?

— О, пожалуйста, Стив! Я пришла поговорить с тобой.

Я сел на край кровати и взглянул на нее. Она была безупречно одета. На ней было светлое, набивное шелковое платье ее любимого покроя. Собственно, Катарина выглядела, как я и представлял ее во время долгих безутешных недель нашей разлуки.

— Ты хочешь что-нибудь добавить? — холодно спросил я.

— Я хочу, чтобы ты все понял, Стив.

— Что понял? — огрызнулся я. — Я и так уже все знаю. Вы намеревались женить меня, или еще как-то привязать к себе. Бог знает, чего ты добивалась. Если бы не катастрофа, я был бы связан по рукам и ногам.

— Все это правда, — прошептала она.

— Естественно! Чего отрицать?

— Ладно, не буду.

Она покачала головой:

— Стив, ты действительно не понимаешь. Если бы ты только мог прочесть мои мысли и узнать правду!

Она хитрила неумело. Подобные утверждения ничего не значили, их можно было раздавать друзьям и врагам, а проверить невозможно.

Я взглянул на нее и вдруг кое-что вспомнил. Впервые в жизни я мог воспользоваться словесным заслоном, оказавшись с телепатом на равных. Я мог сказать «да», а подумать «нет». Абсолютно безнаказанно. Собственно, я мог пойти даже дальше, ибо, будучи обыкновенным телепатом, успел набить руку на лжи, изворотливости и дипломатических уловках, чего не мог постичь ни один телепат.

Наконец-то мы с Катариной оказались в положении, когда по-настоящему не знали мыслей друг друга.

— Какую там правду? — спросил я.

— Стив, ответь мне честно. Взялся бы ты за самую грязную работу, если бы она вдруг пришлась тебе по сердцу?

— Да.

— Тогда выслушай меня. Я добровольно взялась сделать то, что сделала. Мне велели познакомиться с тобой, окружить... — Ее лицо казалось возбужденным, и, наверное, вспыхнуло румянцем. Чтобы удостовериться в

этом, не хватало света. — И когда я встретила тебя, Стив, оказалось, что ты действительно очень хороший парень.

— Благодарю.

— Не злись. Лучше выслушай. Если бы не было Отто Мекстрома, если бы не было такой вещи, как Мекстромова болезнь, и мы повстречались бы с тобой как обыкновенные мужчина и женщина, я бы почувствовала то же самое, Стив. Я хочу заставить тебя понять, что мое чувство к тебе не зависит от моего задания. Короче, моя работа только помогла совмещать полезное с приятным.

— И ты была ужасно счастлива, — усмехнулся я.

— Да, — прошептала она. — Я собиралась выйти за тебя замуж и честно жить с тобой до конца своих дней...

— Чертовски занятная свадьба была бы в Медицинском Центре во имя Мекстромовй болезни! А наш первенец...

— Стив! Неужели ты не понял, дурачок? Если бы первый ребенок родился как положено, то я заразилась бы от отца ребенка... Тогда мы бы...

— Гм, — проворчал я. — Я как-то не подумал об этом.

«Хотя' на поверку чистая ложь. Иначе к чему эта тюрьма? Подарить Медицинскому Центру ребенка-мекстрома и переносчика — и старый добрый папа больше не нужен».

— Вот о чем я думала, когда узнала тебя поближе. Но теперь...

— Что теперь? — перебил я. Мной овладело подозрение, что она куда-то клонит, но решила ходить вокруг да около, пока не выяснит, о чем я думаю. Если бы мы были в чистой зоне, этого бы не понадобилось, но сейчас придется ее подтолкнуть.

— Но теперь я пропала, обманула твои надежды, — сказала она, чуть не плача.

— Что значит «пропала»? — спросил я резко. — Тебя сошлют в Сибирь? Прикуют к пушке? Или сделают из твоей шкуры барабан?

— Не знаю.

Я пригляделся к ней повнимательнее. Стоило признать, что она была чертовски привлекательна. Несмотря на доставленные мне неприятности, я не мог отрицать, что был в нее так влюблен, что собирался бежать за ней на край света и жениться. Вспоминал, как обнимал ее и пытался понять, отвечала она искренне или была пре-

восходной актрисой. Мистер Фелпс вряд ли бы мог найти более обольстительное создание, а натравить ее на меня — было поистине гениально.

Я встал у койки и посмотрел на нее через прутья. Она тоже приблизилась, и мы посмотрели друг другу в глаза.

— Ты еще не совсем пропала, детка, не так ли? — улыбнулся я грустно.

— Я не совсем понимаю... — ответила она.

Я обвел печальным взглядом свою маленькую камеру.

— Не я выбирал этот дом. И все же мне суждено сидеть здесь, пока кто-то не решит, что содержать меня — слишком дорого.

— Знаю, — выдохнула она.

Я закусил удила и сказал:

— Катарина, даже теперь... Хотя... ладно. Я тебе помогу.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, дрожа от нетерпения.

— Помнишь, как мы тогда умчались?

— Это было так давно, — сказала она срывающимся голосом. — Как бы мне хотелось вернуться туда, Стив, и чтобы не было никакой Мекстромовой болезни, чтобы...

— Поменьше надо хотеть, а побольше думать, — сказал я полушутя. — Если бы не Мекстромова болезнь, мы бы вряд ли когда-нибудь встретились.

— Это мучительнее всего! — всхлипнула она. Я и не сомневался, что она всхлипнет. Поэтому я прислонился к железной решетке и горестно сказал:

— Но разве я могу тебе помочь в этом положении?

Она просунула через решетку руки и притянула ими мою голову. Казалось, она напряженно всматривается мне в глаза, стараясь преодолеть телепатическую блокаду мертвой зоны. Она прижалась к стали, и наши губы встретились. Поцелуй получился не совсем приятный, поскольку, нам пришлось вытягивать губы. Это было все равно, что заниматься любовью через замочную скважину.

К счастью, это неудобное проявление любви продолжалось не слишком долго.

— Я хочу тебя, Стив, — сказала Катарина дрожащим голосом.

— Через эти стальные прутья?

Она достала маленький цилиндрический ключик.

Затем вставила его в медную пластинку на стене за дверью и повернула. Дверь камеры бесшумно скользнула в сторону.

Внимательно глядя на меня, Катарина прикрыла стеклянный глазок в двери маленькой шторкой. Ее рука потянулась к скрытой кнопке над дверью. Когда она ее нажала, на динамик, объектив и решетку микрофона опустился с тихим шорохом толстый чехол. Очевидно, из каких-то высших соображений, эти камеры использовались не только для содержания буйных заключенных. Я чуть не прыснул — общество, которое исповедовал мистер Фелпс, вовсе не процветало в атмосфере всеобщего доверия, за исключением, должно быть, самой верхушки. Катарина обернулась и направилась ко мне.

— Возьми меня, Стив!

Моя рука рванулась вперед и коснулась ее болевого центра чуть ниже ребер. Ее грудь замерла на полувздохе, а глаза остекленели. Она покачнулась. Моя вторая рука взлетела вверх и со всего размаха врезалась кулаком в ее челюсть. Ее голова запрокинулась, колени подогнулись и, выгнув спину она, рухнула на пол. Из рта вырвался какой-то булькающий звук.

Я выскочил за барьер, так как не сомневался, что они могут перекрыть камеру с главного контрольного пульта. Я плохо в этом разбирался, но разве можно было упустить такой случай? Просто удивительно, как мне везло!

Катарина шевельнулась и застонала. Я на миг задержался, чтобы выдернуть ключ из настенной пластинки. Дверь камеры закрылась, тихо скользнув на прежнее место.

Едва я успел застегнуть на брюках молнию, как дверь распахнулась. Слава Богу, я вовремя оказался за ней. В комнату из коридора ворвался сноп света, а с ним — доктор Торндайк. Должно быть, в двери решетки была сигнализация.

Торндайк сжимал в руке огромный пистолет. Он всматривался в полумрак, которого не коснулась полоска света.

И тут я свалил его на пол ребром ладони правой руки, ударив в основание шеи. Помнится, он аж подпрыгнул и рухнул на пол. К счастью, он выпустил пистолет, и после короткой судороги жизнь покинула его тело.

Я сглотнул комок горькой желчи, поднявшейся из желудка, и потянулся за его пистолетом. Комната показав-

лась душной и нестерпимо маленькой, и я почувствовал непреодолимое желание уйти отсюда.

25

Пройдя несколько ярдов, я успокоился. Я вспомнил, где я, и быстро огляделся. В коридоре никого не было, иначе бежать мне попросту не удалось бы. Но на всякий случай стоило оглядеться, пока здравый рассудок не подскажет мне, что следует делать, чтобы выйти отсюда сухим.

Как у канарейки, мои планы бегства кончались на пороге клетки. Я не вполне представлял, что делать со своей новообретенной свободой. Одно было ясно: стоит мне сделать шаг из мертвой зоны, в которой построено это здание, и меня схватят и свяжут по рукам и ногам. Мне нужны были друзья, оружие, снаряжение, и хороший план бегства. У меня не было ни того, ни другого. Скорее всего моим плененным друзьям тоже требовалась помощь. А идти к ним я не мог: сигнализация успеет оповестить главный контрольный пульт прежде чем я соберу свою маленькую безоружную армию.

Я стоял в ярком освещенном коридоре в надежде что-нибудь придумать. Не знаю чем бы это кончилось, но меня вернул к жизни донельзя знакомый звук поднимающегося лифта в конце коридора.

Я с подозрением взглянул на двери остальных камер. Открывая любую, но если она окажется занятой, не избежать комментариев постояльцев. А времени заглянуть в глазок, чтобы определить, какая из них пуста, не было.

Поэтому, вместо того, чтобы скрыться в коридоре, я рванулся к окружавшей лифту лестнице, надеясь достигнуть ее, прежде, чем лифт поднимется на мой этаж. Я сознавал, что мой топот отдается будто рев летящего самолета, но достиг лестницы и совершил опрометчивый прыжок через короткий пролет, как раз в тот момент, когда дверь лифта отворилась. Я с лета врезался в стену, чуть было не лишившись чувств, но удержался на ногах и оглянулся.

Меня ожидало занятное зрелище: в коридор с сигаретой в руке вышел охранник. Он не ожидал никаких неприятностей, а я не собирался их чинить.

Я тихо прокрался вверх по ступенькам и, когда голова оказалась на уровне пола, замер.

Ничего не подозревавший охранник заглянул в пару комнат, окинул долгим взглядом камеру, из которой я только что смылся, и прошел в конец коридора, где вставил ключ в коробку сигнализатора. На обратном пути он снова заглянул в мою камеру, но, так ничего и не разглядев, вздохнул и ушел обратно.

Я спустился на цыпочках на второй этаж и подождал. Лифт двинулся вниз, остановился, и охранник повторил свой обход, не побтрудившись заглянуть ни в одну из камер.

Я замер на последнем пролете первого этажа, высунув над верхней ступенькой только голову и дуло пистолета. Внизу находился стол охранника, а у стола, источая безудержный гнев, стоял дипломированный специалист Фелпс.

Лифт спустился и оттуда вышел, прямо на растерзание Фелпсу довольный охранник.

— На службе, — заявил холодно рыцарь науки, — вам вменяется совершать обход.

— Да, сэр...

— Обход! — взорвался Фелпс. — А не разъезжать на лифте, безмозглый баран! Вы не следите за лестницей!

— Но, сэр...

— Кто-нибудь может запросто спуститься вниз, пока вы будете подниматься.

— Я знаю, но...

— Тогда почему вы ослушались? — проревел Фелпс.

— Видите ли, сэр, с тех пор как построили это здание, никто не пытался этого сделать. Да и кто посмеет? — в голосе охранника послышался священный трепет.

Фелпс принял это к сведению. Его тон стал благосклоннее.

— Если я что-то приказываю, вам следует выполнять. Все до последней буквы.

— Да, сэр, обязательно.

— Посмотрим. Теперь я поднимусь наверх лифтом, а вы пойдете пешком. Встретимся на лифте внизу, но сначала на четвертом.

— Да, сэр.

Я бросился по ступеням будто вспугнутый кролик. Снова вверх, на третий, потом по коридору в едва заметную нишу, образованную дверью. Охранник медленно и

флегматично поднялся по ступенькам, прошел перед лифтом, повернувшись ко мне спиной, и направился на четвертый этаж.

Когда его нога ступила на четвертый, я оказался сзади. Когда он достиг верха, я был уже на полпути.

— С этого момента, Балдрон, — сказал Фелпс, — вы будете выполнять каждое мое указание от «а» до «я». Когда я вызову лифт, не вздумайте подниматься на нем. Он поднимется сам.

— Да, сэр. Простите. Но и так охранять-то нечего.

— Тогда и не охраняйте. Но охрана тем и хороша, что каждый человек в вашем положении оценивается тем, насколько он сумеет сам себе не наскучить.

Охранник начал спускаться, и я чуть приподнялся, чтобы хоть одним глазом увидеть, где стоит Фелпс. Как только я оказался на уровне пола, на меня будто опрокинули десять галлонов ледяной воды. Над полом мертвая зона заканчивалась!

Я нырнул обратно во мрак, будто пловец, глотнувший воздуха, замер. Потом я чуть сдвинулся, и картина стала отчетливее. Очевидно, я попал в какой-то маленький гребень, чуть вздымавшийся над уровнем пола. Я медленно и бесшумно двинулся по этажу, скрываясь в мертвом мраке, который поднимался и спадал будто облако черного дыма, непроницаемого для моего чутья.

Должно быть, со стороны я выглядел довольно глупо, словно морская свинка. Но слишком далеко я продвинуться не мог. Мертвая зона опустилась ниже уровня пола, оставив меня на голом полу и обнажив мое чувство восприятия.

Я выставил голову из зоны, и быстро прощупав обстановку, опустил ее, вновь лег, мысленно воспроизводя картину увиденного. Я проделал это дважды, осуществляя каждый раз быстрое сканирование следующего участка четвертого этажа.

Я нащупал пару пустых комнат, хорошо укомплектованную больничную операционную и какое-то место, напоминавшее кабинет для консультаций.

На четвертом сканировании я нащупал Фелпса, глубоко ушедшего в свои мысли.

Я вскочил, миновал зал и рывком отворил дверь. Только сейчас разума Фелпса коснулось предчувствие, что к двери подошел кто-то с пистолетом сорок пятого калибра.

— Ни с места! — рявкнул я.

— Уберите оружие, мистер Корнелл. Вы и так получите свободу.

— А может я всю жизнь мечтал, что вы с ней расстанетесь.

— Уверен, что вы не настолько глупы, — ответил он.

— Возможно.

Он самоуверенно улыбнулся.

— Мистер Корнелл, вы очень любите жизнь. Удел мученика вам не к лицу.

— Я мог бы забиться в угол, как крыса, — отозвался я, — а не играть с вами в прятки, Фелпс.

— Дипломированный специалист Фелпс, пожалуйста.

— Я весьма низкого мнения о профессии медиков, — сообщил я. — Так...

— Так что вы собираетесь делать?

— Выбраться отсюда.

— Не будьте смешным. Сделайте только шаг из здания, и через минуту вас возвратят обратно. На что вы рассчитываете?

— На личное обаяние. А теперь...

— Я бы посоветовал вам сдаться и прекратить бесполезные попытки. Бежать вам не удастся. Здесь, в этом здании, уверяю вас, сидят под замком все ваши духовные и интеллектуальные вдохновители.

Я холодно и спокойно взглянул на него:

— Вы меня не убедили. Я все равно уйду. И если вы прощупаете пониже, заверяю вас, найдете мертвого мужчину и лежащую без сознания женщину. Я сломал доктору Торндайку шею собственной рукой, Фелпс, и свалил Катарину одним ударом. Может, эта штука вас не убьет, но я тоже мекстром, и она мне поможет запросто вас обезвредить.

— Это вам ничего не даст.

— Что ж, поиграйте на моем терпении. Могу поспорить на мою никчемную шкуру, — я усмехнулся, — правда, не такая уж она никчемная.

— Стоит мне только крикнуть, мистер Корнелл, и...

— И вам не жить и не увидеть, что случится. Я бы прикончил вас сразу. Но я решил подождать до ночи. Как видите, идея далеко не нова. Я убью вас, Фелпс, и ничто меня не остановит.

Усмехнувшись, Фелпс повернулся к своему столу и я

почувствовал под ворохом бумаг и всякого хлама кнопку звонка. Я пулей метнулся через комнату и взмахнул рукояткой пистолета. Сталь коснулась его виска и, прежде чем палец успел нажать кнопку вызова, отбросила его прочь. Потом я добил его кулаком в живот, потому что удар пистолетом только оглушил его. А кулак сделал свое. Он свалился на пол и бездыханно замер.

Я обернулся к стене, которую он так внимательно рассматривал. Она была усеяна рядами маленьких телеэкранов, и на каждом виднелась мрачная обстановка камер. На столе располагался блок кнопок, динамик и микрофон. И, помимо кнопок, папка со списками заключенных.

Я отыскал Мариан Харрисон, нажал кнопку и услышал из громкоговорителя ее посапывание. Под экраном вспыхнула зеленая лампочка. Я увидел знакомое лицо на подушке.

Я рванулся к столу и схватил микрофон.

— Мариан! — сказал я. — Мариан! Эй! Мариан Харрисон!

На экране что-то замельтешило, потом она села и удивленно огляделась вокруг.

— Мариан, это Стив Корнелл.

— Стив!

— Не кричи!

— Где ты? — спросила она шепотом.

— В контрольной.

— Но какими судьбами?

— Некогда объяснять. Я мигом спущусь с ключом.

— Да, Стив.

Я вышел, прихватив регистрационную книгу. Через мгновение я был уже на третьем этаже перед камерой Мариан. Когда я ворвался туда, она была уже готова. Не успела за нами захлопнуться дверь, как она поволокла меня к камере брата.

— Что случилось? — спросила она.

— Потом! — бросил я и открыл камеру Филиппа. — Иди разбуди Фреда Маклина и вели ему придти сюда! Затем Алисе, а потом будите вдвоем остальных и отсылайте наверх. Как только управлюсь, вызову тебя по коммуникатору.

Мариан ушла с ключом и книгой, а я потряс за плечо Филиппа Харрисона.

— Проснись! — закричал я. — Проснись, Филипп!

Филипп что-то пробормотал.

— Проснись!

— Что?

— Это я, Стив Корнелл! Вставай!

Зевая, Филип выбрался из-под одеяла. Он посмотрел на меня, прищурившись спросонок, потом вытаращил глаза, подошел к умывальнику, намочил полотенце холодной водой и обмакнул им лицо, плечи, тело. Бросив полотенце в раковину, обернулся ко мне с просветлевшим лицом. В его глазах смешалось любопытство и изумление.

— Что происходит? — спросил он и принялся наскоро одеваться.

— Я бежал, хорошенько отделал специалиста Фелпса, захватил центральный контрольный пункт. Мне нужна помощь. Если не поторопимся, нам долго не продержаться.

— Да уж. Придется поторопиться, — сказал он кисло. — Есть какой-нибудь план?

— Мы...

Отворилась дверь, пропуская Фреда Маклина. Он на ходу одевал рубашку.

— Что происходит? — спросил он.

— Слушайте! — сказал я быстро. — Если будете постоянно меня перебивать и требовать объяснений, у нас вообще не останется времени. Существуют две опасности. Первая — это охранник внизу у лестницы. Вторая — неожиданные посетители. Вы возьмете парочку ребят помоложе и уберете этого охранника. Только быстро.

— Ладно. А ты?

— А я усмирю заложников. Поскольку знаю, как расстегивать лифчики, то устрою такое представление, что вам и не снилось.

— Но как? — изумился Филипп, прежде чем испариться.

— Соблазню всю тюрьму, — ответил я.

В коридоре шла какая-то суматоха, но я не стал разбираться и направился к спецу Фелпсу. Я успел вовремя. Он очнулся и застонал. Выбора не было, и я свалил его коротким ударом под ложечку, а потом добил вторым.

Когда вошла Мариан, он уже погрузился в тяжелое забытие.

— Думаешь, тебя разбудили для того, чтобы... — обернулся я к ней.

— Я отдала ключи и книгу Джо-Ани, — сказала она. — Джо-Ани — хрупкая девочка, которую ты отделал в Огайо. Она в курсе, Стив. И она взяла в помощь близнецов Маклинов. Думаю, поднять на ноги лагерь — работа для малолеток. — Она с отвращением посмотрела на Фелпса. — А как быть с ним?

— Он еще пригодится, — сказал я. — Используем его, чтобы выкупить свободу.

— Думаешь...

Дверь вновь отворилась. Это был Джон Харрисон. Он остановился в проеме двери и взглянул на нас с угрюмой усмешкой. Я никогда раньше не видел патриарха семьи Харрисонов. Он стоял высокий, статный, увенчанный копной белоснежных волос, с белыми бровями и усами. Его глаза здорово контрастировали с этой белизной. Они были ярко-карими.

Передо мной стоял человек, которому я отвел основную роль в осуществлении нашего побега. Джон Харрисон должен был обеспечить нам прикрытие.

У него оказался густой и мощный голос, который звучал так непреклонно и самоуверенно, что ни у кого не хватало смелости перечить.

— Да, сынок! Похоже, ты хорошо потрудился этой ночью. И что же нам делать дальше?

— Бежать отсюда к чертовой матери! — ответил я, удивляясь про себя, с чего это я вдруг решил, что это Джон Харрисон. Густой и звучный голос вызвал какое-то смутное воспоминание. Что-то очень важное начало всплывать из трясины моего подсознания, пытаюсь вырваться наружу.

Я перевел взгляд с острых карих глаз на Мариан. Я увидел ее словно впервые, — безо всякой косметики, красивые волосы свободно рассыпаны по плечам, слегка загорелые стройные ноги. На несколько мгновений ее образ померк, уступив место знакомой фигуре Катарины. От такого коллажа голова пошла кругом. Затем ложный образ померк и я снова видел одну Мариан.

Она стояла со спокойным и величественным видом. Ее глаза смотрели прямо на меня, будто мысленно представляя меня извлечь это скрытое воспоминание наружу.

Затем я вдруг увидел и почувствовал нечто такое, чего никогда не замечал прежде, — красивую золотую цепочку на ее шее, тщательно скрытую от посторонних

глаз под платьем. Я нащупал небольшой бриллиант и даже смог разобрать крошечные буквы, выгравированные на металлическом обрамлении.

С К — М Х

Я вдруг понял, что для меня это чрезвычайно важно, что это связано с подсознательным образом. Когда-то очень давно Мариан Харрисон была моей.

Обалдевший, я шагнул вперед и взял цепочку в руку. Сжав ее, я и нащупал кольцо.

— Ты наденешь его снова, моя дорогая?

Она протянула мне левую руку.

— Стив! — вздохнула она. — Если по правде, то я никогда и не снимала его...

— Но я до сих пор его не видел...

— Ты бы и не увидел, Стив, если бы не вспомнил, — сказал Джон Харрисон.

— Но послушайте...

— Это моя вина, — заявил он решительно. — С тебя все началось, тобой все и кончилось, Стив. Когда Мариан подцепила Мекстромову болезнь, она возомнила, что причинит тебе страдания, которых могут избежать остальные. Поэтому я вычеркнул ее из твоего сознания, Стив, и устранил все возможные ассоциации. Затем, когда за нами пришли люди хайвея, я пустил это дело на самотек, потому что Мариан стала для тебя недостижимой, все равно, что умерла. Я прошу прощения за то, что вмешался в твои мысли и чувства.

— Прощения? — вспыхнул я. — Мы с вами попали в беду и только вы можете вызволить нас из этой мышеловки.

— Вызволить? — пробормотал он. В его колющих глазах мелькнула искорка понимания, и он стал еще более решительным и самоуверенным.

Мариан чуть откинулась назад в моих объятиях и заглянула в глаза.

— Стив! — воскликнула она. — Это должно получиться!

Тут в разговор встряла Глория Фарроу:

— Нам придется основательно потрудиться! — И начала лихорадочно перебирать медицинские инструменты.

Говард Маклин и Джон Харрисон затеяли какое-то телепатическое совещание, прервавшееся только, когда Джон Харрисон обернулся к Филиппу с пожеланием, чтобы их не беспокоили.

Мариан нехотя высвободилась из моих объятий и потащила меня из комнаты.

— Пойдем, поможем ему, Стив! То, что мы собираемся сделать, не стоит видеть ни одному телепату.

Филипп погрозил мне ключом от ящичка сигнализации.

— Может, расскажешь нетелепату, что вы там готовите. Я улыбнулся.

— Если у твоего отца хватило мысленной энергии вычеркнуть Мариан из моего мозга, то провести переориентировку Фелпса для него плевое дело. А раз мы выбьем дурь из головы главаря, то пойдем по пирамиде дальше, линия за линией, эшелон за эшелон, и каждый переориентируемый рекрут будет только умножать наши силы. А завершив операцию, возьмемся за остальную человеческую расу.

Вот почти и все. Медицинский Центр и люди хайвея образовали одно агентство, призванное отбирать ничего не подозревавших переносчиков и больных, которым суждено было постепенно вытеснить человеческий род. Мы пока не продвинулись ни на шаг в решении основной проблемы, поэтому я до сих пор весьма преуспевающий человек.

Я пишу отчет, раскрывая наш секрет, ибо хочу уменьшить страдания жертв Мекстромовой болезни.

Поэтому мне хочется закончить с убедительной просьбой ко всем:

«Пожалуйста, не колесите безтолку по нашим хайвеям, пока вы здоровы. Вряд ли я смогу заразить всю человеческую расу и не намерен выбирать и выискивать какие-либо ценные экземпляры, чтобы уделить им особое внимание. Я объезжаю только тех людей, чьих близких уже коснулась Мекстромова болезнь, чтобы они не расставались со своими любимыми и родными. Остальные пусть ждут своей очереди.

И она придет рано или поздно. Тридцать дней назад родился наш первенец, — Стив. Он оказался вполне здоровым маленьким мекстромом. Как и его папочка, Стив-младший — тоже переносчик».

МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР
ТУННЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Реактивный самолёт появился, как по волшебству, промелькнув мимо вертолёта с такой быстротой, что за ним невозможно было уследить. Затем самолёт повернул, мелькнул мимо вертолёта ещё и исчез в отдалении. Пока он совершал свои маневры, кроме раскалывающего грохота двух двигателей, ничего не было слышно. Создавалось впечатление, что они соперничают — чей мотор громче.

Самолёт улетел прочь. Когда его реактивные двигатели включались, вертолёт трясло. Тони не обратил на это никакого внимания, но сенатор Кларк что-то негодующе сказал. Тони не расслышал. Он взял наушники внутренней связи и кивнул на другую пару головой. Кларк нацепил вторые наушники, и только тогда Тони вежливо сказал:

— Что вы сказали, сэр?

Он мог бы и перекричать мотор — они с сенатором сидели близко друг к другу — но Тони не хотел кричать, он хотел быть вежливым.

Сенатор Кларк был конгрессменом Комитета Оборона. С ним следовало быть особенно вежливым. Но Тони никак не мог себя заставить сердечно улыбаться. Он знал для чего сенатор предпринял это путешествие. Для Тони он был врагом, от которого по возможности следовало избавиться. Но показывать этого не следовало. И поэтому Тони повторил:

— Что вы сказали, сэр?

Кларк раздражённо наклонился к микрофону:

— Я сказал, что здесь чертовски шумно!

— Мы летим очень низко, — объяснил Тони, — а эта модель вертолёта знаменита своим шумом. Слишком большой вес. И так как мы летим низко, только в пятидесяти футах, шум моторов отражается от земли.

— Зачем?

— Чтобы нас не засекли радаром, — сказал Тони. — Радары в этих краях расположены так, что не засекают предметов ниже определённой высоты. Гражданским абсолютно ни к чему знать, чем мы здесь занимаемся.

Сенатор выглянул из окна. Вертолёт пролетал над самой настоящей пустыней, внизу стлался жёлтый песок — без намёка воды и даже без привычных саксаулов. Вдалеке виднелись пики гор, горделиво вздымающихся над

тем пространством, мимо которого сейчас пролетал вертолет. Сзади не было ничего.

Кларк раздражённо сказал:

— Зачем было забираться в такую глушь? И, кстати, что делал здесь этот реактивный самолёт?

Тони опять начал объяснять:

— Эта часть пустыни закрыта для всех. Реактивный самолёт с военной базы специально вылетел проверить, кто это летит. Но он опознал нашего пилота по телевизионному экрану — у него в кабине установлен экран. Он имеет право здесь летать, такое же, впрочем, как и мы.

Вертолет летел через пустыню, поднимая под собой внизу облако песка. Нигде не было видно и признака жизни.

Кларк раздражённо пробормотал:

— Идиотизм! — и опять уставился в иллюминатор.

Пустая, высушенная солнцем, голая пустыня. Казалось, сюда ещё не ступала нога человека. Тони промолчал. Среди этого жалкого однообразия находилось одно место, в которое было вложены сотни миллионов долларов и которое являлось сверхсекретным. Можно было себе представить, что конгресс не будет в восторге, когда узнает, на что все эти деньги тратились без их разрешения.

— Тайны, — проворчал Кларк. — Секретность! Не настолько уж, наверное, я неблагонадежный, чтобы не сказать мне ни слова!

Тони только кивнул головой. Он предпочёл отделаться знаком, хотя шум моторов мешать ему не мог.

— Просто сказали поехать сюда! — продолжал неистовствовать Кларк. — Выслушать, что мне скажут и высказать своё мнение о том, стоит ли эта работа тех денег, что в неё вложили. Я понимаю что всё надо делать по порядку. Но почему вы мне даже не намекнули, в чём дело?

— Возможно, вы не поверили бы такому намеку, — вежливо сказал Тони. Затем ему пришло в голову, что надо было бы добавить "сэр", но в любом случае он был убеждён, что на Кларка это не подействует. Сенатор не любит неизвестности.

— Почему?

— Я бы не поверил, сэр, — сказал Тони. На сей раз он таки добавил "сэр", чтобы высказать уважение,

которого не чувствовал, но которое обязан был высказывать.

Кларк фыркнул:

— Я забрался в такую даль, а мне всё ещё говорят, что я должен буду увидеть! Я, наверное, выдам секрет!

Он посмотрел на Тони.

— Меня так и подмывает приказать вам развернуться на сто восемьдесят градусов и доставить меня обратно на аэродром, откуда я смогу улететь в Вашингтон! А моё слово кое-что значит там! Мы ещё увидим!

— Вы увидите всё, сэр, — как можно более убедительно сказал Тони. — И когда вы всё увидите, ваши слова будут звучать намного убедительнее ваших догадок. Вам, может быть, и не понравится то, чем мы занимаемся, но, по крайней мере, вы будете знать, что вам не нравится и почему.

Сенатор Кларк уставился на него. Затем он плотно сжал губы и опять стал смотреть в иллюминатор на пустыню. По выражению его лица было ясно, что хоть он и не знал, что увидит, но уже точно мог сказать, что это ему не нравится.

Это было плохо. Проект Тик-Ток потому и держался в такой строгой секретности, что убедить конгресс в его необходимости было невозможно. Более того, общественное мнение Америки тоже постарается не допустить его осуществления. Ни один из членов конгресса не осмелится проголосовать за него. Нация потеряет всех своих друзей, если проект будет успешно завершён. И при этом не могло быть и речи о том, что другие государства тоже этим воспользуются. Во всём мире мог существовать только один проект Тик-Ток.

Но Тони отдал ему семь лет своей жизни, и он не мог понять, как можно быть настолько близоруким, чтобы не видеть его важности. А сенатор Кларк, даже ещё не зная в чём дело, уже имел предвзятое мнение.

Иллюминаторы вертолёта внезапно заволокло чёрным, даже переднее окно, через которое они могли видеть пилота.

— Очередная предосторожность? — ледяным тоном спросил сенатор. — Мне нельзя даже смотреть на голую пустыню, чтобы я вдруг не узнал, где нахожусь?

Тони почувствовал себя неудобно. Как можно вежливее ответил:

— Да, сэр. У нас здесь всегда так, сэр. Существует

очень много людей, которые не хотят получать слишком обширную информацию, так же как, например, носить пояс с чужими деньгами.

Но Кларк не принадлежал к их числу. Будучи представителем Комитета Оборона, он желал знать абсолютно всё. Но любые операции, связанные с проектом Тик-Ток, требовалось проводить особенно тщательно. Никто, конечно, не сомневался в лояльности сенатора, принимались самые обычные меры предосторожности против того, что сенатор мог где-нибудь что-нибудь кому-нибудь бессознательно ляпнуть.

В пассажирской кабине было абсолютно темно, слышался только рёв мотора. Геликоптер изменил свой курс. Он менял его несколько раз, пока люди, летящие в полной темноте, окончательно не потеряли всякое чувство направления.

Прошло много времени. Затем шум моторов стал иным. Геликоптер шёл на посадку. Он мягко коснулся земли и иллюминаторы вновь посветлели, так что стало видно напуганно-хмурое и злое лицо Кларка. Тони встал.

— Здесь мы выходим, сэр, — сказал он вежливо.

Кларк поднялся со своего места и безмолвно, но с выражением холодной ярости на лице, последовал за Тони на землю. Тони отошёл от геликоптера подальше. Его моторы опять начали набирать обороты, он поднялся, развернулся в обратном направлении и скрылся из виду.

Двое мужчин — Тони Ньюмен и сенатор Кларк — остались одни в ослепительном сиянии солнца, отражающегося от жёлтого песка. Ничто не указывало, что в эти места когда-нибудь ступала нога человека. Шум моторов геликоптера затих в отдалении. Наступила полная тишина. Тони переступил с ноги на ногу, и песок под его ботинками зашуршал. Кларк со злостью отвернулся. Геликоптер уже скрылся из виду, и повсюду расстилался только жёлтый песок.

— Это мне и надлежит осмотреть? — саркастически спросил Кларк.

— Нет, — сказал Тони. — Просто нам придётся несколько подождать.

Он стоял молча. Кларк пытался. Пустыня была мертва — в ней не было движения — и это было страшно. Только один раз Кларку удалось краешком глаза заметить какое-то перемещение. Он быстро повернулся, но увидел

только что-то тёмное и непонятное, равномерно мотающееся из стороны в сторону.

Тони промолчал. На скулах Кларка заиграли желваки. Они стояли, казалось, в центре бесконечности, где ждать было нечего и неоткуда. Затем Тони кивнул головой.

Где-то у самого горизонта двигалась чёрная точка. Сзади неё поднимался клуб пыли. Точка быстро передвигалась по мёртвому пейзажу. Кларк ничего не сказал. Точка постепенно превратилась в чёрточку, затем небольшой шар, и, наконец, приобрела форму. Это была машина. Это не могло быть ничем иным. Вскоре можно было разглядеть, что это — купе защитного цвета, предназначенное специально для путешествий по песчаной местности. Машина подкатила и лихо остановилась в двух шагах от них.

Кларк сделал эти два шага и открыл дверцу.

— На заднем сидении — фляга с водой, — сказал Тони. Сам он уселся с водителем. Шофёр был одет в гражданское, он дружески кивнул головой и выжал сцепление. Автомобиль развернулся и по старому следу поехал обратно к горизонту. По ветровому стеклу бил горячий ветер.

Самым обычным голосом шофёр спросил:

— Порядок, Тони?

— Сомневаюсь, — ответил тот. Он ни словом не обмолвился о сенаторе Кларке, но по его тону было совершенно ясно, что всё было не в порядке, и что виноват в этом был человек на заднем сидении. Затем он в свою очередь спросил:

— Что нового?

— Приладили на кролика упряжку со звукопередатчиком, — сказал шофёр. — И Дуг подготовил видеозвуковой блок для следующих испытаний. Но что-то у них не ладится. По крайней мере, когда я уезжал, что-то было не в порядке.

Машина неслась вперёд. Позади неё поднималось облако пыли. Сенатор Кларк насмешливо сказал:

— Возможно, мне следует напомнить вам, что я могу слышать ваш разговор с шофёром. Не следует ли вам быть более осторожными и не говорить о делах в моём присутствии?

Водитель сказал:

— Простите, сэр.

— Сенатор, — сдержанно парировал Тони, — это

Сэм Крейтон. Он один из наших специалистов. Ведущих специалистов.

Сенатор хмыкнул. Автомобиль продолжал мчаться под палящими лучами солнца. Место, где Тони и сенатор высадились, осталось далеко позади. Вокруг лежал безжизненный мир. Жара была невыносимой. Кларк поглядел на флягу с водой, лежащую рядом с ним, но был настолько зол, что даже не захотел утолить свою жажду.

— Понятно, — холодно сказал он. — Это очень неприемчиво с вашей стороны. Только скажите, разве не практичнее было использовать обычного шофёра? Вы всегда заставляете высокооплачиваемых специалистов выполнять эту чёрную работу?

— У него не лимитированный рабочий день, — сказал Тони. — И у меня тоже. И у большинства наших сотрудников. Генерал Кирк — официально находится в отставке. Дуг — доктор Филипс — работает днями и ночами. Сэм ведёт машину потому, что у нас нет никаких связей с внешним миром, и все работы, хоть отдалённо связанные с проектом, мы выполняем сами.

Кларк иронически на него взглянул, но промолчал. Сэм Крейтон сунул руку под сидение и вытащил оттуда шнур, на котором висел микрофон. Он что-то проговорил туда и получил такой же невразумительный ответ. Машина замедлила скорость, и облако пыли за ней постепенно начало опадать. Они подъехали к мосту, на котором лежал большой камень, и объехали его слева, вновь остановились в центре пейзажа, ничуть не отличающегося от остальной пустыни.

Земля под ними внезапно провалилась. Они опускались десять, двадцать, тридцать футов. Затем остановка, и автомобиль вновь покатился вперёд. Позади них что-то поднялось. Плита, замаскированная под пустыню, вновь мягко встала на своё место. Машина осталась стоять в искусственной пещере с большими дверьми по одной из стен.

— Мы на месте, сэр, — сказал Тони.

Сенатор выбрался с заднего сидения. Он явно не был потрясён. Иронически оглядевшись вокруг, он сказал:

— Это мне и придётся осматривать? Лифт в центре пустыни? А ещё что-нибудь у вас есть?

— Да, сэр, — терпеливо выдавил Тони. — Вы когда-нибудь были знакомы с Дугом — доктором Дугом Филипсом, сэр?

Кларк коротко ответил:

— Да. Очень давно.

— А с генералом Кирком? Я уже упоминал его имя Генерал Хейвуд Кирк.

— Когда я его знал, он ещё не был генералом, — сказал Кларк. — Они здесь? Над чем они работают?

— Они работают над тем, что вы приехали осматривать, — сказал Тони Ньюмен. — Так же как и я и немногие другие, они считают, что то, над чем мы работаем здесь, стоит тех денег и лет наших жизней, которые мы вложили в эту работу.

2

Они прошли сквозь большие двери в пустой, абсолютно ничем не примечательный коридор. Они шли, казалось, бесконечно долго по его вырезанным в скале извилинам. Затем они подошли к лифту. И стали медленно опускаться мимо бесчисленных этажей, одни из которых были темны, а другие ярко освещены, и по коридорам которых располагалось бесчисленное количество разнообразных приборов и безмолствующих агрегатов. Наконец, они достигли дна пещеры. Их остановил охранник. Он кивнул Тони, но внимательно наблюдал, как тот прикладывает руку к стеклянной пластинке, которая освещалась снизу. Через секунду под пальцами Тони заиграл зеленоватый свет.

— Положите руку сюда, сэр, — вежливо сказал Ньюмен сенатору. — Отпечатки ваших пальцев были посланы нам заранее.

Кларк холодно возразил:

— В чём дело? Я уже здесь, а мне всё ещё не доверяют?

— Это единственный способ попасть внутрь, не поднимая сигнала тревоги, — настаивал Тони. — Простите, но тут ничего нельзя поделать.

Кларк положил руку на стеклянную пластинку. Через секунду из-под его пальцев тоже заструился зелёный свет, и дверь открылась. Тони указал Кларку дорогу.

Они вышли на большое открытое пространство с застеклённой крышей. Повсюду стояли различные аппараты. Увидев в центре огромный агрегат с полостями и выдвинутыми стержнями, сенатор Кларк нахмурился.

— У вас здесь атомная электростанция? — спросил он.

— Да, сэр. Мы не хотели зависеть от внешних источников энергии всё по тем же причинам, о которых я уже говорил.

Сенатор иронически хмыкнул.

Они продолжали свой путь. Прошли мимо машинного зала, в котором бесшумно работала паровая турбина, опять-таки на энергии, которую давала атомная электростанция. По мере их продвижения вперёд, этот подземный комплекс начинал казаться всё больше и больше и напоминал небольшой город где-нибудь у Средиземного моря, за исключением того, что не было уличного движения. Они увидели несколько человек. За одной из раскрытых дверей что-то торопливо печатала на машинке девушка. Народу было немного, за исключением одной толпы рабочих, возившихся у какого-то аппарата.

— Мне кажется, — угрюмо сказал сенатор, — что кучу денег угробили неизвестно на что. Сначала я думал, что несколько миллионов. Затем я решил, что не менее десяти. Сейчас я вижу, что мне просто не сосчитать этих миллионов, а конгресс об этом даже не подозревает! Вам придётся представить достаточно убедительные доказательства, что вы не выбросили деньги наших налогоплательщиков на ветер! И безо всякого разрешения конгресса!

— Мы считаем, что доказательства убедительные, сэр, — сказал Тони. — Но это правда, что Дуг, то есть доктор Филипс, сэр, сказал, что мы все можем попасть за решётку за то, что сделали.

— И вполне возможно, — сказал сенатор, — что я лично прослежу за тем, чтобы вы туда попали!

— Вполне возможно, сэр, — согласился Тони. — Но как бы то ни было, мы уже пришли.

У коридора, к которому они подошли, стояли двое охранников. Один из них снял телефонную трубку. Когда Ньюмен и Кларк подошли ближе, им махнули рукой, призывая подождать.

— Как! — насмешливо воскликнул Кларк. — Разве отпечатков моих пальцев недостаточно? Не кажется ли вам, что несколько перестраховались?

— Когда мы подошли, Дуг увидел нас по телевизору на экране, — сказал Тони. — Он приказал охранникам пропустить нас.

Они прошли по узкому коридору примерно десять ярдов. Тони нажал на дверную ручку, и они вошли в обычный до странности кабинет, какой можно увидеть повсюду, а не в самом центре пустыни, неизвестно где и в сотнях футов под землёй. Дуг Филипс встал из-за стола и сердечно пожал руку Кларку.

— Странно встретить тебя здесь, — дружелюбно ска-

зал он. — Я рад, что именно тебя назначили проверять, куда это очередной гений разбазаривает правительственные деньги! Они могли бы послать и идиота! Ты, по крайней мере, поймёшь.

Кларк продолжал хмуриться. Он сказал как бы нехотя:

— Мы не виделись много лет, Дуг. То, что мы думали тогда друг о друге, могло быть и ошибкой. Но я не хочу судить предвзято, хотя тебе и придётся предоставить достаточно веские доказательства, что эти деньги истрачены — безо всякого ведома конгресса! — на дело.

Дуг весело кивнул головой, но Тони знал, что его собственное выражение было далеко не таким оптимистическим, и что по нему было видно, чего можно ждать от Кларка.

— Это достаточно честно! — сказал Дуг. — Тони... тебе не трудно будет сходить поискать Кирка? Я думаю, он в твоём отделе и пытается как-то обобщить последние полученные данные. Пока ты его будешь искать, я проведу сенатора по заводу и объясню ему наши преступные действия.

Тони вышел. Дуг мог вызвать Кирка простым нажатием кнопки. Ясно, что он посылал Тони, чтобы Кирк успел подготовиться к встрече с сенатором и к возможным последствиям, которые ожидали проект Тик-Ток.

Он знал, где сейчас будет Кирк, который в своё время был помощником главнокомандующего военно-воздушных сил, затем рано подал в отставку и просто исчез. Кирк много вложил в этот проект. Непосредственно связанный с правительством, он добился настолько строгой секретности, что никто ничего не знал и не подозревал. Сейчас, после стольких лет непрерывной работы, управлять тем, чем они занимались, сможет любой человек.

Тони вышел в зал Туннеля. Здесь и находился Туннель Времени. Кирк стоял и наблюдал за его открытым входом. Это была сложнейшая конструкция из стальных плит и медных спиралей, которая, казалось, но не на самом деле, начиналась от разинутой пасти входа и уходила в никуда. Туннель строили в такой строжайшей секретности, что в завершённом виде его видели всего несколько человек. Даже разные его части каждый раз собирали новые рабочие, а на место их устанавливали сами сотрудники, не щадя своих сил.

Кирк стоял, глядя на вход Туннеля. Он был открыт, и металл внутри сверкал слабым, мерцающим, голубова-

тым светом. У одной из стен зала Туннеля были свалены инструменты, с помощью которых его собирали. На другой стене висел небольшой шкафчик. Перед самым Туннелем находился пульт управления, за которым сидела доктор Мак-Грегор, которую обычно все называли по фамилии. На пульте были разбросаны самые разнообразные ручки и рукоятки, огромного размера переключатели, вычислители и несколько циферблатов.

— Кирк, — позвал Тони.

Кирк нетерпеливо махнул рукой, требуя тишины. Он продолжал глядеть в Туннель, который всегда немного гипнотизировал Тони во включённом состоянии. Создавалось впечатление, что огромный паук свил свою паутину, но используя сталь и медь, которая так и заманивала своим блеском.

Мак-Грегор строго сказала:

— Мы заняты, Тони!

— Я только что из Вашингтона, — сказал Тони. — Со мной приехал сенатор Кларк. Он жаждет крови, потому что мы истратили кучу денег, не поставив при этом в известность Комитет.

Кирк вновь нетерпеливо махнул рукой и сжато спросил:

— Энн, как сердцебиение?

— Доктор Мак-Грегор уверенным жестом повернула какую-то ручку на пульте управления. Она сделала это слегка небрежно, как человек слишком хорошо знающий и понимающий, но Тони знал, что так оно и было.

Лёгкий, дрожащий звук, которого Тони раньше не замечал, стал громче: "Тумпа-тумп, тумпа-тумп, тумпа-тумп".

— По крайней мере, там есть воздух, — облегчённо сказал Кирк. — Он двигается?

— Координата четыре меняется. — Она быстро что-то переключила. Звук "тумпа-тумп" продолжал идти так же размеренно.

— Я его перемещаю, — сказала она. — Пол-секунды — и проверка, затем опять пол-секунды — и проверка. Он дышит. Я думаю, что он передвигается.

Только теперь Ньюмен заметил на полу небольшую коробку, в которой они держали небольших животных, перед тем, как проводить с ними эксперименты. Коробка была выстелена травой, к которой прилипло несколько красивых белых волосков. Он догадался, что раньше её занимал кролик, и сразу же понял, что происходит. Кролика в упряжке времени посадили в Туннель. Сама уп-

ряжка и её перемещения контролировались с пульта. Туннель переместил кролика в упряжке Туда — так они называли это, за неимением более точного названия. Сейчас они пытались вернуть его обратно. Всё это было ему достаточно знакомо. Звуки "тумпа-тумп" были, безусловно, сердцебиением, слышать которое стало возможным благодаря усовершенствованию упряжки. Проект Тик-Ток близился к своему завершению. Сейчас они уже могут посылать — Туда. Иногда им удавалось вернуть то, что они посылали: два-три раза из сотни. Сейчас, когда упряжка была усовершенствована и оснащена микрофоном, вероятность того, что предмет можно вернуть обратно, неисчислимо возросла. Когда им удастся возвращать кролика в ста случаях из ста, можно будет считать, что работа завершена полностью, и что их труд и бессонные ночи оправданы. Ещё один шаг — и проект Тик-Ток войдет в жизнь. И если никто никогда не узнает о его существовании, то это будет только гуманно.

— Дуг хочет, — сказал Тони, — чтобы я рассказал вам, чего следует ждать от Кларка.

— Плевать на Кларка, — небрежно ответил Кирк. — Энн, что там?

— Мне кажется, — тихо сказала Мак-Грегор, — что я слышу, как ветер раскачивает деревья.

Тони тоже показалось, что он слышит нечто похожее. В ритм "тумпа-тумп" вмешался шорох листьев. Все эти звуки исходили из громкоговорителей, расположенных на стене. До отъезда Ньюмена в Вашингтон их не было, но они вписывались в окружающую обстановку. Там же впервые появился и новый телевизионный экран. Он был пуст. Коробка на полу говорила о том, что это — кролик. Звук "тумпа-тумп" говорил о том, что сердцебиение кролика передавалось через микрофон на громкоговорители, что и являлось тем усовершенствованием, о котором Сэм Крейтон говорил по дороге сюда. Кролик был Там, и это не было пустой фразой. Это значило, что кролик находился в Туннеле, что он исчез где-то и куда-то и что они слышали звуки оттуда, где он находился, и могли передвигать его, они не имели представления о том, где они его перемещали и куда. Что обозначала собой координата четыре: восток, запад, север, юг? Или просто вверх, вниз? И относительно чего?

Эти вопросы люди, работавшие над проектом Тик-Ток, задавали себе с самого начала. Было также вполне возможно, что координата четыре соответствовала прош-

лему вторнику или месту рождения Джорджа Вашингтона. Всё было возможно.

— Шум листьев становится слышнее, — сказала Мак-Грегор. — Я перемещу его на три секунды и проверю, что произойдёт. Повредить ему мы этим не сможем. Гравитация там нормальная. — Мак-Грегор, видимо, пришла к выводу, что кролик находится где-то на Земле.

Шуршание листьев сейчас слышалось так же отчётливо, как и сердцебиение кролика. Были и другие, посторонние звуки. Затем кролик принялся что-то царапать и хрустеть. То, что происходило, легче было себе представить с закрытыми глазами. Затем послышалось ещё более громкое шуршание, какая-то возня, барахтанье, как будто кролик упал в кучу листьев и сейчас пытался выбраться оттуда.

— Координата четыре больше не меняется, — взволнованно сказала Мак-Грегор, положив руки на пульт.

Кирк продолжал смотреть в Туннель. Сердце кролика билось "тумпа-тумп", "тумпа-тумп". Кирк наблюдал ещё минуту. Затем он отвернулся.

— Отдохнём немного, — устало сказал он Мак-Грегор, — Ну, что у нас за новости, Тони?

— Плохие, — сказал Тони. Он вкратце пересказал все события, о том, какую позицию занял сенатор Кларк, о его недоверии к Дугу и возмущении, что он не был заранее обо всём поставлен в известность. В сумме всё это выглядело удручающе.

— Я думаю, — продолжал Тони, — в нём заговорила гордость, и он считает себя незаслуженно оскорблённым. Я сказал ему, что он бы всё равно не поверил, если бы мы сообщили обо всём раньше, до тех пор, пока не увидел бы собственными глазами.

— И, возможно, даже и тогда, — сухо сказал Кирк. — Вы ведь знаете, что мы сейчас делаем.

Тони кивнул. Это было понятно. Они послали кролика в упряжке времени, находящейся под контролем силового поля Туннеля. На сей раз к упряжке был приделан микрофон, так что Энн надеялась проследить за кроликом по принимаемым ею сигналам. Естественно, они добились лучших результатов, чем раньше, но всё-таки они пока что не имели ни малейшего представления о том, как доставить кролика обратно в Туннель. Они могли передвигать его, и координата показывала, что им это удалось. Но они не знали, что это за передвижение.

Координата четыре кроме всего прочего, могла означать движение вниз или вверх, могла меняться вместе с вращением Земли — если это, конечно, была Земля. Не было известно абсолютно ничего. Когда что-то находилось Там, речь могла идти и о дюймах, и о парсеках.

— Конечно, знаю, — сказал Тони.

— Тогда мы будем сейчас продолжать, и к чёрту сенатора! — сказал Кирк. — Мы можем закончить всю нашу работу или в три минуты, или никогда. Но мы попытаемся... Энн?

Мак-Грегор кивнула. Она вновь повернула ручку и звук "тумпа-тумп, тумпа-тумп" зазвучал из громкоговорителей на полную мощность.

Опять послышалось шуршание листьев, затем дверь в зал Туннеля открылась. Тони вздрогнул и резко обернулся. Не так-то легко было пройти в этот зал без бесчисленных проверок. Но это были Дуг Филипс и сенатор Кларк. Дуг выглядел несколько взволнованным. Сенатор Кларк был мрачнее тучи. Кирк, стоя у входа в Туннель, сказал:

— Подожди минуточку, Энн.

Он приветствовал вошедших, в то время как слышимость вновь упала до нуля. Сенатор сказал ровным выдержанным голосом:

— Так это и есть центр этого ... э-э... проекта? Здесь это функционирует?

Кирк кивнул. Дуг что-то утвердительно мыкнул. Мак-Грегор спокойно сидела и ждала у пульта, с подозрением рассматривая Кларка.

— Да, — сказал Кирк. — Точно. Это здесь. Сенатор устался на грандиозную, переливающуюся махину из стали и меди.

— Мне сказали, — угрожающе продолжал он, — что это и есть машина пространства-времени.

— Можно назвать и так, — сказал Кирк. Мы не такие уж фанатики, чтоб совершать путешествия во вчера, но это — одна из вещей — наряду со многими другими — которая возможна, когда Туннель работает.

— И вы истратили сотни миллионов долларов оборонных денег — денег налогоплательщиков! — на это сумасшествие! Понимаете ли вы, что это предательство?

— Мне так не кажется, — спокойно ответил Кирк.

— Дуг настаивает на том, — сказал сенатор Кларк дрожащим от бешенства голосом, — что вы не преда-

тели, только он один находится на государственной службе, а вы не передавали никаких секретов другим странам. Но вы растратили неимоверные государственные ценности, чтобы доказать то, невозможность чего знает любой школьник! И для меня — это предательство!

— Мы знаем об этом несколько больше школьников, — дружелюбно сказал Кирк.

— И я не понимаю, о каком предательстве может идти речь. Например... — Он взглянул на Мак-Грегора.

Она повернула ручку громкости. Опять послышалось "тумпа-тумп, тумпа-тумп" — ритм сердца кролика, но уже включённый на полную громкость. Опять слышалось шуршание листьев.

— Мы взяли кролика, — самым обыденным тоном начал Кирк, — надели на него упряжку времени, с помощью которой его можно передвигать, и приладили к этой упряжке микрофон, с помощью которого мы можем слышать эти звуки. Мы поместили кролика в Туннель и отправили его... в какое-то место и в какое-то время. Этот кролик находится не в том моменте времени, который мы называем "сейчас". Это какой-то другой момент — может быть, недели, может быть, месяца или века от того момента, который мы именуем условно "сейчас". И он перемещается в пространстве и во времени: правда мы ещё не знаем сколько. Вот и вся наша машина пространства-времени. Но...

Кларк выразительно махнул рукой.

— Не думаете же вы, что я в это поверю!

— Мы можем доказать вам это, — сказал Кирк дружелюбно. — В любую минуту.

— Но прежде, чем доказывать, — свирепо сказал сенатор, — объясните мне кое-что! Вы говорите, что эта машина предназначена для путешествий во времени...

Дуг перебил его.

— Почти, — убеждённо сказал он. — Но за этим кроется нечто большее, чем простое путешествие во времени. Мы должны сначала завершить эту серию опытов, прежде...

— Вы верите в то, что сможете доставить человека в прошлое, — сказал Кларк с возрастающей угрюмостью, — и что он сможет жить, дышать и действовать в этом прошлом?

— Мышь уже была там. Сейчас — кролик. Почему не человек?

— Вам ещё надо доказать, что это — правда, — отрезал сенатор. — Это невозможно с точки зрения фило-

софии! Предположим, человек отправился в прошлое — если вы говорите, что это возможно — и убил своего дедушку, когда тот был ребёнком. Его отец никогда бы не родился. Как он может отправиться в прошлое и убить своего дедушку?

— Это, — сухо сказал Кирк, — тот случай, который нам предстоит исследовать, если он произойдёт. Вопрос стоит значительно проще: может ли человек путешествовать во времени. Если да — то да. Если нет — то нет. Мы знаем, что да.

— Тогда задам другой вопрос, — сказал сенатор. — У меня есть сын, который увлекается научной фантастикой. Однажды я прочёл одну из его книг, что и вызвало мой второй вопрос. Положение вещей в настоящем является следствием того, что случилось в прошлом. Соединённые Штаты существуют потому, что когда-то колонисты пересекли океан, поселились в Новом Свете годы тому назад, потому что позже они совершили американскую революцию. Я прилетел сюда, потому что изобрели летающие машины. Настоящее всегда является следствием прошлого. Так или не так?

Тони пожал плечами. Кларк затронул вопрос, ответ на который он никогда не сможет постичь.

— Ваш второй вопрос, — сказал Кларк, — ничем, по существу, не отличается от первого.

— Я вас спросил! — свирепо сказал Кларк. — Если кто-нибудь из настоящего отправится в прошлое и делает что-нибудь расходящееся с историей — каким бы малым это расхождение ни было — он изменит прошлое, от которого зависит настоящее!

Допустим мать Эдиссона выходит замуж за другого человека! Допустим, путешествует на другом пароходе! Если человек отправится в прошлое — что вопреки воле человеческой и божьей! — и изменит это прошлое, он тем самым изменит настоящее, которое является его производной. Только бог знает, что может произойти. Вы можете исчезнуть, как залетевшая на лампу мошка, потому что в новом прошлом один из ваших предков умер по вашей же собственной вине! Наши города могут превратиться в болота, потому что в новом прошлом кто-то не изобрёл взрывчатых веществ, с помощью которых подрывали скалы! Миллионы людей могут прекратить своё существование, потому что в новом прошлом один из их предков умер от болезни, вместо того, чтобы зачать детей! Наши отцы и матери могут стать фанмами — ничем!

Их может никогда не быть, и нас тоже может никогда не быть! И это именно то, что неизбежно произойдёт!

— Не неизбежно, — страстно сказал Дуг. — Говоря...

— Вы не сделаете этого! — закричал сенатор Кларк. — Если есть только бог на небесах — вы не сделаете этого! Это чудовищно! Я не знаю, как заставить вас понять это, но если существуют в мире вещи, которые нельзя простить, то ваш план относится к их числу! Я вернусь в Вашингтон, и, когда я расскажу, что вы здесь затеяете...

— Я бы хотел, — сказал Кирк, — чтобы вы всё-таки не были таким идиотом, Кларк. Если то, чем мы занимаемся, станет известным, хоть самая мельчайшая частица, — как вы думаете, сколько государств займётся разработкой такого же проекта? И сколько государств добьётся решения проблемы? Нет большего предательства, Кларк, чем даже просто открыть рот и сказать: Тик-Ток!

— Зачем вы затеяли всё это? — настаивал сенатор. Глаза его горели. — Зачем? Зачем вы пытаетесь разрушить и возмутить все законы природы?

— Это значит, — сказал Дуг так же страстно, — что в мире больше не будет войн! Нашу цивилизацию можно будет остановить на той грани самоубийства, на которой она находится! Не будет нового Гитлера, угрожающего миру. Его можно будет устранить от власти.

— Нельзя даже и пытаться это сделать, — свирепо вскричал Кларк. — Даже пытаться! Даже думать об этом!

Тони сглотнул. Он уже попытался заговорить, хотя и знал, что это бесполезно, но в это время Мак-Грегор у пульта вдруг вся стрепенулась. Она обеспокоенно вскричала:

— Генерал! Доктор Филипс! Сердцебиение! Оно переменялось!

Она вновь до отказа увеличила громкость. Послышался шум ветра и шуршание листьев. Кролик всё ещё дышал, но дыхание стало тяжёлым. И темп сердцебиения стал чаще: "тумпа-тумпа-тумпа" — без остановки. Затем послышался визг — крик умирающего кролика. Кирк, сжав руки в кулаки, опять смотрел в Туннель. Дуг смотрел туда же, его лицо исказилось болезненной гримасой. Сенатор выглядел несколько испуганным этим визгом.

Бешеные удары сердца стали не такими громкими. Они замедлялись, затем снова забились с бешеной скоростью и внезапно остановились совсем.

— Кто-то на него напал, — сказал Кирк. Может быть,

рысь, если в тех местах есть такие животные, как рыси. Ритм сердцебиения изменился, когда кролик понял, что он в опасности. Он мёртв.

Сенатор Кларк был потрясён. Сейчас из громкоговорителей на стене раздавались другие звуки: шуршание, царапанье, какая-то грызня — усиленные динамиками до того, что становилось страшно.

Кирк выкрикнул:

— Энн! Убери звук! Убери!

Мак-Грегор быстро повернула ручку. Не стало слышно царапанья. Шуршанья листьев. Вообще ничего.

Неожиданно Кирк вскричал:

— Я видел его! Он прошёл через Туннель, Энн! Останови всё немедленно!

Мак-Грегор уверенным жестом перекинула переключатели в другую позицию и закрепила их. Внезапно она остановилась, глядя на циферблаты перед собой.

— Вот он, — сказала она дрожащим голосом. — Я уверена, что нащупала его, генерал! Но сейчас он опять прошёл через Туннель. Он в будущем, я остановила его...

— Я видел, как он проходил через Туннель, — сказал Кирк. Голос его дрожал от волнения...

— Он был там какую-то долю секунды. Потом исчез.

Сенатор сказал как можно более иронически:

— Он у вас был в прошлом или будущем, Кирк?

— Мы можем только догадываться...

Потом Кирк сообразил, что тот попросту издевается над ним, и заорал:

— Чёрт вас побери, Кларк! Это по-настоящему!

Мак-Грегор с какой-то ожесточённой решимостью повернула ручку на пульте. Время от времени она глядела на циферблат. Потом полным напряжения голосом она сказала:

— Он... двигался почти параллельно координате четыре, когда... прошёл через Туннель. Я остановила его дальнейшее продвижение, но недостаточно быстро. Сейчас, я думаю... я надеюсь... мне удастся его вернуть по линии времени. Он сейчас должен быть... в будущем... и он... я могу... вернуть его... сейчас.

Тони уставился в Туннель. Кирк наблюдал, сжимая и разжимая пальцы. Дуг сжал руки в кулаки, уставившись на стальные плиты и пустоту в центре Туннеля.

Вскоре там что-то возникло. Оно находилось там такое незначительное время, что невозможно было даже сказать, что это такое. Оно опять исчезло, прежде чем

кто-нибудь из них троих успел вскрикнуть. Но Мак-Грегор видела всё на пульте управления. Лицо у неё было напряжённое. Полушёпотом она сказала:

— Я знаю... на счётчике... Осторожно... ждите... ждите...

Затем и Тони, и Кирк, и Дуг вскрикнули одновременно. В воздухе в Туннеле что-то было. Оно исчезло, и Мак-Грегор опять стала манипулировать с какой-то ручкой. Затем вновь появилось и вновь исчезло. Но затем предмет появился уже окончательно, ясно видимый простым глазом, и внезапно приобрёл форму. Как в агонии, Мак-Грегор быстрым движением выключила переключатель, приводящий силовое поле Туннеля в действие. Тихий ноющий звук, которого они раньше не замечали, внезапно утих. На какую-то долю секунды лампы запылали значительно ярче. Затем колеблющийся голубоватый свет Туннеля потух и предмет, в нём находящийся, упал на пол.

Тони подбежал к нему и вынес в зал. Это был кролик, чёрно-белый кролик, немного больших размеров, чем его дикие собратья. Он был мёртв. Что-то сильное и большое убило его. Пока Тони держал его, на пол упало несколько капель крови.

Они всё смотрели на кролика. Затем машинально Тони снял с его трупa миниатюрную упряжку. На упряжке были дополнительные лямки. Что-то, имеющее отношение к электронике, с крошечной и не совсем обычной антенной, сползло с кроличьего бока. Это был микрофон-минутка.

Молчание. Тишина. Кларк подозрительно переводил свой взгляд с Тони на Кирка и на Дуга. Затем резко сказал:

— Может быть, это и не очередной фокус-покус — эта ваша демонстрация. По крайней мере, вы пытаетесь доказать, что это реально. Но такая реальность — самое страшное, самое чудовищное, самое непотребное, что только могло произойти на всей Земле! Если этот кролик действительно побывал в прошлом и был там убит, или он побывал в будущем, — этого не должно повториться! И если для этого мне придётся рассказать о ваших действиях конгрессу, чтобы спасти мир от разрушения, к которому вы его ведёте, — я это сделаю!

Тони глубоко вздохнул. Кирк с Дугом переглянулись.

— Мне кажется, — сказал Дуг самым угрюмым голосом, который Тони когда-либо у него слышал, — мне кажется, что говорить больше не о чем. А?

Они все вышли: сенатор Кларк, Кирк и Дуг Филипс. Тони остался в зале Туннеля, кроме него в нём находилась Мак-Грегор. Без голубоватого мерцания и ноющего шума Туннель выглядел мёртвым и пустым. Внезапно Тони увидел, что Мак-Грегор еле сдерживает свою ярость. Мужчина мог совершить преступление, если бы он почувствовал важность того, что должны были запретить или уничтожить, благодаря одному конгрессмену из Комитета. Мужчина мог попытаться принять отчаянные меры, чтобы предотвратить это. Но он остался бы спокоен, потому что не ждал бы от этого проекта никакой выгоды для себя. Он не получил бы ни почестей, ни денег. Знание того, что это изобретение, если о нём когда-нибудь узнают, может привести человечество к гибели, вдохновило бы большинство мужчин на убийство. Но они никогда бы не предались ярости.

Но не Мак-Грегор. Её лицо покраснело от злости. Она молчала. Сдерживая дыхание, она выстукивала нервную дробь о пульт управления.

— Где видеозвуковая упряжка, которую Дуг собирался испытывать после эксперимента с кроликом? — спросил Тони.

Мак-Грегор выкрикнула:

— Я...я убью этого Кларка! Я убью его! Я... убью...

— Давай не убивать его, — тихо сказал Тони. — Давай попробуем обратить его в нашу веру.

Внезапно Мак-Грегор разразилась рыданиями. Один мудрый человек однажды сказал, что женские слёзы — те же слова. Они облегчают её страдания и являются заменителем мести. Плачущая женщина не совершит преступления. Мак-Грегор беспомощно всхлипывала. Тони опять спросил:

— Где видеозвуковая упряжка, которую Дуг собирался испытывать после того, как закончатся все эти эксперименты с кроликом?

— Не всё ли равно? — Мак-Грегор продолжала всхлипывать.

— Это следующий пункт нашей программы, сказал Тони ровным голосом, как будто говорил о самых обычных вещах. — Сначала нам надо было убедиться в том, что предметы можно перемещать во времени. Мы переместили их несколько сот. Нам надо было знать, что их возможно вернуть обратно. Мы знаем это. Два или три

из них вернулись. Нам надо было выяснить, возможно ли жить в том месте, куда мы их посылаем. Кролик только что доказал это благодаря микрофону. Следующий наш шаг позволит обнаружить, куда мы их перемещаем и как перемещать их туда, куда мы хотим. Это нам еще предстоит узнать, прежде чем мы сможем применять Туннель по его прямому назначению. Лично я думаю, что шансы просто великолепные.

Мак-Грегор взглянула на него глазами, полными слёз:

— Дуг... Доктор Филипс не переживёт этого! — Она опять заплакала. — Это вся его жизнь — Туннель! У него ничего больше нет...

Тони пожал плечами.

— Куда он положил упряжку? — нетерпеливо спросил он. — Сюда?

Одной из очередных предосторожностей обеспечения безопасности было то, что всё оборудование хранилось в зале Туннеля, и потому очень немногие люди имели доступ с тех пор, как он был пущен в действие. Инструменты в углу явно указывали, что кое-какую работу приходилось вести самим сотрудникам.

Мак-Грегор не ответила. Она плакала.

Тони подошёл к шкафчику, висящему на стене. Он не был заперт. В эту комнату не мог войти ни один человек, если у него не было нескольких пропусков. Поэтому Тони просто открыл шкафчик и начал рыться внутри. Он вытащил множество перепутанных проводов, похожих на упряжки, и это на мгновение смутило его. Затем он увидел, что это была не одна упряжка, а две. Одна из них была в точности такой, о которой он только что говорил. Другая была несколько упрощена и, по всей видимости, более удобна. В обеих упряжках было одно маленькое улучшение по сравнению с миниатюрной упряжкой для кролика. В каждой из них была вмонтирована маленькая телевизионная трубка, похожая на карандаш, которая передавала изображение на большой экран Туннеля. Но ни одну из этих упряжек ещё не испытывали. Они спокойно ждали своей очереди, пока не проведут полного комплекса испытаний на таких же, но только миниатюрных упряжках.

Сейчас Тони держал их в руках. Он выбрал одну из них, последнюю, и задумчиво взвесил её на руке.

— Ты же понимаешь, — сказал он рассеянно, — что Дуг собирается предпринять. Он собирается пер-

вым совершить путешествие во времени вот в этой самой упряжке.

— Сейчас ему уже никогда... — всхлипнула она.

— Напротив, — возразил Тони, — Теперь-то он наверняка на это пойдёт. Сенатор Кларк не может в одну секунду взять и закрыть весь проект. Прежде чем он добьётся этого, да прежде чем он доберётся до того места, где его возьмёт на борт вертолёт, Дуг уже будет там, где был кролик, будет в этой упряжке. А за пультом придётся сидеть тебе.

Внезапно выражение злости исчезло с лица женщины. Она побледнела.

— Нет! Нет! Я не смогу!.. После всех опытов — невозможно, потому что лучше многих за пультом. Но не...

— Ты это не сделаешь, — сказал Тони рассудительно. — Но лучше тебя управлять не может никто. Дугу придётся приказывать тебе. А тебе придётся выполнить его приказ.

Мак-Грегору была напугана. В её глазах, недавно ещё мокрых от слёз, из-за того, что уничтожат работу всей жизни Дуга, застыл страх.

— Я... я не смогу, Тони, — сказала она в отчаянии. — Я... мне кажется, что ты прав. Когда Туннель под боком и он работает, Дуг захочет рискнуть. Он захочет... Но я не смогу держать его жизнь в своих руках!

— Точно, — подтвердил Тони. — Вот поэтому нам и придётся обойти его. Для его же блага. Ты сейчас включишь Туннель и поставишь ручки в положение, при котором ты отправила кролика. Там, по крайней мере, есть воздух для дыхания. На то самое место и время. Так, чтобы они убедились в этом, когда вернутся. Ты скажешь Дугу, Кирку и Кларку (не забудь про Кларка!), что я ушёл Туда. И тогда сенатору придётся вернуть меня обратно, что докажет работу Туннеля. Потому что он никогда не рискнёт, чтобы человек из нашего времени очутился в прошлом, которое, как он считает, этот человек обязательно изменит.

Мак-Грегор задрожала. Но Тони успокаивающе сказал:

— Удачный план Кларка об уничтожении проекта Тик-Ток необходимо провалить. И у нас слишком мало времени на обдумывание того, как это сделать прежде, чем он успеет начать против нас кампанию. Ты поняла? Поставь ручки в нужное положение, найди Кларка, Дуга и Кирка, а я позабочусь обо всём остальном.

— Я не думаю, что это хоть что-нибудь изменит, —

осторожно сказала Мак-Грегор. — Дуг всё равно не разрешит тебе. Но и вреда от этого нет. И если у нас будет время подумать...

— Точно! — бодро подхватил Тони. — Найди их и скажи, что я отправился на год назад, или даже во вчера. Потому что Туннель надо спасать.

Она поставила ручки в нужное положение. Потом нерешительно поднялась, заколебалась на мгновение. Затем, почти окончательно решив, что она этого не сделает, она всё-таки вышла и затворила за собой дверь. Дверь ещё не закрылась, когда Тони начал действовать. Он надел на себя упряжку, торопливо проверил зажимы. Включил видеоустройство и заговорил в микрофон. Его голос донёсся до него из громкоговорителей. Он взглянул на телеэкран над пультом. На нём было изображение интерьера комнаты такое, каким видел его Тони. Он направил телевизионную трубку на себя, чтобы окончательно убедиться, что устройство работает. Затем он взял конец изолированного кабеля, свёрнутого в бухту, и прикрепил его к главному переключателю на пульте управления. Отмотав нужное количество кабеля, он быстро пошёл к Туннелю. Он вступил в него на первую стальную пластинку, избегая дотрагиваться до медных спиралей. Через несколько шагов он достиг того места, на котором в своё время появился кролик. Он на секунду задумался, потом торопливо снял пиджак, переодел упряжку, а пиджак одел сверху. Он опять проверил работу микрофона, и его голос зазвучал в зале. Он видел, как на экране у пульта появилось изображение Туннеля. Он глубоко вздохнул и довольно сильно потянул за кабель, прикреплённый к переключателю. Переключатель сопротивлялся. Он дёрнул сильнее, раздался щелчок.

Вслед за этим последовало нечто, похожее на удар грома, а затем стал слышен привычный ноющий гул Туннеля, начавшего работу. Стальные и медные пластинки Туннеля начали пульсировать мягким голубоватым светом. Из динамиков в зале послышался голос Тони.

— Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть.

Дверь в зал Туннеля распахнулась настежь. В зал вбежали Дуг и Кирк, а по его пятам несли разъярённый сенатор Кларк. Мак-Грегор, бледная как смерть, вошла последней. Туннель был пуст. Из громкоговорителей был слышен голос Тони:

— ... Пять. Четыре. Три. Два. Один...

На телевизионном экране возникло изображение.

Оно двигалось. И оно не напоминало ни зал Туннеля, ни пустыню наверху, ни...

— Я не знаю, — сказал голос Тони, вибрирующий в динамиках, — слышит ли меня кто-нибудь, но я могу доложить, что Туннель работает, и что я нахожусь где-то в другом времени, что неопровержимо доказывает и оправдывает ту цель, с которой был построен Туннель Времени. То есть...

Лицо Дуга было смертельно бледным. Кирк тяжело дышал. Он перевёл дыхание и ругался. Они стояли смертельно испуганные, безмолвные. Сенатор не мог отдышаться, возможно потому, что торопился сюда успеть вместе со всеми, но, возможно, и потому, что был в ярости от того, что всё, чего он боялся и против чего так яростно возражал, сейчас стало свершившимся фактом.

Из громкоговорителей опять прогремел голос Тони:

— Это...ещё что такое?

На телевизионном экране появились три качающиеся ветки. Явственно слышался шорох листьев. Тони снова заговорил:

— Это... это странно!

4

И это, действительно, было странно, потому, что вокруг не было ничего необычного. Росли деревья, но все они были им знакомы. Сосны, буки, дубы, берёзы. Рядом произрастал кустарник. Пахло опавшими листьями. Тони видел клочки туч на небе. Был либо полдень, либо на несколько часов позже. По облакам он ясно видел, какая будет погода. Облака были высокие, сквозь них проглядывало голубое небо, но издалёка напознала туча, предвещавшая дождь.

Местность понижалась. Небольшие овраги были полны водой. Все растения говорили о поздней весне, хотя во времени проекта Тик-Ток стоял август. Тони с удовольствием разглядывал все детали.

В голове не укладывалось, что всего десять минут назад он находился в зале Туннеля Времени, в тысяче футов под землёй и с мёртвой пустыней над ним, на которой не росла даже полынь. Он мог путешествовать в любом времени. В любом! Но если Мак-Грегор не настраивала ручки пульта так, чтобы он очутился точно в том месте, где был убит кролик, и где он мог дышать, он

запросто мог бы очутиться в холодном космосе, у ядра Земли, на другой планете — где угодно.

Но здесь пели птицы. Здесь царило спокойствие. Здесь было всё так знакомо, что Тони даже смутился. В Туннеле Времени ему казалось, что может произойти всё, что угодно. Он готовил себя к неожиданному, примечательному, по крайней мере, к незнакомому.

Но он стоял в самом обыкновенном лесу, среди самых обыкновенных деревьев и ощущал самые обыкновенные запахи.

Он почувствовал себя пятнадцатилетним мальчиком, когда он убежал из своего родного города в лес, находящийся всего лишь в километре. Мысль эта его потрясла. Он взглянул на свои руки, на одежду и с облегчением вздохнул. Его руки были руками мужчины. Его костюм был таким, каким должен быть. Туннель не сделал его моложе. Он был самим собой со своим опытом, накопленным годами.

Он проверил, включён ли микрофон.

— Ну что ж, — сказал он нарочито безразличным тоном. — Вот я и здесь.

Ему моментально ответили.

Обычно наушники прикреплялись к шляпе, но у него не было шляпы, когда он входил в Туннель, а следовательно, и сейчас. Наушник он прикрепил под ухом. Голос, который он услышал, произнёс:

— Ты дурак, Тони! — в голосе Дуга слышалась горечь. — За каким чёртом это тебе понадобилось?

— Кому-то всё равно пришлось бы на это пойти, — ответил Тони, стоя в лесу неизвестно где и в каком времени. — Если бы не пошёл я — пошёл бы ты. Сенатор Кларк ошибается. Это — единственный способ доказать его ошибку. Я был вынужден это сделать. Проект Тик-Ток слишком важен, чтобы его прикрыли только потому, что сенатор о нём плохо думает.

На этот раз в наушниках послышался голос сенатора. Наряду со злостью в нём слышалось отчаянное волнение.

— Я приказываю вам, — выдохнул сенатор, — не предпринимать ничего, пока вас не вернут обратно! Я приказываю вам не делать ничего, что может изменить историю! Именем Конгресса! Именем правительства! Именем народа! Стойте! Ничего не делайте! Мы постараемся вернуть вас в это время. Но вы не должны изменить его!

Далеко-далеко послышался кричащий, вибрирующий

паровозный гудок. Но даже во времена начала проекта Тик-Ток паровозов уже давно не было. Были дизели, электрички и даже турбинные тепловозы. Но локомотивов с таким скорбным гудком — нет.

— Я в прошлом, а не в будущем, — торопливо сказал Тони. — Слышали паровозный гудок?

Не дожидаясь ответа, он продолжал:

— Энн, посмотри, что показывает индикатор. Здесь ещё ходят локомотивы! По всей видимости, я в Северной Америке. У иностранных паровозов были совсем другие гудки. Я, вероятно, где-нибудь в промежутке между 1875 и 1940 годами. Когда мы определим координаты, нам удастся проградировать шкалу времени!

Дуг недовольно поморщился и сказал:

— Стой на месте, Тони! Мы попытаемся вернуть тебя обратно. Не двигайся.

Тони пожал плечами. Он знал, что сейчас происходит в зале Туннеля. Мак-Грегор, вероятно, дрожащими руками возится у пульта управления, пытаясь вернуть Тони в то время, которое он знал и в котором он жил. С кроликом ей это удалось. Сейчас у них в руках доказательство, что теперь Туннель работает. Тот, кому можно будет рассказать об этом, увидит всю нелепость закрытия проекта после того, как он уже завершён, и можно получать практические результаты. Они предотвращают закрытие этого проекта.

Вокруг места, на котором стоял Тони, летала мошкара. И он был не в своём времени. Он совершил невозможное: путешествие во времени.

Даже самые великие пророки никогда не предполагали, что человек может совершать такие путешествия. Это считалось абсолютно невозможным, но Тони всего этого не чувствовал, он даже не был взволнован. Он просто стоял посреди неизвестного леса других времён, в котором пели птицы, вилась мошкара, и всё это было настолько обыденным, что когда над его ухом зажужжал комар, он машинально прихлопнул его ладонью. И тут же почувствовал себя неудобно: если он убил комара здесь, то это как-нибудь могло повлиять на будущее. Хотя с другой стороны, если бы он позволил ему напиться крови, было бы то же самое.

Но всё это были идеи Кларка. Тони абсолютно в это не верил.

В его ушах опять прозвучал голос:

— Мы сейчас попытаемся, Тони!

Тони сказал в окружающее его пространство:

— Я не тороплюсь, но если вам так уж не терпится — валяйте!

Прошло несколько секунд. Затем, внезапно, что-то навалилось на него, раздирая, нервы, мускулы, мозг. Ему показалось, что его изо всех сил тянут в разные стороны. Это было совершенно невыносимо: его голова раскалывалась от боли, и у него было такое чувство, что вся кровь прилила к ней и вот-вот вырвется на свободу, брызнув из-под черепа.

Внезапно всё кончилось. Он упал на землю, прежде чем успел сообразить, что колени его подгибаются и ноги отказываются служить.

— Тони, Тони! — прозвучал отчаянно взволнованный голос Кирка. — Как ты? Ничего не получилось! Как ты себя чувствуешь?

— Не знаю, — слабо сказал Тони. — Я чуть не умер. Не знаю, почему.

Он передохнул.

— По-моему, здесь что-то не в порядке.

Наступила минутная тишина. Затем он услышал, как они шепчутся. Затем голос Кирка зазвучал выше, чем обычно. Дуг говорил неожиданно твёрдо и жёстко. Тони никак не мог уловить предмета разговора.

В конце концов командование принял на себя Дуг.

— Тони, — сказал он взволнованно. — Ты сейчас, по всей видимости, точно в том месте, где был кролик, возможно, с одного и того же места нельзя переносить предметы во времени два раза подряд. Может быть, происходит нечто вроде петли гистерезиса. Какое-нибудь изменение физического качества. Если тебе было плохо, уходи оттуда.

Тони осторожно поднялся на ноги и пошёл вниз по холму. Он почувствовал себя значительно лучше и сказал об этом. Затем он услышал, как заговорила Мак-Грегор.

— Мы следим за твоими перемещениями, — сказала она, — Тебе лучше? Это хорошо.

— Мы сможем потом сказать тебе, как вернуться на старое место, с которого ты ушёл, — вступил в разговор Дуг, — если это, конечно, понадобится. Но ведь тебе от чего-то было плохо! Нам придётся всё тщательно проверить, прежде чем вновь попытаться вернуть тебя обратно. Мы сначала хотим разобраться, что произошло.

— Раз вы можете за мной следить и даже направлять мой путь, — сказал Тони, — я пока тут осмот-

рюсь. Мне хотелось бы выяснить, где я и в каком времени. Нам нужна эта информация, и кроме того, для этого мне совсем не обязательно и показываться кому-либо на глаза.

— Мы собираемся заняться проверкой работы Туннеля, — сказал Дуг. — Давай!

Тони кивнул головой, хотя в Туннеле этого никто не мог видеть.

Он пошёл вперёд по мягкой траве. На его пути валялось поваленное дерево, он перелез через него и ещё ниже увидел овраг, наполненный водой. Тони стоял примерно посередине круто спускающегося вниз холма. Там, в зале Туннеля, телевизионный экран тоже показывал деревья, овраг, небо, только бешено мечущимися — согласно передвижениям Тони.

Впереди себя он увидел воду. Это было озеро, окружённое покрытыми лесом холмами. Тони подошёл к самому берегу. С этого места лучше было видно небо, и он как-то сразу понял, что сейчас не больше половины двенадцатого, даже может быть ещё меньше.

Озеро было очень красивым, примерно милю в ширину и добрых четыре в длину, скорее даже, пять. Поверхность его была зеркальной, над ней летали птицы. Внезапно в нескольких ярдах от берега из воды выпрыгнула рыба.

Тони заметил какую-то странность в береговой линии. Под водой росла трава. Из-под неё торчали кусты. Совершенно очевидно, что уровень воды в озере повысился по отношению к нормальному. Это была единственная странность, вообще замеченная им в этом мире.

Всё вокруг было настолько обыденным, что он почувствовал разочарование. От Туннеля Времени можно было ожидать и большего, грандиозного, космического, потому что благодаря ему станет возможным продолжать нашу земную историю в интересах человечества!

Окружающая его природа, однако, не желала подтверждать этого факта. На поверхности озера иногда возникала рябь, над ним спокойно кружили птицы, а облака лениво двигались по небу, как бы раздумывая, стоит ли проливать дождь на эту уже оплодотворённую землю.

На другом берегу озера Тони увидел незамеченное им ранее здание. Оно находилось слишком близко от воды. От берега отходили мостки, к которым были привязаны лодки. Причал был затоплен. Лодочная

станция тоже стояла не на берегу, а на воде. Но людей Тони нигде не видел.

Но затем он увидел их. В самом конце озера, у берега, работали мужчины, сооружая что-то непонятное.

Тони громко заговорил в пространство, зная что Кирк, Кларк и Мак-Грегор услышат его.

— Я иду туда, куда сейчас указывает мой телеэкран. Я не покажусь им на глаза, но посмотрю, во что они одеты и, может быть, тогда нам удастся установить, какой это год.

В зале Туннеля кто-то зашептал.

Было несколько странно осознавать, что, если он странствует в прошлом — а это так и было, — проекта Тик-Ток ещё не существует. Громадный комплекс, чуть ли не город, спрятанный под землёй, работающий на атомной энергии, все люди, которых он знает, — просто ещё не существовали. Они были не сейчас и не там, где был Тони.

Тони осторожно двинулся вдоль озера. Ему стало весело: знакомая, по существу с детства окружающая его обстановка избавляла его от многих ошибок и неприятностей. Он хорошо знал возможности Дуга и Кирка. Если только в Туннеле действительно было что-то не в порядке, они найдут и устранят причину.

Ему пришло в голову, что его костюм будет выглядеть странно, если кто-нибудь увидит его, но он, в конце концов, мог и не показываться. Ему немного хотелось есть, но это тоже легко было устроить. Уж если Туннель Времени перенёс сюда сначала кролика, а потом и его самого, то переправить пару сэндвичей — было для него парой пустяков. За ним вели наблюдение. Телевизионный экран в Туннеле показывал всё, что видел он сам, а вмонтированный в упряжку микрофон доносил до них каждый звук, любое его слово. Он чувствовал, что беспокоиться ему не о чем.

Даже сенатора Кларка не следовало теперь особенно опасаться. Благо доказано, что Туннель работает, и никаких угрожающих последствий, о которых так яро говорил сенатор, опасаться не приходится — либо ему придётся удалиться от дел, либо лица, вышестоящие, присмотрят за тем, чтобы он молчал. Ему могут сказать, что на том месте, где проводились испытания Туннеля, взорвут водородную бомбу и даже продемонстрируют этот взрыв, и сенатор Кларк на всю жизнь останется в твёрдом убеждении, что с проектом Тик-Ток покончено. А работы

на самом деле будут вестись в пятидесяти-ста милях от того места, которое подверглось разрушению на удовлетворение сенатора.

Тони шёл вдоль берега. Чувствовал он себя совершенно нормально — и это было даже удивительно. Он был как дома.

Подойдя к концу озера, он свернул в лес, чтобы не быть замеченным рабочими. Опять раздался паровозный гудок: У-ууу, у-ууу, — ревел локомотив, которого раньше Тони нигде не видел и не слышал, кроме кино. Поезд приближался. Слышался стук колес по рельсам. Этот стук эхом отдавался в лесу, пока состав не укатил прочь.

Немного позже он услышал слабые, далёкие голоса. Слов он не разобрал, но кто-то отдавал приказания рабочим и те отвечали.

Он придвинулся поближе, чтобы разглядеть, что происходит. Если бы ему удалось понять, где он и в каком времени, это позволило бы создать шкалу перемещений как по времени, так и в пространстве. И тогда перемещения в Туннеле можно было бы контролировать с определённой погрешностью — как по времени, так и по расстоянию.

Наконец он увидел то, что хотел. Их было человек тридцать-сорок. Они таскали землю в тачках и мешках, пытаясь достроить плотину выше поднятого уровня воды. Они двигались по этой плотине, которая, возможно, и создала это озеро. Для регулирования уровня воды в земляной плотине было нечто, напоминавшее шлюз. Стоило бы плотине не выдержать, и миллион тонн хлынули бы в долину, сметая всё на своём пути. Рабочие двигались не торопясь, даже лениво, насыпая землю сверху плотины; по-видимому, шлюз не отводил воды в достаточном количестве, чтобы держать озеро в берегах. Земляная плотина достаточно надёжна при определённых условиях, но если вода когда-нибудь перехлестнёт через её гребень, то потребуются принять срочные меры.

Рабочие укрепляли плотину множеством мешков с землёй. Одни наполняли мешки землёй, другие тащили их так, чтобы создать возможно наибольшее сопротивление воде. Они работали однообразно, не торопясь, механически.

Дно долины было на добрую сотню футов ниже, чем поверхность озера. Тони видел, как была построена вся плотина и поймал себя на мысли, что чувствовал себя лучше, если бы она была сконструирована надёжнее.

Рабочие, не торопясь, продолжали своё дело, а мастер ходил взад и вперёд по берегу, попыхивая сигарой. Тони увидел, как он помог какому-то рабочему поднять тачку с землёй, когда её колесо застряло в грязи, и она чуть было не опрокинулась. Стена из мешков с землёй поднималась примерно на два мешка в высоту над поверхностью плотины. Они заканчивали третий ряд. Но вода уже поднялась почти к самому гребню плотины.

Тони пробрался сквозь кустарник. Он тихо заговорил в микрофон, спрятанный за отворотом пиджака.

— Они повышают и насыпают плотину, — спокойно сказал он. — Я думаю, вы их сами можете видеть. По всей вероятности, здесь несколько недель шли сильные дожди. Вода здорово поднялась.

Голос Кирка возник, казалось, прямо в его мозгу.

— Как они выглядят? Как они одеты?

Тони также тихо ответил:

— Фланелевые рубашки. Сапоги — я таких никогда не видел — похожи на ботинки из резины. Некоторые курят трубки. Глиняные трубки. Вот, как раз один из них остановился, чтобы покурить. Господи, он зажёл спичку о брюки! Это старинные люциферовские спички. Я уже забыл, когда их перестали употреблять, а здесь от них ещё прикуривают!

— Надо будет проверить, — сказал Кирк. — По крайней мере, они уже очень давно вышли из употребления. — Он помолчал. — Дуг проверяет работу Туннеля, чтобы перенести тебя обратно.

— У их мастера, — добавил Тони, — шляпа дерби и дождевик. Рубашка розовая. Пиджака нет, брюки на подтяжках.

— Примерно 1900 год, — прозвучал голос Кирка. — Тони, Дуг всё ещё не обнаружил никаких неисправностей.

— Со мной всё в порядке, — сказал Тони. — Послушайте, Кирк! Мне кажется, я вижу лошадь, привязанную к фургону. Рабочие, наверное, оставляют там свою одежду и завтраки. Я смог бы узнать дату из местной газеты! Наверняка их завтраки завернуты в газеты.

— Вовсе ни к чему, чтобы вас ещё заподозрили в краже, — сухо сказал Кирк. — Будьте осторожны.

Тони ухмыльнулся. В такой знакомой окружающей его обстановке и зная, что даже Кларку придётся признать тот факт, что путешествие во времени возможно, он ничего не боялся и чувствовал глубокое удовлетво-

рение. Он сделал то, что надо было сделать, чтобы проект Тик-Ток не прикрыли. Он не получит за это никаких наград, но само знание служило ему достаточной наградой. И беспокоиться было совершенно не о чем. Ему даже доставляла удовольствие мысль, что он, как индеец, прокрадётся сквозь кустарник и украдёт газету, в которую рабочий мог завернуть свой завтрак.

Он сделал это. Один раз ему пришлось остановиться, чтобы выбрать из своей одежды колючки. В другой раз его остановило восклицание Кирка, что-то увидевшего в его телевизионную трубку.

— Подснежник! — вскричал тот. — Майский цветок! А сейчас — август!

— Всё это ещё раз доказывает, что Туннель действует, — сказал Тони.

Таков был замысел Туннеля, что можно попасть не только в определённый год, но и месяц, день, минуту.

Тони полз. Последние десять футов совсем скрывали его. Затем он увидел колею фургона, ведущую откуда-то из-за дамбы. Фургонов было два, но лошадь только одна. В фургонах лежала одежда рабочих и их пакеты с завтраками. Некоторые из них были обёрнуты в газету и перетянуты верёвкой. Чтобы не подвергаться опасности быть замеченым, Тони умудрился, лёжа в траве, вытащить один из завёрнутых пакетов длинной веткой. Толстые сэндвичи с мясом были тщательно, два раза, обёрнуты в газету. Тони оторвал первую страницу, аккуратно завернул завтрак и положил его на место. Через несколько минут он уже был далеко от озера, от дороги и от фургонов. Он развернул газетный листок с чувством удивления и гордости.

— Кирк, — тихо сказал он, наклонившись к отвороту пиджака, — я достал страницу газеты. И теперь я знаю, где я нахожусь, и в каком времени, с точностью до одного дня.

Но ответил ему не Кирк, а сенатор. Голос у него был измученный. Он уже верил в то, что путешествие во времени возможно, но от своих страхов за его последствия не избавился.

— Вас кто-нибудь видел? — нетерпеливо спросил он.

— Нет. И никто не хватится этой газеты, — успокаивающе сказал Тони. — Хотите послушать новости?

Сенатор Кларк что-то хмыкнул.

— Эта газета называется "Аргус", — удовлетворённо сказал Тони, — выходит в Джонстауне. Дата — навер-

ное, это вчерашняя газета — 30 мая. И —держитесь крепче — год 1889! Мой день рождения только через пятьдесят лет!

Он услышал какой-то шум. Этот шум настораживал. По всей видимости, Кларк отскочил от микрофона в зале и одновременно отключил его так поспешно, чтобы остальные не успели ничего предпринять.

Тони нахмурился. Сенатор явно заблуждался в своём горячем стремлении уничтожить проект. Ему давно бы следовало понять, что ничего страшного не может произойти..

Раздался щелчок вновь включённого микрофона.

— Тони, — зазвучал взволнованный голос Дуга. — Ты сказал Джонстаун? Пенсильвания? 30 мая 1889 года? И это вчерашняя газета?

— Да, — удивлённо сказал Тони. Пенсильвания, и это вряд ли сегодняшняя газета, иначе в неё не было бы смысла заворачивать еду. Скорее всего, она вчерашняя. А в чём дело?

Голос Дуга прозвучал сухо и как-то беспомощно, как будто он не видел выхода из того положения, о котором Тони и не подозревал.

— Эту плотину, на которую ты смотришь, должно сегодня прорвать, Тони. Ты попал во времена знаменитого Джонстаунского наводнения! В течение нескольких часов в городе погибнет более пяти тысяч человек. Тони! Нам необходимо успеть вернуть тебя вовремя!

5

Когда силовое поле Туннеля Времени переместило Тони в прошлое, ближайшим городом от того места, где он очутился, был Джонстаунт, штат Пенсильвания. Его обслуживал Пенсильванский канал и Пенсильванская железная дорога. В городе имелся национальный банк, кредитный банк, два государственных банка, в нём выходила ежедневная газета и четыре еженедельника, и, как доказательство его процветания, скоро должен был выходить ежемесячный журнал. Город был расположен в прекрасной Конемагской долине, через которую железная дорога проходила на двадцать пять миль вглубь её. Это был небольшой, но преуспевающий городок, с населением в двадцать восемь тысяч и с одним из крупнейших рыбных водоёмов всего лишь в восемнадцати милях от города, которым владел Клуб

охотников и рыболовов. Это был богатый рыбой искусственный водоём, самый богатый в Соединенных Штатах. Он был примерно пять миль в длину и от полумили до мили в ширину, с глубиной от пятидесяти до ста футов. Горожане гордились этим озером и его плотиной в тысячу футов ширины и сто футов высоты.

31 мая 1889 года люди радовались голубому небу над ними, несмотря на то, что издалека шли тучи, которые до сих пор так и не смогли разрешиться дождём. Кроме того, что надвигался дождь, Тони, конечно, ничего больше не знал. Он стоял на мокрой, но твёрдой земле, покрытой листьями, примерно в четверти мили от того места, где рабочие упорно, но не спеша поднимали плотину. То, что Дуг только что сказал ему, казалось невероятным. И он решительно сказал:

— Но...но послушай, Дуг! Здесь всё в порядке. Ничего страшного! Правда, рабочие укрепляют плотину, но это делается каждый раз, когда вода выходит из берегов! Они знают, что делают!

Свистящий голос Кирка с отчаянием произнёс:

— Ньюмен, вы не должны ничего делать! Стойте на месте! Вы НИЧЕГО не должны предпринимать!

— Я и не думаю ничего делать, — запротестовал Тони. — Я просто жду. Но Дуг, наверное, ошибся. Здесь всё совершенно нормально!

Угрюмый голос Дуга произнёс:

— Мы послали за сведениями об этом наводнении, Тони. Нам телеграфируют быстро. Держись!

Тони сразу же почувствовал себя одиноко и неуверенно. Мир вокруг него был таким знакомым, каким он и должен быть. Рядом с ним что-то зашуршало, он повернул голову и увидел взлетевшую на ствол дерева белочку. Весело чирикали воробьи. Там, где он стоял, было абсолютно тихо, но над его головой ветер раскачивал верхушки деревьев. Затем он услышал журчанье воды. Безо всякой цели он двинулся на этот звук. Небольшой ручеек, образовавшийся, по всей видимости, совсем недавно в результате проливных дождей, спокойно журчал у его ног. На пути ручейка лежала большая куча листьев, как барьер, преградившая ему дорогу. Было ясно, что или естественная преграда должна не выдерживать, или просто ручеек найдёт себе путь в обход и всё-таки вольётся в озеро.

Человек будущего стоял и смотрел. Эта была картина в миниатюре того, что происходило в четверти

мили от него. Куча листьев развалилась. Ручеёк зажурчал веселее. Он уносил с собой ещё не успевшие намокнуть листья и по дороге прихватил даже большую, упавшую с дерева ветку. Тони понял, что такое происходит сейчас повсюду. С сотен квадратных миль озеро получает пополнение от таких вот образовавшихся совсем недавно ручейков. Правда, в нём есть плотина и шлюз, но уровень воды и без того уже достаточно высок. Надо было что-то срочно сделать.

Тони пришло в голову, что он сейчас находится в положении, в котором до него не побывал ни один человек. Он знал, что должно произойти. И это следовало предотвратить. Ему надо попытаться что-нибудь сделать. Но всё-таки оставалась вероятность того, на чём так упорно настаивал сенатор. Если он изменит событие, происшедшее здесь, в 1889 году, то будущее, из которого он пришёл, тоже изменится. Парадокс: если ты отправляешься в прошлое и меняешь его, то меняется и будущее, в котором ты был рождён, а следовательно, ты не родишься и не можешь вернуться в прошлое, чтобы изменить будущее. Но это была сплошная софистика. Если он изменит прошлое, то, кто знает, может быть, Флеминг так никогда и не заметит странность бактериальной культуры, которую он готов был уже выбросить, и пенициллин не будет открыт, так же, как и все другие антибиотики, совершившие революцию в медицине. Или произойдёт что-нибудь ещё. Любое из таких изменений унесёт намного больше, чем пять тысяч человеческих жизней, о которых говорил Дуг. Пять тысяч жизней. Примерно такое же количество погибало в автомобильных катастрофах каждый месяц в том времени, в котором жил Тони. Но это было совсем не то! Своими действиями сейчас он мог спасти пять тысяч человек, живущих в небольшом городке Джонстауне, штат Пенсильвания, 31 мая 1889 года.

Но он же не мог их спасти! Наводнение уже кончилось! И о его последствиях напечатано в книгах. Это история. Мёртвые были мертвы. Только это не могло быть правдой! Он уставился в газету. Она была свежей, она была новой! И он сам видел плотину, падение которой стоило людям пяти тысяч жизней. Но она не упала! На ней работали люди. Не могли же они работать на разрушенной плотине, пытаясь сдерживать наводнение, которое уже погубило столько людей!

Этого не произошло — и... произошло ..

Тони был потрясён. Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он взглянул в газетную страницу. Но он понял, что времени прошло немало, потому что он успел прочитать передовицу о том, что городское управление приветствует расширение и продолжение улиц в таком-то и таком-то направлении. Далее говорилось о каком-то пожаре, который принёс потери в тысячу долларов... Лошадь налетела на магазин и выбила витрину...

Газета задрожала в его руках. Он не мог читать её. Он сунул её в карман и пошёл к плотине.

— Тони, — зазвучал в его ушах голос Дуга. Он не ответил.

— ТОНИ!

Тони бессознательно что-то пробормотал.

— Мы получили факсимиле из библиотеки Конгресса. У нас Джонстаунский "Аргус" от 30 мая 1889 года. Передовица о решении городского управления расширять улицы. Там же говорится о пожаре, который принёс им убытков на тысячу долларов. У тебя есть всё это?

Тони ответил даже слишком спокойно:

— Да. И лошадь выбила витрину.

Дуг судорожно вздохнул.

— Что мне делать? — в отчаянии спросил Ньюмен. — Я в четверти мили от плотины, которую рабочие пытаются укрепить, чтобы спасти город от наводнения. Если только вода прольётся через гребень, она не выдержит! Это земляная плотина, вода её смывает сразу же!

Несколько секунд Дуг молчал. Затем он заговорил, но о другом.

— Мы не смогли найти никаких неполадок в работе Туннеля. Но ты сказал, что тебе стало плохо, когда мы попробовали перенести тебя обратно с того места, где предположительно был кролик. Мы сейчас попробуем перенести тебя прямо с того места, где ты находишься.

Тони угрюмо сказал:

— Я нахожусь там, где смогу хоть немного помочь людям, которые должны утонуть. Когда это произойдёт?

Дуг задал вопрос, отвернувшись от микрофона, затем его голос проговорил:

— Наводнение начнётся в три часа дня, Тони, если ты сейчас же вернёшься обратно, — настойчиво сказал он, — ты тем самым докажешь, что Туннель выполняет именно те функции, которые и должен выполнять. Это твой долг! Это спасёт больше человеческих жизней, чем все твои попытки сейчас!

Какая-то часть Тони согласилась с ним. Это было правдой. Но другая его часть сопротивлялась изо всех сил, потому что была половина двенадцатого того дня, когда город был смыт волнами озера, мирно лежащего сейчас перед ним. И он мог что-то сделать, потому что знал это!

— Держись, — отрывисто сказал Дуг.

Последовало невыносимое головокружение и ужасное ощущение, что его тело медленно разрывают на части, что кровь пытается вырваться и хлынуть из черепа... Затем попытка прекратилась, и он упал на мокрые листья. Окружающая его обстановка не переменилась. Вокруг росли те же деревья и кусты. Ручеёк весело журчал там, где он его в последний раз видел. Ему было совсем плохо, и Ньюмен глубоко и часто задышал.

— Тони, — послышался голос Дуга.

— Ты... Нет. Телевизионный экран показывает то же самое. Чёрт! Никак не удаётся перенести тебя хотя бы в другое время.

Ньюмен, всё ещё задыхаясь, прохрипел:

— Я не могу дышать...

— Мы сейчас выясним в чём дело, — взволнованно сказал Дуг. — Но тебе придётся оставаться на месте. Кролик дышал, когда мы его передвигали.

— Мне кажется, что вам не удастся ничего со мной сделать, — неровным голосом начал Тони. — В этом прошлом, в которое я попал, я, очевидно что-то сделал. Но в настоящем, в котором я нахожусь, я пока ещё не сделал ничего. Может быть, меня невозможно переместить во времени, пока я не сделаю того, что должен был сделать!

— Но это...

— Это только моя догадка, — продолжал Тони. — Но мне кажется, что она правильна.

Настала полная тишина, нарушаемая только шуршанием листьев и журчанием ручейка. Была половина двенадцатого утра на пологом холме штата Пенсильвания.

— Скажи мне, — сказал Ньюмен, — что ты знаешь о наводнении? Мне нужны детали. Из-за чего всё произошло?

Голос Дуга стал неуверенным, как будто в голову ему пришла какая-то новая мысль.

— Подожди минутку...

Тони всё ещё сидел на земле, но ему стало лучше. Он взглянул на свой костюм, весь облепленный мокрыми листьями, грязью и красноватой глиной. К его удивлению

на вопрос ответил сенатор Кларк, чей голос звучал неожиданно спокойно.

— Ньюмен, — сказал он, — у нас здесь есть более поздние выпуски газет. Уже после наводнения было обнаружено, что отводная труба у основания плотины была закрыта. Если бы её открыли неделей раньше, то воды отводилось бы достаточно, чтобы она не хлынула через плотину. Уровень вод поднялся бы, но не настолько.

— Что-нибудь ещё?

— Шлюз был забит листьями и мусором. Это озеро — собственность Клуба охотников и рыболовов. Они не хотели, чтобы рыба шла вниз по течению. Поэтому ворота шлюза были всё время закрыты. В результате произошло засорение.

— Понятно. Что-нибудь ещё?

— Это всё. Вы понимаете, Ньюмен, — твёрдо сказал сенатор, — что изменить это — просто чудовищно! Хотя я не верю, что вам это удастся, но вы не должны даже пытаться! Если вдруг у вас получится...

Внезапно он замолчал. И это был уже не тот страстный фанатик — сенатор Кларк.

— Я собираюсь пойти поговорить с рабочими, — сказал Тони в окружающую его пустоту. — Может быть, мне и не удастся предотвратить наводнение, но я смогу хоть немного помочь. Чертовски мало! — с горечью прибавил он.

Он встал на ноги и пошёл к холму, в направлении к той грозной воде, где стояли фургоны, из которых он так недавно украл газету.

Вскоре он подошёл к плотине. Люди продолжали работать, прилаживая мешки, набитые песком, поверх других. Какой-то рабочий окинул Тони безразличным взглядом и, не проявляя интереса, вывалил тачку с песком и пошёл за следующей порцией.

Ньюмен подошёл к мастеру, человеку в дождевике и розовой рубашке, с подтяжками, на которых держались брюки. На его голове была шляпа дерби, и он курил толстую сигару. На его булавке для галстука сверкал фальшивый бриллиант.

— Послушайте! — сказал Тони взволнованным голосом, — Эту плотину через несколько часов должно прорвать. Если вы быстро чего-нибудь не предпримете, будет наводнение!

Мастер вынул из рта сигарету и безо всякого упрёка сказал:

— Немного передрал, а?

Судя по костюму Тони, облепленному грязью и листьями, иначе подумать было трудно.

— Отводная труба закрыта, — страстно сказал Тони. — Откройте её, и это поможет больше, чем все эти мешки с песком.

— Да? — удивился мастер. — Кто-нибудь послал вас передать мне это?

— И шлюз забит листьями! У воды нет стока. Снимите несколько людей с этой работы и пошлите их прочистить ворота шлюза! Так, чтобы вода смогла проходить.

— Понятно, — сказал мастер. — Вы ведь были пьяны, правда?

— Я упал, — в отчаянии сказал Тони. Ему показалось, что он видит кошмарный сон. — Послушайте! Если только вода перельётся через плотину, она не выдержит! Поток понесётся в долину и затопит Джонстаун! Погибнут пять тысяч человек!

— У вас не белая горячка? — поинтересовался мастер. — Вам видятся кошмары? По вас это похоже, да и по вашим словам тоже!

— Я знаю, что плотина не выдержит! — свирепо вскричал Тони.

— Мистер Парк тоже беспокоится об этом, — рассудительно молвил мастер. — Он — инженер. Несколько дней назад его пригласило городское управление. Тут всегда есть люди, которые болтают, что плотина не выдержит, стоит только пойти самому маленькому дождю. Инженер поставил нас сюда работать. Сейчас его нет, он уехал за ломом.

Рабочий, толкающий перед собой тачку, остановился послушать. Мастер повернулся к нему.

— Ты получаешь доллар в день, — сказал он решительно. — За работу. Если тебе нужен этот доллар — работай.

Рабочий схватился за ручки тачки и повёз её прочь.

— Лом...

— Мистер Парк хочет открыть отводную трубу. Её заело. придётся орудовать ломом, чтобы что-нибудь с ней сделать. Он недавно ушёл.

— Тогда шлюз...

Мастер указал ему рукой. Тони оглянулся и слепо уставился на железные ворота. Они были настолько плотно забиты грязью и листьями, что нечего было и думать очистить их за то время, которое оставалось до наводнения.

— Тони! — прозвучал вдруг голос Дуга. — Ничего нельзя сделать! Это всё в прошлом! Не будь дураком! И тебя могут убить!

— С кем это вы разговариваете? — подозрительно спросил мастер. — Или вы ещё не проспались от пьянки?

Только тогда Тони понял, что он отвечает Дугу в микрофон, спрятанный под отворотом пиджака. Мастер не слышал голос Дуга. Он бы испугался, если бы услышал его. В 1889 году в Америке было мало телефонов, а о радио, вообще никто не слышал. Поэтому мастер решил, что Тони разговаривает сам с собой. Если он не был пьян, значит он сумасшедший.

— Убирайся отсюда! — резко сказал мастер. — Псих! Говорит сам с собой. Убирайся!

Он махнул рукой. Руки Тони сжались в кулаки. Но драться было бессмысленно. То, что он хотел сделать, было невозможно, но он не имел права упускать такой шанс.

Он повернулся и побежал. Подбегая к лошади, привязанной к фургону, он задохнулся. Уздечка была снята, и он торопливо надел её, сунув мундштук лошади в рот с такой поспешностью, что та чуть не взвилась на дыбы.

Позади себя он услышал крики. Тони оперся рукой о лошадиный круп и вскочил ей на спину. Мальчишкой он часто ездил без седла, и сейчас это ему пригодилось. Он схватил длинные поводья и хлыстнул ими лошадь. И они понеслись вперёд.

Крики раздались с удвоенной силой. Затем раздался выстрел. В 1889 году каждый горожанин считал себя уважаемым иметь оружие. Мастера же, работающие вдали от города с рабочими, считали это такой же необходимостью, как брюки или рубашку. Тони наверняка приняли или за пьяного, или за сумасшедшего. Мастер вытащил револьвер и выстрелил. Возможно, он не хотел попасть в Тони, а пытался просто напугать его, заставить бросить украденную лошадь.

Но Тони хлестнул её поводьями ещё раз. Лошадь перешла на галоп. Позади них мастер опустошал магазин своего револьвера. Затем Тони услышал взволнованный и измученный голос Дуга.

— Ты дурак, Тони! Что ты можешь сделать?

— Предупредить! — отрезал Тони. — Между Джонстауном и этим озером тоже живут люди, и я предупрежу их. Может быть, только одного или двух,

но это уже что-то! И этого будет недостаточно, чтобы изменить историю

— Но ты сейчас скачешь по дороге, куда хлынет поток воды, — с горечью сказал Дуг. — Тебя просто смоем ты утонешь! Уезжай из долины!

— Здесь живут люди, — холодно ответил Ньюмен. И я выключаю микрофон, чтобы больше не спорить.

Он отключил упряжку и, сделав это, он тем самым отключил то небольшое силовое поле, которое создавалось и которое могло управляться только с помощью большого силового поля Туннеля. Выключив микрофон чтобы не слышать, что ему говорят Тони тем самым, полностью отрезал себя от зала Туннеля. Он не сознавал этого, но это прекрасно сознавали те, кто стремился вернуть его в то время, в котором он родился и вырос.

Мак-Грегор судорожно вскрикнула. Она не могла больше следить за его передвижениями по шкалам приборов, не могла управлять выключенной упряжкой. Тони отрезал себя от будущего и остался в том мире, когда он ещё не был рождён.

Затерянный во времени, он пришпорил лошадь, продолжая скакать по дороге, по которой вслед за ним скоро должен был хлынуть поток воды.

6

Проскакав по дороге примерно милю, Тони встретил другого всадника. Как и на мастере, на нём был стоячий воротник, и он был удивительно хорошо одет для своего времени. В тщательно завязанном галстуке сверкала драгоценная булавка с настоящим камнем. У него были примечательные усы. Но он тоже, кажется, торопился изо всех сил: он скакал без седла, его ботинки были в грязи и глине.

В руке он держал шестифунтовый лом, другой рукой пытаясь править лошадью так, чтобы она скакала как можно быстрее. По всей видимости, это был тот самый инженер Парк, скачущий на лошади от второго фургона. Лом предназначался для того, чтобы открыть отводную трубу.

— Как на плотине? — крикнул он Тони, который скакал навстречу.

— Она не выдержит, — крикнул Тони в ответ, не пытаясь умирить бег своей лошади. — Шлюз засорён, труба не открыта! Вода всё ещё поднимается!

Последнего он не видел, но знал, что это так. С огромной площади холмов в озеро бежали вновь образовавшиеся после дождей ручейки, а воде некуда было деться. Следовательно, её уровень не мог не подниматься.

И он скакал вперёд, сквозь лес, и мокрые ветки хлестали его по лицу. Ноги у лошади вязли в грязи. Дважды она чуть не упала и не скинула всадника при такой бешеной скачке.

Тони ни о чём не мог думать, в голове его был туман. Он попытался придумать какой-нибудь план, но мысли в голове путались. Он старался их собрать. Должна произойти ужасная катастрофа, и ему нужно было что-то сделать. Но ведь она уже произошла, и он ничего не мог сделать. Эта катастрофа уже описана в завтрашних учебниках истории. Он проклинал Туннель Времени за то, что очутился здесь, себя за то, что, зная, что должно произойти, он был абсолютно бессилён. И всё же он не мог просто стоять в стороне и смотреть, как умирают люди. Он должен попытаться хоть чем-нибудь помочь им, спасти хотя бы несколько... Но ведь они уже мертвы. Нет, не сейчас. Сейчас они ещё живы, и, значит, осталась надежда их спасти.

Примерно за тысячу миль и за сто лет в будущем Дуг Филипс в бешенстве сказал:

— Он выключил передатчик, Энн! Чёрт возьми, нечего и пытаться теперь переместить его! Это я должен был сейчас находиться там!

Выражение лица Мак-Грегора было очень странным.

— Мне кажется, вы поступили бы так же, — сказала она дрожащим голосом.

— Но я никогда бы не отключился! — запротестовал Дуг. — Сейчас мы даже не можем наладить с ним контакта. Он неизвестно где!

— Нет, — возразила Мак-Грегор. — Я знаю, примерно знаю, где он может быть. Если бы он только включил упряжку ещё раз...

Она волновалась за Ньюмена не меньше Дуга, но где-то в её голове сверлила мысль, что если бы Тони не отправился в прошлое, то сейчас на его месте был бы Дуг. Он, правда, никогда не думал о ней иначе, чем как о ценном и прекрасном работнике по проекту Тик-Ток, но всё же она была женщиной. И если бы он сейчас был на месте Тони, она знала, что упала бы в обморок. Но речь шла о Тони, и Мак-Грегор, уверенней всех остальных работающая за пультом управления, напряжённо сиде-

ла и ждала того момента, когда можно будет начать действовать.

Тони скакал на лошади без седла по направлению к Конемагской долине, позади него вот-вот должна была рухнуть плотина, впереди, как описано в истории, должно было произойти одно из самых ужасных несчастий за всё время существования Америки.

Мак-Грегор настороженно сидела за пультом, ожидая появления сигнала. Сенатор дрожащими руками вынимал из аппарата факсимиле газет того времени. Его лицо было смертельно бледным. Кирк взял газеты из его вялых рук и быстро их просмотрел.

— Вот оно, — сказал он резко. — Здесь говорится, что инженер Парк руководил работами по укреплению плотины. Когда он увидел, что это бесполезно, он вскочил на лошадь и поскакал к долине, призывая людей забираться на высокие места и крича, что идёт наводнение. Некоторые поверили ему, другие — нет. Тот, кто поверил, — спасся, другие погибли...

Дуг провёл рукой по голове.

— Мастер говорил Ньюмену, что Парк поехал за ломом, чтобы попытаться открыть отводную трубу, — сказал Кирк. — Мы слышали это! Так что он должен ещё вернуться и убедиться, что его попытки бесполезны, а только потом вскочить на лошадь и скакать предупреждать народ. И если он не погиб при этом, то и Тони тоже не погибнет.

— В газете написано, что он не погиб? — спросил Дуг.

— Нет...

Мак-Грегор облизала сухие губы.

— Если бы он только включил упряжку, у нас была бы с ним связь.

— И сразу же всё стало бы на свои места, — насмешливо сказал Филипс, — если учесть, что мы пытались его вернуть уже два раза и каждый раз это чуть не кончилось смертью!

— Ду... доктор Филипс, — сказала женщина, — у меня возникла одна мысль... Возможно, нам не удавалось его перенести обратно потому, что...

Внезапно она начала менять положение ручек и рукояток на пульте управления, настраивая Туннель Времени согласно другой схеме.

— Может быть, нам надо было сделать так... и вот так...

Дуг уставился на предложенную схему. Обосновать её заняло бы много времени, но Дуг одним взглядом

охватив новое положение ручек, понял, что такое расположение, действительно, лучше позволяло балансировать поле в широких пределах. Это была абсолютно новая схема, и она обещала многое. Филиппс с жадностью продолжал изучать расположение ручек на пульте.

— По крайней мере, это не будет разрывать его на части. И хуже тоже не будет. Но сможем ли мы перенести его обратно при таком управлении полем, я не знаю. Во всяком случае, надо попытаться, если он только опять включит упряжку, — добавил он хмуро.

Мак-Грегор кивнула. Будучи женщиной, она замечала то, чего не заметил бы мужчина. Дуг обследовал и одобрил её идею, но не похвалил её. Он так был поглощён самой проблемой, что не думал ни о каких похвалах, когда возникало решение. Но Мак-Грегор хотела, чтобы Дуг видел в ней женщину. Похвала доказала бы, что это так и есть. Возможно, она была разочарована, но ничем этого не показала. Она просто сидела за пультом.

Но ничего не произошло.

В те времена, когда Тони погонял свою лошадь, мясак Конемагской долине, некто Бенджамен Харрисон был президентом Соединённых Штатов, а Леви Мортон — вице-президентом. Во внешней политике по отношению к Англии и Германской империи Америка торжественно гарантировала свой нейтралитет и независимость Самоа. В эти же времена огромной популярностью пользовался шеф полиции Луизианы Хеннеси, вызывавший всеобщее восхищение своей деятельностью против мафии, и ещё не убитый у дверей своего собственного дома членами этой организации. Всё это было в будущем, но не далёком, тогда же, когда казалось, что война между Соединёнными Штатами и республикой Чили неизбежна. А всё дело было в том, что несколько матросов были убиты в Сантьяго, когда сошли с корабля "Балтимор" на берег и устроили резню.

Это было время, когда многие любили щеголять французскими словами, коверкая язык, как только могли, хотя, когда речь заходила о бизнесе, они вдруг начинали говорить совершенно правильно.

Это было время, когда общественное мнение считало возмутительным, что рабочие требуют восьмичасового рабочего дня с оплатой в один доллар за день, вместо обычного, десятичасового, с той же оплатой. Начались беспорядки, и анархисты кинули динамитную бомбу, убившую шесть и ранившую неизвестное число полицей-

ских. Теперь уже все горожане говорили о восьмичасовом рабочем дне с оплатой доллар в день.

Но Тони ничего этого не знал, а если бы даже и знал, то не обратил бы никакого внимания. Он подскочил к дому, стоящему в долине и расположенному примерно в двух милях от плотины. Он придержал лошадь и выкрикнул предупреждение.

— Плотина не выдерживает! Немедленно уходите на холмы, повыше!

Выкрикивая всё это, он внезапно обратил внимание, что очень удивился, когда увидел, как бедно живут эти люди. Он заметил, что какой-то оборванный грязный мужчина с бакенбардами услышал его. По крайней мере, он поднял голову и посмотрел на всадника, который вновь пришпорил лошадь и поскакал дальше. Человек пожал плечами и вновь уселся на старое место.

Тони продолжал свою скачку. Ещё один дом. Ещё один. И ещё. То, что плотина должна рухнуть, воспринималось спокойно. Всё это они уже неоднократно слышали и раньше. Некоторые, наиболее разумные, жители Джонстауна уже посылали несколько предупреждений по поводу плотины клубу охотников и рыболовов. Городской совет несколько раз приглашал инженеров, которые осматривали плотину и докладывали, что всё в порядке. Возможно, эти инженеры так не считали, но зато они считали, что разумнее не ввязываться и держать своё мнение при себе. Ни к чему было докладывать, что центральная часть плотины примерно на два фута ниже основной её части. Вся беда этого времени заключалась в том, что плотина была земляной, отводная труба была закрыта, а шлюз засорён листьями.

Пришелец из будущего скакал всё дальше. Он пытался спасти людей, которые, как он знал абсолютно точно, должны были погибнуть. И ему никто не верил. Однажды, доведённый до полного отчаяния, он попытался сказать, что знает о наводнении потому, что пришёл из будущего. Но мужчина, с которым он разговаривал, просто вошёл в дом и вернулся с револьвером, чтобы быть в безопасности от этого лунатика.

Тони ничего не оставалось, как продолжать свой путь. Его лошадь выбивалась из сил. Он почти загнал её бешеной скачкой. Вскоре он въехал в деревню, находившуюся довольно далеко от города, но, совершенно очевидно, расположенную на пути потока воды.

К этому времени на Ньюмена уже было страшно смот-

реть. Он тяжело дышал. В деревне было примерно двадцать пять домов. В них жили люди. И он видел детей. Он выкрикивал свои предупреждения с отчаянной, безнадёжной решимостью сумасшедшего. Сейчас он понял, насколько безумно звучали его слова. Эти люди привыкли к существованию плотины. Они привыкли к тому, что её обследовали инженеры и каждый раз докладывали, что всё в порядке и никакого наводнения не грозит. Лицо Тони было смертельно бледным. Голос его был хриплым и невнятным. Он истерически кричал на них, его лошадь была вся в мыле, и ни один разумный человек не стал бы так загонять свою лошадь.

От женщин и детей, которые, может быть, и не захотели бы рисковать, его отгораживала толпа строгих, рассудительных мужчин.

Сейчас он понял всю безнадёжность своей попытки. Продолжая выкрикивать, что плотина скоро рухнет, он скакал дальше. Ему казалось, что он скачет уже целую вечность, выкрикивая эти предупреждения, а люди смотрят на него, некоторые — испуганно, другие — не понимая, но ни один не принимает его слов всерьёз.

Вдалеке показался Джонстаун. К тому времени Тони окончательно выбился из сил. Его одежда была в грязи и в поту, волосы на голове спутались.

Он с ума сходил при одной мысли о том, что, зная о предстоящих событиях, он никак не может предотвратить катастрофы или хотя бы заставить людей поверить в неё. Да и не удивительно. Он был одет не по моде того времени. Он был без шляпы, а в 1889 году так никто не ходил. Его одежда была в грязи.

Наконец он въехал в Джонстаун и поехал по главной улице города, пытаясь выкрикивать об угрожающем бедствии, но к тому времени он уже почти совершенно охрип.

Вокруг него собралась толпа, не затем, чтобы послушать, а чтобы поглазеть на странно одетого человека. Он сказал им охрипшим голосом, стараясь говорить как можно яснее, что плотина не выдержит. Что ничто не может остановить наводнение. Что поток воды сметёт всё на своём пути и погибнет пять тысяч человек.

Но всё было против него. Он был странно одет: в 1889 году существовала рабочая одежда и выходной костюм, указывающий на респектабельность и состоятельность человека. На Тони не было ни фрака, ни толстого галстука с булавкой. Его одежда не внушала доверия.

Этот костюм станет привычным только столетие спустя. Сейчас он выглядел непонятным, эксцентричным. Такой костюм мог одеть только сумасшедший для каких-то своих, никому не понятных целей. Поэтому жители города и собрались вокруг него. Некоторые подошли поближе, чтобы лучше слышать. Никто ему не верил, для всех было совершенно очевидно, что он сумасшедший. И полицейский в шлеме дружелюбно сказал ему:

— Я всё понимаю, сэр! Плотина не выдержит и поэтому вы хотите сказать кому-то, чтобы были приняты меры. Да, сэр! Давайте пройдемте...

Передние ноги измученной украденной лошади подогнулись, и он упал посреди улицы. Кто-то рассмеялся. Полицейский помог Тони подняться на ноги.

— Да, сэр! — вежливо и тактично сказал он. — Я отведу вас к мэру. Вы всё ему расскажете, и он примет меры!

Он повернул голову и резко бросил через плечо:

— Джо, беги за доктором! Скажи ему, чтобы поторопился. Этот бедняга загнал лошадь, чтобы предупредить нас о предстоящем наводнении. Мы будем у мэра, ты знаешь, где его дом? Квартал отсюда и сразу же свернёшь за угол.

Его голос звучал многозначительно, но Тони был слишком возбуждён и устал, чтобы обратить на это внимание. Полицейский, поддерживая его, повёл по улице вперёд. Человек, с которым он говорил, быстро побежал в обратном направлении. Те люди, которые собрались его послушать, остались позади, у загнанной лошади.

Тони едва стоял на ногах. От нахлынувшего отчаяния он не мог сказать ни одного слова. Вокруг него горожане спокойно продолжали идти по своим делам. С той улицы, по которой они шли, Ньюмен мог видеть железнодорожный мост в западной части города. Это была тяжеленная конструкция на массивных арках. Позже будет доказана надёжность такой конструкции, но Тони ничего этого не знал. Мысли в его голове путались. Он чувствовал, как они повернули за угол, слышал свой собственный шёпот, переходящий в хрип, что он пришёл из будущего и потому точно знает, что плотина не выдержит и что наводнение унесёт с собой пять тысяч человеческих жизней, и что надо как можно скорее...

Полицейский встряхнул его.

— Вот мы и пришли, сэр, — сказал он воодуше-

лѐнно. — Вы всё расскажете мэру, и он сразу же эвакуирует людей из города!

Тони вскарабкался на несколько ступенек вверх. Они вошли в комнату с деревянными скамейками и барьером, за которым сидел у стола человек в полицейской форме.

— Сейчас я приведу мэра, — сказал полицейский, подошёл к барьеру и что-то прошептал сидящему.

Ньюмен незаметно включил передатчик упряжки. Он не знал точно, возник ли у него контакт с Туннелем или он повредил что-нибудь в аппарате, но он торопливо зашептал в лацкан пиджака, рассказывая о своей попытке кого-нибудь спасти, которая полностью провалилась.

Из внутренних комнат здания появилось несколько полицейских и окружили его. Тони торопливо прошептал в микрофон:

— Сейчас меня арестовали, как лунатика. Когда будет наводнение, я буду в тюрьме, и я погибну.

— Говорит сам с собой, — заметил один из полицейских. — Ну ясно, псих!

Тони поднялся. Он сопротивлялся отчаянно, из последних сил, хотя понимал всю бесполезность этого сопротивления. Полицейские были достаточно вежливыми. К тому же их было слишком много на одного человека, измученного до такой степени, что еле стоял на ногах.

Прежде чем его заперли в камеру, его тщательно обыскали в поисках предметов, которыми он мог бы нанести себе увечья. Они не нашли ничего особенного и опасного. Но упряжку сняли с него. На ней были лямки, на которых он мог повеситься.

И он остался совсем один, не имея даже возможности поговорить со своими друзьями из того времени, в котором он жил. Но ему это было почти безразлично, плотину должно было прорвать в три часа, а сейчас было немногим больше двух.

7

Прежде чем у Тони отобрали упряжку, чтобы он не мог на ней повеситься, она была включена пять минут. И за эти пять минут он успел сообщить всё, что произошло с тех пор, как кинулся предупреждать людей о грозящем им наводнении.

Мак-Грегор приняла сигнал в течение первых тридцати секунд и немедленно начала напряжённую работу, пытаясь подчинить поле упряжки силовому полю Тунне-

ля. Но прежде, чем ей это удалось, это уже не имело никакого смысла.

В зале, наклонившись вперёд и обхватив голову руками, в кресле сидел Дуг, слушая речь Тони. Все они ждали того момента, когда Ньюмен вновь включит упряжку. И когда он сделал это, Дуг услышал его отчаянный пересказ событий и ненавидел себя за то, что думал не только о спасении Тони, но и том, что, если бы он благополучно вернулся, это могло бы в корне изменить отношение Кларка к проекту.

Когда из громкоговорителей раздался голос Тони, сенатор вскочил на ноги. До этого он был просто бледен, а сейчас он побелел. Пока Тони вёл свой рассказ, он возбуждённо мерил шагами пол. Телевизионный экран показывал довольно неясную картину полицейского управления. Телевизионная трубка, вмонтированная в упряжку Тони, не была рассчитана на полутёмные помещения XIX века. По экрану мелькали какие-то неясные силуэты, и виднелись такие же смутные формы.

Когда Тони сказал, что его арестовали, как лунатика, и что он будет сидеть в тюрьме, когда начнётся наводнение, вздрогнул даже Кирк. Затем из громкоговорителей донеслись звуки борьбы. Послышались шорохи — это опустошали содержимое карманов Тони (на монеты, очевидно, никто не обратил внимания). Раздались голоса — не Тони — что его следует поместить в камеру, пока врачи не признают его сумасшедшим. В том, что это так, никто не сомневался.

Именно эта беседа незнакомых людей, а также смутное изображение на экране сказали Дугу, Кирку, Кларку и Мак-Грегору, что упряжку с Тони сняли и положили её в какое-то место.

Мак-Грегор окончила настройку поля Туннеля и довернула последнюю ручку.

— Я могла бы сейчас попробовать, — не очень решительно сказала она.

— Великолепно, — отпарировал Дуг. — Только что они сняли её с Тони. Может быть, вам и удалось вернуть бы сюда упряжку, но без него. Тони заперт в камере.

Он поднялся и холодно сказал:

— Кирк, поищите в этих факсимиле, что мы получили, снимки Джонстауна. И если вам удастся обнаружить на этих снимках, какая часть города уцелела после наводнения, а какая нет — это уже будет неплохо. Только поспешите!

Он подошёл к шкафчику, из которого Тони взял одну из двух упряжек, и взял оттуда вторую.

Необычно тонким голосом сенатор Кларк спросил:

— Что вы собираетесь делать?

— Выручить Тони, — сказал Дуг так же холодно, как и раньше. — Ваше идиотское намерение провалить весь проект заставляет меня забыть о всякой осторожности. Да к тому же, мне и самому небезинтересно — каково же оно, путешествие во времени?

Мак-Грегор судорожно вздохнула.

— Я...я не сделаю этого, — дрожащим голосом сказала она. — Я не сяду за пульт! Ваша жизнь будет в моих руках, и если что-нибудь случится...

— Садитесь за пульт, Кирк, — сказал Дуг. Он начал пристёгивать на себя упряжку. Проверил телевизионную трубку, микрофон и генераторный блок, который создавал локальное поле, управляемое полем Туннеля. Затем он выпрямился.

— Отправление проведёте по старой схеме, — угрюмо сказал он. — Затем переставьте выключатели так, как это придумала Энн. Но не включайте поля, пока я не найду Тони и не скажу вам, что его надо включить.

Он быстро пошёл к Туннелю, засовывая на ходу в карман пиджака факсимиле, которые безмолвно протянул ему Кирк.

— Включайте, — сказал он. — Не забудьте о счётчиках!

Кирк включил поле. На секунду свет стал ярче, затем Туннель стал переливаться голубоватым светом. Раздался ноющий звук.

Дуг осторожно прошёл по стальным пластинам в центр Туннеля. Он вынул из кармана листики, взглянул на них и положил обратно.

— Давай, Кирк, — крикнул он.

Бледный как смерть, Кирк протянул руку над дрожащей рукой Мак-Грегор и повернул основной выключатель. Стальные и медные пластины Туннеля засверкали ещё ярче. Затем внезапно Дуг исчез. Туннель был пуст...

...Тони сидел в камере. Уровень воды в озере, в нескольких милях от него, от того места где он находился, опять поднялся, грозя гибелью Джонстауну. И Тони, и, конечно, Дугу. Никто не заметил, как один конец плотины начало подмывать. Люди так же размеренно таскали мешки с песком, укрепляя её центр.

Однако по дороге от плотины к городу скакал ещё

один всадник, второй за сегодняшний день. Подъезжая к дому, всадник громко закричал. Он закричал ещё раз проезжая дом, и ещё раз, когда уже проехал его. Он кричал то же, что и Тони всего полчасом раньше, но этот человек был одет достаточно респектабельно, чтобы вызвать доверие. Костюм его был костюмом ученого девятнадцатого века. На нём была шляпа дерби. Правда, его брюки были по колено в грязи, но только потому, что он помогал рабочим открывать отводную трубу. Но у них ничего не получилось. Не помог даже лом. Он приказал рабочим продолжать работу. Он не мог предотвратить, но они могли, по крайней мере, задержать наводнение. И сейчас он, рискуя собственной жизнью, спешил предупредить о грозящей опасности. И его ждал больший успех, чем Тони. Ему верили, потому что он был одет как человек, которому можно верить. Даже его усы — и те говорили о многом.

Его звали Парк. Он был инженером, которого послали обследовать плотину. Он прибыл слишком поздно и был поставлен перед фактом, который не разрешил ему успеть вовремя помочь. Положение было безнадёжно. Он попытался как-то исправить его и, убедившись в том, что ничего не выйдет, нашёл единственно правильный способ — ставя свою жизнь на карту, он поспешил предупредить людей. Такой человек заслуживал, чтобы его помнили.

Он бешено скакал к долине, крича всем, кто попался на его пути. Немногие — никто не знал, сколько их было — послушались этого второго предупреждения и забрались повыше, на то место, которое, по их мнению, наводнение не могло затронуть.

В самом Джонстауне — в тускло освещённом помещении полицейского управления — неизвестно откуда внезапно появился Дуг Филипс. По понятиям того времени он был одет эксцентрично и выглядел очень угрюмо и очень куда-то торопился. Он понятия не имел, где был Тони. Он не знал, где была упряжка, которую сняли с него. Дугу даже нечем было взломать дверь камеры. И, кроме того, без упряжки нечего было и думать выволочь Ньюмена из этого времени. Когда Мак-Грегор сядет за пульт управления, необходимо, чтобы упряжки были на обоих. В том, что за пультом окажется именно она, Дуг не сомневался, так как сейчас он оказался точно в том же положении, что и Тони, а лучше, чем она, никто не умел управлять полем.

Снаружи полицейского управления, на улице, ярко сверкало солнце. Над городом не было ни облачка. Стояла прекрасная погода. Женщины в длинных платьях нежными ручками придерживали подолы, ступая с тротуара на мостовую. Когда они это делали, внимательный наблюдатель иногда мог заметить подшитую под край платья полосу. Цель этой полоски — тащится вслед за своей хозяйкой по тротуару и собирать на себя всю грязь, пыль, сплюнутый жевательный табак и прочие отбросы. Это было одной из наименее приятных обязанностей респектабельных женщин того времени: спарывать одну и пришивать другую полосу после каждой прогулки по городу.

На улицах Джонстауна играли дети. Некоторые солидно вышагивали вперёд, держась за руку матери. У девочек волосы были заплетены в косы, а на многих были ботинки до колен. Мальчики носили большие широкополые шляпы, завязанные под подбородком, чтобы их не сдул ветер.

Повсюду разъезжали в конных экипажах. Было несколько велосипедистов, но на велосипедный спорт всё ещё смотрели как на своего рода упражнения, а не как на способ передвижения из одного места в другое. По тротуарам шли прохожие, магазины были открыты — город вёл нормальную будничную жизнь. Никто ничего не боялся. Но в восемнадцати милях от города, где лежало озеро — собственность клуба охотников-рыболовов — вода ещё больше поднялась и напор её на плотину усилился. На сей раз это увидел один из рабочих. Он бросил свою тачку и уставился на трещину. Остальные рабочие тоже побросали тачки. Раздался треск и потекла желтая вода, грязная от глины.

Рабочие разбежались...

Недалеко от города, в пригороде Вудвиль, всё было тихо. Играли дети. Хозяйственные женщины наводили чистоту и порядок в своих домах.

Округ Франклина, ближайший к Джонстауну, продолжал жить своей повседневной жизнью.

В новых окраинах города, Кернвилле и Глендале, жены планировали вечеринки и обсуждали каждая свой вклад в церковный ужин, который должен был состояться в ближайшую среду.

В полицейском управлении Джонстауна Дуг Филипс подошёл к сержанту, сидевшему за барьером у стола. Для сержанта костюм его выглядел странно, даже абсур-

дно. Поэтому Дуг объяснил резким голосом, что он — доктор Филипс, и что у него есть все основания полагать, что его пациент находится сейчас в полицейском управлении. Как врач он уверил сержанта, что молодой человек абсолютно безвреден. Исключительно богатые родители пациента поручили ему, Дугу, испробовать новый метод лечения умственного расстройства. Он завоевал доверие бедного молодого человека, даже одеваясь в точности так же, как фантазировал его пациент. Этот пациент, сказал Дуг, верил, что он живёт в будущем и что он вернулся в прошлое на сто лет назад, причём в костюме эпохи будущего века, и он, Дуг, тоже сшил себе такой костюм, чтобы в конце концов доказать своему пациенту, что тот ошибается, но чтобы в настоящий момент бедный молодой человек чувствовал, что может испытать доверие к своему врачу. Его пациент наверняка будет давать советы, как избежать грозящего бедствия о котором он знает из будущего. Но в остальном он безвреден. Если его освободят...

Такое объяснение, казалось, было подтверждено словами самого арестованного, который, когда его вывели из камеры, закричал:

— Дуг! Зачем ты здесь? Разве ты не знаешь, что с минуты на минуту должно прорвать плотину?

Филипс многозначительно кивнул сержанту. Было совершенно ясно, что Тони несколько ненормальный, но абсолютно порядочный сын богатых родителей. Его, конечно, можно освободить. Его освободят. И даже отдадут эти странные ремни, похожие на упряжку. Конечно, это сможет успокоить его. Да...

А в восемнадцати милях от города целая секция земляной плотины, сто футов в высоту и девяносто в ширину, — триста футов плотины двинулись внезапно вперёд монолитной массой, как будто на колёсах. Плотину стало размывать с самого дна, образовался слой грязи, сквозь который начала проникать вода. Эта грязь и оказалась великолепной смазкой. Давление воды на плотину менялось от полуфунта на квадратный дюйм у поверхности до пятидесяти фунтов у дна. Последняя цифра означала семь тысяч фунтов, давящих, как пресс, на каждый квадратный фунт плотины, которые неутомимо толкали её вперёд.

И трёхсотфунтовая махина сдвинулась, катясь, как на роликах! Остальная часть плотины не выдержала. Она просто исчезла, когда хлынула вода, была просто стёрта

в порошок, когда об неё ударились земляная волна ста метров высоты. Воды озера, площадью в пять квадратных миль, вырвались на свободу.

Громовой удар поднялся к небу. Ужасная, катящаяся стена разрушения прогрохотала в долину. Даже самые большие деревья были сметены, как пушинки, с её пути. Ничто не могло противостоять ей. Ничто! Сначала она, казалось, не торопилась. Подобно змее, вползала она в долину, набирая скорость и неся с собой разруху и опустошение.

От плотины до начала Конемагской долины было около шести миль. Поток прошёл это расстояние за три минуты с небольшим, смахнув по пути железнодорожный мост через Пенсильванский канал, как паутинку, и уверенно пробираясь дальше. Это не была обычная вода, постепенно замедляющая свой бег. Это были воды озера в несколько сот акров, глубиной от пятидесяти до ста футов. Это было пятьдесят миллионов кубических футов воды. Её было так много, что даже после того, как плотины не стало, дно озера обнажилось не раньше, чем через час. И это было всё ещё в двенадцати милях от того места, где освобождённого Тони Ньюмена выпустили под ответственность доктора Филипса.

— Надевай упряжку Тони, — приказал Дуг, как только они выбрались из полицейского управления.

Пока ещё ничего не было слышно, кроме стука копыт, голосов и звонка на двери какой-то лавки.

— Благо ты лунатик, то надевай её прямо на улице и не обращай ни на кого внимания! Только выгляди поглупее! — Он вытащил из кармана факсимиле, переданные ему Кларком и начал внимательно изучать их, одно за другим.

Внезапно он остановился и указал Тони на один из снимков.

— Это заснято после наводнения, — сказал он угрюмо. — Вот магазин Хорошего тона, Л.Кохен и К., рядом с шорной мастерской. У мастерской отломан угол, но Хороший тон стоит цел и невредим. Если бы могли заставить хоть несколько человек пройти туда... Но тогда нас обоих арестуют, как лунатиков! Их уже предупреждали раньше и слишком много раз! Как мальчик, кричащий: "Волк, волк!", им уже кричали: "Наводнение, наводнение!" Они больше не верят в это... Как твоя упряжка?

Тони застёгивал последний ремень.

— Сейчас нам надо найти какое-нибудь безопасное

место, где никто не увидит как мы исчезнем, — сказал Дуг. — Кое-кто здесь выживет. И совершенно ни к чему, чтобы хоть один из них упомянул о двух людях, которые исчезли сразу же перед наводнением... Это основное положение проекта Тик-Ток: нельзя даже упоминать о нём в прошлом, чтобы не изменить историю.

Тони глубоко вздохнул. Несколько человек, проходя мимо, с любопытством оглядели их. Но люди в городе привыкли ко многому и предпочитали каждый заниматься своими делами. И только сейчас, стоя на главной улице города, Тони понял, насколько безнадёжной была его попытка предупредить людей. Они были людьми, и они были недоверчивыми. Даже если речь шла об их жизнях.

А в двенадцати милях от Джонстауна чудовищная стена воды двигалась по Конемагской долине. Она смела ещё один железнодорожный мост через канал, как соломинку. Она ударила по Восточной железнодорожной станции, которую Тони не видел из-за деревьев. На станции стояли локомотивы и вагоны, ожидая на запасном пути своей очереди отправиться в путешествие.

Поток ударил по ним. От станции не осталось ни щепки. Он поднял вверх вагоны и локомотивы, как пушинки. А в те времена паровозы были огромными, и каждый из них весил не менее двадцати пяти тонн. Но вода подняла их и двинула на дома, на фургоны, на деревья и мечущихся лошадей. Она использовала их, как своё оружие. И вместо того, чтобы уменьшить скорость, она понеслась ещё быстрее.

Это была даже не волна, а стена воды, несущая впереди себя огромные деревья, локомотивы, фургоны, лошадей и даже целые дома с живущими в них людьми. Может быть, эти люди уже утонули, может быть — нет.

Как уже говорилось, до Конемагской долины поток донёсся за три минуты и несколько секунд. Последние двенадцать миль до Джонстауна он проделал ещё за семь минут.

В течение этих семи минут Дуг и Тони растерянно блуждали по ничего не подозревающему городу. Это было невыносимо страшно: видеть людей, спешащих по своим делам, когда скоро огромные волны будут ломать их дома, сметать прохожих и лошадей с мостовых и тротуаров, когда скоро весь город будет поглощён водой выше самых высоких зданий его. Но они не могли ничего с этим поделать.

Тем временем Дуг тихо разговаривал о чём-то с залом Туннеля.

— Тони, — в конце концов сказал он, — Кирк говорит, что твоя упряжка не включена. Быстро включи её и молись, чтобы она не была повреждена, когда её у тебя забрали.

— Сейчас мне это безразлично, — хрипло ответил Тони. Но он, тем не менее, повернул выключатель, который, по всей видимости, случайно выключил полицейский, когда возвращал упряжку Тони.

— Тони! Скажите что-нибудь! — раздался взволнованный голос Кирка.

— Что? — слабо отозвался Тони. — Я сейчас смотрю на мертвецов, разгуливающих по улицам. Они ещё не знают, что они покойники. Что тут говорить?

— Мы всё видим на телеэкране, — хмуро сказал Кирк. — Энн сейчас у пульты и пытается вернуть вас обоих одновременно. Она не уверена, что ей удастся перенести вас именно в наше время с первой попытки.

Ньюмен не ответил. Но стоящий рядом с ним Дуг внезапно воскликнул.

— Слушай!

В воздухе слышался какой-то звук. Он был глубокий, глухой, угрожающий, но он слышался издалека. Пока они вслушивались, он стал громче. Он приближался со скоростью примерно две мили в минуту.

Полисмен, который отводил Тони в управление, вдруг увидел его на свободе рядом с Дугом. Он не слышал приближающегося шума. Он оглядел Дуга.

— Это ваш друг...

— Это — мой пациент, — нетерпеливо ответил Дуг. — Я одет точно так же, чтобы он не волновался. Я его уже успокоил. Пожалуйста!

— Вы лучше прислушайтесь, — сказал Тони.

Глухой звук стал громче. Он всё усиливался и становился громче и мощнее. Люди на тротуарах начали останавливаться и вслушиваться, раздался женский визг, и какой-то экипаж помчался в сторону более высокой части Джонстауна. Кучер нахлёстывал лошадь.

Закричала ещё одна женщина. До неё дошло, что мог означать этот всё нарастающий рёв. Она стояла и кричала, не в силах, как в параличе, сдвинуться с места. Люди куда-то побежали. Началась суматоха. Полицейский исчез. Люди метались, не зная куда им деться, понимая только, что из долины к ним приближается смерть.

Началась паника. Многие стремились забраться повыше. Некоторые это смогли сделать.

— Кирк, — слышался рядом с Тони голос Дуга, — самое время вытащить нас отсюда!

Голос Кирка расслышали и Тони, и Дуг

— Поле Туннеля необходимо настроить на обоих. Если перемещать вас по отдельности, с разными весами и массами, вы не попадёте в одно и то же время. Если мы сможем вернуть...

По главной улице города хлынул поток мужчин, женщин и детей. Мужчины бежали быстрее. Упал ребёнок, и женщина дёрнула его за руку, поднимая и продолжая бежать дальше. Упал мужчина. Другие пробежали мимо Экипаж, в который была впряжена четвёрка лошадей, промчался мимо. Улица была полна бегущими людьми. Некоторые женщины кричали.

Но пока ещё ничто не указывало на то, из-за чего поднялась паника. Солнце ярко сверкало. По голубому небу плыли лёгкие облачка. Слышался только рёв и непонятный грохот, приближающийся с каждой секундой. Этот рёв заглушал крики, которых становилось всё больше и больше.

Вскоре рёв превратился в оглушающий гром, заполнивший всё небо. Затем Тони увидел солнечный свет, отражающийся от огромной волны, выше домов, приближающейся к ним. Но это была не вода. Там качались огромные деревья, стальные локомотивы, деревянные дома, безжалостно брошенные вперёд. Откуда-то эта волна подхватила бухту стального троса и размотала её, перепутав в деревьях и паровозах, во всём том, что она смогла захватить с собой, двигаясь со скоростью более двух миль в минуту. Когда этот грандиозный вал достиг города, он был пятидесяти футов в высоту и полмили в ширину, и он упал на город со скоростью, с которой обычно падают предметы в первую секунду своего падения.

8

Это был сплошной вал, но он ударил по городу в двух местах. Нижняя часть Джонстауна, которую уже размывали дожди, была полностью затоплена. Второй удар пришёлся по самому центру города, и грохот воды смешался с грохотом рушащихся зданий, стонами и криками жертв.

Вода, казалось, обладала демоническим бешенством.

В ней отражался солнечный свет. Локомотивы уничтожали всё на своём пути, предоставляя воде доделывать остальное.

Во всём городе только одна постройка приняла на себя полный удар и при этом выдержала. Это был железнодорожный мост Пенсильванской железной дороги, построенный так прочно, что даже тысячи обломков и сотни тысяч тонн воды ничего не смогли с ним поделать.

Когда вал ударил о мост, арки его, естественно, прогнулись. Но в них застряли те предметы, которые этот вал так долго нёс с собой: и локомотивы, и деревья, и даже дома. Наткнувшись на непреодолимое препятствие, вал изменил своё направление и ударил по другой части города, что завершило уничтожение Кернвиля и Глендаля. И всю свою оставшуюся силу он обрушил на центр Джонстауна.

То, что ещё не было разрушено, вал растащил по кускам. Жидкое чудовище играло городом, как игрушечным.

Тони и Дуг не присоединились к бегущей и кричащей толпе. Они стояли почти на том же самом месте, где их и настиг приближающийся рёв и грохот.

— Кирк, — позвал Дуг. Он казался скорее раздражённым, чем взволнованным. — Кирк! Мы не можем стоять на месте! Через несколько минут мы просто утонем!

— Вы сдвинулись! — напряжённым голосом сказал Кирк. — Стойте спокойно! Не двигайтесь ни на дюйм! Энн почти уже захватила вас полем, но вы сдвинулись! Она сейчас попытается ещё раз.

Тони молчал. Он наблюдал невероятную картину, даже более чем невероятную картину. Дома, которые принесла вода, — внезапно загорелись. Пламя и дым взметнулись в небо. И если там ещё и оставался кто-нибудь живой, то сейчас всё кончено.

Казалось, что всякая надежда потеряна и для Тони с Дугом. Они стояли на совершенно пустынной улице, которую до сих пор вода даже не замочила. Но вокруг них вал расчищал для себя путь. Теперь он двигался, вращаясь, с воронкой в самом центре и уже начинал терять свою скорость. Но он ещё сокрушал здания. В некоторых из них были люди.

Из окна одного из домов какой-то мужчина выпрыгнул прямо в воду. Волна опустила его и ударила о тот

самый дом, в котором он уже не искал спасения. Мужчина скрылся из виду.

Кто-то полз по наклонившемуся зданию, перебираясь в другой дом, на который оно опиралось. За ним последовал второй человек. Первый оглянулся и помог ему. Затем они помогли переправиться ещё ребёнку и женщине, за которыми следовал ещё один мужчина.

— Если они доберутся туда, — сказал Дуг, — они спасены. На фотографии магазин Хорошего тона сохранился.

Их ноги были уже в воде и она поднималась. Тем же глухим голосом Дуг сказал: — Кирк, у нас совсем не осталось времени.

Голос Кирка прозвучал у Тони прямо в ушах.

— Мы почти что кончили! Энн уже кончает!

Из двери дома появился мужчина. Вода была всего три фута глубиной, но уровень её быстро поднимался. Мужчина обернулся и протянул руку. Тони резко дёрнулся и побежал на помощь. Дуг поджал губы. Там, в Туннеле Времени, Кирк нетерпеливо ожидает, когда Мак-Грегор скажет, что оба они, и Дуг и Тони, заключены в силовое поле, которое перенесло их сюда и сможет перенести обратно.

Кларк нетерпеливо меряет шагами зал Туннеля. Он в бешенстве. Он не допускает мысли, что попытка спасти их не приведёт к успеху и что Тони и Дуга оставят в прошлом, где они погибли.

Мак-Грегор работает у пульта дрожащими руками и с отчаянной решимостью. Но Тони ушёл сейчас с того места, на котором концентрировалось силовое поле. Теперь, когда поле настроено на двоих, нельзя и пытаться перенести обратно одного. Но Дуг остался стоять на месте, и поэтому, если бы Тони вернулся назад, на то же место, то ничего бы не изменилось.

Вода продолжала подниматься. Течение стало сильным. Мужчина осторожно пробирался к зданию, в которое он хотел проникнуть с четырьмя остальными. Он боролся с сильным течением. Тони схватился за металлическую скобу, торчащую из магазина Хорошего тона. Он поднял руку. С трудом к нему пробились двое мужчин и женщина с ребёнком.

— Сюда! — крикнул Тони. — Вода сюда не дойдёт!

Первый мужчина осторожно попытался пройти вперёд. Вода уже скрывала его колени, он отчаянно пытался схватиться за руку Тони. Затем, отчаявшись, он уже не

пытался спастись. Вместо этого, он отпрянул назад. Второй мужчина пробирался уже по поясу в воде к тому месту, где он мог схватиться за протянутую назад руку первого. Он нёс ребёнка, голова которого находилась над водой.

Дуг выругался и тоже побежал на помощь. Стоя в воде, доходившей ему до груди, он протянул к маленькой девочке руки. Девочку передали по цепочке, от первого мужчины ко второму и потом к Дугу. Она была напугана, но держалась храбро. Дуг пробрался к магазину, обернулся и закричал.

Трое мужчин пытались провести женщину во всё прибывающей воде. Её одежда — множество юбок, которые носили в те времена, — делала их задачу почти невыполнимой. Но Дуг закричал не поэтому. Четырёхэтажное здание напротив рухнуло, и волна, поднятая его падением, захлестнула улицу.

Человек, чью руку держал Тони, был смыт. Тони сам едва не захлебнулся. Когда волна поднималась, он на секунду увидел женщину. Затем она исчезла. Мужчин тоже не было видно. Течение унесло их прочь. Придерживаясь за скобу и дождавшись, когда волна схлынет прочь, Тони пробрался в магазин. Дуг уже был внутри. Из пореза на щеке у него текла кровь. Но он крепко прижимал к себе девочку. Весь первый этаж магазина был уже залит водой.

— Наверх! — прохрипел Тони. — Я не верю, что этот дом выдержит... хотя.. ты говоришь, что на фотографии он цел...

Они нашли лестницу, покрытую ковром. В магазине в 1889 году лифтов, конечно, не было. А если бы они и были, то не смогли бы работать. Они пошли по лестнице вверх. В воздухе стоял странный запах одежды. На втором этаже были расположены примерочные. Третий этаж был забит различными коробками с бельём и платьями.

Вода всё ещё бушевала и ревела где-то внизу, но уже не так громко, как раньше. Она хрипела и завывала, как будто жертв, принесённых ей, было недостаточно, и она требовала ещё и спасённую девочку.

— Не беспокойся, уже всё в порядке, — успокаивающе сказал Тони девочке.

Она вздохнула.

— Тётя Грация...

— Не бойся, девочка, всё будет хорошо. Мы найдём тётю Грацию позже.

Он услышал голос Дуга, который что-то говорил в

микрофон. Он пытался приблизительно определить расстояние от того места, где они стояли раньше и где было локализовано поле Туннеля до их теперешнего местоположения. Это могло помочь более точной настройке и, может быть, — кто знает? — им сразу же удастся вернуться в их подземный город, скрытый в пустыне.

Тони пришло в голову, что сейчас они сделали в прошлом то, что могло изменить будущее. Они спасли жизнь восьмилетней девочке за семьдесят пять лет до того, как был построен Туннель Времени. Если опасения сенатора Кларка имели под собой хоть какую-то основу, то мир, который они знали, уже должен хоть немного измениться. Всё! Но...

— Как тебя зовут? — спросил он девочку.

— Юля, — ответила девочка, — Юля Боуэн.

Она взволнованно на него посмотрела.

— Как вы думаете, с тётей Грацией ничего не случилось?

— Надеюсь, что нет, — честно признался Тони. — Но я не уверен.

Дуг всё ещё продолжал шептать в микрофон, который был частью упряжки, связывающей Туннель с её силовым полем. Внезапно он поднял голову.

— Тони, всё в порядке. Энн включила нас обоих в поле. Ты готов?

— Секунду, — сказал Тони. Он обернулся и посмотрел на девочку.

— Нам надо идти, — сказал он. — Но ты не бойся. Не надо бояться. Скоро вся вода исчезнет. Ты просто стой здесь и смотри в окно, а когда увидишь, что по улицам ходят люди, можешь спуститься вниз. Ты скажешь им своё имя и они отправят тебя к тёте Грации. Ты поняла?

Она торжественно на него взглянула и кивнула головой.

— Ты умеешь считать? — спросил Тони. Она опять кивнула.

— Тогда, когда я скажу "начали", ты закроешь глаза и будешь считать до десяти. Затем можешь открыть их. Нас уже не будет. Затем ты будешь ждать, пока на улицах не появятся люди, сойдёшь вниз и скажешь им, как тебя зовут. Хорошо?

Девочка кивнула ещё раз. Она никак не могла решить: то ли ей испугаться, то ли считать всё это за новую и интересную игру, только какую-то не очень понятную. Она молчала и торжественно ждала.

— Всё в порядке, Кирк? — спросил Тони.

— Мы готовы, — слышался ответ.

— Тогда — "начали"!

Он увидел, как глаза ребёнка послушно закрылись. Она начала считать.

Тони охватила вялость. Потом он опять на мгновение почувствовал, что его разрывают на тысячу кусков...

Потом...

...Была тёмная ночь. Над ними — звёздное небо, вокруг — воздух, которым можно дышать. Под ногами чувствовалась мягкая трава... Дуга поблизости не было.

Тони совершенно ясно понял, что он больше не в Джонстауне, да и год вряд ли был 1889. Но он был и не в Туннеле Времени...

9

Над его головой сверкали бесчисленные звёзды, хотя прошло всего несколько секунд по собственному времени Тони, как он оставил солнечный Джонстаун, захлебнувшийся наводнением. И он был не в городе. Следов разрухи не было видно. И никакого света, кроме звёзд. Вокруг стояла чёрная ночь и тишина, а под ногами Тони чувствовал траву. Но как известно, тишина — это не отсутствие звуков, а отсутствие звуков, имеющих значение.

Такая тишина и стояла вокруг. Шелест, например, слышался отовсюду. Это был не шелест ветра в деревьях. Что-то другое, Тони не знал, что это такое, но он раньше и не был никогда в прериях, на травянистой равнине, на которой дул мягкий ночной ветер.

Крохотные шумы производили и насекомые. Потом он услышал вой, причём была явно не собака. Он не знал, кто это мог быть, потому что никогда раньше не слышал койота.

Он наклонился к отвороту пиджака и заговорил в спрятанный микрофон.

— Я нахожусь где-то в другом времени, но не имею представления, где именно. Здесь темно, и Дуга не видно. Где он, вы знаете?

Из наушников слышался сначала облегчённый вздох, а затем и голос Кирка.

— С вами всё в порядке, Тони? К сожалению, нам не удалось перенести вас сразу обратно, как мы надеялись. Мы чётко контролируем Дугу. Я не думаю, что он очень далеко от вас. Счётчики показывают прибли-

зительно одно и то же место для обоих. Подождите минутку, — неожиданно прервал он. — Тут сенатор Кларк желает поговорить с вами.

Спорить Тони не хотелось, поэтому он просто сказал:

— Давайте, в чём дело?

Казалось, что сенатор Кларк слегка задыхается.

— Эта маленькая девочка! Вы спасли ей жизнь! Она сказала как её зовут?

— Да, — ответил Тони. — Ну и что?

— Как её имя? — настаивал сенатор. — Как её имя?

Тони задумался. — Юлия Боуэн. А в чём дело?

Голос сенатора задрожал:

— М-моя бабушка — сказал он с горечью, — не погибла в Джонстаунском наводнении. Её звали Юлия Боуэн. В то время ей было восемь лет... Её тётя Грация утонула. Когда я был... маленьким, а ей было пятьдесят, я своими ушами слышал, как она делилась воспоминаниями об этом наводнении. Двое мужчин, говорила она, спасли её, вытащив из воды. И потом укрыли в магазине Хорошего тона, одном из немногих уцелевших зданий в центре города.

Тон сенатора невозможно было передать.

— Они были странно одеты. Они велели ей закрыть глаза и считать до десяти. И... затем их не стало. Но она оставалась в доме, пока не увидела на улицах людей. Все эти годы она верила, что эти два человека были ангелами, посланными спасти ей жизнь.

Тони молча стоял в окружающей его темноте.

Сенатор Кларк сказал безнадежным голосом:

— Вы спасли жизнь моей бабушке, когда она была ребёнком. Если не это, я бы... меня бы...

— Вас бы просто не было, — сухо продолжал Тони.

— Но как? Как?

— Мы не ангелы, — сказал Тони. — Это были просто Дуг и я. Мы пришли из того времени, из которого вы сейчас говорите, перенесённые Туннелем. То, что мы сделали сейчас, было сделано в 1889 году, и последствия этого, включая и вас были совершенно неизбежными последствиями того, что произошло тогда. Результаты наших действий абсолютно нормальны. Несколько странно только, что нам пришлось для этого путешествовать в прошлое. Если бы мы прибыли в Джонстаун из другого города, результат был бы тот же... Лучше скажите, вы не знаете, где это мы с Дугом, или в каком хотя бы времени?

— Ваши координаты почти совпадают, — обеспоко-

енно сказал Кирк. — Одна координата совпадает полностью. Надеюсь, что это координата времени. Другая — очень близко. Мы считаем, что Дуг от вас недалеко, или на северо-западе или на юго-востоке.

— Но это означает все четыре стороны света! — возразил Тони. — Где же может быть Дуг?

— Я слышу, — раздался в наушниках голос Дуга. — Я попробую крикнуть, а ты скажешь, слышно или нет.

Тони прислушался и услышал крик, очень далёкий и слабый. Тони тоже закричал.

Они были людьми двадцатого века и по неопытности считали, что прошлые времена могут отличаться только меньшим развитием техники. Тони и в голову не пришло пугаться незнакомого леса, хоть он и понятия не имел, где находится. Им просто в голову не приходило что чего-то можно бояться, стоя в траве по колено. Им просто и в голову не приходило, что своими криками они могут привлечь к себе внимание.

Время от времени подавая голос, они шли навстречу друг другу. Одного эха от такого крика было достаточно, чтобы на всю жизнь лишиться скальпов. Но ничего такого не произошло. Они увидели друг друга, когда были всего в нескольких ярдах. Они одновременно протянули руки и обменялись крепким рукопожатием, что выглядело довольно нелепо. Но прежде, чем они смогли заговорить, послышался дрожащий голос Мак-Грегора.

— Д-доктор Филипс, — сказала она торжественно. — Я локализовала вас обоих полем Туннеля. Правда! Я...я была уверена, что смогу вернуть вас сюда! Я думала, что вы сможете, как кролик, пройти в будущее, но что потом опять верну вас. Но ничего не вышло! Я..я только передвинула вас в пространстве. По времени же — совсем немного, согласно показанию счётчика. Я действовала по этой новой схеме. Но вместо того, чтобы оказаться в Тучнеле, вы теперь...

— Знаю, знаю, — но не так, как мы предполагали. По-видимому, мы можем переносить вас с места на место и, возможно, немного во времени, но нам ни к чему перемещать вас в пространстве, если мы хотим вернуть вас сюда.

— Проблема проста! — сказал Дуг. — Вы же перенесли нас как-то в это время. Теперь требуется обратное. Нам надо просто подумать: как?

— Но я...я... не могу больше ничего придумать! — прошептала Мак-Грегора. — Сейчас у вас есть воздух для

дыхания, и вы стоите на твёрдой земле, но вы могли бы... очутиться в воздухе, океане или... вообще нигде!

Опять раздался тоскливый вой, не собаки, но и не очень крупного животного.

— Это койот! — раздался резкий и напряжённый голос Кирка.

— По-моему мы стоим на равнине, — сказал Тони. — Что нам это даёт?

— Это значит, что важно знать в каком времени находимся и где, — угрюмо проворчал Дуг. — Кирк, прочитайте мне показания счётчиков, указывающих наши координаты.

Тони слушал внимательно. Он уставился в небо. Оно было знакомым: Большая медведица, Коса Вероники, созвездие Ориона.

— Я вижу Орион, — резко сказал он, — значит сейчас сентябрь или немного позже. Когда мы были в Джонстауне был май. Мы всё-таки передвинулись во времени! Если бы у меня была звёздная карта, Кирк, я мог бы рассказать вам о положении Марса и Юпитера. Мне кажется, что я вижу и тот и другой. Может быть, нам всё-таки удастся это? Я направляю телевизионную трубку на небо. Вы видите звёзды?

Он направил её вверх. Через минуту Кирк неуверенно сказал:

— Очень нечётко, Тони. По такому изображению астрономы ничего не определяют. По звёздной карте можно определить год и даже день, исходя из расположения планет, но как я вам передам звёздную карту?

— На убитом кролике, — сказал Тони, — была миниатюрная упряжка, — обвяжите этой упряжкой карту и несколько сэндвичей, а Энн пусть попытается переправить всё это нам. Затем она попытается вернуть эту упряжку в Туннель. Если у неё получится, то она будет знать, как вернуть нас обратно.

— Сэндвичи! — сострадательно воскликнула Мак-Грегор. — Вы должно быть умираете от голода! Я немедленно что-нибудь приготовлю!

Будучи женщиной и к тому же не совсем равнодушной к Дугу, её, конечно, намного больше взволнует то, что у них нечего есть, чем обсуждение вопроса, как вернуть их обратно. Её голоса не стало слышно. Очевидно, она поспешила уйти и набрать побольше всякой пищи.

— Насчёт показания счётчиков, — задумчиво сказал

Тони, — мы всегда считали, что чем больше мощность, тем быстрее будет двигаться предмет. Но, может быть, это не совсем так, когда речь идёт о передвижениях во времени. Одна и та же мощность может двигать различные массы в различных направлениях. Дуг и я весим примерно одинаково. Мы были в Джонстауне. Но обратно мы попытались перенести нас вместе. При той же мощности — может быть, поэтому мы и переместились в пространстве. Но нельзя рисковать и просто повернуть ручки в прежнее положение. Мы запросто можем очутиться в наводнённом Джонстауне и, может быть, отнюдь не на третьем этаже уцелевшего здания. Как бы там ни было — это мы будем решать потом, если проект Туннеля покажет свою целесообразность и, в особенности, именно для таких случаев.

— К чёртовой матери все эти случаи! — вмешался Кирк. — Мы хотим вернуть вас обратно.

— Сначала вам придётся переслать нам карту и сэндвичи, — заметил Тони. — Проследите, чтобы всё это весило не больше, чем кролик. Попробуйте переслать нам это по нашим координатам. Затем посмотрим, вернётся ли кроличья упряжка обратно в Туннель. Нам всё равно придётся ждать здесь рассвета.

— Сейчас займусь этим, — ответил Кирк.

Наступила тишина. Та самая тишина, звуки которой не имеют никакого определённого значения. Тони, неподвижно стоящий в темноте, ясно слышал эти звуки. Но он слышал также и то, что происходило в Туннеле Времени, где Кирк подготавливал посылку, чтобы узнать, как перемещать предмет в пространстве и во времени одновременно. Сенатор что-то ему говорил. Он чувствовал себя не очень уверенно. Только из-за его яростного сопротивления проекту пришлось Тони отправиться в прошлое. Он хотел доказать ошибку сенатора, который считал, что прошлое можно изменить, а следовательно, и будущее. И сейчас они с Дугом были затеряны во времени и пространстве, а сенатор чувствовал себя ответственным за это.

Но это чувство ответственности было немного странным. Он упомянул о человеке, который возвращается в прошлое и убивает своего дедушку. В полную противоположность этому парадоксу, Тони и Дуг отправились в прошлое и спасли жизнь его бабушке.

Если бы сенатор не возражал так горячо против Туннеля Времени, то его бабушка утонула бы в навод-

нении, когда ей было всего восемь лет, а сам сенатор не был бы рождён и не смёл бы возражать против проекта Тик-Ток. То, что он возражал против этого проекта, было причиной его существования. Такая логика могла смутить всякого.

— Я думаю, — сказал Тони, — что мы можем пристесть, дожидаясь рассвета. Благо уж Энн знает, где мы находимся и скоро пришлёт нам сэндвичи.

Они уселись на траву. Было жёстко и неудобно. Дуг, совершенно не к месту, подумал о собаке, которая долго вертится, выбирая себе место, чтобы лечь. Ещё дикие собаки таким образом уминали себе траву, чтобы было мягче и потому вертелись, но инстинкт был так силен, что и современные собаки вертелись точно так же, даже если травы поблизости не было. Дуг сидел молча и, по-видимому, о чём-то напряжённо думал... Он рискнул жизнью, чтобы вызволить Тони из беды, но о таких вещах не говорят и не упоминают вслух. Их настоящее положение...

По всей видимости, они оказались в прерии. Теоретически они вполне могли перенестись на тысячи лет в прошлое. Согласно той же теории, им просто необычайно везло, что при передвижении их силовым полем в пространстве-времени, это поле не закинуло их куда угодно, хотя бы на другую планету.

Наводнение, которое они пережили, происходило примерно в тысяче миль от того места, где был расположен Туннель Времени и около века назад. Сейчас они переместились ещё примерно на тысячу миль. Хорошо ещё, что не от поверхности Земли. И не к её центру.

Они ждали. Звёзды над их головами заметно переместились. Вокруг них слышались те же тихие звуки и шорохи.

Тони вспомнил, что когда он шёл на голос Дуга, то почувствовал запах падали и жжёных волос. Интересно, что бы это могло значить? Горелые волосы означали — огонь. Огонь — означает людей. Если бы это был запах горелого дерева...

Существовало, конечно, объяснение, которое удовлетворяло бы всем вопросам, но Тони отбросил его прочь. В истории был только один период времени и только в определённом месте пространства, где эти запахи могли бы означать нечто конкретное. Но там они никак не могли оказаться.

Он не смог полностью отогнать от себя эту мысль,

но он и не очень волновался. Ему казалось, что он не в состоянии спать, но когда он открыл глаза, небо уже побелело и на востоке розовела полоска зари.

— Тони, Дуг! — раздался голос Кирка — Как дела?

— Порядок, — ответил Тони, ловя себя на том, что опять пытается придумать объяснение неожиданному запаху.

— Мы посылаем вам звёздные карты, — сказал Кирк из зала Туннеля, который казался теперь Тони самым безопасным местом на свете. — И сэндвичи. Мы бы переслали вам всё сейчас, но придётся подождать, пока не пришлют небольшие весы.

— Весы?

— Чтобы вы смогли знать точный вес, — сказал Кирк, — Если Тони прав относительно зависимости мощности от веса при переброске предметов в прошлое или будущее, то у нас должно получиться такое же соотношение веса и мощности при обратной переброске. Поэтому вам надо будет взвесить сэндвичи и вместо них положить в упряжку любой предмет того же веса. — Наша посылка весит столько же, сколько весил кролик, потому что мы более или менее умеем управлять этим весом с той же мощностью, которую мы использовали раньше.

Это имело смысл. Это было замечательно. И Тони сказал:

— Лучше сконструируйте одну большую машину времени, и поскорее! Кроме сэндвичей нам может ещё немало понадобится, прежде чем вы рискнёте перебросить нас отсюда.

Дуг ничего не сказал, но Тони знал что он чувствует себя также неуютно. Кирк отошёл от микрофона.

Наступила тишина. Мир вокруг них постепенно светлел. Звёзд на небе было ещё много, но темнота постепенно начинала растворяться в бледном рассвете. Ночные шорохи прекратились. Только где-то ещё выл койот.

Затем в отдалении послышалась барабанная дробь. Но это были не барабаны. Шум был приглушённый и, передвигаясь, становился всё слабее и слабее.

Когда он окончательно прекратился, Тони почувствовал колоссальное облегчение. Он более или менее догадывался, откуда мог появиться в этих местах запах гниющей плоти и жжёных волос. Этот слабый и отдалённый звук, который они слышали, был, безусловно, стуком множества лошадиных копыт.

Дуг так и не сказал ни слова. Тони сильно подозре-

вал, что он сделал те же выводы. Но ни один из них не упомянул об этом.

Стало ещё светлее. Они уже могли видеть друг друга. На щеке Дуга — запекшаяся кровь. Сначала Тони было удивился, но затем вспомнил, что Дуг порезался оконным стеклом в Джонстауне, в тысячах миль и бог знает скольких годах отсюда. Стало настолько светло, что они смогли различать окружающий их мир в деталях.

Они видели небо. Вокруг, до самого горизонта, со всех сторон расстилалась прерия. К западу виднелись несколько холмов. Повсюду росла высокая трава. Внезапно на небе показались какие-то птицы. Белое облачко стало наливаться розовым светом.

Тони резко сказал в микрофон:

— Кирк, мне надо передвинуться на несколько сот ярдов. Потом я вернусь на это самое место. Хорошо?

Кирк что-то пробурчал. Он работал над машиной времени, которая была намного больше, чем любая из упряжек и была рассчитана не на одного человека. После опытов с точным выверенным весом в миниатюрной упряжке, переброске её к Дугу и Тони и возвращением обратно они намеревались отправить эту новую машину времени в прошлое и, используя новые знания о передвижении во времени, перенести Тони и Дуга назад, в Туннель.

Но Кирк — генерал в отставке Хейвуд Кирк — видел и новые, открывающиеся перед ним возможности. На этой новой упряжке времени можно будет поместить аптечку первой помощи в случае необходимости. На ней можно будет также поместить резиновую лодку. Для безопасности пассажиров, путешественников во времени, на неё можно будет поместить многое...

Перечислять вещи первой необходимости можно до бесконечности, но сейчас первым делом нужно выручить Дуга и Тони. Дальше — будет видно.

Тони поднялся и пошёл обратно, по тому следу, который он оставил в высокой траве, когда шёл на встречу Дугу. Он увидел и другие следы. Следы лошадей. Множества лошадей. Становилось всё светлее, и он смог различить какие-то странные предметы, расположенные на траве. Они не стояли прямо. Они лежали на боку. Иногда парами. Потом он рассмотрел их. Повсюду торчали ноги скота, быков, мёртвых уже несколько дней. Тут же, рядом, была большая выжжен-

ная лужайка с чёрной спекшейся массой посередине. С первого взгляда Тони понял в чём дело.

Это был пепел от сгоревших фургонов, которые тащили ныне мёртвые быки. Чёрная спекшаяся масса — была заготовленной пищей, мясом бизонов, которую эти фургоны куда-то везли. Животных убили, а фургоны и их содержимое сожгли.

Он направил на это место свою телевизионную трубку.

— Вы видите? — спокойно спросил он, наклоняясь к микрофону в лацкане пиджака. — Сейчас наверняка — время между 1850 и 1900, возможно, где-то посередине между этими двумя датами, и мы находимся на месте, которое обычно называлось Великими Равнинами.

Он абсолютно забыл, что у них нет оружия. Сжав губы, он подошёл поближе, опять вспомнив о странном запахе. Да, неподалёку лежал мёртвый мужчина с оскальпированной головой. Ещё один, ещё двое.

Охотничья партия заготовила впрок мясо бизонов, когда индейцы разыскали их, убили, оскальпировали, а фургоны сожгли. Охота на бизонов в таком массовом количестве началась, примерно в 1850 году.

К 1900 году стада бизонов почти все были истреблены. Больше всего бизонов было на Великих Равнинах.

Теперь он твёрдо знал, что барабанная дробь копыт, которую они слышали раньше, была ничем иным, как направляющимися куда-то индейцами. Убитые люди и быки наглядно демонстрировали опасность положения, в котором очутились пришельцы.

Раздалось шуршание травы. Тони резко обернулся. К нему бежал Дуг, указывая на что-то рукой. Тони посмотрел в этом направлении.

У самого горизонта, к западу от них, появились маленькие движущиеся чёрные точки. Трава скрывала их, но было очевидно, что это люди. Они быстро двигались к тому месту, где стояли Тони и Дуг.

— Индейцы!

10

Они сообщили Кирку о приближающихся фигурах и остались стоять в молчаливом ожидании. У них не было выбора. Конечно, в любой момент можно было пустить в ход силовое поле Туннеля, но это могло оказаться равносильно самоубийству. К ним приближались всадники. Рядом валялись мертвецы. Эти люди умерли, сражаясь,

а у них оружия не было. Поэтому они просто стояли и смотрели на приближающиеся точки, и Тони крикнул в микрофон, что, наверное, придётся использовать поле и рискнуть перенести их во времени, потому что лучше умереть от этого, чем от руки индейцев тех времён.

Всадники приближались. Тони первым увидел, что на них были одеты шляпы. А Дуг заметил, что за этими всадниками едет большой фургон, в который были впряжены по меньшей мере десять быков. Это не были фургоны переселенцев. Они были громадными, с толстыми деревянными бортами, которые невозможно было прострелить. Такие фургоны могли везти вес до пяти тонн. Самая большая скорость, которую они развивали, была три мили в час.

Всадники перед фургонами держали оружие наготове. Они приближались к тому месту, где стояли Дуг и Тони. Подъехав ближе, они остановились. Остановились и быки, тащившие фургоны. Высокий мужчина с рыжей бородой не без любопытства осмотрел Тони и Дуга.

— Вот это да! — сказал он, оглядывая землю. — Скальпы с них сняли четыре, пять дней назад, а? Куча лошадиных следов. Похоже на команчи, а?

— Мы не знаем, — ответил Тони. — Мы их обнаружили всего час назад.

Рыжебородый плюнул табачной жижей.

— Я слышал, как кричит сова и видел слонов, — удивлённо проговорил он. — Но таких, как вы, я раньше не встречал. Странно одеты, оружия нет, лошадей нет. Где ваше снаряжение?

— Нас бросили, — сказал Тони. — Мне кажется, они были очень напуганы.

Он импровизировал. Единственное, чего он не мог сказать сейчас, в этом времени, когда белые ещё сражались с индейцами, — так это правды. Это было даже бесполезно, это было кретинизмом чистой воды — пытаться убедить этих людей в том, что они — путешественники из будущего, и что их родители ещё не родились.

Рыжебородый сказал:

— Я знаю! Вы иностранцы! У нас здесь куча иностранцев и все приезжают поохотиться. Герцоги, лорды, принцы и всё в этом роде. Они нанимают каких-нибудь проводников, затем подстрелят несколько буйволов, а потом вернуться к себе за океан и будут говорить, какой странный народ эти американцы. Вы из тех?

— Примерно, — как можно более сухо сказал Тони. — И мы попали в тяжёлое положение.

— Это-то я вижу, — сказал рыжебородый. — Мы направляемся в Эдоб-Уолз, Садитесь в фургон. Когда доберёмся до места, посмотрим, что можно будет для вас сделать.

Он подъехал к одному из мертвецов, который, казалось, беззлобно ухмылялся в небо. Человек был оскальпирован.

— Умер в бою. Счастливчик! — пробормотал рыжебородый. — Эй, Педро, Томас! Идите сюда. Тащите лопаты.

Подъехал второй фургон. Погонщиками быков в обоих фургонах были мексиканцы. Один из них прыгнул на землю с лопатой в руках. Им не нужно было приказывать — они знали, что им нужно делать. Они начали рыть большую могилу. Для них это был закон: оказать уважение мёртвым.

Дугу внезапно стало нехорошо. Пока им грозила опасность, он держал себя в руках, но сейчас, когда она миновала, его стало тошнить.

— Эй, иностранцы! — позвал их рыжебородый. — Больно уж вы чувствительны! Я же вам сказал — забирайтесь в фургон.

Они залезли в громоздкий деревянный дом на колёсах. Тони зашептал в микрофон, сообщая о том, что произошло.

— Мы поедem с ними, — сказал он. — Естественно! Когда мы узнаем, где находимся, вы сможете сверить эти данные с координатами Джонстауна и, может быть, тогда поймёте, как точно управлять полем.

— Понял, — кратко ответил Кирк.

Через некоторое время работа по погребению была, по-видимому, закончена. Послышались какие-то команды, окрики, и фургоны величественно сдвинулись с места. Внутри пахло заготовленным мясом, виски и жевательным табаком. По обеим сторонам фургона висело по ружью, каждое из которых весило не менее двадцати фунтов. Такие ружья стреляли пулями толщиной в палец и требовали до ста грамм пороха для каждого выстрела. Всадники ими, как правило, не пользовались, но это было великолепное и точное оружие при охоте на бизонов и защите от индейцев.

Дуг оторвал свой взгляд от ружья.

— Я хотел попросить Кирка, чтобы он прислал нам вместе с сэндвичами и пистолеты, — проговорил он иро-

лически, — но ему пришлось бы выслать нам оружие этого времени, а я думаю, оно весит в несколько раз тяжелее любого кролика.

Фургон продолжал двигаться вперёд.

В зале Туннеля Кирк и Мак-Грегор пытались разобраться в этих перемещениях. Сенатор отдавал по телефону распоряжения своим подчинённым в Вашингтоне. Почти немедленно факсимиле всех исторических документов стали появляться в зале, переданные по фототелеграфу. Тони и Дуг попали в странный для них мир и неизвестное им время. И они должны узнать о нём всё, что только было возможно.

Например, охота на бизонов. В те времена на Великих Равнинах было четыре стада по миллиону голов в каждом, которые паслись на определённых участках. Эти стада имели каждое своё название: северное, республиканское, канзасское и техасское. Северное стадо было почти полностью уничтожено охотниками. От канзасского вообще не осталось ни одного бизона. Основной добычей охотников стало техасское стадо. Обычно, охотничий поезд состоял из одного охотника, двух людей, снимающих шкуры и повара. Там, где должно будет пройти стадо, охотник устраивал себе "стоянку". Как только стадо приближалось, он начинал стрелять. Он стрелял, стрелял и стрелял с одного и того же места, пока глупые бизоны не поворачивались и не убегали. Тогда он выбирал себе другое место для засады. Если уже охота начиналась, то такой поезд двигался за стадом день за днём, убивая бизонов и снимая с них шкуры и опять убивая.

К концу сезона он отправлялся в Додж-сити и получал деньги, которые заработал. Существовало примерно полторы тысячи профессиональных охотников, которые убивали несколько сот бизонов в день.

Тони и Дугу следовало всё это знать, чтобы окончательно не выглядеть чужаками, и сенатор приказал доставить все документы, какие только возможно.

За весь день фургоны остановились всего лишь один раз для того, чтобы обследовать свежий след, оставленный индейскими лошадьми. Это, безусловно, были те самые индейцы, которых слышали сегодня утром Тони и Дуг. Их след пересекал путь фургонов в Эдоб-Уолз.

Сенатор Кларк вёл себя теперь так, как будто он был душой проекта Тик-Ток. Он имел большой вес в Вашингтоне, в Комитете Обороны, и все возможные

сведения об Эдоб-Уолзе доставлялись в зал Туннеля немедленно.

Тони с Дугом направлялись именно туда. Эдоб-Уолз имел точное географическое расположение. Зная точные координаты обоза и сравнивая их с ранее полученными данными по Джонстауну, можно было уже точно рассчитывать на силу поля Туннеля и переносить их туда, куда было нужно.

Но информация, которую они получили по Эдоб-Уолзу, была скудной. Было известно, что вождь племени команчей Белый Щит был убит при сражении в Эдоб-Уолзе, другой информации не было. Кларк собственноручно нашёл ещё один документ, в котором говорилось, что в этой битве участвовал ещё Бат Мастерсон друг Бата Йорпа и Дока Холлидея. Конечно, были наверняка известны и другие факты, но они ничего больше не обнаружили.

Исторические факты того времени искали не только сенатор и Мак-Грегор, но Сэм Крейтон, который в своё время привёз сенатора на машине к тому месту, где находится Туннель Времени. Сейчас он забросил все свои дела и лихорадочно рылся в факсимиле документов. Им не помогал только Кирк, но он был занят больше всех. Он занимался конструкцией большой машины времени, которая смогла бы поднять Тони и Дуга и перенести их в нужное время и место. Чертежи такой машины, естественно, были заготовлены давно, но никто не мог подумать, что ими так скоро предстоит воспользоваться.

В это время им доставили самолётом весы, которые они собирались положить в маленькую кроличью упряжку для того, чтобы ТАМ можно было знать точный вес. Кирк отложил работу по сбору машины времени и занялся мелочами.

— У Тони и доктора Филиппа в упряжки вмонтированы телевизионные трубки, — неожиданно сказала Мак-Грегор. — Почему бы нам не вмонтировать их и в кроличью? Тогда мы могли бы видеть, получили они нашу посылку или нет и управлять упряжкой так, чтобы они её в конце концов получили.

Кирк выругался сквозь зубы. Это верно, крохотная упряжка с телевизионным глазом могла бы им здорово помочь.

— Они с людьми — так что о сэндвичах можно не беспокоиться. Голодными они не останутся. Передайте им пока, что посылка задерживается и что я монтирую в кроличью упряжку телеглаз.

Мак-Грегор облегчённо вздохнула. И уже через секунду говорила с Дугом, следующим в фургоне примерно за сто лет от её времени и бог знает сколько миль.

Было несколько странно, что после абсолютно делового разговора с Дугом, она сочла необходимым отвернуться и вытереть глаза.

До захода солнца ничего особенного не произошло. Тони попытался разговаривать с мексиканскими погонщиками быков, но они плохо говорили по-английски. Ему удалось узнать, что фургоны принадлежали братьям Шайдлерам и что они возили груз от Додж-сити к Эдоб-Уолзу и обратно. Сейчас они должны были погрузить мясо бизонов в Эдоб-Уолз. Да, у них бывали стычки с индейцами, но не в этот раз.

Рыжебородый был одним из Шайдлеров. Кто-то из всадников был вторым братом... Тут разговор их прервался из-за недостаточного взаимопонимания в английском языке.

Солнце садилось. Повсюду были разбросаны тени. Вагоны следовали по едва заметному следу других колёс...

Внезапно из наушников послышался резкий голос сенатора.

— У меня тут кое-какая информация, — сказал он. — Из Вашингтона мне прислали содержание одной брошюры, изданной в Техасе. Читаю: "Это была отчаянная атака индейцев на Эдоб-Уолз, ставящая перед собой цель уничтожить всех белых охотников на бизонов, истребивших все стада, кроме техасского и уже начавших уничтожать и это стадо. Эта атака была абсолютно неожиданной, и индейцы, безусловно, победили бы, если не произошло необъяснимое. Одно из брёвен, балка на крыше торгового магазина, сломалось. Это произошло в два часа до рассвета и разбудило всех людей, спящих в этом магазине, так что атака индейцев на безоружных спящих людей полностью провалилась. Но даже и это не могло бы спасти охотников, если бы за день до вышеописанных событий в факторию не прибыл бы Бат Мастерсон, принявший на себя руководство обороной. Если бы только нападение индейцев увенчалось успехом..."

Он остановился, как будто страшно гордясь тем, что ему удалось раздобыть эти сведения. Но Тони не видел в них ничего примечательного. Он сказал:

— Не вижу, чем это может нам помочь.

Он забылся и проговорил это громко. Один из погон-

щиков уставился на него. Тони сделал вид, что закашлялся, отвернулся и продолжал говорить уже шёпотом.

Темнело. По мере продвижения фургонов на небе стали появляться звёзды. Наступила ночь, но где-то вдалеке виднелись жёлтые огоньки в окнах. Это была фактория, состоящая всего из трёх бревенчатых домов. Ничто не указывало на то, что должно случиться нечто необычайное. Три дома стояли недалеко друг от друга. Там можно было достать полную амуницию охотника на бизона, виски и другие разнообразные товары. Примерно в двухстах ярдах от домов тёк ручеёк, имеющий очень громкое и звучное название: Канадская река. Деревья почти скрывали его из виду. Одно из бревенчатых строений носило название магазина Харнаана. А другое принадлежало Райту и Райту. Третье — Леонарду и Мейерсу.

Всех этих подробностей Тони пока ещё не знал. Для него вся важность Эдоб-Уолза заключалась в том, что там можно будет поесть и вообще находиться в большей или меньшей безопасности, пока его друзья не изыщут способ вернуть их с Дугом обратно. Вот и всё.

Фургоны проехали последний отрезок пути. Они остановились перед магазином Харнаана. Их вышел приветствовать человек с бакенбардами. Оба Шайдлера и всадники, соскочившие со своих лошадей, вошли в дом отдохнуть и перекусить. Погонщики быков отвели животных в крааль недалеко от домов.

Тони зашёл в дом. Помещение было освещено свечами, воткнутыми в бутылки. У стены стояли несколько охотников. Впереди виднелся прилавок с разбросанными по нему товарами. Ассортимент их был небогат. У другой стены стояло несколько бочонков с виски.

В лавке пахло бизоньими шкурами, их запах долго сохранялся. В ней пахло потом — людям прерий не часто удавалось искупаться. Пахло горячим воском от прогоравших свечей.

Рыжебородый Шайдлер дружелюбно хлопнул Тони по спине и подтолкнул к шеренге бутылок. Они выпили вместе. К ним присоединились и другие. Не было ни продавца, ни кассира, и, по-видимому, никто не считал, кто сколько выпил. Люди втащили содержимое обоих фургонов в дом. Шайдлер, громко разговаривая, вышел из магазина и отправился к другому, позвав с собой Тони.

Дуга как-то все приняли за иностранца, которого бросили испуганные проводники, увидев, что в прерии появ-

вились индейцы. Настаивать начём-нибудь другом и рассказывать, в чём дело, естественно, было просто глупо, тем более, что к Дугу отнеслись с весёлой дружелюбностью.

Во втором доме, освещённом не ярче первого, Тони увидел девушку. Она время от времени подкладывала в огонь дрова и изредка помешивала в огромном горшке с тушённым мясом.

— О, господи, — еле выдавил Тони. — Почему...

— Её зовут Елена, — прошептал Шайдлер. — В прошлом году её муж лишился скальпа. Она тут всех кормит. Хозяйка ресторана, так мы её называем...

На неё приятно было посмотреть. У неё были приятные черты лица, и она смогла остаться здесь после смерти мужа. И Тони поймал себя на том, что неотрывно на неё смотрит.

В магазин ввалился Дуг со своими новыми друзьями, немного подвыпивший и полностью расслабившийся после всех переживаний. Его усадили за стол. Ни он, ни Тони не ели уже примерно шестнадцать часов, и у обоих сильно сосало под ложечкой. Но вместо того, чтобы накинуться на еду, Дуг сначала пробрался к Тони и шепнул ему на ухо:

— Бат Мастерсон здесь. Я его видел.

Тони никак не отреагировал. Он опять понял, что неотрывно смотрит на девушку. Ей не могло быть больше девятнадцати лет. Она уже была замужем и овдовела, и сейчас она готовила пищу для охотников за бизонами и прочих мужчин. Но пока она не была поварихой. Она была хозяйкой дома на индейской территории. Она со всеми разговаривала весело и дружелюбно, и Тони мог бы побиться об заклад, что любой мужчина в Эдоб-Уолзе положит свою жизнь, чтобы только защитить её, и что ни один из них не будет думать о ней, как о женщине, которых они будут искать, когда вернуться в Додж-сити.

— Тони, — настаивал Дуг. — Разве ты не понимаешь, что это значит? Бат Мастерсон здесь. Я его видел.

Тони был удивлён. Он уже давно снял наушник из-за уха, где он был прикреплён, чтобы не привлекать большого внимания. Они с Дугом были единственными людьми, не носившими шляп среди всех остальных мужчин. Но Дуг оставил наушники на прежнем месте. Он был связан в Туннелем. Тони — нет.

— Разве ты не понимаешь? — со злостью продолжал Дуг. — Он прибыл сюда вчера и уезжает завтра.

Он был... Он будет здесь всё время, пока длится атака на Эдоб-Уолз, когда нападут индейцы, значит, это завтра перед рассветом!

Тони с трудом отвёл взгляд от Елены.

— Они не выиграют, — возразил он. — И Бат Мастерсон останется в живых.

— Вопрос в том, — зло сказал Дуг, — выживет ли кто-нибудь ещё, и, если выживет, то кто? Это будет страшная драка! Многие будут убиты! Может быть и мы! И... мы знаем, что должно произойти. Как нам убедить этих охотников, что нападение индейцев начнётся ещё до рассвета, и чтобы они подготовились? Некоторые из них спустятся, но мы, что мы можем сделать?

Тони опять перевёл взгляд на девушку. Она улыбалась шуткам охотников. Да, они действительно были в тяжёлом положении, так как ничего не могли сказать этим людям и не могли объяснить, по какой причине им это известно. Попробовать же сейчас переместиться во времени было бы огромной глупостью. Во-первых, их могут убить, а во-вторых успех такого перемещения всё ещё не был гарантирован. Нет, им придётся остаться. И, кроме того, здесь находилась женщина, которую необходимо защитить, Елена...

Только подумать, что она может попасть в руки индейцев...

11

Они вышли из магазина, до отвала наевшись бизоньего мяса и запив его несколькими стаканами виски. Но они чувствовали себя хорошо только физически. Когда Тони прикрепил наушник на старое место, до него сразу же донеслись голоса. Первый — был отчаянным голосом Мак-Грегора.

— Генерал Кирк вмонтировал в кроличью упряжку телевизионную трубку, но он не может прибавить больше ничего, сохранив нужный вес. Поэтому, если оставить эту трубку, то мы ничего больше не сможем вам прислать. Что нам делать?

— Посылайте, — твёрдо сказал Тони. — Вам нужна информация по использованию силового поля Туннеля. И это может помочь нам здесь при сражении, если оно будет. Попытайтесь переправить упряжку сюда. На экране вы сможете различить речку, она будет выглядеть темнее, чем равнина, и по обеим сторонам — деревья.

Если вы найдёте эту речку и будете следовать её течению, то сможете заметить освещённое окно и, следовательно, найти нас.

Затем, повернувшись к Дугу, Тони чётко указал:

— И если индейцы всё-таки атакуют, можно будет запустить упряжку вверх, чтобы она информировала нас об их передвижениях. Если Энн будет управлять ею так же, как в своё время кроликом, мы с точностью и лёгкостью сможем вести наблюдение с воздуха.

— Только не ночью, — упрямо возразил Дуг. — Днём — сможем, да и то не наверняка.

В это время раздался дрожащий голос Мак-Грегора:

— Генерал подумал и об этом. Он готов и сейчас... мы попытаемся её послать.

Началось ожидание. Микрофон Туннеля донёс до них ноющий звук. Затем раздался треск... Упряжку отравили, теперь им оставалось только ждать, что из этого получится.

Из домов фактории раздавались весёлые выкрики. Неподдалёку от них шумели деревья...

Если бы только удалась эта попытка маневрировать упряжкой в таких широких пределах, это дало бы много новых данных. Но практически, они всё равно ничего не могли немедленно предпринять.

Эдоб-Уолз имел политическое значение. Дело в том, что охотники начали убивать бизонов неподалёку от этой фактории. А от этих животных, дающих большое количество мяса, зависела жизнь индейцев. Когда индейцы, вступившие на тропу войны с другими племенами, путешествуют верхом, они тоже питаются одним бизоньим мясом. На Великих Равнинах нет другой пищи.

Вот поэтому генерал Фил Шеридан и сказал однажды, что охотники на бизонов за два года поставили индейский вопрос острее, чем все Соединённые Штаты за десять лет, и что убивая бизонов, они, тем самым, приносят только пользу, так как индейцы убивают на Великих Равнинах всякого, будь то мужчина, ребёнок или женщина, чтобы сохранить стада для себя. И именно потому, что охота на бизонов эффективней любых военных действий против индейцев, президент Грант позже отказался подписать указ конгресса о запрещении охоты на бизонов.

И об этом знала не только армия Соединённых Штатов. Об этом знал Гвана Паркер, вождь племени индейцев.

Он был сыном захваченной в плен белой девочки, которая позже стала женой вождя. Он видел, к чему ведёт истребление бизонов. И он собрал вокруг себя тысячу триста воинов из различных племён и планировал одну из самых грандиозных войн с белыми. По его плану индейцы должны были спасти и бизонов, и самих себя. Впервые в истории индейцы объединились вместе не для жертвоприношений и совета, а на войну против общего врага.

Он расставил своих воинов неподалёку от Эдоб-Уолза. Если бы ему удалось снести эту факторию с лица земли и не дать ни одному вестнику пробраться с сообщением об этом, он смог бы потом пойти на север без всякого предупреждения или объявления войны.

Охотники на бизонов, убивающие по тридцать тысяч животных в день, никогда не двигались партиями более четырёх-пяти человек. Эти партии для индейцев, продвигающихся огромными силами, были ничем, они смели бы их со своего пути, даже не остановившись. Вместо бизонов они охотились за охотниками на бизонов. Вот и всё.

Если бы этот план удался, все фактории были бы уничтожены со временем. И заселение белыми центра Северной Америки остановилось бы по меньшей мере на поколение. Погибли бы тысячи белых людей. И попытка вновь основать фактории обошлась бы слишком дорого государству в этот период времени.

Но убийство охотников должно было начаться с Эдоб-Уолза. И ни один человек не должен выжить, чтобы не послать весть о происшедшем своим белым собратьям. Это был единственный шаткий пункт во всём плане, самом блестящем плане, который когда-либо был задуман индейцами.

Ни Тони, ни Дуг этого не знали. А охотники в Эдоб-Уолзе даже и не думали о такой возможности. На эту факторию не было ни одного нападения. Естественно, им казалось, что его никогда и не будет.

Тони и Дуг стояли в окружающей их ночи. Наверху блестели бесчисленные звёзды... Было так тихо, что они могли слышать журчание реки в нескольких сотнях ярдов от них.

А тем временем в Туннеле Мак-Грегора, склонившись, манипулировала рукоятками пульта. Из динамиков на стене доносился тот же шум, что и из радиопередатчиков Тони и Дуга. Но телеглаз, укреплённый на маленькой

упряжке, показывал только смутные — тёмные или менее тёмные — пятна. Эти пятна перемещались на экране, следуя за перемещениями упряжки в воздухе.

И это было чистым счастьем, что в конце концов Кирк сказал:

— Стоп!

Среди тёмных пятен выделялась абсолютно чёрная лента.

— Это может быть только речкой, — тихо сказал Кирк. — Ты не можешь опуститься чуть ниже?

Казалось, женщина едва тронула какую-то ручку, но тёмная полоса приблизилась, и послышалось слабое, но отчётливое журчание.

— Двигайтесь вниз по течению, — сказал Кирк. — На этой же высоте.

Мак-Грегор нашла необходимую ручку и стала медленно поворачивать её, заставляя упряжку двигаться в нужном ей направлении.

Внезапно, на мгновение, они увидели светящуюся точку. Она появилась и исчезла, как будто кто-то открыл и закрыл за собой дверь. На самом деле, так оно и было.

Мак-Грегор глубоко вздохнула. Она глядела на экран со всем возможным вниманием, и её руки не оставались спокойными ни на минуту.

— Упряжка работает лучше, чем я надеялась, — осторожно сказала она. — Мне кажется, что я смогу подвести её вплотную к зданиям.

На экране появились угловатые формы, они не были ясно различимы, света практически не было. Но это не могло быть ни чем иным, как домами.

Тони сказал в микрофон:

— По-моему, ничего не вышло, Энн. Мы ничего не видим

Но она возбуждённо ответила:

— Твой голос передаётся по каналу упряжки! Она близко, очень близко! Зажгите свет!

Тони зажёл спичку. В темноте загорелся тёмный огонёк.

Мак-Грегор вскрикнула.

А затем, несколькими секундами позже, и Тони увидел над головой маленький непонятный предмет, парящий в воздухе. Он выглядел, как маленькая подушка для булавок. Он медленно плыл к ним пока не остановился рядом, на высоте человеческого роста. Тони даже не поверил сначала, что это реально случилось. Но Дуг про-

тянул руку и дотронулся до предмета. Он немного качнулся и опять вернулся в прежнее положение.

— Отлично работает Туннель, — удовлетворённо сказал Кирк.

— Что это нам даёт? — спросил Дуг, — это, безусловно, кое-что доказывает, но что же делать нам? Рискнуть ещё одним перемещением во времени мы сейчас не можем. К тому же...

— К тому же, — спокойно продолжил Тони, — мы нужны здесь. Если тут есть хоть одно или несколько ружей, то им понадобятся руки, чтобы стрелять из них. В нас нуждались в Джонстауне, во что теперь верит, я надеюсь, сенатор Кларк. В нас нуждаются и здесь! Кроме того...

— Но я же знаю теперь ваши точные координаты, — запротестовала Мак-Грегор. — Я теперь знаю, как наше поле управляет пространством-временем... Предстоит, правда, ещё разобраться, где юг, где север и прочее, но когда я перенесу маленькую упряжку обратно в Туннель...

Позади Тони открылась дверь. Они замолчали. Маленькая упряжка взмыла ввысь и сразу же стала невидимой. Из дверей вышел человек, и Дуг сразу же узнал его.

— Мистер Мастерсон! — быстро сказал он.

Молчание. Затем мужчина, вышедший из дверей, хмыкнул.

— Англичанин, а? Лорд какой-нибудь?

— Мне надо с вами поговорить, — искренним голосом сказал Дуг. — Мой друг Тони — вы его видели — обладает странным даром. Иногда он видит и знает, что должно произойти до того, как это происходит на самом деле. Это просто чувство. Мы только что разговаривали об этом. Он чувствует, что поблизости индейцы.

Голос Бата Мастерсона звучал иронически, но вежливо.

— Ясновидение, да? Много слышал об этом, но всегда оказывалось ерундой. Предчувствие — да. Ясновидение — нет.

— Назовите это предчувствием, — настаивал Дуг. — На фабрику будет совершено нападение ещё до рассвета. Тони знает это! Он не знает, как, но он в этом уверен! И это случится — индейцы нападут до рассвета!

По голосу Бата Мастерсона чувствовалось, что он удивлён.

— Ваш друг знает о том, что должно произойти прежде,

чем это произойдёт? Как же тогда он не знал, что вас собираются бросить в прерии ваши проводники? А он знал, что Шайдлер будет проезжать мимо и подберёт его?

Дуг запнулся.

— Многие верят в эту ерунду, — дружелюбно сказал Мастерсон. — Только не я. Лучше идите пропустите ещё по рюмочке и спать.

Он сделал шаг и растворился в темноте.

— Ч-чёрт! — со злостью выдохнул Дуг.

В это время раздался голос Мак-Грегора.

— Мы с генералом постараемся что-нибудь узнать. Мы скоро вернёмся... Нет, конечно, нам не обязательно возвращаться сразу, за нас подежурят...

Положение было невыносимое. Точно знать, что должно произойти, и не иметь возможности исправить этот момент или как-то повлиять на события, было смертельной мукой.

В магазине Райта и Райта кто-то запел. Из магазина Харнаана раздавались ритмичные похлопывания в ладоши и смешанный неровный мужской хор. Развлечения охотников на бизонов были просты. Они вели себя совершенно по-детски, невинно, до тех пор, конечно, пока не кончился охотничий сезон и они не уезжали в Доджсити, где ни о какой невинности не могло быть и речи.

Дуг резко повернулся.

— Я сейчас пойду и постараюсь хоть немного расшевелить их. Шайдлер же видел убитых и, наверное, рассказал об этом. Это всего в двадцати милях отсюда. Фургонь могли направляться в эту факторию.

Тони ничего не ответил. Он думал о маленькой упряжке и о том, что благодаря полученным с её помощью данным им будет легче вернуться домой. Но не сейчас. Сейчас её нужно использовать для поисков военного отряда индейцев, о которых было написано в брошюре, изданной через сто лет после того момента, в котором они сейчас находились, и в котором не могла бы даже существовать подобная типография. Упряжка могла послужить им и для рекогносцировки, хотя Тони и не был уверен, что из этого что-нибудь выйдет. Но у него в мозгу уже вертелась одна мысль, вполне определённая, о том, что они с Дугом могут сделать.

Они попали в прошлое Джонстауна и спасли бабушку сенатора, которая могла утонуть в младенческом возра-

сте. И это было парадоксом, потому что сенатор был яростным противником проекта.

Сейчас они находились в Эдоб-Уолзе и, по всей видимости, должны были как-то повлиять на события, зарегистрированные в истории. Без них, возможно, эта брошюра была бы не написана. И он начал обдумывать с такой же тщательностью этот парадокс.

— Я всё-таки пойду и попытаюсь хоть немного растормошить их, — сказал Дуг, — Мастерсон не желает слушать. Может быть, меня выслушает кто-нибудь другой, ты идёшь?

— Я подожду, — ответил Ньюмен, — Энн и Кирк захотят рассказать, как у них идут дела.

Дуг вошёл в магазин. Тони абсолютно точно знал, что он собирается делать. Но он знал также и какой будет результат. Дуг скажет им об охотниках, которых сегодня похоронили в лесу. Он скажет о барабанной дробь копыт, которую они слышали перед рассветом. Он расскажет им о следах, которые они видели, проезжая мимо на фургоне.

Но Дугу не удастся ни в ком посеять сомнения. В брошюре, которая выйдет через сто лет, говорится, что охотники не ожидали абсолютно никакого нападения, и что их разбудила рухнувшая балка, которая свалилась по совершенно неизвестной причине. Но Тони уже знал по какой причине. Это, безусловно, не могло быть ничем иным, как делом рук его и Дуга. Это будет самым парадоксальным из всех возможных парадоксов. Но это было единственным объяснением.

Ньюмен стоял в темноте и ждал, вслушиваясь, как ворочались быки в краале и хрупали травой лошади. И опять поймал себя на мысли о Елене. Он нахмурился и заставил себя думать о Туннеле.

Энн и генерал, должно быть, чертовски устали, но они никогда не передадут дело Сэму Крейтону и Кларку. Энн была твёрдо уверена, что кроме неё никто не сможет так хорошо управлять, сидя за пультом. Она не уступит места никому другому. И сенатор будет молчать, так как самые чудовищные его гипотезы о работе Туннеля не подтвердились.

И опять Тони поймал себя на том, что вспомнил о Елене.

— Тони! Д-доктор Филипс! — внезапно раздался голос Мак-Грегора. — Мы нашли их! Генерал расслышал звук, на который я не обратила внимания. Мы пускаем

упряжку ниже. Индейцы по другую сторону реки! Их сотни, и там же, рядом с ними, сотни лошадей! Нет, Кирк говорит, что их тысячи.

— Эх, хорошо, если бы у меня был динамит, — сказал Тони в окружающее пространство. — Но раз в книгах говорится, что это произошло, я думаю, нам как-нибудь удастся это сделать.

— Чем мы можем вам помочь? — донёсся до него отчаянный голос Мак-Грегора.

— Я предполагаю, чтобы вы немного поспали, — сказал Тони. — Пока темно, мы не можем отправить вам никаких данных. Сейчас около девяти, а нападение произойдёт не раньше четырёх, а скорее всего — в пять часов. Отдохните немного, а потом опять можно будет использовать упряжку для разведки.

— Как я могу спать? — раздался звенящий голос женщины.

— Сражение не кончится тем, — сказал Тони, — что всех здесь оскальпируют. Сама история нас в этом уверяет. Ни Дуг, ни я не собираемся изображать из себя героев. Но у меня есть один вопрос: Кирк, как заряжается такое ружьё?

Генерал объяснил. Затем он угрюмо пообещал, что Энн пойдёт и немного отдохнёт. Он её заставит, потому что ей ещё предстоит на славу потрудиться, выслеживая индейцев.

Дуг в это время сидел в магазине и что-то горячо говорил собравшимся вокруг него охотникам. Но в Эдоб-Уолзе было двадцать белых, хорошо вооружённых с большими запасами пищи, виски и снаряжения. Индейцы знали это. Поэтому никто не верил в реальность нападения на факторию.

Тони увидел рыжебородого Шайдлера, отпускающего иронические замечания в адрес Дуга. Груз его двух фургонов был перенесен сюда, в магазин Харнаана.

Тяжёлые ружья, висевшие раньше на стенах фургонов, стояли сейчас, прислонённые к большим тюкам с жевательным табаком. Коробки с охотничьим снаряжением стояли рядом.

Позже Тони опять очутился в магазине Леонарда и Мейерса. Ему захотелось вновь увидеть Елену. Его раздражало, что он всё время о ней думает. Тони сел в дальний угол и стал наблюдать за ней. В конце концов она приятно всем улыбнулась, пожелала спокойной ночи и поднялась к себе в спальню.

Тони не знал, куда деваться. Он не ожидал в ближайшие часы никаких событий. Потом он поднялся и пошёл к Харнаану. Шайдлера там уже не было, но ему и в голову не пришло спросить, где он. Тони осмотрел крышу снизу. Стены были из огромных брёвен, минимум два фута в диаметре. Окна, прорезанные в них, казались узкими коридорами из-за толщины стен. Крыша была массивной, с толстой балкой посередине.

К Тони подошёл Дуг со сжатыми губами:

— Никто не хочет слушать, — сказал он с горечью. — Если только будет нападение, а в этом нет сомнения, у них нет ни одного шанса остаться в живых.

— Мы можем пойти в крааль, сказал ему Тони, — и ускользнуть прочь: индейцы по другую сторону реки. Может быть нас и будут преследовать, но это маловероятно.

— Попробуй, если хочешь, — холодно сказал Дуг. — Я остаюсь!

— Я тоже, — сказал Тони. — Мы знаем, что здесь убьют не всех, но мы не знаем, избежали ли этой участи два пришельца из будущего. У тебя есть перочинный нож? На поперечную балку этой крыши слишком много навалено. Она даже немного прогнулась под тяжестью. Видишь?

Дуг вздрогнул.

— Но мы не можем этого сделать! Не имеем права! Мы — из другого времени! Мы...

— Спроси сенатора Кларка, — холодно посоветовал Тони. Дуг заколебался. Затем он протянул перочинный нож. Никто не обращал на них внимания. К ним уже привыкли, и они ни у кого не вызывали любопытства. Охотники на бизонов о чём-то оживлённо разговаривали, прихлёбывая виски. Но на них виски действовало совсем не так, как на индейцев. Они пили и часто напивались допьяна, но никогда до такой степени, чтобы не протрезветь при приближении малейшей опасности. Когда же индеец пьян, то он отравлен безнадежно.

Тони, в поте лица, работал над пулей, которую он извлёк из ружья Шайдлера. Он прорезал в ней бороздку за полчаса. Это была медленная и тяжёлая работа. Голоса в комнате начали стихать. Люди постепенно укладывались спать, гасили свечи, доставали свои постельные принадлежности, некоторые — укладывались прямо на обёрнутое заготовленное бизонье мясо, запах которого был далеко не из приятных. Не спали только Тони и Филипп, и Тони упорно вырезал вторую бороздку в первой пуле

и первую во второй. Когда он окончил работу, все уже спали, и горела — только одна свеча.

Несколько часов тянулись, как годы.

— Самое время, Дуг, — сказал наконец Тони. — В Джонстауне нам было ясно доказано, что настоящее основано на том, что произошло в прошлом. Сейчас нам останется только доказать, что это настоящее может существовать именно потому, что мы что-то сделали в прошлом для его существования. Короче говоря, мы делаем то, о чём в истории уже записано.

Дуг нахмурился. Тони Ньюмен взял в руки заряженное ружьё. Оно было очень тяжёлым. Он указал рукой на нужное место покосившейся балки. На ней, как мишень, темнело грязное пятно, вероятно в том месте, где проходил сучок. К тому же, перекос здесь был наиболее сильным.

Вокруг них раздавался храп. Тони выбрал опору для своего ружья, то же сделал и Дуг.

— Раз, два, три! — аккуратно отсчитал Тони.

Они выстрелили одновременно. В толстенном доме это прозвучало, как взрыв, как пушечный выстрел. Две пули с глубокими бороздками ударили по балке в том месте, где она более всего перекосилась. Она свисла почти до самого пола.

Раздались крики. Люди повскакивали с мест. Никто ничего не понимал. Затем Тони крикнул, что это просто сломалась балка.

Две пули с бороздками и сотня грамм пороха в каждом заряде сделали своё дело, сдвинув с места прогнутую под собственной тяжестью балку. Она провисла и, казалось, грозила упасть каждую минуту.

Но охотники в те времена были исключительно практичны. И дом был построен так, что крыша всё равно не могла рухнуть. Может быть, значительно позже, но не сейчас.

Мужчины выбрались наружу прямо в нижнем белье, скоро вернулись с бревном. Оно оказалось как раз нужной длины. Каждый, включая и зачинщиков переполоха, принялись возиться, прилаживая балку так, чтобы она больше не провисла. Подперев её, им удалось даже чуть-чуть приподнять её.

К тому времени все уже проснулись. Опять лечь никому не хотелось. Кто-то разжёг огонь. Скоро для всех будет сварен кофе. Охотники уселись в кружок, разговаривая о подобных же известных слу-

чаях, когда все вскакивали по тревоге. Закипел кофе. Он был исключительно крепок. Каждый выпил по одной-две большие кружки.

— Может быть, она бы и сама сломалась, — прошептал Тони на ухо Дугу, — но ведь никто так и не узнал, что виновники мы с тобой. Ну, а сейчас нам остаётся только сидеть и ждать событий.

Но ничего не происходило. Дело близилось к рассвету. Тони подошёл к окну и выглянул. Ничего. Он попытался рассмотреть Канадскую реку, окружённую деревьями. Ничего. Наступил ложный рассвет, когда небо светлело перед тем, как окончательно потемнеть. Ньюмен взглянул на ближайший дом. Там жила девушка Елена. Дом выглядел угловатым, тёмным пятном. В горле у него пересохло от нервного напряжения. Это было самое время для атаки индейцев. Им пришлось бы спешиваться и подкрадываться пешком. Фактория, безусловно, уже окружена. В любой момент...

Затем Тони увидел нечто, от чего кровь застыла в жилах. Он не закрыл за собой дверь. Если бы Тони увидел их вовремя, то постарался бы остановить любой ценой. Но они уже вышли из магазина. Тони подбежал к двери и закричал, чтобы они возвращались. Они отошли уже ярдов на пятьдесят. Одного из них, согласно историческим сведениям, звали Билли Огг, другого — Вильям Тайлер.

Когда Ньюмен закричал, Билли Огг оглянулся и крикнул, спрашивая в чём дело. Тайлер пробурчал что-то непонятное и продолжал идти к краалю. Ничего особенного не было слышно. Трава была мокрой от росы.

Внезапно неподалёку прогремел выстрел. И тишина разорвалась. Она разлетелась на тысячу кусков. Раздался такой громкий крик тысячи воинов, что он отразился эхом от холмов и прокатился обратно. Кустарник неподалёку от реки ожил. Он как бы поднялся на ноги и, стреляя, помчался к зданиям. Билли Огг в первую секунду недоумённо смотрел на эту движущуюся волну убийства. Затем он огромными прыжками понёсся обратно к магазину Харнаана. Тёмные тела с воплем мчались за ним. Выстрелили где-то рядом с ухом Тони. Пули индейцев вгрызались в брёвна неподалёку от него. Огг добежал до двери и нырнул в дом. Кто-то оттащил Ньюмена от окна. А дверь уже заперли и забаррикадировали бревном. Тони сел прямо на пол. Он с фотографической чёткостью вспомнил внутреннее помещение магазина Харнаана: бревен-

чатые стены, к которым были прислонены тюки с мясом бизонов и вдоль которых стояли бочонки с виски.

Когда Тони поднялся на ноги, в комнате оставалось всего десять человек, двое стреляли из окна, такого узкого, что оттуда мог стрелять только один человек. Ещё трое искали своё оружие. Огромный, высокий человек с бакенбардами пытался взобраться на крышу. На его поясе висело два револьвера. Ещё двое занимались тем, что устраивали у дверей баррикаду.

Затем атакующая волна нахлынула на здания. Тони, казалось, чувствовал их тела, с силой прижатые к брёвнам. Он взял в руки одно из ружей, то самое, из которого он уже стрелял раньше. Открыл коробку с патронами и наполнил ими свои карманы. В окно влетела пуля, чуть не задев его. Какой-то мужчина отскочил от окна, проклиная опустевший магазин своего ружья. На его место встал другой. Потом выстрелы слышались сверху. Мужчина с бакенбардами забрался, наконец, на крышу и оттуда палил вниз в смутные очертания фигур индейцев. Пули чавкали, ударяясь и застревая в брёвнах. И время от времени в шум битвы вплетался дикий победный крик краснокожих.

В этот день сражались индейцы четырёх племён под руководством Гвана Паркера, сражались за то, за что обычно сражаются люди. Белые же сражались за свои жизни, и это был их стиль сражения, стиль белых людей, не имеющий никакого смысла.

Тони и Дуг тоже включились в борьбу, потому что у них не было другого выхода. Они заряжали ружья и стреляли, заряжали и стреляли в абсолютной темноте. Казалось никаких посторонних звуков нельзя было услышать, но в наушниках раздавался какой-то шум.

Это плакала Мак-Грегор. И ревела она не из-за Тони.

12

Бревенчатые стены дрожали, ружья гремели, и пули смачно чавкали о толстые брёвна. О храбрости американских индейцев никто никогда не спорил. Не приходилось сомневаться в ней и сейчас. Они атаковали упорно, пытались пролезть в узкие окна, ломились в двери. Но магазин Харнаана защищали хорошо.

Из окон и с крыши индейцев косила смерть. Дверь была забаррикадирована так, что в неё нельзя было пробиться. Защищаться от такой массы индейцев воз-

можно только от отчаяния, но и атаковать — тоже было безумием.

Индейцы, казалось, поняли это. Атака внезапно прекратилась. Они не отказались, конечно, от мысли продолжать своё выступление, но решили выбрать не столь защищённый дом. Например, оставался ещё магазин Райта и Райта. Харнаан защищали люди уже проснувшиеся, с оружием наготове. Но в магазинах Райта и Райта и Леонарда и Мейерса все ещё спали. Никто не сторожил. Двери были заперты, но больше никаких предосторожностей не принималось. Индейцы, отхлынув от Харнаана, побежали к другим зданиям.

Они буквально облепили стены зданий, пытаясь разрушить их голыми руками, стреляя в двери, и дробя брёвна своими томагавками. Эти томагавки, кстати, были сделаны из исключительно хорошей стали специально для индейцев восточными промышленниками. Одно бревно было уже фактически оторвано от дома. Краснокожие пытались оторвать его совсем и пробраться в здание. Многие пытались пролезть в узкие окна.

Трудно поверить, но исключительно долго этой атаке ничто не было противопоставлено. Но двери устояли против пуль и томагавков. Бревно удалось освободить ровно настолько, чтобы оно под собственным весом опять легло на старое место. При первой атаке сквозь окно пробрался только один индеец. Он нырнул в темноту и схватился врукопашную с только что проснувшимися охотниками. Индеец был смазан жиром, скользок и вооружён. Белый был в красном фланелевом белье, в котором он спал. Борьба кончилась тем, что индеец был задушен.

Через несколько долгих мгновений в Харнаане сообразили, что они отразили первое нападение. И тот час же кинулись открывать двери, которые незадолго до этого так тщательно баррикадировали. Магазин Райта и Райта находился всего в двадцати ярдах. Индейцы так облепили его, что самого дома почти совсем не был видно.

Пули охотников, выбежавших из магазина начали сбивать их со стен в начинающемся рассвете. На открытом месте они могли стрелять все сразу и значительно быстрее. Когда они открыли пальбу, проснувшиеся люди в магазине Райта и Райта всё ещё искали оружие. Индейцы продолжали атаковать окна. Но, наконец, и из окон послышалась стрельба. Они открыли огонь и сразу же расчистили все окна, убивая без пощады.

Секундами позже выстрелы охотничьих ружей послышались и из магазина Леонарда и Мейерса.

У индейцев было огромное преимущество, как во внезапности нападения, так и численности. Но каждый из них сражался ради собственной славы. В магазин Райта и Райта проникли ещё двое. Они устроили переполох, но были убиты. И в магазин Леонарда и Мейерса — трое, один из которых был убит, ещё не достигнув пола, а двое других — спустя несколько секунд.

И внезапно волна индейцев схлынула. Их атака захлебнулась. Они, в основном, рассчитывали попасть внутрь зданий через окна, но эти окна оказались такими узкими, из них прекрасно можно было вести стрельбу, а индейцев было так много, что ни одна пуля не пропала даром, унося с собой часто не одну жертву. И среди атакующих началась паника. И тёмные фигуры отхлынули от стен. Многие опять скрылись в кустарнике и других потаённых местах.

Стонали раненые. Где-то заржала лошадь. Первая атака потерпела неудачу.

Гвана Паркера, нельзя было упрекнуть за плохой план нападения. Он хотел, чтобы несколько воинов осторожно пробрались к зданиям и проникли сквозь окна. Он хотел, чтобы они пролезли внутрь один за другим, не вызывая никакого шума, пока им не удастся отпереть двери для остальных. Но он не мог приказать им поступить именно так. Даже его подчинённые младшие вожди Белый Щит и Одинокый Волк не поддержали бы никогда такого плана. Существовал принципиальный закон, по которому ни одному воину не разрешалось иметь преимущества при убийстве. Атака должна быть общей. Гвана Паркер не мог предпочесть кого-нибудь своим командам. Они были слишком свирепы. Не мог он предоставить нападать первыми арапагосам. Они были слишком вспыльчивы. Шиены были слишком горды. Киова никому бы не уступили первенства.

Итак, первая атака кончилась, и наступила сравнительная тишина, нарушаемая лишь стонами раненых и ржанием лошадей.

Эта тишина была удивительна. Даже более удивительна, чем наступившее утро. Небо посветлело, и сразу же запахло свежестью. Ветерок унёс с собой запах пороха и крови. Но людям было ещё о чём беспокоиться. В магазине Леонарда и Мейерса легли спать десять человек. Сейчас в живых осталось только восемь. У Райта и

Райта из восьми человек осталось пять. В магазине Харнаана остались ещё шесть человек, способных держать оружие, включая Тони и Дуга. Большие грузовые фургоны братьев Шайдлеров подверглись атаке в первую очередь. Братья оставили свои ружья в магазине Харнаана, а сами улеглись спать. Четверо мексиканцев-погонщиков быков — спали во втором фургоне. Ни у тех, ни у других не было ни одного шанса выжить. Они были убиты и оскальпированы в самом начале сражения.

Повсюду валялись убитые индейцы, но раненых было немного. Спустя некоторое время из зданий начали выходить люди. Из-за деревьев у реки слышались редкие выстрелы. Но белые не обратили на это никакого внимания.

У индейцев оружие часто не уступало тому, которое было у белых. При сражении у Литтл Биг Хорн их оружие даже превосходило то, которое было в распоряжении кавалерии Кустера. Но они были плохими стрелками. И с такого расстояния их пуль можно было не опасаться.

Затем между краалем и домами возникло какое-то движение. По направлению к зданиям едва-едва полз человек. Это был не индеец. Двое белых быстро побежали к нему на помощь, а несколько охотников открыли огонь по зарослям кустарника. Завязалась кратковременная перестрелка. Раненого быстро принесли в магазин Харнаана. Это был тот самый Вильям Тейлор, который вместе с Билли Оггом вышел из дома до того, как началась тревога и который продолжал идти вперёд, когда Билли остановился. Его лёгкие были прострелены одним из первых индейцев, но те так торопились начать атаку, что не остановились, чтобы оскальпировать свою жертву.

Тони вздрогнул, услышав голос Мак-Грегора.

— С вами всё в порядке? Тони?... Д-доктор Филиппс?

— Я не вижу его, — начал Тони и замолк, увидев Дуга. На лице его была кровь. Тони бросился ему навстречу. И быстро понял, что это просто открылся старый шрам, который Дуг получил ещё в Джонстауне, когда спас девочку от наводнения и порезался оконным стеклом.

— С Дугом полный порядок, — он отвечал нетерпеливо, видя явное предпочтение, которое Мак-Грегор оказывала Филиппсу. Но тут он вспомнил о девушке Елене, которую он не видел со вчерашнего вечера. И с которой он так и не обменялся ни словом.

— Я просто хотела знать...

— Я не знаю, — раздражённо вмешался Дуг, — за-

писывает история события или изобретает их. Согласно историческим документам, балка сломалась, и мы с Тони сделали всё, чтобы она действительно сломалась. Но этого бы не случилось, если бы не было отражено в документах. Мы никогда даже не думали об этом!

Он помолчал.

— Энн? Кирк? Что там ваша воздушная упряжка говорит об индейцах? Достаточно ли с них?

— Непохоже, — ответил генерал. — Упряжка как раз над ними, и телеглаз смотрит точно вниз. Весь кустарник так и кишит воинами. По-моему, они никуда не собираются уходить, но сейчас ещё рано об этом говорить.

— Я пойду, посмотрю, как там в других магазинах, — сказал Тони и пошёл в магазин Леонарда и Мейерса. Ему вдруг страстно захотелось убедиться в том, что Елена не стала одной из жертв нападения индейцев. Это было, конечно, безрассудством, но с ним случилось нечто, что бывает почти с каждым и что признаёт далеко не каждый, им овладел непреодолимый интерес к этой девушке.

Он уже подходил к магазину, когда оттуда вышел Бат Мастерсон. Тони кивнул головой и прошёл бы мимо, но Мастерсон остановил его.

— Ваш друг говорил, что вы видите вещи, которые только должны произойти — Он пожал плечами. — Здесь вы угадали! Они действительно на нас напали, да ещё как!

— Да, — сказал Тони. — Нападение было.

Из-за деревьев донёсся выстрел. Звук летевшей мимо пули был отчётливо слышен.

— А вы, случайно, не знаете, что ещё должно случиться? — спросил Мастерсон. Он не выглядел убеждённым в необычных способностях Тони, но он больше не иронизировал.

— Пока нет, — ответил Тони. Он подхватил объяснение Дуга, ранее данное этому человеку.

— Я или знаю это, или не знаю. От меня это не зависит.

Ещё один выстрел. Ещё одна просвистевшая мимо них пуля.

— Я думаю, нам лучше отойти, — неторопливо сказал Мастерсон. — Но если вам ещё что-нибудь покажется, дайте мне знать.

Он махнул рукой и ушёл. Тони вошёл в магазин. Огонь горел там же, где и прошлым вечером. На огне

стоял всё тот же горшок с мясом. Тони поискал глазами девушку. Она стояла, наклонившись над одним раненым.

— Скоро будет кофе и какая-нибудь еда, — сказала она. — Я занимаюсь перевязкой ран. Как дела у других?

Тони обнаружил, что он что-то бормочет. Елена спокойно взглянула на него, и через секунду он уже рассказывал ей о положении в других домах.

— Пойду посмотрю, не смогу ли чем-нибудь помочь, — сказала она.

— Индейцы всё ещё стреляют, — запротестовал Тони. — Лучше не ходите.

Она улынулась и подняла с пола связку импровизированных бинтов — разорванных на полосы кусков полотна из магазина, которые не имели в Эдоб-Уолзе большого спроса. Она вышла из двери и пошла к магазину Харнаана.

Откуда-то донёсся выстрел, но направлен он был, очевидно не в неё. По всей видимости, индейцы все ещё надеялись попасть в одно из окон, где эта пуля могла найти свою цель.

Тони никуда не пошёл. Сам не зная зачем, он принялся подкладывать дрова в огонь, на котором тушилось мясо. Это был его первый разговор с Еленой за всё время, что они были здесь. Он часто видел её, и она иногда подавала ему пищу, но за всё это время, что они защищались от индейцев, ему ни разу больше не удалось поговорить с ней. Это беспокоило его и тогда и потом.

Положение в Эдоб-Уолзе, несмотря на то что первая атака была отбита, оставалось тяжёлым. Индейцы не могли признать своё поражение и уйти без того, чтобы не потерять уважение к самим себе. К тому же, это был их единственный шанс уничтожить белых переселенцев на этой территории и продолжать жить так, как они хотят. Если уничтожат охотников на бизонов, техасское стадо бизонов будет спасено от уничтожения, и они смогут жить свободно и ни от кого не зависеть. Если же стадо уничтожат, индейцам придётся либо умереть с голода, либо жить в резервациях на условиях, предложенных им правительством. У индейцев были причины для того, чтобы сражаться, но то, как они обращались с пленными мужчинами и женщинами, не давало ни одному белому высказать хоть немного дружелюбия в их адрес.

Поздним утром Дуг Филипс вместе с остальными принял участие в сборе индейского оружия, оставленного на поле боя. В большинстве случаев мёртвые индейцы

валялись прямо под окнами и у стен домов, которые они пытались разрушить. Оружие было самое разнообразное: от томагавков до тяжёлых современных ружей. Теперь защитники фактории были вооружены немного лучше, чем во время первой атаки. Но и у них были убитые.

Прошлой ночью в трёх домах находилось двадцать восемь человек, способных держать оружие в руках. Осталось только девятнадцать. Из них примерно половина вышла из боя даже без царапин. У остальных были раны, как лёгкие, так и тяжёлые. И всё-таки каждый, кто был способен двигаться, спокойно выходил из дома, не обращая внимания на стрельбу, которую поднимали при этом индейцы.

Порох и пули высоко ценились индейцами. Им приходилось платить за них очень высокую цену, а жизнь их зависела от оружия, которое давало им возможность убивать белых, отстаивая свои права. И они не могли себе позволить практиковаться в стрельбе или стрелять по мишеням. В результате, на достаточно большом расстоянии они почти никогда не попадали в цель. Но, тем не менее, у них были высокие шансы стереть факторию с лица земли. И охотники на бизонов знали это. Они не смогли бы продержаться достаточно долго, если бы то положение, в котором они очутились, не стало бы известно другим белым. Об этом нечего было и мечтать. Они были в очень тяжёлом положении.

Ньюмен, запрятавший свои наушники под воротник рубашки, почувствовал на теле слабую вибрацию. Он прикрепил их на место.

— В чём дело? — тихо спросил он. Из наушников послышался настойчивый голос Кирка.

— Они готовятся к новой атаке, Тони! Если бы они собрались уйти, они не выглядели бы такими оживлёнными. А они выделяют всякие кульбиты на лошадях, показывая жестами, что они будут делать. Все они собрались на той стороне холма позади домов. Похоже, что собираются атаковать не пешими, а конными. Это сумасшествие! Но их так много, более тысячи!

Дуг Филипс подошёл к Тони. Выражение его лица было усталым и угрюмым. Он, конечно, слышал всё, что говорил Кирк.

— Ну вот, — сказал он иронически, — теперь все уверены в том, что индейцы получили вполне достаточно и уберутся прочь! Охотники говорят, что основная масса

их уйдёт, и останутся только несколько человек, чтобы заполнить для себя скальп или два, но...

Тони не дослушал, он уже отправился на поиски Бата Мастерсона. Этого человека, уже сейчас знаменитого, будут слушать. Он был шерифом во многих городах запада, где царило полное беззаконие. Он был старым другом Батта Йорпа и Дока Холлидея. Его авторитет был так велик, что однажды он поехал в Додж-сити и выгнал оттуда мэра и разогнал городское управление потому, что ему не понравилась та позиция, которую они заняли по отношению к людям.

Легенды о его делах будут жить ещё долгое время. Но его кончина будет совершенно нелепой. Будучи обозревателем спортивных новостей одной из Нью-Йоркских газет, он умрёт в собственной постели естественной смертью.

Ньюмен нашёл его у бочонка с виски, где он наливал себе утреннюю порцию.

— Прошлой ночью, — начал Тони, — доктор Филипс пытался убедить вас, что я обладаю даром быть иногда ясновидцем. Он говорил вам о том, что мне известно о предстоящей атаке на рассвете. Вы ему не поверили. Они напали. А совсем недавно вы просили меня сообщить вам, если со мной случится нечто в этом роде.

Бат Мастерсон посмотрел на него с нескрываемым любопытством:

— Ну?

— Индейцы собираются в атаку, и на сей раз не из-за деревьев, а с холмов за магазинами. Они готовятся к конной атаке.

Мастерсон уставился на него.

— Конными? Это идиотизм!

— Я вас ни в чём не убеждаю, — сухо ответил Тони. — Я просто сообщаю о том, что мне известно. Это случится скоро. Это всё, что я могу вам сказать. И я в этом уверен.

Ньюмен пошёл обратно к Дугу, который стоял у дома Харнаана, сжав руки в кулаки. Лицо у него было искажено яростью.

— Я думаю, — сказал Тони, — что нам неплохо было бы заняться индейским оружием и зарядить его.

Дуг скрипнул зубами.

— Что это даст? — пробормотал он. — Эти дураки...

— Но Мастерсон не отмахнётся теперь от моих слов, — возразил Тони. — И он будет думать. Может

быть, он сможет понять почему они собираются напасть на нас конными. А я не могу!

И он принялся методично заряжать оружие убитых индейцев. Оружия было много. Гвана Паркер не хотел ничем рисковать. Здесь были и мушкеты, чуть ли не со времён испанской войны, и ружья, заряжающиеся с дула, и современные тяжёлые ружья для охоты на бизонов, и даже пистолеты. На кольцах была выгравирована эмблема США, и они наверняка подобраны после войны в Литтл Биг Хорн. Тони заряжал одно ружьё за другим. К нему присоединился один пожилой охотник, а затем и Дуг. Спусти некоторое время перед ними остановился Бат Мастерсон.

— Вы сказали, что не знаете причины, по которой индейцы будут атаковать нас конными. А я уже знаю! До такой сумасшедшей шутки могли додуматься только индейцы! И они безусловно попытаются сделать это.

Он отошёл. Дуг, нахмурясь, посмотрел ему вслед. Когда они кончили заряжать оружие, он отозвал Тони в сторону.

— Что ты сказал Мастерсону? — потребовал он.

Когда Ньюмен кончил свой рассказ, Дуг в недоумении развёл руками.

— Но зачем им атаковать конными? Дикая идея.

— Может для индейцев это и не так. Кстати Мастерсон так же считает. А сенатор читал, что именно благодаря умелому руководству Мастерсона индейцы не одержали верх. Вот я и рассказал ему всё, что сообщил мне генерал. И теперь он собирается использовать эти сведения, руководя людьми. А может быть... на самом деле так это и произошло...

— Что произошло?

— То, что он стал предводителем охотников и своим умением спас их от гибели. А может быть и то, что мы попали сюда не случайно... Смотри, Дуг. Я отправился в прошлое потому, что Кларк собирался закрыть проект. Ты отправился вслед за мной. Из-за того, что мы очутились в Джонстауне, маленькая Юлия Боуэн не погибла в наводнении, и сенатор был рождён, чтобы потом попытаться закрыть проект Тик-Ток, послав меня тем самым в прошлое, спасти девочку. Разве тебе не ясно?

— Нет, — со злостью ответил Дуг. — Я сам в этом замешан, но ничего не понимаю.

— И я тоже, — с готовностью подтвердил Тони. —

Поэтому я просто пойду сейчас в другие дома и посмотрю, как у них там.

Он пошёл в магазин Леонарда и Мейерса. Пока он добрался до дома, в него выстрелили два раза. Одна пуля подняла облачко пыли у его ног, другую он даже не слышал.

Елена перевязывала раненого. Тони стоял и смотрел. Он знал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Она принадлежала этому времени, он — другому. Были и другие причины. Он повернул обратно.

Стоял великолепный солнечный день. На голубом небе не было ни облачка. В него выстрелили ещё раз. Но Мастерсон уже руководил людьми, чтобы отразить нападение со стороны холмов. Конную атаку. Он расставлял людей по местам, объясняя каждому, что ему делать. Тони чувствовал восхищение к этому человеку, который и в бессмыслице сумел найти свой смысл.

Было примерно двенадцать часов дня. Охотники решили перекусить, Тони присоединился к ним. Ожидание было невыносимым. Ему было легче, если бы он мог пойти защищать Елену. Но в магазине Харнаана было не так уж много защитников, и ему лучше было остаться.

Вскоре после двенадцати снаружи послышался какой-то звук, напоминающий сигнал охотничьего рога. Этот серебряный звук ясно и отчётливо прозвучал в тихом, спокойном воздухе. Охотники бросили все свои дела, вслушиваясь, но ни один из них не подумал о том, что это был сигнал, по которому кавалерия раньше атаковала индейцев. Это никому не пришло в голову. Рожок прозвучал ещё раз. И это был приказ коннице индейцев атаковать.

С обеих сторон холма появились движущиеся точки. Они быстро росли. Краснокожие с раскрашенными лицами и перьями в головных уборах неслись к домам. Копыта лошадей барабанной дробью отражались от земли.

Сначала они находились вне пределов выстрела, хотя тяжёлые охотничьи ружья били на семьсот ярдов. Но они приближались. Такой картины наверняка не видел никто и никогда раньше и вряд ли увидит после. Более тысячи всадников неслись на Эдоб-Уолз. Качались перья... Лошади всевозможных расцветок несли на себе диких всадников. Ещё раз прозвучал сигнал рожка. Самые нетерпеливые из индейцев, сломав строй, вырвались вперёд и приближались к зданиям.

Из бревенчатых домов раздались выстрелы, но они были неточными. Краснокожие приближались к ним в клубах дыма от мокрой соломы, которую они держали в протянутых руках. Более тысячи воинов команчей, арапаго, шиенов и киова скакали к Эдоб-Уолзу за занавесами дыма, который скрывал за собой всех, кроме скачущих впереди всадников. Это была старая индейская тактика, применяемая ещё за полвека до того, как белые додумались использовать её в войнах. Стрельба усилилась. Охотники стреляли сквозь эту дымовую завесу из дверей, окон домов. Некоторые из них находили даже время сунуть в рот кусок жевательного табака.

Они целились и стреляли исключительно аккуратно, жуя табак и сплёвывая на землю. Часть индейцев с горюющей соломой была уничтожена. Охотники стреляли пока только из индейского оружия, приберегая своё на потом. Падали лошади и люди. Но индейцы не обращали внимания на потери. Барабанная дробь копыт, приближаясь, становилась всё громче и громче, заглушая даже выстрелы. Слышались воинственные крики.

К зданиям катилась волна с поднимающимся изпод ног облаком пыли. Затем эта волна ударила по зданиям. Дома были сотрясены до самого основания. С крыш посыпалась пыль. С сумасшедшей настойчивостью воины пытались сломать забаррикадированные двери телами своих лошадей, поскольку им не удалось сломать их своими собственными. Промежуток между домами был полностью заполнен человеческими и лошадиными телами.

И индейцы задумали новый трюк. При свете дня, когда их косила смерть, они пытались разобрать здания голыми руками. Одно бревно в магазине Райта и Райта немного отошло в сторону, но на чём-то застряло. И сейчас они накидывали на бревно лассо, тащили их в разные стороны, буквально сремясь разобрать их по брёвнышку.

Но именно к этому и готовились защитники. Они убивали людей и ранили лошадей. Раненые животные поднимались на дыбы, брыкались, пытаясь высвободиться из окружающей их массы тел и сбивая индейцев с ног. Отовсюду неслись стоны и крики раненых, ржание лошадей. Грудами валялись мёртвые.

И индейцы не выдержали. Они откатились прочь. Опять наступила необычная тишина.

Включая Тони и Дуга, перед первой атакой индейцев на факторию в ней находилось двадцать восемь человек. Кроме того, были ещё братья Шайдлеры и несколько мексиканцев, но они были убиты сразу же. К концу второй атаки осталось в живых всего восемнадцать человек. И каждый из них был ранен. И сражение ещё не окончилось. В течение всего времени индейцы продолжали стрелять. На заходе солнца они пустили зажжённые стрелы, некоторые из которых упали на крыши домов. Индейцы подползли ближе, чтобы стрелять, когда белые выбегут из домов тушить пожар.

Но крыши были покрыты дёрном. Они просто не загорелись. В худшем случае они немного дымились, и это легко можно было исправить изнутри.

Ночью защитники попали в более тяжёлое положение. Луны не было видно, а при свете звёзд невозможно было разглядеть индейца, особенно если он лежал спокойно на земле и ничем не отличался от мертвого воина. Некоторые именно таким образом пробрались к окнам.

В доме Райта и Райта пулей, пущенной почти в упор через окно был убит ещё один человек. И с этим ничего нельзя было поделать. Ночами индейцы использовали другую атаку, чем днём. И положение белых было таково, что они должны были держаться, пока всех их не перебьют. Но и у индейцев положение было не из лёгких. Они не могли оставить позади себя Эдоб-Уолз, не уничтожив его. Они не должны оставить в живых ни одного белого. Сохранение техасского стада бизонов и их собственная свобода зависела от выполнения этой задачи. И Гвана Паркер напряжённо искал решение этой проблемы.

В полдень четвёртого дня осады Тони увидел на отдалённом холме группу индейских всадников. Их вид был непривычен, и они выглядели незнакомыми, хотя Тони видел индейскую одежду только тогда, когда стрелял в тех, которые ещё не были мёртвыми. Он спросил, что это за всадники и что им может быть нужно.

— Профессиональный интерес, — произнёс Мастерсон, внимательно присматриваясь. — Это пауны и осаги. Они не присоединились к тем индейцам, с

которыми мы сейчас воюем, но они прослышали о сражении и пришли посмотреть, как обстоят дела. Если бы нас уничтожили, они могли бы посоветовать своим племенам присоединиться к Гвана Паркеру и собрать несколько белых скальпов пока обстановка выгодная. Но сейчас они видят, сколько воинов он потерял в этом сражении.

Но группа всадников не ускакала прочь. Они стояли, как будто ожидая, что случится нечто интересное. Бат Мастерсон часто поглядывал в их сторону.

Они стояли в пределах ружейного выстрела, но ничего не предпринимали. Стрелять в них не имело смысла, но присматривать за ними было необходимо.

Когда от одного из холмов отделился всадник, это произошло почти незаметно. Это был юноша, голый по пояс и всего с несколькими перьями на голове. Он безжалостно погонял лошадь, заставляя её бежать изо всех сил. Оружия на нём не было видно.

Это было непонятно. Он не мог быть индейским дезертиром, пытающимся присоединиться к белым. Иначе бы в него стреляли бы индейцы.

Всадник приближался. Охотники, наблюдавшие за ним из домов, были озадачены, но юноша поскакал на своей лошади зигзагами, как бы избегая пуль.

Лошадь мчалась всё быстрее. До фактории оставалось триста ярдов. Двести. Сто. Он направлялся строго в промежуток между домами Леонарда-Мейерса и Харнаана. Но это выглядело, как ненужная бравада юнца, который захотел проскакать сквозь строй белых.

Он был уже совсем близко. Тони видел бешено вращающиеся глаза лошади, которую заставляли скакать с такой скоростью. Он был уже у зданий, уже скакал между ними. Белые не стреляли. Но внезапно молодой индеец выпрямился и бросил что-то в боковую стену магазина Харнаана. Тони успел только увидеть в воздухе какой-то летящий шар и почувствовать на мгновение запах дыма.

Скачущий всадник испустил торжествующий клич. Он низко пригнулся к шее своей лошади и с той же сумасшедшей скоростью помчался обратно. Кто-то выстрелил в него и промахнулся. Кто-то выругался. Затем...

Раздался взрыв. От боковой стены дома повалил дым. С потолка посыпалась земля. Кто-то — дезертир или ренегат — смастерил небольшую пороховую бомбу, которую сейчас и кинули в магазин. Но её было явно недостаточно, чтобы разрушить здание. Зато было это эффек-

тно. Валил дым. В земле образовалась воронка и только. Эта идея провалилась точно так же, как и остальные планы индейского полководца.

После захода солнца краснокожие, наблюдавшие за сражением с холма, отправились домой. Некоторые киова тоже откололись от основных сил и составили отдельный отряд. Выстрелы всё ещё продолжали греметь.

На пятый день осады был ранен ещё один человек, а на шестой — ещё двое. И как раз на шестой день один индеец, наблюдавший за битвой с холма, рассказал своему другу, белому человеку из Додж-сити, о том, что он видел.

И как раз на шестой день Кирк сообщил, что они закончили большую машину времени, способную перенести двоих через Туннель в то время, которому они принадлежали. Эта машина была проверена и испытана, перепроверена и была в полном порядке.

Филипс дополнительно скептически отнёсся к отчёту Кирка.

— Упряжки мы тоже проверяли по нескольку раз, но у нас получилось совсем не то, чего мы хотели, — сказал он. — А что по этому поводу думает Энн?

Наступило долгое молчание. Затем генерал сказал:

— Её здесь нет. Не выдержала. Истерика. Она не могла заснуть и каждые пять минут прибегала к пульта. Слушала эту стрельбу и крики и в конце концов свалилась. Но врач говорит, что всё будет в порядке, просто нервный срыв.

— Могли бы и раньше об этом сказать, — сердито буркнул Дуг. — Её нужно было заставить отдохнуть. Я рассчитывал на Энн... Передайте ей, что я прошу её поправиться как можно быстрее.

— Если она больна, — вмешался Тони, — то кто будет управлять машиной?

Кирк ответил, что за пультом будет Сэм Крейтон, тот самый, что отвёз сенатора и Ньюмена к Туннелю. Он уже практикуется с миниатюрной упряжкой, которая парит над факторией. У него хорошая реакция, и он может это сделать, вне всякого сомнения. Но у Мак-Грегора была ещё и интуиция. Поэтому лучше её оператора не было. Дуг помрачнел. Он хотел, чтобы за пультом сидела именно она, когда им придётся рискнуть и отправиться на новой машине. Он доверял её умению, её опыту.

К тому же Дуг сильно волновался из-за того, что ге-

нерал не успел детально описать ему новую конструкцию. Хотя практически это не имело никакого значения.

В наушниках было слышно, как подготавливали и настраивали аппаратуру. Был слышен ноющий звук, когда включилось силовое поле Туннеля. За пультом сидел Сэм Крейтон. Машина времени должна была исчезнуть из Туннеля точно так же, как кроличья упряжка, или как Тони и Дуг после него. Но этого не произошло.

Не произошло ничего.

Машина времени не исчезла. С ней вообще ничего не случилось. Она просто осталась стоять на месте.

14

Новости об осаде Эдоб-Уолза молнией облетели Додж-сити. Уважаемые граждане города немедленно обратились к командующему гарнизоном с вопросом, когда же на выручку осаждённым будут направлены военные силы. Мэр города Док Келли был потрясён. Это был один из тех случаев, когда горожане и военные нашли общий язык. Отовсюду сыпались вопросы. Когда будут отправлены солдаты? Не нужно ли им чего-нибудь, в чём им охотно помогут все граждане Додж-сити? Люк Шорт, владелец бара "Длинная Ветвь", тоже был потрясён, но остался при этом практичным. И выразил мнение большинства. Нужно ли командующему разрешение вышестоящих властей, прежде чем выступить? Если нужно, то тогда на помощь к осаждённым могут пойти сами горожане, не дожидаясь никакого разрешения. Командующий ответил, что он уже послал телеграммы. И тут же послал ещё несколько, со всевозможными подробностями.

И ещё.

И наконец на них ответили. Эта была самая настоящая война, когда тысячи индейских воинов нападали на фактории, где не могло быть более пятнадцати-двадцати белых. И абсолютно ясно, говорилось в ответе на телеграммы, что такое небольшое количество людей, в особенности гражданских, не могло обороняться против армии воинственных индейцев. И если, как сообщалось, они сдерживали нападение столь долго, то к тому времени, как подойдут военные отряды, они, несомненно, будут всё перебиты. Поэтому следовало отрядить карательную экспедицию, но не сейчас, а позже, хорошенько подготовившись. Короче говоря, сообщалось, что сейчас уже поздно было что-либо предпринимать.

Но такой ответ отнюдь не удовлетворил граждан Додж-сити. Они взорвались. Они кричали, что их город самый плохой во всём мире, но есть же предел. Наиболее чётко эту мысль выразил небезизвестный скотовод Шенган Пирс, о котором говорили, что его слышно примерно за четверть мили, когда он разговаривает шёпотом. Мэр Док Келли поговорил с согражданами. Люк Шорт поговорил со своими друзьями. Они собрали всех, кто хотел к ним присоединиться, и в Эдоб-Уолз направилась большая группа горожан. Это были охотники, скотоводы, игроки, повара, мясники, ковбои и многие другие люди менее уважаемых профессий. Среди них не хватало только танцовщиц. Правда, и они хотели пойти, но их не взяли.

А измученные охотники в Эдоб-Уолзе продолжали бороться. Индейцы выбрали новый военный приём: в темноте, осторожно подкрадываясь, стреляли в спину. Белые не привыкли к такой тактике, они предпочитали сражаться лицом к лицу. Но индейцы уже обожглись в таких атаках, и белым пришлось выдумывать контрмеры, которые, в свою очередь, были признаны нелестными самими индейцами. Обе стороны, и нападающие, и обороняющиеся, явно не одобряли способ ведения войны их врагами.

Вскоре в фактории осталось всего четырнадцать мужчин, способных держать оружие. Было признано неразумным переходить из одного дома в другой. Вместо одного-двух выстрелов, теперь раздавался ураганный огонь, стоило только хоть одному выйти из дверей. И обмен визитами пришлось прекратить. Все были измучены и еле держались на ногах. Они могли бы сдаться, если бы твёрдо не знали, что ждёт любого пленника в руках индейцев. Лучше было подороже продать свои жизни.

В зале Туннеля Кирк и Крейтон отчаянно бились над разрешением загадки. Машина времени, которую они собрали собственными руками, каждый узел и агрегат которой знали и испытали, и которая не могла не работать, — тем не менее не работала и даже не делала попытки заработать и безмолвно стояла на месте.

Тони Ньюмен в это время размышлял о том, что нет ничего глупее, чем мечтать о девушке из другого времени. Её убьют примерно в одно время с ним, решил он. Ничего худшего, чем смерть, с ним не случится. Он, конечно, рискнул бы новым перемещением во времени, если бы не то, что здесь в данный момент це-

нилось каждое ружьё. И здесь была Елена... Боже, как он устал, устал, устал...

К нему подошёл отчаявшийся Дуг.

— Эта новая машина не желает работать, — сказал он хрипло. — Они пытались сотню раз. Они ставили её в Туннеле, всё проверяли. Они включали силовое поле. И ничего не получилось!

— А что должно было получиться? — рассеянно спросил Тони. Он даже не услышал что ему говорит Дуг.

— Я говорю о новой машине, которую собрал Кирк, — настойчиво повторил тот. — Она осталась в зале Туннеля, а мы можем здесь остаться навсегда! Тони! Из-за этого весь проект может провалиться!

Тони поднялся на ноги.

— Вероятно, они просмотрели что-нибудь элементарное, — ответил он устало.

— Но я хочу обратно! А они не пускают Энн к пульта! Она просто переволновалась. У неё крепкие нервы.

Ньюмен огляделся вокруг. Сломанная балка всё ещё свисала посреди комнаты. На одеялах лежало трое раненых, которые могли умереть в любую минуту. Кто-то варил себе кофе. Кто-то с неудовольствием рассматривал охотничьи ружья. Такие ружья следовало протирать мокрой тряпкой после каждых десяти-пятнадцати выстрелов, чтобы они не перегревались и, соответственно, не теряли точность стрельбы. В течение последних дней это было невозможно. И мужчине не нравилось состояние его ружья. Из-за него он мог потерять сотни бизонов в охотничий сезон.

Дуг снова начал убеждать Тони:

— Каждый узел проверен в отдельности. Я сам наблюдал по телеэкрану, как это делалось. Я сам проверил всё вместе с Кирком. Всё в порядке! Должно быть, сама идея неверна! Если бы здесь было что-то связанное с управлением, можно было бы вытащить Энн из постели. Но мы не должны этого делать без крайней необходимости. У неё нервы в ужасном состоянии. Я боюсь за неё, Тони!

Тони взглянул на него и на секунду почувствовал изумление. Любой человек на месте Дуга давно бы понял, почему не выдержала женщина. Лишь потому, что он затерян во времени, а она не могла вернуть его обратно. Она могла горячо сочувствовать Тони, но когда дело доходило до её воображения, она всегда представляла себе

Дуга с оскальпированным черепом. Вся её нервность происходила только отсюда.

— Тут дело может быть и совсем не в этом, — пробормотал Тони и внезапно замолчал.

— А что говорит по этому поводу Сенатор? — наконец спросил он.

— Он хочет привлечь учёных, — раздражённо сказал Дуг. — Академию наук! Консультантов по космосу! Но они ничего не знают о путешествиях во времени. Они даже не поверят ему!

— У меня возникли кое-какие соображения, — не дослушав, прервал его Тони. — У вас есть впечатления, что эта новая машина работает, но, тем не менее, не желает передвигаться во времени, не так ли?

— Да, конечно. А что?

— Гм...гм... в этом, по-видимому, всё дело, — раздумчиво сказал Тони. — Энн говорила нам, что обнаружила координату, которая идёт из будущего в прошлое прямо, как линия, ведущая с севера на юг. Но машина времени не может следовать этой временной линии. Это же естественно.

— Но наши упряжки путешествовали и мы вместе с ними, — угрюмо возразил Дуг.

— Нет, мы путешествовали не только во времени! Сдвинувшись на век, мы сдвинулись и минимум одну-две тысячи миль. Как ты не понимаешь? Возьми этот пистолет. Можешь ли ты переместить его на пять секунд во времени, не передвинув его хоть немного в сторону? Помни, что должен перемещать его не только во времени.

Дуг открыл рот, чтобы возразить. Затем он болезненно спросил:

— Кирк, вы слышали?

— Я готов разбить свою голову о стену — угрюмо ответил Кирк. — Продолжайте, Тони.

— Пять секунд назад этот пистолет был на том же месте, что и секунду, или тысячную долю секунды назад, — сказал Тони. — И вы не можете послать его из настоящего в прошлое на то же самое место, которое уже он занимает. Два предмета не могут находиться одновременно в одном месте. Точно так же, как один предмет не может находиться одновременно в двух разных местах. Поэтому, если вы передвигаете его и в пространстве, вы тем самым сдвигаете его и во времени. Но чтобы передвинуть предмет во временной ко-

ординате, его необходимо сдвинуть и в пространстве. А Кирк, как мне кажется, этого не учёл и пытался варьировать только временную координату, не позволяя машине сдвинуться в пространстве. Результат — налицо. Но если он попытается...

— Хватит Тони, взмолился генерал, — я уже всё понял. Мы снимем ограничение и позволим машине двигаться и в пространстве. При этом должно что-нибудь произойти.

— Должно, — согласился Ньюмен.

И произошло.

Через наушники он услышал в зале Туннеля какой-то треск. Затем крики. Но в конце концов Кирк успокоился достаточно, чтобы сообщить что машина исчезла сразу же, как было включено поле, и что они на экране чётко видят её изображение. Её местонахождение было ещё неясным, но где бы она ни была, вся земля вокруг машины была покрыта снегом. Неподалёку возвышались горы. Но всё это было неважно. Главное было то, что новая система работала, и после предварительной обкатки ею можно будет воспользоваться для возвращения Тони и Дуга.

Но Тони от этого стало не легче. Он сидел в одном доме, а Елена в другом. И он не видел её уже два дня... И это даже хорошо, что не видел, потому что... потому что всё равно ничего хорошего из этого не могло выйти...

А в это время экспедиция по спасению белых охотников оставила город. И хотя это были недисциплинированные люди, без малейшей организации, стоило им выступить, как безо всяких приказов одни перешли дозорными в авангард, другие — оставались сторожить на ночь, третьи — шли сзади, прикрывая собой основные силы.

В первый день они прошли тридцать миль. Во второй — пятьдесят. В третий — шестьдесят.

Когда машина вернулась в Туннель, даже сенатор Кларк открыто выражал свою радость. Впрочем для этого у него были свои причины. Затем её запустили ещё раз, изменив режим работы. На экране появились какие-то растения и мохнатые животные, похожие на слонов. Затем появилось изображение покинутой деревни и заросли растений, которые индейцы употребляли в пищу. Всё вместе это давало картину жизни в Северной Америке, вероятно, тысяч пятнадцать лет назад.

Вскоре шкалы на пульте были настроены на более

разумные цифры, появились бизоны. Виднелись индейцы. Но лошадей не было. Опять Северная Америка, год, вероятно, около 1600 -го.

Вечером того же дня в лагерь индейцев, ведущих осаду, прискакал всадник. Он сообщил, что население Додж-сити спешит на выручку осаждённым.

Эта информация означала, что их попытка потерпела неудачу. О их плане либо узнали, либо догадались. В любом случае элемент неожиданности нападения был устранён, а с ним рушились все надежды на успех этой войны.

Гвана Паркер с горечью признал своё поражение и велел последователям своим расходиться. Некоторые из них послушались.

На следующее утро к стенам защитников фактории подъехали индейцы, оставшиеся нейтральными. Они сообщили, что из города к ним спешат на помощь. Этих индейцев приняли вежливо.

Той же ночью Тони и Дуг вышли из магазина Харнаана и стали ждать. Хорошо вооружённые, тем не менее, ждали они появления маленького, похожего на подушечку для булавок, предмета. Наконец они увидели, как этот предмет приближается к ним. Из наушников донёсся голос Мак-Грегора. Он слегка дрожал, но это был именно её голос.

— Я опять у пульта, — сказала она. — Большая машина сразу же за краалем. Мы с генералом обследовали весь лес — индейцев там нет и в помине. Вы можете пройти прямо к машине времени, и тогда мы пренесём вас домой.

Её голос пресёкся.

— Как приятно слышать ваш голос, Энн, — взволнованно сказал Дуг. — Мне вас так не хватало.

Путешественники отошли от дома, ни с кем не попрощавшись. Их исчезновение спокойно припишут тому, что прибыла спасательная партия, а она должна была подойти до рассвета.

Это будет целый праздник, а когда подойдёт основной отряд, то о них никто и не вспомнит. И это празднование будет продолжаться до тех пор, пока люди не вспомнят, что у них есть дела в Додж-сити и не начнут постепенно покидать Эдоб-Уолз. И кто бы ни вспомнил о Дуге и Тони, они решат, что те ушли с той или иной группой. Это не будет иметь никакого значения. Останется только память о том, как двадцать восемь белых противостояли множеству дней более чем тысяче

трёмстам индейцам и сражались до тех пор, пока не осталось всего одиннадцать человек. И примера такого сражения не было ещё на земле Америки.

Задолго до всего этого пришельцы из иного времени достигли краая, следуя за плывущим в воздухе знакомым предметом. И Дуг снова был настроен пессимистически, потому что всё шло слишком гладко. Они подошли к спасительной машине — небольшой платформе с вмонтированными в неё необходимыми приспособлениями.

Они ещё в магазине взвешивались, чтобы зная свой вес, сбросить с платформы необходимое количество также взвешенных балластных грузиков и, тем самым, получить нужный суммарный вес. И силовое поле тогда перенесёт их в пространстве-времени туда, где им положено быть. Но Дуг по-прежнему оставался пессимистичным.

— Мне кажется, — скорбно сообщил он, — что всё идёт подозрительно гладко.

Ньюмен промолчал.

Они выслушали инструкции, которые им дала взволнованная Мак-Грегор. Потом Тони вспомнил, что на нём ружьё. Он снял его и швырнул в окружающую их ночь.

— Вы готовы? — раздался напряжённый голос Кирка.

— Готовы, — коротко ответил Тони.

Пауза. Потом раздался звук, похожий на лязгание зубов. Это Мак-Грегор.

Затем опять раздался голос Кирка.

— Смотрите внимательно, сенатор... Ты готова, Энн?

— Ну... раз, два, три...

Всё-таки путешествовать во времени достаточно неприятно. Тони почувствовал, что его раздирают на части. Что его разорвали. Что его голова готова взорваться. Что она взорвалась.

Затем неприятные ощущения прекратились. Но темнота осталась. Они не были в зале Туннеля, где начинается проект Тик-Ток, и который находился на глубине тысячи футов под землёй.

Где бы они сейчас не находились, они были на поверхности земли. Неподальёку ослепительно ярко сверкнула молния. Затем раздался удар грома.

И это был необычный гром. Он грохотал и грохотал, вибрировал без конца, как будто эхо возвращалось на одно и то же место, и не успевало оно затихнуть, как

вызывало другое эхо и новый гром. Разговаривать было почти невозможно.

Но Дуг попытался. Он схватил Тони за руку и закричал ему в ухо:

— Я знал, что что-нибудь случится! И, чёрт побери, оказался прав!

И если учесть, что нигде на Земле не могло быть такого грома, то он, действительно, был прав!

15

При вспышках молний можно было различить окружающую их обстановку. Она была на удивление знакомой. Вокруг росли самые обычные деревья, которые можно было легко различить. Воздух имел слабый запах озона, как будто он был сильно наэлектризован. Тони свесился с платформы и при очередной вспышке увидел траву. Он положил руку на плечо спутника и прокричал в ухо:

— Всё-таки мы на Земле! Здесь трава! И здесь должны быть рассвет и солнце.

Дуг снова стал раздражительным, как и всегда, когда попадал в тяжёлое положение. Он крикнул:

— Нет звёзд!

Тони закричал ещё громче:

— Гроза! Облака!

Дуг выкрикнул:

— Какая, к чёрту, гроза! Где дождь?

— Не знаю, — проревел Тони. — Подождём до рассвета.

Больше им ничего не оставалось делать. Ньюмен ещё не видел новой машины при дневном свете. Он прыгнул на землю, выискивая место, чтобы сесть. И сразу же наткнулся на предмет, который явно не имел ничего общего с этим временем, — охотничье ружьё. Примерно двадцать футов стали и дерева, добавленные к весу машины времени. Это было ружьё Дуга, зацепившееся за неровность платформы. Своё ружьё Тони отбросил достаточно далеко. Но Тони только застонал и отбросил ружьё Филипса в сторону. Это была такая же его вина, как и Дуга. Он зажал уши руками, чтобы не слышать грома и закричал:

— Энн! Кирк! Энн! Кирк!

Из наушников донёсся слабый всхлип — у Мак-Грегора опять начиналось нечто вроде истерики. И он рассказал, что попытка не удалась из-за дополнительного веса охотничьего ружья.

— С нами вроде бы всё в порядке, — добавил он. — скоро здесь рассветёт. Утром мы всё рассчитаем заново и уравнием груз. Тогда можно будет перебросить нас в Туннель. Пока ничего не стоит предпринимать.

— Но этот шум, — раздался дрожащий голос женщины. — Ты уверен, что это не животные?

Он объяснил ей ещё раз.

Гром всё время отражался от чего-то, как будто он грохотал в закрытом помещении. Позже надо будет выяснить, в чём тут дело.

— Я...я сидела за пультом, неуверенно проговорила Мак-Грегор. — Я думала, что это я...я... перенесла вас в... не знаю куда. И доктора Филипса! Но это оказывается не я виновата. Всего лишь ружьё...

Тони почувствовал на своём плече руку товарища.

— Тони, — прокричал он сквозь рёв и грохот. — Выключи свою упряжку, ладно? Мне нужно с ней поговорить.

Ньюмен повиновался. Он устроился поудобней и стал ждать рассвета. Ему казалось, что он ждёт уже долгие годы. Звуки грома не умолкали, но зато их почти не стало слышно, когда рассвет наступил.

И когда стало достаточно светло для того, чтобы различать друг друга. Тони заметил, что выражение лица Дуга изменилось.

— Тони, — весело сказал он. — Можно уже включать упряжку. Личный разговор окончен.

Тони подумал с юмором об этом объяснении, сопровождаемом громом, но тут же посерьёзnel. И сухо сказал:

— Посмотри-ка туда.

И махнул направо рукой.

Он никак не мог быть городом их времени. Он отличался от городов их эпохи так же, как скажем отличается город 1950 года от года 1900-го. Его здания вздымались к небу на необычайную высоту. Между зданиями были переходы и улицы, исключительно красивые и непривычные для глаз. Это был город, который мог лишь присниться архитектору, современнику Тони.

Дуг уставился на город, не в состоянии вымолвить ни слова.

И город находился в нескольких милях от них...

— Мы чувствовали себя такими цивилизованными и могущественными там в Джонстауне и Эдоб-Уолзе. Как

ты думаешь, испытывали бы мы все эти чувства, если зашли бы в этот город, Дуг?

— Это... это... я думаю, это будущее. А вот где именно... как вы думаете?

В это время раздался голос Энн.

— Генерал пытается определить ваши координаты, Дуг.

Раньше она всегда называла его доктором Филипсом.

— Мы выяснили, что вы примерно в трёх милях от Сент-Луиса, но мы не можем пока сказать, какой год. Мало данных.

Они смотрели на город. Движения в нём не было видно. Никаких самолётов. Никаких птиц. Никаких насекомых. По существу, вообще никаких звуков.

Стало ещё светлее, и наступило утро. Тони и Дуг никак не могли оторвать взгляда от этого зрелища. Но им не хотелось бы встретиться с этими людьми, с людьми, которые выстроили такой город. По сравнению с ними они будут казаться себе слишком незначительными, слишком примитивными. Как дикари. И обращаться с ними могут соответственно.

— Поскольку путешествие во времени осуществимо, — сказал Тони после долгого молчания, — люди, построившие такой город, должны были путешествовать и в наше время. Почему они этого не делали?

Но Дуг смотрел уже в другом направлении. И он показал туда рукой.

В четверти мили от них виднелась дорога. Она выходила из-за деревьев и убегала вдаль. Во времена Тони таких дорог не было. Знакомым здесь было, пожалуй, одно. Врезавшийся в дерево автомобиль. В нём сидел мёртвый. Никто не пытался достать его оттуда, или выяснить в чём дело. Или он разбился, когда движение прекратилось, или все они куда-то спешили. Последнее — вероятнее.

— Нам не стоит уходить от тележки, — медленно проговорил Ньюмен. — Здесь нельзя передвигать тележку вместе с нами, как ты это делала с малой упряжкой во время наблюдения за индейцами?

— Мне кажется, можно. Но вы лучше выбросьте это ружьё. Ведь поле настроено на ваш вес.

— Я его давно уже выкинул, — ответил Тони. Он не думал, что это ружьё может им пригодиться в две тысячи каком-то году.

Наступила тишина. Затем платформа медленно поднялась в воздух. Её передвижения были вначале неуверенными, но затем Мак-Грегор разобралась что к чему, и они двинулись к городу...

— Если нас заметят, — не очень уверенно прошептал Тони, — лучше бы нам исчезнуть прежде, чем люди поверят собственным глазам.

— Хорошо, — отозвалась Энн.

А Дуг блаженствовал. Он не обращал никакого внимания на местность, мимо которой они пролетали.

Вскоре они приблизились к домам, но нигде не заметили признаков жизни. Не увидели ни одного человека, ни малейшего движения.

— Мне как-то не по себе, Дуг, — сказала Мак-Грегор, которая наблюдала за всем на экране.

— С этого места можно всё рассмотреть, — сказал Тони. — Ты не поднимешь нас повыше? Если нам придётся исчезнуть, то не всё ли равно, выше или ниже мы?

— Да, теперь я смогу вернуть вас обратно, — сказала Мак-Грегор и подняла тележку.

Путешественники плыли между башнями и смотрели вниз. Улицы были пусты. На крышах были видны сады. Утро было уже довольно позднее. Но и представить себе, что в городе нет никого, было почти невозможно. Высоко над землёй был поднят красиво разбитый сквер. В него и из него вело множество дорог.

— Спусти нас пониже, — попросил Тони. — Это место покинуто. Я хочу выяснить, почему.

— Чума? — вдруг взволновалась Мак-Грегор.

— Да нет же, — сказал Тони. — Всё в порядке. Просто люди покинули это место.

Медленно, как бы с сомнением, платформа стала снижаться. И наконец опустилась, по всей видимости, на центральной площади города. Дороги, ведущие в сквер, неожиданно скрылись из поля зрения. После внимательного осмотра они поняли, что дороги шли под сквером, оставляя его исключительно для прохожих. Отсюда казалось, что башни упираются в самое небо. Нигде не было видно ни одной машины, хотя бы просто стоящей. Не было прохожих. Большие двери зданий как бы приглашали войти, но входить было некому. На одной из дверей была вырезана надпись. Буквы складывались в слово БИБЛИ.

— Я туда войду, — с угрюмой решительностью сказал Филиппс.

— Пойдём оба, — возразил Тони и огляделся вокруг.

— Энн, ты сможешь удержать машину на месте, когда мы сойдём? Совсем недавно ещё в этом городе жили. В конце концов, это же наши потомки построили этот город и жили в нём. Я хочу выяснить, в чём дело. И, честно говоря, мне немного не по себе.

Но он сошёл с тележки, спокойно лежащей на тротуаре.

Мак-Грегор что-то нервно прошептала и переключила ручки, чего ей ужасно не хотелось делать после того, как она настроила агрегат на возвращение Тони и Дуга обратно.

Они вошли в здание, таща за собой машину времени, которая покачивалась в нескольких футах от земли. Войдя, они сразу попали в огромный зал с высоченным потолком. Книг не было видно, но повсюду были расставлены удобные кресла, перед которыми стояли экраны с небольшими пультами. Все экраны были пусты.

— Аппараты для чтения микрофильмов, — прервал молчание Ньюмен. — Они, наверное, полностью заменили им книги. И заказ проектировали на экран, а не доставляли. Гм... Цифровая система.

Он прочитал карточку на панели управления.

— Давай попробуем заказать Новости. Поскольку это эквивалент наших читальных залов, то здесь должно быть что-нибудь вроде газет.

Он почему-то ничуть не сомневался в том, что всё это работает и в полном порядке.

Тони нажал на кнопку, и экран засветился. На нём появилось слово "Новости" и, поднявшись вверх, исчезло. Затем последовало: "Последние новости", "Новости науки", "Спортивные новости". Он нажал на кнопку "Стоп", и экран погас. Затем он опять утопил кнопку "Новости" и, когда появилась надпись "Последние новости", нажал кнопку "Выбор". И сразу же на экране возникло изображение толпы людей, необычно одетых и суетящихся у какой-то...машины? Которая должна была, по-видимому, увезти их отсюда. Раздался голос.

— Эвакуация Сент-Луиса началась сегодня утром, но основная волна людей улетела раньше. Пришельцы не пытаются установить с нами никакой связи и сами не отвечают ни на какие вызовы. Сейчас стало очевидным, что, так называемая, "стена давления" на самом деле представляет собой силовое поле, генерируемое откуда-то изнутри. Оно распространяется

со скоростью примерно две мили в час. Город будет эвакуирован в течение двенадцати часов. Население будет вывезено как подземными, так и прочими видами транспортных средств.

В экране что-то щёлкнуло, и картина переменялась. Теперь виднелось нечто среднее между грузовиками и траулером. Машина медленно двигалась. На ней был установлен какой-то аппарат, который не вызывал у Тони абсолютно никаких ассоциаций. Около него, что-то обсуждая, толпились люди. Помесь грузовика с траулером двигалась медленно, но уверенно. Голос произнёс:

— Учёные изучают природу силового поля. Результаты ещё слишком мало.

Раздался ещё один щелчок, и появилась новая картина, на этот раз цветная.

— Давление или отталкивание поля является физическим действием оружия, инструмента, или чего-нибудь другого, принадлежащего пришельцам. Это силовое поле генерируется с места приземления пришельцев. Животные, скорость передвижения которых меньше, чем скорость распространения стены, погибают от удушья. Птицы, звери и насекомые спасаются бегством. Доказано, что в воду поле глубоко не проникает. Поэтому люди, живущие на островах, могут считать себя в безопасности. На корабли, окружённые морскими глубинами, поле тоже не действует.

Ещё один щелчок. Другая картина.

— Эвакуация всех городов, стоящих на пути расширения стены проводится успешно. Есть надежда, что область поля не может расшириться до бесконечности, что рост её ограничен некими предельными размерами. Мы надеемся, что наши учёные разрешат эту проблему и найдут пути борьбы с силовым барьером. Более точные данные о пришельцах смотрите в разделе "Наука".

Ньюмен нажал кнопку "Стоп", а когда на экране появилось "Новости науки", вновь нажал "Выбор".

С экрана на них глядел мужчина, сидящий за самым обычным столом.

— Боюсь, что наука мало что может сказать об этом явлении, — сказал он. — Космическая обсерватория одного из спутников Сатурна засекала предмет, летящий с огромной скоростью. Траектория и скорость этого тела непредсказуемо менялась во время полёта, что позволило предположить искусственность его происхождения. Были сделаны попытки наладить связь. С Плут-

тона снялась четырёхместная ракета и приблизилась к загадочному предмету. И немедленно потеряла всякую связь с базой.

Космический корабль — это уже не вызвало сомнений — приземлился в 3.05 восточного времени восемь дней назад. Опять были сделаны попытки установить связь. Никакого ответа. Вместо того, чтобы ответить, вокруг корабля появился силовой барьер, окружающий его со всех сторон. В окружности трёх миль от места посадки от живущих там людей не просочилась ни малейшая информация о пришельцах. По-видимому, все эти люди погибли. Артиллерия открыла огонь. Были запущены ракеты с атомными боеголовками. Они не взорвались. А стена продолжает расширяться до сих пор. Но всё это, безусловно, вам известно. Следует признать, что до сих пор мы не видели ни одного обитателя корабля. Все попытки связаться с ними потерпели неудачу. Мы не знаем, кто они и каковы их намерения, хотя о последнем нам говорит их поле.

Экран потемнел.

Тони задумчиво сказал:

— Мы уже знаем нечто неизвестное им. Мы внутри силового поля, которое они называют стеной. И если ты находишься внутри его, то поле не убивает. Вот и объяснение грома прошлой ночью. Я уверен, что мы именно внутри, — и из-за эха, и из-за отсутствия живых существ. Даже насекомых. Они тоже эвакуировались.

Он побарабанил пальцами по ручке кресла. Затем встал и обошёл комнату, оглядывая её. Наконец он увидел то, что искал. Надпись ФОНЫ. Это было разумно. В любой библиотеке должны быть телефоны, и он нашёл их. Тони просмотрел лежащие рядом телефонные справочники. Позвонил в Чикаго. Нет ответа. Новый Орлеан. Нет ответа. Попытался дозвониться в Денвер. Ему ответил изумлённый голос. Очевидно он звонил оттуда, откуда не мог звонить ни один человек.

Он вступил в разговор очень осторожно. Не назвал себя. Описал условия внутри силового кокона. Закончил такими словами:

— Быть может, нам удастся отыскать достаточно глубокую речку и тогда вы сможете проплыть под водой и проникнуть сюда. Тогда вам легче будет действовать. Факт, что замкнутый объём рождает этот гром, может оказаться полезным для вас. Это всё, что я могу сообщить.

Голос затребовал более полной информации. И со-

общил, что по западному побережью все корабли были уже заполнены беженцами. Для других были построены плоты. Но всё, что можно было сделать, это отправить их в море и молить о хорошей погоде.

— Простите, — сказал Тони, — но я больше ничего не знаю. Если я что-либо узнаю, то немедленно сообщу.

Он поспешил обратно к Дугу, который почему-то виновато отпрянул от экрана.

— Ну как? — спросил Тони. — Выяснил? Я думаю, это не очень умно с твоей стороны. Но... Нет, мне тоже кое-что надо узнать.

Ему пришлось повозиться. Наконец на экране появилась старая и жёлтая газета. Голос прочитал:

— Хаустон. Техас. 23 января 1941 года. Сегодня в доме своей дочери скончалась миссис Елена Смит в возрасте 86 лет. Миссис Смит — последняя из уцелевших белых после нападения индейцев, которые долго осаждали Эдоб-Уолз в 1874 году. Она была единственной женщиной в этом сражении. Родилась в 1855 году, овдовела в семнадцать лет. Во время осады ей было девятнадцать лет. Двумя годами позже она вышла замуж за Джона Х.Смита, который скончался в 1923 году. У миссис Смит четыре сына, три дочери и двенадцать внуков.

На лице Ньюмена не дрогнул ни один мускул. Он нажал кнопку "Стоп".

— Что с этим поделаешь? — сказал он решительно. Затем, смягчившись, повернулся к Дугу.

— Дуг, а как ты применил свою неистребимую любознательность учёного? Что узнал? Женился ты на Мак-Грегор?

— Да.

Дуг явно стеснялся, ему было не по себе.

— У нас будет трое детей. Это не так уже плохо.

— И ты всё это знаешь заранее, — сказал Тони. — У тебя будут свои огорчения, но они не будут реальными, потому что ты каждый раз будешь знать, чем они кончатся. У тебя будут и большие победы, но, опять-таки, тебе придётся радоваться ещё до того, как они произойдут. Я мудрее.

И он угрюмо посмотрел на потухший экран. Затем отвернулся.

— Я записал координаты места приземления чужого корабля — сказал Тони. — Пойдём быстрее туда посмотрим

Из наушников донёлся счастливый голос Мак-Грегора:
— Я не буду больше волноваться, потому что с Дугом ничего не может случиться. И с ним ничего не случилось...

Она всё слышала.

Мужчины повели свою тележку из библиотеки. Почему-то им не пришло в голову выяснить, какой сейчас год, месяц и какое число.

Они направились к кораблю, который появился откуда-то из-за Сатурна и приземлился здесь. Был сильный ветер, а их платформа не была предназначена для полётов. Но ведь и кроличья упряжка не была предназначена для изучения местности. Но она им послужила. На горизонте виднелись только верхушки городских башен, когда Тони прервал молчание.

— Дуг, зачем индейцы хотели разрушить Эдоб-Уолз?

— А?

Дуг был так поглощён своими приятными мыслями, что очень удивился, услышав этот вопрос.

— Что ты имеешь?

— Белые были опасны им. И они стали сражаться, — сам себе ответил Тони. — А зачем эти пришельцы хотят уничтожить людей? Неужели по той же самой причине? Потому что люди им опасны?

Дуг нахмурился.

В ушах свистел ветер.

— Они не желают общаться с нами, — продолжал Ньюмен. — И может быть именно потому, что не желают допустить того, чтобы люди хоть что-нибудь узнали о них? А если узнают, то станут слишком опасны?

— А как считаешь ты, Энн? — спросил Дуг.

— Я не могу и не хочу сейчас ни о чём думать, Дуг.

Дуг смутился. Полёт продолжался. Через некоторое время Филиппс наклонился к лацкану пиджака и прошептал что-то в микрофон. И сразу сообразил, что Тони мог услышать, что он сказал. Кирк, Сэм Крейтон и сенатор Кларк тоже могли это слышать по акустической системе Туннеля. И Дуг смутился ещё больше.

Они летели ещё несколько часов. Наконец Мак-Грегор сказала:

— Дальше нельзя.

На горизонте виднелся огромный серебряный шар. Он был не менее трёхсот футов в диаметре.

— Ниже, — потребовал Тони. — Видимо, нужно приземляться.

Мак-Грегор послушно повела тележку вниз и опустила её у деревьев.

Корабль пришельцев, просвечивавший сквозь деревья, был совершенно чужд им. Сразу можно было сказать, что построен он не на Земле. Тони предупредил Энн и сошёл с платформы. Он подошёл к деревьям и стал рассматривать громадную сферу. Но это не было идеальным шаром, как вначале казалось. Вся поверхность сферы была равномерно покрыта множеством вогнутостей. Это выглядело, как воздушный шарик, из которого пытаются выпустить воздух, сдавив пальцами.

Никакого движения не было заметно. А их тележку мог увидеть простой наблюдатель, не говоря уже о радаре. Хотя о радаре ничего не говорилось в новостях библиотеки. Кроме того, радар вряд ли подошёл бы для космических путешествий. Тут нужно что-нибудь позэффективнее, например, сканирующая система, засекающая быстро движущиеся предметы. А такая система легко обнаружит самолёты или ракеты, но может не обратить никакого внимания на столь медленно приближающийся объект, как их машина.

— Да, вполне возможно, что их не засекли именно из-за небольшой скорости. А из этого следует ещё один вывод. Космический корабль, снабжённый такими детекторами, которые могли остановить и уничтожить ракеты с атомными боеголовками, безусловно, имел и столь же совершенную противометеоритную защиту. И, защищённый полем, корабль не нуждался в крепкой броне. Наоборот, для уменьшения веса наружные покрытия должны быть исключительно тонки. Это, несомненно, должно быть именно так.

Тони Ньюмен вернулся к машине времени. Погружённый в свои мысли, он споткнулся о камень. Ему стало больно, он сделал ещё три шага и остановился и рассеянно посмотрел на камень. Глаза его прояснились, и он внимательно огляделся в поисках других, более пригодных для его неожиданной и детской затеи.

Но все-таки взялся за тот самый камень, о который споткнулся. Камень оказался достаточно тяжёлым, и ему пришлось волочить его по земле до платформы. Добравшись до неё, Тони обратился к Энн.

— Послушай внимательно. Я хочу, чтобы ты точно запомнила показания счётчика высоты. Я возьму этот камень в машину, и я хочу, чтобы ты подняла её туда, куда

я тебе скажу. Затем я сброшу камень, но тебе придётся проследить, чтобы мы сразу ж не улетели к облакам. Ты сможешь это сделать?

— Раз уж с Дугом ничего не случится, то я попробую.

Тони втащил бульжник на платформу. По его указанию Мак-Грегор чуть передвинула ручки управления и подняла её в воздух.

— Куда?

Он указал направление. Должно быть телевизионная система Туннеля всё-таки давала различимую картину окружающего, в противном случае Мак-Грегор вряд ли повиновалась бы так легко. Но ей было не до этого. Машина пространства времени плавно повисла на высоте тысяча футов точно над тем местом, где лежал корабль пришельцев.

Никакого движения. Никто за ними не наблюдал. Это же не имело смысла: ни человек, ни зверь, ни птица, ни даже насекомое не могли находиться в этой зоне. Даже живой гусеницы не могло быть на расстоянии по меньшей мере тысячи миль от корабля.

В ярком свете солнца Тони сбросил камень весом в триста фунтов.

Когда камень начинал своё падение с высоты тысячи футов, скорость его была слишком мала, чтобы его засекли детекторы корабля. А когда скорость его возросла, он был уже слишком близок от корабля, чтобы рискнуть его уничтожить, не повредив сам корабль. И защита не сработала.

Камень ударил почти в самый центр верхней части корабля. И пробил корпус. Он оказался и в самом деле непрочным. Все предметы внутри шара наверняка тоже не были очень прочными так же, как и корпус, — для уменьшения веса.

Никто точно так и не узнал, как всё это произошло. Может быть, более поздние поколения людей встретят такой же корабль и изучат его после того, как расправятся с его экипажем. Тогда они смогут узнать, как было дело.

Из недр корабля внезапно вырвалось пламя. Может быть, это вспыхнуло горючее. Может быть, загорелся корпус корабля и внутреннее оборудование, сделанное, вероятно, из лёгких сплавов магния, пластиков и прочих лёгких материалов.

Раздался тяжёлый удар о землю. Затем Тони увидел,

как из корабля пытаются выбраться какие-то... фигуры. Он так и не разглядел их отчётливо, и они погибли в пламени, охватившем корабль...

Наконец Тони угрюмо спросил:

— Энн, ты можешь сейчас нас вернуть? Я думаю, вам есть о чём поговорить с Дугом.

И вот они очутились в Туннеле Времени. Они невероятно устали и пошли отдыхать. И в темноте Дугу пришлось, действительно, о многом поговорить с Мак-Грегор. Но она готова была вести такие разговоры с ним всю жизнь.

Тони давал детальные объяснения Кирку, Мак-Грегору, Саму Крейтону и сенатору Кларку. Кое-что он просто не мог объяснить, кое о чём он только догадывался. Но в целом картина получалась ясная.

— О путешествии во времени нам предстоит узнать ещё очень многое, — весело сказал Тони. — Но кое-какие знания могут оказаться вредными, например, знание будущего. Совершенно очевидно только одно: путешествиями в прошлое настоящее изменить нельзя! Мы не смогли! Но прошлое может заключать в себе элемент, который внёс в него путешественник из будущего. У нас есть доказательства этому. Сенатор Кларк — вот наше доказательство.

Сенатор кивнул. Он нетерпеливо ждал, когда Ньюмен кончит, чтобы что-то сказать, но что-то сказать можно было только после окончания речи Тони.

— Есть и другая странность, — продолжал Тони. — Было исключительно важным, чтобы Эдоб-Уолз не был разрушен. Нам сообщили всю информацию, которую только может дать история о происшедших событиях. Но ничего из того, о чём говорилось в документах, не могло произойти само по себе. И это мы сделали так, чтобы всё это произошло. Мы были причиной того, что сломалась поперечная балка.

Мы помогали в сражении... И ещё: нечто произошло в прошлом только потому, что вмешались путешественники из будущего...

Сенатор Кларк нетерпеливо заёрзал. В его руке был листок бумаги. Он хотел произнести речь.

— Но мы узнали и ещё кое-что, — сказал Тони. — Из прошлого можно попасть также и в будущее и даже повлиять на ход событий. Этот город будущего и корабль пришельцев... Мне кажется, что в том году, когда прибыл их корабль, Туннель Времени уже не существовал. Я

подозреваю, что он выполнил свою миссию. Он закончил свою работу, закрылся и уничтожил ключи, чтобы не открываться больше никогда.

Поэтому нам пришлось пойти туда и вмешаться. Но, может быть, это было известно, что мы вмешаемся, прежде, чем Туннель изжил себя. В конце концов, самое грандиозное во всей истории человечества было бы — завершить свою работу, а затем перестать работать.

Он глубоко вздохнул.

— И мне кажется, я в этом абсолютно прав, — уверенно продолжал он. — А когда корабль был уничтожен, генератор, создающий силовое поле-стену, — был уничтожен тоже. И опасность гибели землян была устранена. Можно предположить, что учёные кое-что обнаружили в остатках сгоревшего корабля. Может быть, новый тип космического двигателя, о котором никто раньше не подозревал.

Может быть, знания, которые продвинули науку на сотни лет вперёд. Но мы этого никогда не узнаем. По крайней мере — я. Я никогда больше не отправлюсь в прошлое, тем более в будущее...

Сенатор Кларк не мог больше ждать. Он вежливо ждал, пока путешественник закончит свою речь, но всё-таки он, сенатор, был очень важным человеком и крупной фигурой в конгрессе. И, сознавая важность момента, он начал авторитетным голосом:

— Я удовлетворён. Я хочу выразить своё восхищение тем, что было сделано. Я категорически ранее возражал против этого проекта. Но в некоторых аспектах мои убеждения...гм...гм...были поколеблены. А с другой стороны — теперь я вижу, что можно принимать необходимые меры предосторожности, чтобы избежать парадоксов. Но я должен сказать вам ещё кое-что.

Он сделал многозначительную паузу.

— Я обговариваю это с Президентом. Если только держать открытие Туннеля Времени в секрете, он станет самым замечательным достижением человечества. Благодаря ему мы сможем перемещаться или посылать что-либо в прошлое! И сможем вернуться в настоящее, когда захотим.

Он опять остановился и многозначительно промолчал.

Мак-Грегор слушала его с каким-то странным выражением на лице.

— Исходя из ситуации, когда, допустим, дипломатические отношения достигнут критической точки, и бу-

дет грозить атомная война без предупреждения, — авторитетно заявил сенатор. — Без Туннеля мы не сможем сделать ничего, кроме, разве, предупреждения этой атаки и уничтожения врага прежде, чем он начнёт действовать. Но он может предупредить нас и напасть первым. Поэтому первыми должны быть мы...

— Мне кажется, что все мы уже поняли, в чём дело, — вежливо сказал Дуг. — Но что из этого следует?

— Туннель Времени, — с триумфом сказал сенатор, — может послать человека на пятьсот лет назад. Через Атлантический океан! Через Тихий океан! В любое место Земли, где у нас есть враг! Кроме того, он сможет перенести нас в настоящее в самое потайное, самое секретное, самое неуязвимое место противника. Например, в место, где хранятся атомные боеприпасы. И их можно обезвредить, скажем, поменяв. Это вам понятно?

Тони кивнул головой. Но выглядел он несколько растерянно.

С ещё большим пафосом сенатор сказал:

— С этого момента ни один Гитлер на свете не сможет получить полной власти. Туннель Времени остановит его, или другого опасного человека от того, чтобы начать войну и приносить в жертву миллионы человеческих жизней. Туннель сделает всё это. Но им нужно будет пользоваться исключительно осторожно. Если только заподозрят о его существовании, то нас будут ненавидеть так, как до сих пор не ненавидели ни один народ. Но если только никто не заподозрит о его существовании, Туннель Времени позволит контролировать и направлять все мировые события, так что вся планета одновременно будет действовать, как одно целое, в интересах человечества.

Он замолчал.

И все в смущении тоже молчали.

Затем Тони неуверенно сказал:

— Но... сенатор, как вы думаете, для чего мы вообще построили Туннель Времени? И о чём же ещё могли мы думать?

